

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

А. М. Сафронова

В. Н. Татищев как выдающийся
деятель просвещения в России
первой половины XVIII в.:
к 330-летию со дня рождения

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

ББК ТЗ(235.554)–7
УДК 94(470.5)
С 218

- Сафронова А. М.**
С 218 В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 319 с.
ISBN 978-5-7996-1982-4

В книгу доктора исторических наук, профессора кафедры архивоведения и истории государственного управления УрФУ А. М. Сафроновой вошли работы, посвященные деятельности выдающегося представителя просвещения России первой половины XVIII в. Василия Никитича Татищева. В них раскрывается вклад В. Н. Татищева, возглавлявшего горнозаводскую промышленность Урала в 1720—1722 и 1734—1739 гг., в формирование и развитие сети словесных и арифметических школ при заводах, в распространение детской грамотности, организацию первых в регионе иноязычных школ — немецкой и латинской, первой школы рисования. Рассматривается вклад В. Н. Татищева в развитие теории и методики обучения, воспитания подрастающего поколения. Анализируются проекты В. Н. Татищева по развитию учебных заведений в России и повышению грамотности населения, которые ему не удалось претворить в жизнь.

Книга углубляет наши представления о В. Н. Татищеве как деятеле просвещения и будет полезна научным работникам, преподавателям, студентам, всем, кто интересуется историей культуры и просвещения России и Урала, многогранной деятельностью В. Н. Татищева.

ББК ТЗ(235.554)–7
УДК 94(470.5)

© Сафронова А. М., 2016

ISBN 978-5-7996-1982-4

Несколько слов к любезному читателю

Мы познакомились с Алевтиной Михайловной Сафроновой во времена, когда мы обе уже закончили работу над нашими кандидатскими диссертациями, но еще только собирались их защищать, это были времена уже зрелой, но все еще — молодости. Она была стройной, миловидной, при этом — очень энергичной, работоспособной и увлеченной темой истории образования исследовательницей, приехавшей в Москву с Урала на стажировку в МГИАИ. Алевтина Михайловна была практикующим историком — любила работать с источниками по истории школы, знала их досконально, умела осуществлять архивные разыскания. И когда она пришла просто познакомиться с коллегами к нам в Лабораторию дореволюционной истории школы и образования Института теории и истории педагогики, все поняли, что ее нам Бог послал: шла работа над подготовкой монографии «Источниковедение истории дореволюционной школы России» под руководством Э. Д. Днепров, он искал и не мог найти автора для главы про источники XVIII в. Никто не подошел бы лучше Алевтины Михайловны.

И она написала главу, в которой дала обстоятельную характеристику законодательства о школах, архивных документов, отложившихся в РГАДА, РГИА, РГВИА и других архивах; материалов, опубликованных членами научных экспедиций; публицистики, статистики, материалов периодической печати, мемуаров и дневников. Но, увы, подготовленная монография тогда не увидела свет — в стране началась перестройка, возможности оказались

утрачены, планы поменялись. Отложенная в стол, монография все же вышла — 30 лет спустя. Устарела? Нет. За это время ни одной подобной работы предпринято не было.

Мы с Алевтиной Михайловной потеряли связь друг с другом на долгие годы, пока судьба снова не свела нас — уже прошедших большую часть своего научно-исследовательского пути. Тем не менее оставалось ясным, что работу свою она не бросает: статьи А. М. Сафроновой постоянно появлялись в разных изданиях и сейчас их уже около двухсот. По ним было отчетливо видно, как под ее пером выстраивается фундаментальный исторический труд, формируется собственная концепция.

Постепенно обнаруживался и другой феномен, не так часто встречающийся среди историков-исследователей, но обычно приносящий хорошие результаты: приверженность к изучению выдающейся персоны прошлого, которая проносится через всю жизнь. Ее героем стал Василий Никитич Татищев — человек необыкновенных дарований, сочетавшихся с целеустремленностью и твердостью характера, человек, живший не для себя, а для блага России. Вероятно, не было такой области знаний, такой государственной проблемы, которые бы прошли мимо внимания Татищева, и на все он имел свое мнение и высказывал его. Оценить и изучить его деятельность с достаточной степенью подробности любому исследователю окажется не под силу, даже если он положит на это всю свою жизнь.

Алевтина Михайловна не случайно избрала одну, но главную сторону его разнообразной деятельности, а именно — в сфере просвещения. И, несмотря на то, что большинство работ о Татищеве и по сей день сконцентрировано на загадках его исторических штудий, именно его педагогическая мысль и активная деятельность по открытию школ являлась для самого Татищева наиболее важной. Ведь он был человеком эпохи Просвещения, а именно в эту эпоху вера в то, что правильное образование и воспитание детей

смогут изменить мир, создать «новую породу» людей, главенствовала над всеми другими идеями, придуманными на благо человечества.

«Педагогика может сделать все», — утверждал Гельвеций, и его уверенность разделяли его современники, в том числе и Татищев. Именно поэтому он тратил так много времени и сил на создание горнозаводских школ, на формирование в Екатеринбурге уникального по составу книжного собрания горного ведомства, школьных библиотек, на пропаганду научных знаний. Без учения, писал Татищев, «человек не знает, что (есть — О. К.) пристойность, благонравие, благочестие, должность и преимущество, не дает ему смысла рассуждать, в чем его собственная и отечества польза или вред, и так едину глупую спесь, чванство, коварство, ябеды, злость и хисчение за высшую мудрость почитают...»¹.

Как показывают исследования А. М. Сафроновой, Татищев подходил к организации горнозаводских школ, где учились дети, собранные с заводских поселков и прилегающих к ним слобод, с исключительным вниманием. Он впервые в истории России изложил программу соединения общего образования с профессиональным обучением ремеслам. В книге рассказывается о попытках Татищева ввести в начальное обучение детей не только грамотность, но и арифметику, рисование, музыку, пение, иностранные языки, историю; дать наиболее способным учащимся специальные знания — по механике, маркшейдерству, геодезии, пробирному, инструментальному делу и др.

Татищев стремился охватить школьным обучением как можно более широкий круг детей, его стремление заставить даже детей духовенства, наиболее образованного слоя российского населения, также получать светское образование достойно восхищения. Обу-

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения Л., 1979. С. 386.

чение для Татищева было накрепко связано и с процессом воспитания. Написанные им уставы для горнозаводских школ несравнимы по своему гуманному отношению к детям с уставами, написанными Феофаном Прокоповичем для духовных училищ. Если Феофан для любого проступка ученика равно определял чинить жестокое наказание (т. е. порку) и не надеяться ни на какие оправдания, то Татищев подходил к вопросу о наказаниях индивидуально: «ленивых наказывать, однакож не столько битьем, как другими обстоятельством, а наипаче чтоб более стыдом, нежели скорбию, яко стоя у дверей, привязану к скамье и на земли сидя кому учиться, или неколико часов излишнее пред другими в школе удержать. И если такие наказания жестокосердому недостаточны, тогда биением по рукам или лехкою плетью по спине, токмо того весьма хранишься, чтоб часто не бить...». Василий Никитич первый приходит к мысли о том, что битье есть не единственный способ наказания за детские проступки, и внедряет ее в школьную повседневность.

К сожалению, В. Н. Татищеву, впрочем, как и каждому из реформаторов, не удалось провести все задуманное в жизнь. Но его размышления не канули в Лету — они вернулись к нам благодаря публикациям А. М. Сафроновой.

Книги А. М. Сафроновой далеки от узкого источниковедения и кропотливого собирательства материалов о библиотеках раннего Екатеринбурга. Они обоснованно раскрывают очень важный и, на мой взгляд, не воспринятый еще ученым миром в должной степени концепт. Из того «окна», которое Петр прорубил в Европу, ветер просвещения задул прямо на Урал. На этот только начавший осваиваться удаленный от центра район, где трудами мастеровых и работных людей из недр гор добывалась руда и плавился металл.

Горнозаводской Урал, как это утверждает и обосновывает автор книги, стал одним из крупнейших центров школьного образования в России первой половины XVIII в. Парадокс?

Нет, утверждает А. М. Сафронова, это определялось как объективными, так и субъективными факторами, и в число последних, безусловно, входит подвижническая просветительская деятельность Татищева. Да, так бывает, что периферия в каких-то областях обгоняет центр страны, но это остается как-то незамеченным, ведь это же — периферия. А. М. Сафронова заставляет нас этот факт заметить. Даже и сейчас — приезжайте в Екатеринбург — и вы почувствуете силу культуры этого города, ощутите, как здесь продолжает витать дух Просвещения.

И вот в этом году у Василия Никитича Татищева — юбилей, и у его исследователя Алевтины Михайловны Сафроновой тоже — юбилей! Она ему дарит свою очередную книгу «В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.». А что дарит ей он — это известно только ей самой. Читайте, читайте, и стар, и млад, и сочинения самого Василия Никитича, и книги о нем разных авторов, в том числе, конечно же, А. М. Сафроновой, и да воздастся им сторицей за их труды на благо просвещения!

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела исторической
антропологии и истории повседневности
Института всеобщей истории РАН
Ольга Евгеньевна Кошелева

ГОРНОЗАВОДСКИЕ ШКОЛЫ УРАЛА КАК ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.*

К сожалению, приходится констатировать, что прошлое российской школы до сих пор изучается без выяснения видовой, региональной специфики тех или иных учебных заведений. Рассмотрение истории первых горнозаводских школ Урала на фоне других ведомственных школ страны позволяет, на наш взгляд, отнести их деятельность к выдающимся явлениям истории культуры не только уральского края, но и всей провинциальной России.

При заводах горного ведомства в других краях в первой половине XVIII в. были открыты единичные школы: на Олонецких — при Петровском заводе (1716 г.), в Сибири — при одном из заводов Томско-Кузнецкого, Красноярского и Нерчинского горных начальств в 30-е гг. XVIII в. (при Нерчинском заводе школа действовала и в 20-е гг.). На Урале первые 5—6 школ появились в 1721 г. — при Уктусском заводе словесная и арифметическая, в городе Кунгуре — арифметическая, при Алапаевском заводе и двух или трех приписных слободах — словесные. С 1725 по 1734 гг. действовали лишь словесная и арифметическая школы в Екатеринбурге. С 1735 г. начался бурный рост словесных школ и в 1741 г. они имелись в Кунгуре и при 12-ти заводах — Екатеринбургском, Уктусском, Верх-Исетском, Алапаевском, Сысертском, Каменском, Лялинском, Полевском, Егошихинском, Пыскорском, Кушвинском, Северском. При всех заводах, кроме двух последних, наряду со словесными появились и арифметические школы, в Екатеринбурге еще и немецкая,

* Ранее в сокращенном варианте опубликовано в кн.: Урал в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 24—25 февр. 1998. Екатеринбург: УрО РАН, Урал. гуманитарный ин-т, 1998. Ч. II. С. 34—37.

латинская, знаменованная (школа рисования). Всего на горнозаводском Урале в 1741 г. было 27 школ. Кроме того в Екатеринбурге с 1735 г. начали действовать школы пения, механики, геодезии, чертежная или «геометрическая», которые не входили в число официальных учебных заведений, но в них обучали способных детей пению, готовили специалистов-чертежников, механиков, геодезистов¹. Большинство детей стало обучаться по месту жительства, что было большой редкостью для того времени.

Ни одно ведомство России в первой половине XVIII в. не открыло на сравнительно небольшой территории такого количества учебных заведений. Лишь духовные власти в какой-то мере могли соперничать с действиями уральской горной администрации — в Новгородской епархии в 20-х гг. XVIII в. школы для обучения грамоте детей духовенства были открыты в 15 населенных пунктах епархии (Валдай, Русса, Олонец, Каргополь, Великие Луки, Юрьев и др.)². На Камчатке к середине XVIII в. появилось 20 миссионерских школ, в которых детей ительменов, забранных у родителей, не знавших русского языка, обучали грамоте и основам христианского вероучения. Но трудно согласиться с мнением А. Г. Базанова, что на этом основании «в середине XVIII века в отношении образования Камчатка выглядела самым культурным, самым образованным уголком Российской империи»³.

Преобразование Урала в один из крупнейших центров школьного образования в России первой половины XVIII в. определялось как объективными, так и субъективными факторами — здесь формировался главный металлургический центр страны, а на посту начальника казенных заводов в 1720—1722 гг., 1734—1739 гг. находился выдающийся администратор, ученый В. Н. Татищев, считавший умопросвещение народа одной из главных движущих сил прогресса

¹ Кроме того, в Екатеринбурге с 1735 г. начали действовать школы пения, механики, геодезии, чертежная или «геометрическая», которые не входили в число официальных учебных заведений, но в них осуществлялось профессиональное обучение, шла подготовка специалистов.

² Прилежаев Е. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877, март-апрель. С. 333—353.

³ См.: Базанов А. Г. Школы на Камчатке в XVIII веке // Советский Север. Л., 1939. Т. 2. С. 177, 179—182.

в стране. Соединение этих двух факторов и дало столь внушительный результат.

В школы, действовавшие при казенных заводах Урала, забирались для обучения дети и с близлежащих предприятий, где школ не было: с Елизаветского — в Уктусскую, с Мотовилихинского, Юговского — в Егошихинскую, с Висимского — в Пыскорскую, с Синячихинского и Сусанского — в Алапаевскую, с Верхне-Туринского — в Кушвинскую, с Северского — в Полевскую (до 1741 г., пока там школа не появилась), поэтому можно говорить, что к школьному обучению в 30-е гг. XVIII в. были привлечены дети, проживавшие на всех казенных заводах, за исключением Сылвенского, начавшего действовать в 1739 г. Но отцы, при переводе туда на работы, забирая с собой детей, обещали их «чтоб выученного иззабыть не могли... доучивать из своего кошта» (четверо подмастерьев Екатеринбургского завода, 1738); учить «из своего кошта словесному и писать» (мастер Сылвенского завода, 1742)¹.

Одна из особенностей горнозаводских школ Урала заключалась в том, что они давали образование не только детям мастеров, подмастерьев, работников и заводских учеников; канцеляристов, подканцеляристов, копиистов канцелярий и многочисленных заводских контор. Обучение в них объявлялось обязательным для детей священно- и церковнослужителей. В 1720 г. их прием в горнозаводские школы санкционировала Берг-коллегия, заинтересованная в расширении круга грамотных людей при заводах². Как показывают опубликованные нами документы, даже летом 1723 г., несмотря на появление Духовного регламента и указов 1721—1722 гг., Татищев вел настоящую войну с кунгурским протопопом и вятским епископом за детей священно- и церковнослужителей, на протяжении трех лет отлынивающих от обучения в Вятской епархиальной школе, требовал их «поставить» в Кунгурскую арифметическую³. Дети духовенства

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л. 304; Д. 952. Л. 86.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 184.

³ См.: *Татищев В. Н.* Записки. Письма 1717—1750 гг. М., 1990. С. 66—69.

обучались и в школах при Уктусском (1721—1725), Алапаевском заводах (1721—1724), благо тобольские епархиальные власти были далеко и начали борьбу за своих чад только с лета 1724 г.¹

Несмотря на то, что именной инструкцией 1734 г. Татищеву разрешалось принимать в школы детей лишь не служащего духовенства, он и во второй период руководства заводами продолжал рассматривать служителей культа на территории заводского ведомства как часть подвластного горнозаводского населения. Поэтому своей волей объявил обязательным обучение в горнозаводских школах детей духовенства сначала грамоте, потом — латинскому языку и прочим наукам в латинской школе Екатеринбурга. Только после освобождения Татищева от руководства заводами, в 1740 г., Синоду и Генерал-берг-директориуму совместными усилиями удалось покончить с этой практикой².

С 1726 г. в ведение горных властей были переданы дети драгун и солдат, проживавших на подведомственной территории, в связи с этим они стали обучаться в горнозаводских школах и составлять определенную часть учащихся³. С 1735 г. школы при казенных заводах стали центром обязательного обучения для детей солдат, канониров тех воинских подразделений, которые были расквартированы на территории заводского ведомства, а здесь имелись две пехотные роты Сибирского полка и артиллерийская команда общей численностью более 300 человек. Если в конце 20-х — первой половине 30-х гг. в школах обучалось от двух до пяти детей служилых чинов, то в 1735 г. числилось 36 солдатских детей, в 1736-м — 52, 1740 — 40, 1746 — 60, не считая осиротевших, которые фигурировали в школьных ведомостях как сироты. Горнозаводские школы заменили для детей солдат на территории заводского ведомства школы

¹ См.: Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 20-е гг. XVIII в.: политика властей // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Вып. 7. С. 59—75.

² См.: Она же. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С. 71—99.

³ См.: Она же. Первые школы Екатеринбурга (1724—1734): К 275-летию основания. Екатеринбург, 2000. С. 28—41.

гарнизонные, которые далеко не полно охватывали детей своего ведомства обучением, не смотря на целую серию именных и сенатских указов¹.

С 1735 г. в горнозаводские школы стали забирались все дети дворян и управляющих казенными заводами, горных офицеров, проживающих на территории горного ведомства, которые ранее обучались на дому. Привлекались недоросли и с прилегающих территорий Западной Сибири — из Тобольска, из расквартированных в Сибири полков. Эти дети составили ядро арифметической и немецкой школ Екатеринбурга, из них формировали элиту для пополнения горной администрации. Ранее для этого приходилось требовать выпускников-дворян из столичных школ.

По желанию отцов в школы принимались дети приписных крестьян и разночинцев. Сравнение переписей детей, проводившихся по заводам в 1734— начале 1740-х гг., со списками зачисленных в учебные заведения позволяет говорить о почти 100% охвате школьным обучением детей в заводских поселениях в возрасте 7—15 лет (кроме больных и детей ссыльнопоселенцев), благодаря чему поколение горнозаводского населения, родившееся в 1725—1735 гг., стало почти поголовно грамотным. Такой всплеск детской грамотности можно считать уникальным явлением для России первой половины XVIII в.

Горнозаводское ведомство располагало хорошей управленческой структурой — сетью горных начальств, подчиненных им контор, которые постоянно и тщательно проводили переписи детей, подлежащих обучению, буквально «вылизывали» подведомственную территорию не раз в году, привлекая и земские органы, успешно «отлавливали» беглых учеников, доставляли в школы детей, желавших продлить пребывание в родных домах после болезни, каникул и возвращали их на школьную скамью. Все эти меры не позволяли ученикам прерывать занятия. Столь строгий подход к выполнению провозглашенных правил, хотя и тоталитарного характера, не учитывавший порой интересы семьи, также способствовал вовлечению широких слоев подрастающего поколения в образовательный процесс и не давал им выключиться из него.

¹ См.: ПСЗ—1 Собр. СПб., 1830. Т. 8. № 6188; Т. 9. № 6721, 6767, 7082, 7115 и др.

В 1735 г. Татищев предпринял попытку, опять-таки впервые в России, обязать и владельцев частных заводов к открытию школ, ввел положение об этом в законопроект горного законодательства. Если учесть, что на Урале в 1735 г. действовало 25 частных заводов, а грамотными при них, судя по переписям детей, были единицы, это нововведение имело бы огромное значение в плане распространения грамотности, но верховная власть пошла навстречу просьбе А. Демидова, владельца 12 заводов, и запретило принуждать заводчиков к открытию школ.

В начале 20-х гг. XVIII в. на Урале была сделана и беспрецедентная для России попытка привлечь в школы детей приписных к заводам крестьян. В 1721—1722 гг. предпринимались активные шаги по открытию школ в приписных к заводам слободах, в 1722 г. Татищев обязал заводского комиссара закупить на мирские деньги хотя бы по 10 книг к каждой церкви, а попам — обучать крестьянских мальчиков читать. И хотя эти настояния вскоре прекратились, дети крестьян, как уже отмечалось, принимались в школы при заводах по желанию их отцов.

За счет расширения сети школ и привлечения в них детей солдат, духовенства число школьников на горнозаводском Урале увеличилось со 108 в 1734 г. до 573 — в 1735 -м., 741 — в 1736-м, 777 — в 1737 г. На 1739 г. пришелся пик в численности обучавшихся — 791 человек.

С 1721 г. в школах стал вводиться институт казенного жалованья: сиротам и «у кого отцы убогие и пропитать детей своих не могут» (с окладами до 10 руб. в год) полагалось «муки ржаной по полтора пуда на месяц или вместо муки деньгами против покупной цены, да в год на платье по рублю человеку». Для поощрения обучения арифметике начинавшим учить «тройное правило» жалованье давалось независимо от окладов отцов. По Наказу заводскому комиссару Ф. Неклюдову 1723 г. жалованье стало даваться детям, чьи отцы получали в год до 12 руб., и «иногородним», «которые взяты будут с других заводов и из слобод панемарские, дьячковы, молодых подьячих, подмастерския и протчих нижайших чинов». В 1726 г. в число

получающих жалование были введены дети подмастерьев, заводских работников, некоторых мастеров, увеличились размеры жалования¹.

В феврале 1735 г. по инициативе Татищева был расширен круг получающих жалование: оно полагалось учащимся, чьи отцы получали в год менее 25 руб., проживающим вдали от родителей — независимо от окладов отцов. Размеры жалования устанавливались в зависимости от ступени обучения: обучающимся в словесной школе — 3 руб. в год; арифметической, латинской и немецкой — 4 руб.; обучающимся чертежам и фортификации — 5 руб.; архитектуре и механике — 6 руб. в год. Из числа получающих жалование исключались дети духовного сословия, воспользовавшиеся им должны были по окончании школы остаться в заводском ведомстве. В 1737 г. из 654 учащихся жалование стали получать 464 человека или почти 70 % школьников². Хотя суммы жалования были невысокими, они стимулировали родителей к отдаче детей в школы. К тому же все учебные пособия выдавались учащимся бесплатно (только с 1749 г. по требованию Берг-коллегии книги для обучения грамоте — азбуки, часословы, псалтири, буквари — стали выдаваться за плату)³.

Не удивительно, что горнозаводские школы стали пользоваться популярностью среди населения. Если в феврале 1722 г. уктусские мастеровые подали коллективное прошение «о не спрашивании их детей в школы»⁴, то постепенно родители начали осознавать, что школьное обучение способствует лучшему будущему их детей, дает возможность «выйти в люди». Достоверным показателем таких изменений в сознании родителей, их одобрительного отношения к школьному обучению явились их многочисленные прошения о приеме детей в школы со ссылкой, что сын «пришел в возраст»,

¹ См. подробнее: *Сафронова А. М.* Казенное жалование учащихся горнозаводских школ Урала начала XVIII в. // Народное образование на Урале в XVIII — нач. XX в.: Сб. науч. трудов. Свердловск, 1990. С. 30—38.

² См.: *Нечаев Н. В.* Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 62.

³ См.: *Сафронова А. М.* Книжные собрания словесных школ горнозаводского Урала (1721—1750 гг.) // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1994. С. 115—149.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 238.

другие дети уже обучаются наукам, и как бы «ему не остаться втуне»¹.

Родители стали требовать открытия школ при своих заводах, чтобы не отправлять детей в школы, действующие при других предприятиях. Так, в 1738 г. мастеровые и работные люди Лялинского завода, узнав «что на Алапаевской завод из Екатеринбургa прислан для обучения арифметике особливой учитель», постановили: «требовать такого учителя и на Лялю». В 1741 г. родители 14 детей с Суванского завода, назначенных к отсылке в словесную школу на Алапаевский завод, просили открыть школу по месту жительства. В 1748 г. об этом же просили мастеровые Северского завода, отсылавшие своих детей в школу на Полевской завод. В 1748 г. работники Сысертского завода обратились с прошением о восстановлении у них словесной и арифметической школ, закрытых в 1742 г. из-за перерасхода штатных сумм. Их детей никто уже не обязывал учиться, но родители сами осознавали пользу обучения и просили прислать учителя, соглашаясь содержать его за свой счет².

Широта задуманных В. Н. Татищевым планов по открытию школ явилась одной из причин установления постоянных контактов уральской администрации и лично Татищева с Академией наук. К ней обращались с просьбами о подыскании учителей в немецкую, латинскую, знаменованную школы; о высылке книг для иноязычных школ, об изготовлении чертежных, маркшейдерских и геодезических инструментов. В 1735 г. четверо юношей из Екатеринбургa были отправлены в Академию наук для обучения в гимназии, двое выпускников школ обучались инструментальному делу, чтобы по возвращении наладить изготовление инструментов на Урале, столь нужных заводам.

Благодаря инициативе и личному участию В. Н. Татищева в Екатеринбургe при Канцелярии Главного правления Уральских

¹ См.: Сафронова А. М. Прошения о приеме в горнозаводские школы как источник по истории демократической культуры Урала первой половины XVIII в. // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX в.): Межвуз. сб науч. трудов. Пермь, 1986. С. 3—12.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л. 233; Д. 907. Л. 399—400; Оп. 12. Д. 50. Л. 503 об.; Д. 380. Л. 206.

и Сибирских заводов в кратчайшие сроки (1734—1739) была сформирована уникальная библиотека, ставшая одной из самых крупных в провинциальной России. Для нее были приобретены почти все новейшие издания Академии наук, книги на немецком, латинском и других языках, лучшие западноевропейские издания по металлургии, горному делу, пробе руд, механике, химии, физике, математике, медицине, истории, географии и другим наукам (838 изданий, в т. ч. 520 на иностранных языках). В 1737 г. Татищев передал в Екатеринбургскую библиотеку свое книжное собрание, являвшееся одним из крупных и ценных частных собраний России (781 книга, в т. ч. 714 на русском языке). Эти книги активно использовались специалистами, учителями, которые брали их не только для личного пользования, но и для обучения своих учеников. Судя по документам 1740 г. среди читателей-должников библиотеки числилось 25 человек, взявших в 1737—1739 гг. 145 книг и не возвращавших их, несмотря на напоминания библиотекаря¹. Были сформированы и школьные библиотеки, большое книжное собрание имели иноязычные школы — 298 книг, Екатеринбургская словесная школа имела около 200—250 книг.

Автором важнейших нормативных документов, регламентировавших деятельность школ, являлся сам В. Н. Татищев, благодаря этому в школах использовались передовые для того времени инструкции, в которых помимо вопросов организации школьного обучения значительное место отводилось вопросу о роли учителя в жизни учеников, формулировались требования к его личности, излагалась программа нравственного воспитания школьников, привития им правил хорошего поведения, гигиены, предлагались меры поощрения учащихся и т. д. Повсеместно распространенная в России методика последовательного обучения чтению, письму, арифметике была отвергнута Татищевым, и в целях ускоренного обучения в 1736 г. предложена новая для того времени методика параллельного обучения чтению и письму, письму и арифметике. Была сделана попытка ввести расписание занятий по часам.

В инструкциях 1723, 1736 гг. Татищев впервые в истории России изложил программу соединения общего образования с профессио-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321.Л. 222—226 об., 230 об., 236.

нальным обучением ремеслам на школьной скамье, при этом сформулировал четыре важнейших принципа профессионального обучения, используемых и поныне — ведение практических занятий на определенной стадии профессиональной подготовки, установление по возможности тесных взаимосвязей между школьными и практическими занятиями, учет склонностей и физических возможностей детей при определении к ремеслам, использование таких методов заинтересованности в обучении, как введение оплаты ученического труда, преимущественного распределения учащихся на вакантные места.

В 1753—1755 гг. Колывано-Воскресенское горное начальство трижды просило выслать нормативные документы, регламентирующие деятельность уральских школ, на Алтай в связи с организацией при заводах Кабинета подобных школ. В 1755 г. туда были отправлены 5 документов. Возможно, передовая методика, предложенная Татищевым, нашла свое применение и в деятельности этих учебных заведений.

Благодаря тому, что в горнозаводских школах Урала в первой половине XVIII в. прошли обучение более тысячи человек, были укомплектованы места делопроизводителей в самой Канцелярии, десятках заводских контор. Подготовлены ученики плотинного, доменного, фурмового, котельного, монетного дела и др. Выпускники школ стали первыми уральскими маркшейдерами, механиками, пробирерами, инструментальщиками, камнерезами, фельдшерами, переводчиками, бухгалтерами. Пройдя выучку у мастеров-иностранцев, выпускников столичных школ, присланных на Урал, они сами стали обучать последующие поколения молодых уральцев, составили ядро квалифицированных специалистов заводов Сибири, заполняли вакантные места специалистов и при самой Берг-коллегии.

По заданию академика И. Гмелина с 1734 г. в Екатеринбурге стали вестись постоянные метеорологические наблюдения, которые в следующем году были поручены учителям, а затем и учащимся Екатеринбургской арифметической школы, отмененные лишь в 1747 г. Учитель латинской школы К. Кондратович переводил уникальные источники для написания многотомной «Истории Российской» Татищева, составлял словари татарского, чувашского, черемисского, удмуртского языков и манси.

Политика расширения сети школ и числа учащихся в них уже в 1737 г. пришла в противоречие с жесткими нормами заводских штатов — за счет приглашения дорогостоящих учителей, покупки книг, выплаты жалованья ученикам на школы было израсходовано почти в два раза больше средств, чем полагалось. В мае 1738 г. констатировалось, что вместо 1 500 руб., положенных на школы штатами 1735 г., израсходовано 3 356 руб. 3 $\frac{1}{4}$ коп.¹ Несмотря на внесенные в апреле 1742 г. поправки в новый штат 1737 г., уменьшившие расходы на 1 480 руб., вместо полагавшейся годовой суммы в 1 576 руб., в 1742 г. на школы было израсходовано 2 015 руб. в связи с необходимостью содержать на жалованье 392 ученика. Перерасход грозил быть хроническим. Поэтому члены Канцелярии постановили: школы оставить лишь при Екатеринбургском, Полевском, Алапаевском и Егошихинском заводах, т. е. в четырех центрах, на сэкономленные суммы содержать на жалованье лишь сирот и детей отставных от дел, разночинцев и солдат, т. е. наименее обеспеченных слоев населения². Дети же мастеровых, составлявшие основной контингент школ, и прочих слоев населения могли обучаться по желанию отцов, но без казенного жалованья.

Резкое сокращение сети школ привело к тому, что число учащихся в них уменьшилось в два раза. В 1746 г. в школах числилось 302 ученика, а вне их — 834 человека в возрасте от 5 до 16 лет, т. е. в 2,5 раза больше, если не принимать в расчет детей 5 — 6 лет. Нежелание Берг-коллегии утвердить предложения уральской администрации по реорганизации школ 1748 г. на протяжении 1750-х гг. так и не позволило им подняться на новую ступень развития, а передача казенных заводов в 1754—1759 гг. в частные руки, за исключением Екатеринбургского и Каменского, покончила с этим окончательно. Во второй половине XVIII в. главный центр школьного обучения переместился в Сибирь, где особенно успешно развивались школы при Алтайских заводах.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л. 739.

² Там же. Оп. 12. Д. 308. Л. 85—91.

**ДОКУМЕНТЫ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
В. Н. ТАТИЩЕВЫМ ШКОЛ В СЛОБОДАХ
ПРИ ГОРНЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА
В 20-х гг. XVIII в.***

Горнозаводские школы Урала занимают особое место в истории культурного прошлого не только нашего края, но и всей страны. Возникшие в условиях Петровских реформ для обслуживания нужд развивающейся уральской промышленности, они очень скоро превратились в самый крупный вид государственных учебных заведений на Урале с демократическим составом учащихся, в них впервые в России была сделана попытка соединить общее образование с профессиональным трудом, вводилась передовая для того времени методика преподавания. Обнаруженные нами архивные документы позволяют выделить еще один своеобразный аспект их истории — попытку открытия школ не только при действующих заводах — для детей заводских жителей, но и в прилегающих к ним слободах и привлечь в них детей крестьян.

Хорошо известно, что правительство и правящие классы в XVIII в. отрицательно относились к вопросу крестьянского образования. Для крестьянских детей не создавалось отдельных школ, ни один законодательный акт не включал их в состав учащихся какого-либо учебного заведения. Лишь наиболее передовые деятели того времени ставили вопрос о необходимости обучения крестьянских детей — этого основного класса феодального общества. Среди них был и В. Н. Татищев, видный просветитель и государственный деятель первой половины XVIII в. В сочинении «Краткие экономические до деревни следующие записки» В. Н. Татищев предлагал: «Крестьянских ребят от 5 до 10 лет учить грамоте и писать как мужеск и женск

* Ранее опубликовано в кн.: Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма / Отв. ред. д-р ист. наук Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1986. С. 70—80.

пол, через что оные придут в познание закона, а от 10 до 15-ти учить разным художествам: кузнечному, колесному, бочарному... портному, сапожному и всему тому подобному», «особливо зимою оные могут без тяжкой работы получить свои интересы; и в том к тому их принуждать и обучать надлежит»¹.

Ратуя за крестьянское образование, В. Н. Татищев, безусловно, оставался верным сыном своего класса — обучение крестьян он рассматривал как один из способов, помогающих лучшей организации крепостного труда. Тем не менее, взгляды его на крестьянское образование были прогрессивными. Важно, что Татищев в этом вопросе выступал не только как теоретик, но и как практик. Занимая в 1720—1722 гг. пост начальника казенных заводов Урала, он стал инициатором создания школ в приписных к заводам слободах и привлечения в них крестьянских детей.

Об организации школ в уральских слободах имеются некоторые сведения в литературе. Первые данные о них привел Н. К. Чупин в статье, посвященной деятельности В. Н. Татищева на Урале в 1720—1722 гг. Он писал, что «Татищев старался о распространении грамотности и между приписными к заводам крестьянами. Приказал устроить в слободах особые избы для школ и требовал, чтобы священники и причетники учили читать, писать и закону божью хотя по 10 крестьянских мальчиков в каждой слободе»².

Н. К. Чупин опубликовал извлечение из приговора В. Н. Татищева от 26 июня 1721 г. на жалобы приписных к Алапаевскому заводу крестьян: «Объявить крестьянам, что жалобы их на прикащиков многия в разных обидах некоторые уже исследованы и прикащики за то наказаны. Однако же мужикам одним управиться невозможно, також в сборах денежных и работах заводских, за незнанием письма, нужда им поверить подьячим, которые уже обыкли в шалостях, и в том крестьянам может быть тяжчайшая обида. Того ради велеть лучшим мужикам детей своих грамоте обучать, хотя б читать умели, дабы их подьячие не так могли обманывать. И в том их обнадежить, что оные обученные в солдаты и в заводскую службу никогда взяты не будут, но всегда останутся в слободском управлении»³.

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 405—406.

² Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии, вып. 1. Пермь, 1882. С. 61.

³ Там же.

Какого-либо анализа этого документа Н. К. Чупин не дал, ограничившись замечанием, что сельское духовенство не очень-то спешило заняться школами, в 1723 г. в Уктусской школе были дети из слобод, но «о существовании сельских школ в делах ни того, ни последующих годов нет решительно никаких сведений». Приговор Татищева об обучении крестьянских детей процитировал и Н. В. Нечаев, добавив, что «нет никаких данных о том, были ли созданы в слободах школы для крестьянских детей»¹. Сомневался в их открытии и В. Н. Будрин². Других сведений об этих школах в литературе не приводилось.

В фонде «Уральского горного управления» ГАСО (ф. 24) нам удалось обнаружить ряд неизвестных ранее документов, позволяющих утверждать, что в 1721—1722 гг. В. Н. Татищев издал целый ряд распоряжений, касающихся организации школ в слободах при горных заводах Урала, и добился претворения их в жизнь.

Первым документом, в котором речь велась об открытии школ в слободах, был «Наказ» В. Н. Татищева комиссару Уктусского и Алапаевского заводов Т. Бурцеву, изданный 25 февраля 1721 г. В нем регламентировались основные обязанности комиссара по управлению заводами, а в седьмой главе, состоящей из введения и девяти пунктов, говорилось об устройстве школ.

Текст этой главы «Наказа» был опубликован в 1971 г.³, но, к сожалению, не привлек внимания исследователей в качестве исторического источника. Н. К. Чупин и В. Н. Будрин, знакомые с ним ранее по архивным делам, ограничились лишь кратким цитированием его отдельных положений. Между тем «Наказ» является очень ценным источником, позволяющим судить о планах Татищева по организации школ, вопросах их управления, материального содержания, обучения учащихся. Это был первый документ, в котором Тати-

¹ Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944. С. 41.

² Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 47.

³ Из истории Урала. Сб. документов и материалов. Свердловск, 1971. С. 146—148. Далее цитируется в тексте по этому изданию.

щевым решались конкретные вопросы будущей школьной организации. В нем он впервые обосновал причины открытия учебных заведений: «Дабы здешней простой и упрямой народ хотя мало во обычаях чтанием книг переменить и во услуги его величества способнейших учинить, заводы же довольством письмоумеющих в лучшее состояние и размножение привести». Во введении к седьмой главе Татищев особое внимание обращает на нужду в грамотных людях для налаживания делопроизводства: «Понеже здесь есть немалая тягость в отправлении дел от недостатка письмоумеющих, також и дела без записок весьма смятны, что не токмо в несколько лет, по прошествии нескольких месяцев уже обрести невозможно: кто у какой работы был, что сделал».

Первый пункт главы «О школах» гласил: «Здесь, на заводах и в каждой слободе особенно, построить избы с сеньми и сделать по потребности красные окошка, поставить столы и лавки и во оных обучать робят». Оговорка об открытии школ «в каждой слободе особенно», конечно, не случайна, она свидетельствует об особом стремлении Татищева к открытию словесных школ в слободах в первый период его пребывания на Урале.

Точные пункты размещения учебных заведений в «Наказе» не назывались, но, поскольку документ адресовался комиссару Уктусского и Алапаевского заводов, очевидно, школы предполагалось создать на этих двух заводах и в слободах при них. Известно, что к Уктусскому заводу были приписаны Арамилевская, Белоярская, Камышевская и Ново-Пышминская слободы; к Алапаевскому — Невьянская, Арамашевская, Мурзинская¹. Таким образом, можно говорить, что уже в первый приезд на Урал Татищев задумал создать относительно широкую сеть словесных школ — две заводских и по меньшей мере семь слободских.

Возникает вопрос: почему Татищев в своем первом плане организации учебных заведений на Урале уделял особое внимание открытию школ в слободах? Если сопоставить данные о числе жителей, проживавших в те годы при казенных заводах и в слободах, то станет

¹ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 448, 488. В статье со ссылкой на этот источник упоминалась и Уткинская слобода при Алапаевском заводе, но приписка этой слободы, как выяснилось нами, состоялась позднее, поэтому речь об открытии школы в ней в 1721 г. идти не могла.

ясным, что в слободах их было значительно больше. Так, по переписи 1719 г., на Уктусском заводе числилось 339 душ, в слободах же при нем: в Арамильской — 1 572 души, в Белоярской — 1 044, Камышевской — 1 891, в Ново-Пышминской — 1 528 душ. Та же картина наблюдалась и при Алапаевском заводе: заводских жителей 62 души, в Невьянской слободе — 2 079, Арамашевской — 1 632, Мурзинской — 959¹.

Именно в слободах проживало значительное количество церковничьих, подьячих, разночинских детей, многие из которых уже обучались грамоте на дому, и, следовательно, их быстрее можно было подготовить через словесные и арифметические школы для нужд уральской промышленности. На слободы как основной источник пополнения школ представителями низшего слоя дворянского класса — детьми боярскими — указывал сам В. Н. Татищев в доношении Берг-коллегии от 12 декабря 1721 г.: «Детей боярских здешних в слободах у нас много изрядных робяток и ежели б таких обучать, то б весьма лутшее желание и услугу от оных, нежели от подлости получить мог»².

Социальный состав учащихся словесных школ в «Наказе» Бурцеву определялся одной общей фразой: обучать «всех детей здешних жителей», т. е. школы при заводах и в слободах мыслились Татищевым как всесословные, демократические, в них не запрещался прием крестьянских детей, составлявших подавляющее большинство в слободах.

Преподавать в школах, учить чтению, письму, «страха божия, почитания властям и всякому чес[т]ному и порядочному обхождению» должны были местные церковные дьячки. Оговаривались и методы воспитания — чтение по субботам Евангелия, Апостола, Катехизиса с толкованием, посещение церковных служб по воскресеньям и праздникам; перечислялись светские правила приличия, которые следовало прививать учащимся.

Посещение школ объявлялось строго обязательным, для уклонявшихся вводились специальные меры наказания материального порядка: «Которые ученики от лености учиться не похотят и в школу

¹ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 448, 488.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 5 об.— 6.

ходить не будут, а родители, потаяим... принуждать не будут... со оных брать по копейке на день».

Чтобы привлечь подростков в школу, заинтересовать их в обучении, предписывалось «обнадежить всех, что письмоумеющий никогда в солдаты, матросы и другие невольные службы отданы не будут, но сверх того всегда им большее перед другими жалованья дается». Это предписание могло быть рассчитано в первую очередь на учащих слободских школ из среды разночинцев, приписных крестьян, так как давало им возможность изменить предначертанный от рождения путь, заняться более удовлетворяющим их родом деятельности в будущем. Напомним, что те же самые привилегии Татищев обещал в июне 1721 г. детям приписных крестьян Алапаевского завода, если они будут обучаться грамоте.

Школы при заводах и слободах предполагалось содержать не на казенные средства, а за счет специального сбора с местного населения, производить который поручалось «каждой церкви дьячкам». Объекты обложения оговаривались особо: «Прибавить с венца по три копейки, с холостых мужеска полу от 8 лет и выше, которые грамоте не учатся, — потому ж; а которые холостые в школе или учились — со оных ничего не брать, только за все ученье взять 12 копеек, когда окончат письмо». По сути, «Наказом» 1721 г. вводился налог с населения в пользу школ. Такое решение вопроса объяснялось, на наш взгляд, тем, что словесные школы при заводах и в слободах создавались волею самого Татищева, без предварительной санкции Берг-коллегии, и тратить заводские суммы на содержание школ он не имел права, даже занимая пост начальника заводов. Собираемые с населения деньги должны были расходоваться дьячками на покупку книг, отопление помещения, его ремонт, а также идти на оплату труда дьячка по содержанию избы в чистоте и обучению школьников.

Обращает на себя внимание тот факт, что разовая плата за обучение письму в уральских школах составляла 12 коп., тогда как за обучение арифметике в цифирных школах именным указом 1714 г. была установлена плата в 1 руб.¹

Хотя в тексте седьмой главы заводской комиссар не упоминался — вся передача распоряжений велась в повелительно-безличной

¹ ПСЗ. Т. 5. № 2778.

форме, ясно, что именно он, адресат «Наказа», должен был следить за строительством новых помещений для школ, за сбором средств на их содержание, контролировать деятельность учителей и учащихся, ведать распределением последних на временные и постоянные работы. Учитывая это, нельзя согласиться с мнением Н. В. Нечаева, будто «вначале Татищев считал, что о словесных школах должны заботиться не заводы, а местное население и церковные приходы», а потом их пришлось «подчинить заводской администрации», как и арифметические¹. Привлечение дьячков в качестве учителей и поручение им сбора средств не означало передачи в их руки контроля над деятельностью школ. Все учебные заведения при заводах и в слободах должны были подчиняться заводскому комиссару. Главным органом, регулирующим их деятельность, являлась Канцелярия горных дел.

Таковы были нормативные положения «Наказа», определившие основы организации первых школ при горных заводах Урала и в прилегающих слободах.

Следует подчеркнуть, что «Наказ» стал действующим документом до утверждения его Берг-коллегией — уже через несколько дней после его издания в Уктусскую школу был назначен учитель, в марте начались занятия; в июне были предприняты практические шаги по организации школ при Алапаевском заводе. Берг-коллегия же рассмотрела нормы «Наказа» и повелела согласно им «поступать непременно» только 20 июля 1721 г.²

Характерно, что вместе с «Наказом» в Берг-коллегии обсуждалось доношение Татищева о первом наборе подьяческих и церковничьих детей в Уктусскую арифметическую школу, который проводился с предварительного разрешения центрального органа управления промышленностью. По этому доношению члены коллегии приняли решение о наборе в школы по собственному желанию подьяческих и церковничьих детей даже из других городов и сел, не подведомственных заводам, а также «и ис крестьянских ребят, кои к оным к Уктунским заводом приписаны, кои придут волею, а скудных и маломощных хотя неволею». Берг-коллегия повелела «определить им некоторое пропитание, смотря по их наукам, дабы из молодых ребят

¹ Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала... С. 40.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 87.

всякому было охотно обучатца»¹. Активность, проявленная в данном случае центральным правительственным органом, объяснялась отнюдь не заботой о просвещении крестьян, а стремлением таким путем ускорить обеспечение заводов грамотными людьми в условиях острой их нехватки, о которой постоянно сообщалось в доношениях с Урала в Центр.

Как же проходила на практике организация школ в слободах? Источником, содержащим наиболее обобщенную, но краткую информацию по этому вопросу, является дневальная книга Канцелярии горных дел за 1721 г.² В ней зарегистрированы входящие и исходящие документы, поездки В. Н. Татищева и его помощника И. Ф. Блюэра по заводам и слободам, совершенные в 1721 г.

Из кратких записей этой дневальной книги ясно, что на протяжении 1721 г. Татищев не раз посещал слободы и был хорошо осведомлен о состоянии дел на местах. Так, еще в январе 1721 г., будучи на Алапаевском заводе, он указал провести перепись всех жителей — «мастеровых, работных, шведов, крестьян с леты их и животы подворно»³. В июне 1721 г. Татищев вторично посетил Алапаевский завод: 9 июня в дневальной книге зарегистрирован приезд Татищева, а уже на следующий день — указ, касающийся сбора подростков в школу: «Июня в 10 день послан указ в Мурзинскую слободу о высылке подьяческих и церковничьих, пичищковых, детей боярских от 5 до 15 лет к смотру на Алапаевской завод»⁴. Нельзя со всей определенностью утверждать, что этот указ давался в связи с организацией школы в Мурзинской слободе, — как ясно из других источников, при самом Алапаевском заводе школа еще не действовала; возможно, Татищев хотел лично отобрать часть подростков для нее, а уже владеющих грамотой направить в Уктусскую арифметическую школу. Отбор лучших подростков с периферии практиковался в начале 20-х — середине 30-х гг. XVIII в.

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 117—117 об.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а, Л. 225—298 об.

³ Там же. Л. 227 об.

⁴ Там же. Л. 256 об.

Приговор же Татищева и Блюэра от 26 июня 1721 г., без всякого сомнения, касался организации школ при Алапаевском заводе и приписных к нему слободах. Сохранился сам текст этого приговора: «Алапаевских заводов и приписных слободах церковничьих, подъяческих, детей боярских и мастеров детей их велеть обучать читать и писать дьячкам церковным, которым за труд на заводе давать по показу, а в слободах впредь определено будет. Ежели же оные дьячки учить не будут, или отцы детей своих обучать не похотят, то оные взяты будут на Уктуской завод для обучения»¹. Далее следовал ответ на жалобы алапаевских крестьян, процитированный Н. К. Чупиным и Н. В. Нечаевым. 30 июня на основе этого документа был составлен указ алапаевским управителям — Я. Вистицкому и Ф. Попову².

Как мы видим, приговор содержал четкое указание на социальный состав учащихся Алапаевской словесной и слободских школ, выходцы из среды приписных крестьян в нем не значились. В то же время в заключительной части приговора, где речь шла о рассмотрении жалоб крестьян на приказчиков, управляющим предписывалось: «Велеть лучшим мужикам детей своих в работе обучать, хотя б читать умели, дабы их подъячие не так могли обманывать»³. Это предписание об обучении крестьянских детей трактовалось Н. В. Нечаевым как санкция на открытие школ в слободах для детей приписных крестьян⁴. На наш взгляд, судя по общему контексту приговора, Татищев считал обучение детей крестьян скорее желательным, нежели обязательным.

Обращает на себя внимание и разночтение в тексте приговора и указа. В приговоре имеется фраза «учить в работе», в отпуске указа она отсутствует. Видимо, при переписке делопроизводители нечаянно выпустили эти слова. В литературе цитируется отпуск указа. Если же принять за основу текст первичного документа — приговора, то следует считать, что Татищев вел речь об обучении крестьян на дому, параллельно с помощью домашним в выполнении работ,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 91.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 242 (копия указа).

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 91—91 об.

⁴ Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала... С. 41.

возложенных на приписных крестьян. И не случайно распространялось это предписание лишь на «лучших мужиков», т. е. более состоятельных, способных заплатить за обучение своих детей «мастерам» грамоты.

Но в 1721 г. Татищевым было издано специальное распоряжение об обучении в слободских школах детей крестьян, он «требовал, чтобы священники и причетники учили читать, писать и закону божью хотя по 10 крестьянских мальчиков в каждой слободе»¹. Нам этого документа, к сожалению, обнаружить не удалось, но в том, что он существовал, сомневаться не приходится — Н. К. Чупин точен в подаче фактического материала².

Десять крестьянских мальчиков — это очень небольшая часть крестьянских детей, проживавших в слободах и составлявших основную часть ее детского населения. Возникает вопрос, почему же Татищев, ратуя за образование крестьян, включал в действительное число учащихся слободских школ лишь несколько представителей этого класса? На наш взгляд, Татищев как глава уральской администрации хорошо понимал, что большинство крестьянских детей вынуждены помогать отцам в выполнении заводских работ. На существование такой практики указывается в прошениях приписных к заводам крестьян, пожелавших в 30—40-х гг. XVIII в. отдать своих детей в школу, но оказавшихся не в состоянии без них «исправлять» тяжелые заводские повинности и пришедших из-за этого «во всеконечное разорение и нищенство»³. Поэтому Татищев как просветитель уступал место Татищеву — начальнику уральских горных заводов, который предписывал учить не всех крестьянских детей, а «хотя по 10 крестьянских мальчиков в каждой слободе».

¹ См.: Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. С. 61.

² Позднее этот наказ Т. Бурцеву нами выявлен. Он датируется 2 января 1722 г. Пункт 18-й гласил: «За школами надзирать накрепко, чтоб прилежно обучались и все по воскресеньям в церковь ходили, в чем понуждать попов и дьячков, чтоб отправляли, как в ево наказе написано. Тако ж и в слободах конечно б попы крестьянских детей по несколько учить начали. Азбук и часовников велеть купить каждой церкви до десяти на их мирские деньги. Ежели ж попы в том преслушаться будут, и вам о том подать известие, за что от архиерея примут они наказание». Ясно, что речь велась не о 10 учащихся, а о числе учебных пособий.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. С. 471—472; Д. 692. С. 430—432; Д. 762. С. 17, 286 и др.

Через неделю после издания приговора об обучении детей в школах при Алапаевском заводе и приписных к нему слободах Татищев выехал в Кунгур и пробыл там два месяца¹. На двенадцатый день после возвращения на Уктус, 16 сентября 1721 г., отправляя очередной указ алапаевским управителям, Татищев напоминал и о школьном обучении: «Всеконечно о школах исправлять вам по наказу и по третям года присылать ведомости, колико человек, в какой науке»². 4 октября Татищев вновь обращается с указом на Алапаевский завод: «Школьников на Алапаевском заводе велите учить прилежно дьякону, а книги вам даны напередь сего, да к тому ж купить на Ирбитцкой ярмонки сколько понадобится, собрав деньги по посланной к вам с камисарского наказа копии. А в слободах велите со всяким прилежанием обучать дьячкам, и о том учинить вам по прежде посланным июня 30, сентября 16 дня и по сему указом непременно»³.

В тот же день Татищев отправился в Тобольск и вернулся только в середине декабря. 28 декабря 1721 г., решая вопрос о жалованье уктусским школьникам, Татищев и Блюэр постановили: «Из слобод у попов взять ведомости — по данному указу крестьянских детей обучают ли и сколько у кого есть и в какой науке»⁴.

Это распоряжение замечательно тем, что в нем впервые руководители уральской промышленности ставят вопрос о результативности указа об обучении крестьянских детей в школах и пытаются выяснить количество учащихся-крестьян. Постановка данного вопроса не случайна. В этот день, обсуждая челобитную уктусских школьников о назначении им казенного жалованья, Татищев и Блюэр вынуждены были обратиться к указу Берг-коллегии от 20 июля 1721 г., в котором центральный орган управления промышленностью предписывал принимать в школы крестьянских детей и назначать школьникам казенное жалованье. Выполнив указание Берг-коллегии о жалованье (заметим, лишь после получения коллективной челобитной школьников!), члены канцелярии решили выяснить, как же претворяется в жизнь предписание об обучении крестьянских детей.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 264—275.

² Там же. Д. 6. Л. 290—290 об.

³ Там же. Л. 308 об. — 309.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 134.

В делопроизводстве канцелярии нам не удалось пока обнаружить подлинных документов, поступивших с мест, в которых речь велась о деятельности слободских школ. Не упоминается о них и в описи документов канцелярии начала 20-х гг. XVIII в. Изучение же делопроизводства местных заводских контор дало положительные результаты. К сожалению, документы Уктусской и Алапаевской контор начала 20-х гг. XVIII в. почти не сохранились — в фонде Уктусского завода имеется лишь несколько дел с ведомостями прихода-расхода припасов и денежной казны по Уктусу и Алапаевску¹, отдельные дела включены в фонд «Уральского горного управления», здесь же имеются описи дел Алапаевского завода, и в частности опись дел за 1718—1735 гг. (в двух экземплярах)².

В связи с утратой основного комплекса собственно заводских дел начала 20-х гг. XVIII в. особое значение приобретает сохранившаяся в 24-м фонде опись дел Алапаевского завода за 1718—1735 гг. В ней даются названия дел с краткой росписью входящих в них документов, причем не всех, например: «Столп черных указов в переплете о разных делах на 110 листах, в том столпу белых дел...» и далее идет перечень лишь «белых» документов.

В этом «столпе» зарегистрирована без указания месяца и числа «Отписка из Невьянской слободы от прикащика Чернышева» «об отдаче в школу учеников дьячку Григорию Слобцову». За 1722 г. в описи фиксируется три документа: «Доношение Невьянской слободы о присылке книг учебных» (без даты), «Росписка дьячка Григория Слопцова в приеме часовников» (12 июня), «Доношение Невьянской слободы от дьячка Слопцова о присылке книг для обучения школьников» (без даты)³.

На основе этих кратких записей мы можем говорить об открытии уже в 1721 г. словесной школы в Невьянской слободе, приписной к Алапаевскому заводу, и продолжении ее существования в 1722 г. Ясно, что обучал в словесной школе местный дьячок Григорий Слобцов, как и предписывалось по татищевскому «Наказу», а учебники, в частности часословы, дети получали от заводской администрации.

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2—4.

² Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5, 15, 269.

³ Там же. Д. 5. Л. 61 об.; 71 об. — 72.

В сохранившихся ведомостях прихода-расхода припасов и денежной казны Алапаевского завода за 1722—1723 гг. регистрируется поступление «собранных денег в е. и. в. казну» с «заводских жителей на школу за труд учителю по три копейки с венца, да и с робят, которые в школе не учатца, от восьми лет по три ж копейки», выдача их учителю Алапаевской заводской школы, покупка учебников для школы при заводе¹. О сборе же средств на слободские школы, приобретении литературы для них, ее выдаче в заводских ведомостях сведений нет. Следовательно, можно сделать вывод, что школы в слободах, приписных к Алапаевскому заводу, существовали на средства, собираемые с жителей слобод, книги покупались на эти же деньги, но заводской администрацией, и поскольку все это к расходу казны Алапаевского завода отношения не имело, в заводских ведомостях не значилось.

В описи документов Алапаевского завода значится «Письмо в приеме отписки и ведомости, что обучается в школе детей у посланного беломестного Алексея Козина» от 3 августа 1722 г.² Поскольку в школе при Алапаевском заводе в 1721—1724 гг. преподавал местный дьякон Яков Иванов, что подтверждается многими документами первой половины 20-х гг., а в Невьянской слободе летом — осенью 1722 г. продолжал работать дьячок Слобцов, перед нами учитель еще одной слободской школы. Судя по фразе «у посланного беломестного», Козин — из коренных жителей алапаевских слобод, но послан обучать детей в новый для него населенный пункт. Видимо, в его слободе школа уже действовала, и он согласился открыть такую же в соседней.

Эта запись — первое и пока единственное свидетельство существования ведомостей о слободских школьниках. Можно считать, что требования Татищева 1721 г. о подаче сведений об учащихся выполнялись отдельными учителями слободских школ. Поскольку ведомость числилась в делопроизводстве Алапаевской конторы, ее так и не отослали в канцелярию на Уктус. Возможно, общие количественные данные были включены в текст доношения, посланного в канцелярию, как это делалось иногда в отношении Алапаевской словесной школы.

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 983 об., 1010 и т. д.

² Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 89 об.

В описи документов за тот же 1722 г. зарегистрирована и «Записка об отдаче учебных книг, холста дьячком для обучения школьников»¹, из чего можно заключить, что дьячков, одновременно работавших учителями в слободских школах в 1722 г., было по меньшей мере два. Алексей Козин, упоминаемый ранее в описи как «беломестный», вряд ли принадлежал к духовному сословию. Беломестными назывались жители слобод, освобожденные от несения тягла. Если бы Козин был освобожден от подушного оклада как действительно служащий дьячок, то его вряд ли послали бы в другую слободу, так как это повлекло бы за собой и смену прихода, да и в описи он был бы назван скорее всего дьячком. На наш взгляд, под дьячками в данной записке следует подразумевать Слобцова и еще одного, неизвестного нам по фамилии учителя, и в таком случае можно предположительно говорить о существовании в 1722 г. по меньшей мере трех школ в приписных к Алапаевскому заводу слободах.

В описи документов за 1723 г. называется «Доношение писчика Павла Дягилева о выдаче ему денег за обучение школьников на 1 листе»². В отношении этой записи нужны дальнейшие уточнения. Ее вряд ли следует расценивать как свидетельство открытия новой школы в алапаевских слободах в 1723 г., скорее всего Дягилев сменил одного из прежде работавших в слободах учителей или временно замещал дьякона Иванова в школе при Алапаевском заводе. Из школьной практики 20—30-х гг. XVIII в. известен ряд примеров замещения учителя во время его отъезда, болезни и обращения с просьбами об оплате труда от лиц, работавших вместо учителя.

Других записей, касающихся слободских школ, в описи документов Алапаевского завода нет. Как свидетельствуют данные описи, в делопроизводстве Алапаевского завода имелся ряд документов, отложившихся в результате деятельности слободских школ. Их всего восемь, в том числе пять входящих и три «записки», фиксирующие выдачу материальных ценностей учителям. Значение же этих записей трудно переоценить. Благодаря им мы можем говорить о претворении в жизнь планов Татищева об организации слободских школ, во всяком случае в приписных к Алапаевскому заводу слободах.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 115.

² Там же. Л. 126 об.

И нужны дальнейшие поиски документов, чтобы расширить наши представления об этих школах, более точно определить годы их деятельности, социальный, возрастной состав их учащихся, число обучаемых школьников, материальное положение учителей, учащихся и т. д. Особое значение приобретает вопрос об удельном весе обучаемых в них детей приписных крестьян. Нужны дополнительные разыскания и по Уктусскому заводу. Не исключено, что школы были созданы и в прилегающих к нему слободах.

В целом рассмотренные в статье документы приоткрывают еще одну важную страницу в истории первых горнозаводских школ Урала в 20-х гг. XVIII в. и по-новому характеризуют вклад В. Н. Татищева в их создание и практическое устройство. Совокупность этих документов позволяет утверждать, что В. Н. Татищев в первый период своего пребывания на Урале в качестве начальника казенных заводов (июль 1720 — январь 1722 г.) пристальное внимание уделял открытию школ не только при казенных горных заводах, в городских центрах, каким был Кунгур, но и в приписных к казенным заводам слободах. Именно он явился инициатором создания слободских школ, автором нормативных документов, регулирующих их деятельность, и их главным практическим организатором.

Обнаруженные и введенные в научный оборот документы расширяют наши прежние представления о составе, количестве горнозаводских школ, географии их распространения, позволяют поставить вопрос о специальном привлечении в школы части детей приписных к заводам крестьян.

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА В ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛАХ УРАЛА В 20-е ГОДЫ XVIII ВЕКА: ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ*

В первой четверти XVIII в. верховная власть России, задумав подчинить церковь государству, взяла под свой контроль и школьное обучение детей духовенства. Указом Петра I (1708) предписывалось всем поповым и дьяконским детям «учиться в школах греческой и латинских», не желающих обучаться в них — устранять от посвящения и определения в гражданскую службу. Единственным выходом для них объявлялась воинская повинность¹. Сам факт провозглашения крутых мер наказания, хотя и остававшихся на бумаге, свидетельствовал, что власти взяли курс на подготовку образованного священства.

В 1710 г. категория лиц, подлежащих определению в греко-латинские школы, была расширена за счет детей пономарей, дьячков, сторожей и просвирников, что объяснялось, видимо, недостаточным притоком детей собственно священнических. Именным указом 1718 г. предписывалось: «Поповских детей, также и из церковников и из других чинов, кто пожелает, учить в школах заранее, чтоб были в попы годные...», и власти решили перейти от мер устрашения к мерам поощряющим: «Ежели поп умрет, то на их места посвящать, которые по учению тому достойны будут»².

В Регламенте Духовной коллегии, изданном 25 января 1721 г., получили дальнейшее развитие идеи о необходимости обучения де-

* Ранее опубликовано в **кн.:** Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Вып. 7. С. 59—75.

¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 4. № 2186.

² Там же. Т. 4. № 2308; Т. 5. № 3175.

тей духовенства. Обосновывалась польза такого обучения, без которого, по выражению автора Феофана Прокоповича, «...нельзя быть доброму церкви поведению», отсутствие его ведет «к смеха достойным суевериям», «раздорам и пребезумным ересям». Учение «доброе и основательное» провозглашалось «аки корень и семя и основание». Епископы обязывались открывать при своих домах школы для обучения «детей священнических или и прочих, в надежду священства определенных»¹.

В ноябре 1721 г. резолюцией Петра I на докладные пункты Синода отменялось действие предшествующих указов об определении поповых и причетнических детей в цифирные школы, а согласно указу от 4 апреля 1722 г. «О записке в ревизию людей духовного звания» обучению в архиерейских школах подлежали лишь дети «действительно служащих церковников», остальные же, чьи отцы оставили церковный притч, должны были записываться в подушный оклад и нести государственное тягло. Указом Синода от 31 мая 1722 г. вводились новые нормы, дополняющие положения Духовного регламента. Определялась программа обучения в архиерейских школах: чтению, письму, грамматике, арифметике и «нужнейшей части геометрии»². Таким образом, на законодательном уровне были заложены основы сословной школы для детей духовенства России.

Хотя дети духовенства с 1722 г. освобождались от обучения в светских школах, на местах имели место отступления. Так, на Урале в начале 20-х и в середине 30-х гг. XVIII в. дети духовенства не только активно привлекались в горнозаводские школы, они даже обязывались учиться в них. В литературе лишь констатируются эти факты³, поэтому на основе архивных документов попытаемся раскрыть попытку горнозаводских властей по привлечению церковно-служительских детей в школы своего ведомства и использованию их в дальнейшем в интересах своего ведомства. Это был уникальный случай в истории России, он представляет особый интерес

¹ ПСЗ-1. Т. 6. № 3718.

² Там же. № 3854, 3932, 4021.

³ См.: Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882. Вып. 1. С. 47—98; Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944.

и в контексте изучения политики В.Н. Татищева в отношении духовенства. Ограничимся периодом 20-х гг. XVIII в.

Инициатива привлечения детей духовенства в школы горного ведомства принадлежала Берг-коллегии. В сентябре 1720 г. начальник Уральских заводов Татищев в первом же доношении, отправленном в центр по прибытии на Урал, жаловался на недостаток мастеров и просил разрешить ему взять до 30 дворянских детей в Сибирской губернии, не высланных в школы в Петербург, а если их будет недостаточно, то и подьяческих, для обучения горным делам. Дети дворян находились в распоряжении губернских властей, поэтому на привлечение их в школы требовалась санкция центрального органа управления заводами. Берг-коллегия указом от 29 ноября 1720 г., подписанным президентом Я. Брюсом и четырьмя членами, повелела: «...к рудным делам ис тамошних подьяческих детей и из церковников, из молодых людей, грамоте умеющих, велеть брать и цыфири и геометрии и протчих горных дел обучать, а о дворянских детях...в Военную коллегия писать»¹. Не смея распорядиться судьбой дворянства, Берг-коллегия по собственному почину включила в число обучаемых детей церковничьих, видимо, на том основании, что среди них были грамотные. Законодательных актов, запрещающих обучать детей этого сословия в светских школах, еще не было.

Этот указ Берг-коллегии, пришедший на Урал в мае 1721 г., и послужил основой набора детей церковнослужителей в первые арифметические школы. Татищев решил открыть их в Кунгуре и на Уктусском заводе. В ответ на второе доношение Татищева от 27 мая 1721 г. о готовящемся наборе церковничьих и подьяческих детей для обучения арифметике и геометрии, Берг-коллегия указом от 20 июня приказала принимать таких детей не только из слобод, прилегающих к заводам, «но и ис протчих городов и сел, ежели которые прибудут и волею запишутца»². Так, по инициативе Берг-коллегии был расширен охват территории, с которой разрешалось принимать детей духовного сословия.

Получив первый указ коллегии, Татищев 6 июня 1721 г. начал хлопоты по набору детей в Кунгурскую арифметическую. От имени Высшего горного начальства, расположенного в Уктусском заводе,

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 184.

² Там же. Д. 621. Л. 126.

он отправил письмо воеводе Вятской провинции Чаадаеву с просьбой отдать к смотру кунгурских подьяческих и церковничьих детей. В тот же день было отправлено письмо и представителю горной администрации в Кунгуре берг-шрейберу Ивану Патрушеву с приказом принять детей, как только воевода отдаст распоряжение об этом¹.

Но воевода не спешил решать вопрос, касавшийся школы горного ведомства, так как лишние хлопоты выходили за рамки его непосредственных интересов, и 26 июня Татищеву пришлось отправить ему личное письмо с просьбой прислать указ о сборе детей в Кунгуре. Только 5 сентября Татищев получил известие с Вятки, что такой указ отправлен. На следующий же день он потребовал, чтобы комиссар Кунгурского уезда Григорий Попов собрал детей и передал Патрушеву по росписи, а копию росписи прислал на Уктус².

16 сентября Татищев отправил шихтмейстера Дмитрия Одинцова — дворянина из Казани, одного из выпускников московской Артиллерийской школы, прибывших на Урал вместе с начальником заводов в 1720 г., — в Кунгур. Одинцов повез с собой указ, адресованный Патрушеву, которому предписывалось надзирать за школой, открыть ее на съезде двора, пока не будет построено специальное здание, приготовить черные деревянные доски для учеников, поскольку каменных достать невозможно, чинить поврежденное в школе на казенные деньги. Одинцов назначался учителем и одновременно должен был по пятницам ездить на рудник для осмотра горных работ, поручая школу одному из учеников³. В этот же день Татищев написал для Одинцова инструкцию, как ему обучать учеников. Все эти действия Татищева свидетельствуют о его большой настойчивости, заинтересованности в скором открытии школы.

Судя по дневальной книге Кунгурской канцелярии горных дел, только 13 октября, после дополнительных напоминаний, уездные власти прислали на смотр церковничьих детей, о подьяческих пришлось просить особо⁴.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 204 об. — 205, 187 об.

² См.: Там же. Л. 242 об.; Д. 5. Л. 106; Д. 6. Л. 269—269 об.

³ Там же. Д. 15. Л. 346—346 об.

⁴ Там же. Л. 214—214 об.

В январе 1722 г. Татищев около двух недель пробыл по делам в Кунгуре и, естественно, не мог не поинтересоваться, как идут дела в арифметической школе. Первая ведомость, поданная ему Одинцовым¹, содержит интересную информацию о составе учеников: их возрасте, месте жительства, должностях отцов, успехах в науках. Благодаря тому, что она дана под такими рубриками, как «по росписи», «да сверх росписи охотою», «сверх росписи явились и отпущены в дома ж свои», мы получаем ценные сведения о том, что наряду с детьми, собранными в школу властями, нашлись и желающие учиться по собственной инициативе, точнее, по воле отцов, однако не все явившиеся и собранные оказались годными к постижению математики, среди них оказались не умеющие читать или писать, и ведомость дает нам возможность судить об уровне грамотности детей духовного сословия, проживавших на территории Кунгурского уезда, на начало 20-х гг. XVIII в., до провозглашения обязательности обучения детей духовенства в архиерейских школах и накануне введения практики записывания не обученных грамоте детей духовного сословия в ходе ревизии в податное крестьянское сословие.

Проанализируем информацию ведомости. На смотр явилось 38 человек, 28 из них были посланы комиссаром согласно «росписи», т. е. 7 человек из Кунгура, 21 — из сел и острожков уезда, 9 человек явились из уезда «сверх росписи», трое из города «охотою», т. е. по желанию отцов (сыновья урядника и двух посадских). Наиболее подготовленными к изучению математики оказались городские подростки, которые дома овладели чтением и письмом, а некоторые из них, вероятно, на дому начали обучаться и счету. В январе 1722 г. учили «нумерацию», т. е. числа, сын подьячего 13-летний С. Кадешников, двое детей попа 10 и 12 лет, явившиеся «своею охотою» сын урядника Я. Шмаков и посадского А. Кадешников (по 10 лет). Четверо учили «мультипликацию», т. е. умножение: сын комиссара Д. Попов, подьячего — Л. Костромин, посадского — А. Феденев (все 10 летние), попа — Л. Евсягнеев (12 лет), поповский сын М. Трофимов (10 лет) ушел дальше всех — постигал «дивизию», т. е. деление.

Из 19 явившихся «по росписи» из уезда были зачислены в школу только пятеро, причем лишь один из них, 12-летний сын дьячка

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 32. Л. 432—434 об.

А. Иванов, выучился на дому читать и писать и учил нумерацию. Сын пономаря и трое детей попов (10—12 лет) в январе 1722 г. учились писать. Видимо, их решили зачислить в школу, чтобы в ее стенах быстрее научить грамоте и перейти к математике. Полностью подготовленных к обучению насчитывалось всего 11 человек! По этой же причине был принят в школу и явившийся «сверх росписи» из села Златоустовского 17-летний сын попа М. Васильев.

Итак, в январе 1722 г. в Кунгурской школе обучалось 16 подростков, в то время как были признаны негодными и отпущены по домам 22. Все отпущенные были из сел и острожков Кунгурского уезда: это дети попов (9), дьяконов (3), дьячков (5), пономарей (2), церковных сторожей (2), просвирника.

Сопоставим число грамотных и неграмотных среди явившихся на первый смотр осенью 1721 г. На пятерых полностью овладевших грамотой (четыре детей попов Кунгура и одного сына дьячка из уезда) приходилось пятеро учившихся писать (дети попов от 10 до 17 лет). Из отпущенных по домам 22 подростков один выучился читать, но не писал (18 лет); трое учили псалтирь (дети попов 12 и 14 лет, дьячка 12 лет); трое учили часослов (сын попа 10 лет, дьякона — 11 лет и сын дьякона же, женатый юноша, которому исполнился 21 год, ошибочно показанный в росписи 15-летним). Таким образом, на 17 подростков, в той или иной мере владевших чтением, приходилось 15 полностью безграмотных. Среди последних — дети от 10—11 лет (8 человек) до 17—18 лет. Только в отношении единственного сына попа 10 лет отмечалось: «грамоте не учен: глазами худ». Эти данные — красноречивое свидетельство того, что духовенство и церковнослужители Кунгурского уезда до 1721—1722 гг., до объявления верховной властью на законодательном уровне обучения детей духовного сословия обязательным, не придавали большого значения раннему обучению детей чтению и письму, а 47 % явившихся на смотр в первой партии оказались совсем необученными грамоте. Восемь детей попов и дьячков на смотр не явились.

Узнав, что учатся не все дети, указанные в росписи, Татищев предписал срочно собрать их в школу, т. е. довел до конца то, на что махнуло рукой Кунгурское горное начальство¹. Указ Татищева об

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 32. Л. 434 об.

этом 22 января был послан шихтмейстеру Одинцову — учителю школы. В этот же день Татищев отбыл по делам в Москву.

Во время пребывания в Москве в апреле 1722 г. Татищев был отстранен от руководства заводами из-за жалобы на него Н. Демидова, вернулся на Урал только в октябре 1722 г. вместе с генералом В. И. Генниным, которому было поручено расследовать ссору и временно руководить заводами.

Пока Татищев находился в Москве, член Сибирского высшего горного начальства И. Блиер решил проверить, выполнено ли приказание Татищева, и затребовал ведомость, «что прибыло в школу учеников, а которые есть, кто что учит»¹. Согласно данной ведомости, в марте 1722 г. в школе числился уже 21 человек, т. е. поступило пятеро новеньких. Некоторые подростки первого набора, ранее записанные по имени отцов, шли уже под другими фамилиями: Михаил Трофимов стал Мироновым, братья Петр и Иван Евтихеевы — Веселковыми. Новички были выделены под рубрикой «достальных собрано». Сын дьячка Ильинского острожка Ефим Казаков учил «суптрацкию», сын пономаря села Тихоновского Осип Хлопин — «счисление», дьячковский сын из того же села Иван Батрунов учился писать; писали сыновья попа и дьячка из сел Филипповского и Рождественского Григорий Герасимов (в будущем Черепанов) и Петр Красноперов. Возраст вновь принятых в этой ведомости не указывался; в ведомости же, поданной ровно через год, такие данные уже имеются. Если убавить каждому по году, то получим, что в момент зачисления в школу Красноперову было 12 лет, Казакову — 17, троим остальным — по 18 лет, причем двое 18-летних еще не закончили обучение письму.

Данные об учениках второго набора свидетельствуют, что сельские попы, дьяконы, дьячки не спешили обучать своих детей чтению и письму с раннего возраста, этот процесс растягивался во времени, зачисление же детей в арифметическую школу горного ведомства ускоряло завершение обучения письму.

Следующая по времени ведомость датируется мартом 1723 г. Она была подана учителем главе Кунгурской горной канцелярии капитану Берглину². В школе по-прежнему числился 21 ученик, но состав

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 219.

² См. об этом: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 114—115 об.

их изменился. В школьном списке — уже 8 новеньких: Антон Пестерев, сын дьячка (19 лет), и Федор Розмахнин, сын пономаря (18 лет), — уже «в тройных» правилах; сыновья попов: Семен Романов (19 лет) — «в сложении с рублями»; Афанасий Свиньин (18 лет) — «в раздроблении». Они начали учиться математике дома, так как слишком далеко продвинулись в науках. Иван Бочкарев и Федор Деманов, сыновья попов, 13 и 16 лет соответственно, только приступили к математике; 14-летний сын дьячка Осип Стахив писал слова, и последним в списке числился «волею господ Строгановых поповской сын Парфен, 13 лет»; дополнительная информация о нем скудная: известно только, что отец у него служил при церкви.

Можно предположить, что новички были привлечены в школу в октябре-ноябре 1722 г., когда Татищев с де Генниным прибыли из Москвы и почти два месяца осматривали рудные месторождения — искали место для строительства медеплавильных заводов в Кунгурском и Соликамском уездах. Обратим внимание, что все они церковничьи дети. Думается, не без участия Татищева попал в кунгурскую казенную школу и «поповской сын Парфен»: наверняка, Татищев имел встречу со Строгановыми или с отцом этого Парфена и убедил отдать в подростка учиться математике, так как ни одной другой казенной школы в уезде не существовало.

Согласно ведомостям, в школу не только прибывали новички, но и выбывали пришедшие в ходе первого и второго набора. Сначала ушел сын бывшего подьячего Лев Костромин: в январе 1721 г. он был «приобщен в посад», т. е. записан в подушные книги в ходе первой ревизии¹. В ведомости за март 1723 г. уже отсутствовали имена и фамилии всех пяти детей, зачисленных в школу «по росписи» из сел Кунгурского уезда в результате первого набора (сыновья трех попов, дьячка и пономаря). Поскольку четверо из них поначалу учились писать, можно было бы предположить, что их отчислили как не подающих надежд к обучению математике, но в ведомости за март 1722 г. трое уже учили математику, причем двое дошли до умножения, т. е. обучались довольно быстро. Двое же и в 1723 г. числились в «письме» и в отпуске по болезни, из-за чего, видимо, в школу они и не вернулись. Покинули школу и учившиеся по желанию отцов сын урядника Я. Шмаков и сын посадского А. Феденев: в марте 1722 г.

¹ См.: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 210.

они практиковались в умножении и делении, и, по-видимому, их отцы, решив, что полученного объема знаний вполне достаточно для жизни, забрали детей.

В 1723 г. учащиеся школы уже начали распределяться к делам. В марте Берглин по требованию де Геннина отправил на Екатеринбургский завод двух учеников из церковничьих детей, «которые старее и в науке больше», — Антона Пестерева и Ефима Казакова¹. Часть учеников использовалась временно у дел, продолжая числиться в списках школьников. Так, прихода-расходные ведомости денежной казны Егошихинского завода за 1723 г. фиксируют выплату денег с мая 1723 г. бывшим «у переклички работных людей» О. Хлопину — по октябрь, Л. Попову — по декабрь; в мае-декабре 1723 г. выплачивались деньги С. Романову, И. Батрунову; на Мулинском руднике числился школьник у записок с июня по октябрь.²

В ведомостях за 1724 г. Л. Попов упомянут «за пищиков в канцелярии у письма» (т. е. писал документы в Кунгурской горных дел канцелярии) с января по сентябрь, как и О. Хлопин. В конце 1724 г. Хлопин был направлен в плавильню Егошихинского завода как писчик, И. Батрунов и С. Романов трудились там уже восемь месяцев. Один из школьников в течение трех месяцев вел записи при добыче руды для плавильных печей Пыскорского завода³.

Берглин был обеспокоен, что в школе «малолюдство»: когда ученики, набранные в школу, к делам распределятся, то «здесь учении не будет, понеже из своей воли во учение никто не пришел». Берглин предложил взять в школу детей посадских жителей Кунгура и попросил у Геннина разрешения на это⁴. Но дети посадских людей не могли заинтересовать горное начальство: они находились в ведении воеводы, платили подушную подать, поэтому горные власти не могли распределять их к заводским делам.

В июне 1723 г. Татищев, еще находясь под следствием, был отправлен В. И. Генниным в Кунгур и на Егошиху «для строения завода», а также в Соль-Камскую «для строения новых плавилен и до

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 354.

² Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 81об. — 82, Л. 511.

³ См.: Там же. Л. 90, 93, 245.

⁴ См.: Там же. Д. 22. Л. 354 об.

Верхотурья». В этой поездке он пробыл до 4 октября¹. Как и во время поездки 1722 г., Татищев особое внимание уделил арифметической школе, попытался пополнить ее знающими грамоту церковничьими детьми.

В делах ГАСО нами были обнаружены и опубликованы тексты двух писем Татищева, направленных архиерею Вятскому и Великопермскому Алексию и кунгурскому протопопу Иоанну Антониеву. Как сообщал Татищев архиерею, сначала он «...посылал к протопопу и учрежденному инквизитору салдата, словесно требовал от них как их детей, так и протчих, которые к службе церковной не определены, дабы явили их к смотру для определения малолетних в школы, а взрослых к делам, пристойным во услугу е.в., понеже здесь во многих е.в. нуждных делах за недостатком письма умеющих великия непорядки и в делах бесполезныя медления происходят. Но получил от них отказ»².

Тогда Татищев 18 июня 1723 г. отправил полное возмущения письмо протопопу³, в котором обвинил его в непослушании указу Берг-коллегии 1721 г. и распоряжению вятского воеводы об отдаче детей духовного ведомства в кунгурскую школу: «Ты же и другие некоторые церковники, яко обыкли не токмо указам коллегии, но и святейшаго правительствующаго Синода преслушаться, детей своих не отдали и ныне посланным не отдаете и отказываете с нечестием». Татищев потребовал от протопопа «сего дня» прислать детей, угрожая, что в противном случае донесет о его недостойном поведении начальнику заводов де Геннину, а тот — царю. Татищев был уверен в правильности своих действий, он обращается к протопопу как к лицу, подчиненному горному начальству: «И о сем извольте мне сего числа ответить письменно».

Текст письма убедительно свидетельствует, что Татищев и в 1723 г., после выхода законодательных актов об обучении детей церковнослужителей в школах духовного ведомства, продолжал рассматривать более ранний указ Берг-коллегии как действующий. Более того, и Духовный регламент он трактовал как доказательство

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 21 об.

² Татищев В. Н. Записки. Письма 1717—1750 гг. М., 1990. С. 68.

³ Там же. С. 66—67.

своей правоты, считая, что дети духовенства должны учиться: «А ежели вы мните, что без указа от Синода учинить не смеете, и в том вас ясно обличает Духовный устав о учинении училищ, подписанный Синодом и выше. Однако ж, хотя б того и не было, но ты, где хочешь не токмо неповеленное, но и весьма от Синода запрещенное делаете без опасения, исполняя свою корысть»¹.

В записной книге входящих и исходящих дел Исетских заводов (будущего Екатеринбургского завода) за 8 июля 1723 г. зарегистрирована копия письма Татищева протопопу, «при том же от протопопа с ведением копия»², т.е. протопоп ответил Татищеву, а Татищев уведомил об этом начальника заводов Геннина — отправил ему копии своего письма и ответа протопопа. В. И. Геннин занял правильную позицию, посоветовав Татищеву жаловаться архиерею.

Перед отъездом из Кунгура 29 сентября 1723 г. Татищев отправил письмо епископу Вятскому и Великопермскому³. Накануне он узнал от Геннина, что следствие закончено, он оправдан и допущен Петром I к делам⁴. Изменение положения Татищева сказалось на содержании письма, оно написано в довольно резких тонах и полно сарказма. Татищев жаловался на кунгурского инквизитора И. Веселкова, который, вопреки повелению Синода, не уничтожил старообрядческую часовню в городе, «верх сломал, однако ж иконы не вынесены, и по вся недели ходил сам во оную для сребролюбия своего молебствовать...». Из письма становится ясно, как мотивировал кунгурский протопоп неотдачу части детей в горнозаводскую школу: «ответ, которой и малым рабятam в смех, будто они имели в 1720-м году вашего преосв[ященства] указ о высылке детей их на Вятку, и оные за распутием не послали, а ныне посылают. И по тому видно: явная отговорка и нехотение — будто в три годы не имели они доброго пути к езде!».

Заметим, Татищев возмущался нежеланием духовенства учить детей не только в горнозаводских, но и в духовных школах и уже не

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма 1717—1750 гг. М., 1990. С. 66—67.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 38 об.

³ См. об этом: Татищев В. Н. Записки. Письма... С. 67—69.

⁴ См.: Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 113.

требовал отдачи детей именно в кунгурскую школу: «...доношу, дабы вы соблаговолили к пресечению таких противностей свой труд приложить, а об отдаче церковных служителей детей их в школу прислать к кому надлежит указ, понеже о сочинении школ правительствующий Синод, веледушно прилежа, указами во все епархии и для изъяснения от оных подлежащих польз печатными книгами объявили, которое вашему преосв[ященству] не без известно».

По сути, Татищев указывал духовному чину на то, что его предписания, как и предписания самого Синода, в Кунгурском уезде не исполняются, и поскольку сам епископ подтвердительных указов на места об обучении детей после 1720 г., видимо, не рассылал, то Татищев ему невольно о выполнении долга напомнил. Не получилось у него с привлечением детей церковничьих в кунгурскую школу, так пусть епископ побеспокоится и заберет их в школу архиерейскую на Вятку — так, на наш взгляд, рассуждал Татищев.

Заметим, новый начальник заводов В.И. Геннин, в отличие от Татищева, во время поездки на Егошихинский завод и в Кунгур в ноябре-декабре 1723 г. не интересовался деятельностью кунгурской школы: ни одной записи об этом нет в его дневальной книге, лишь указ о смене учителя в связи с производственной необходимостью¹.

По-видимому, глава Вятской епархии на письмо Татищева отреагировал: 10 ноября 1723 г. в книге входящих и исходящих дел Исетских заводов записано: «Доношение с Кунгура от протопопа Иоанна Антониева, чтоб из школы кунгурской поповских и церковных причетниковых детей, которые обучаются в школе, прислать на Кунгур в святительской двор для отсылки в Хлынов в архиерейской приказ»². Письмо Татищева сработало: духовные власти решили забрать в архиерейскую школу не только остававшихся вне учения детей из домов их отцов, но и обучавшихся в горнозаводской школе. Они начали борьбу за возврат детей из духовного сословия под свое крыло, тем более что и действующее законодательство было на их стороне.

Но горное ведомство не собиралось расставаться с обученными за счет уральских заводов церковно-служительскими детьми. На до-

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 19. Л. 100—107.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 132 об.

ношении протопопа Геннин сделал помету: «по сему доношению писать в Берг-коллегию и послать копию, повелят ли их [детей] отдать, а в Кунгур капитану Татищеву взять с собою ведомость». Татищев, уезжая в столицу, должен был задержаться по делам в Кунгуре, проконтролировать ход строительства Егошихинского завода, ему, видимо, поручалось сверить с ведомостью наличный состав учеников, продолжавших обучаться в кунгурской школе. Поскольку с Татищевым отправлялась в Берг-коллегию и копия с доношения протопопа, ясно, что решение вопроса об обучаемых в Кунгурской школе церковничьих детях отдавалось на усмотрение центрального органа управления горнозаводской промышленностью.

В Берг-коллегии хорошо понимали, что права духовного ведомства на своих людей закреплены рядом законодательных норм и им нельзя противоречить. Вероятно, поэтому при рассмотрении доношения Геннина от 18 ноября 1723 г., состоящего из ряда пунктов, по вопросу об обучении церковничьих детей в горнозаводских школах члены коллегии никакого решения не приняли¹. Правда, в ноябре 1726 г. в обер-бергамте заслушивался указ Берг-коллегии, разрешавший принимать к горным делам для обучения «охотою» вольных людей из дворцовых крестьян, купечества и церковничьих детей².

В феврале 1724 г., рассматривая штаты уральских заводов, Берг-коллегия предложила слить Кунгурскую школу с Екатеринбургской арифметической, установить общее число учащихся на жалованье в школах до 100 человек³. В июне 1725 г. это предписание коллегии о слиянии школ было претворено в жизнь. Согласно присланному доношению капитана Берглина и реестру учеников Кунгурской школы, в ней числилось 14 человек, причем пятеро новеньких, в списках 1723 г. не фигурировавших, социальное происхождение которых остается неизвестным⁴. Можно предположить, что они попали в школу в результате усилий Татищева в ноябре 1723 г.

¹ См.: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 751. Л. 182.

² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 194. Л. 402 об.

³ См.: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 758. Л. 17 об., 21 об.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 52. Л. 448—449 об.

С учителем шихтмейстером Одинцовым прибыло в Екатеринбург только четверо: сын комиссара Д. Попов, сын пономаря Г. Токарев и двое новеньких И. Соколов и И. Богомолов. Сын попа М. Мизинов находился «у письма» на Егошихинском заводе, и его разрешили оставить там, если он окончил курс наук, если нет — прислать в Екатеринбургскую школу. Его прислали после составления рапортов и счетов «прошлых лет».¹ Трое (сын подьячего Кадешникова и двое новеньких) были оставлены до вызова начальства, пятеро (дети попов, пономаря и новенький) числились больными.

В августе 1725 г. явилось трое болевших, младший сын попа П. Веселков, пономаря — Ф. Розмахнин и новенький — И. Яковлев. Сын попа И. Бочкарев прибыл по выздоровлении лишь в октябре 1725 г. Обер-бергамт потребовал прислать еще двух детей попов — беглого Ф. Демакова и болевшего И. Веселкова². Таким образом, можно считать, что горнозаводские власти и в середине 20-х гг. XVIII в. не отказались от использования детей духовенства, прошедших курс обучения в горнозаводских школах, в интересах своего ведомства, продолжали учить их в Екатеринбургской школе.

Дети духовенства с 1721 г. по инициативе Татищева начали привлекаться наряду с детьми мастеровых и в первые словесные школы, открытые при Уктусском и Алапаевском заводах, в Уктусскую арифметическую. Это была территория, непосредственно подведомственная горному начальству со всем ее населением. Служителей культа в церквях заводских поселков, в селениях приписных к заводам слобод Татищев рассматривал как составную часть горнозаводского населения и считал возможным использовать их в интересах своего ведомства, в том числе привлекать для обучения в горнозаводские школы.

На протяжении 1721 г. Татищев вынес ряд предписаний, касавшихся как сбора церковничьих детей в школы вместе с детьми подьячих и мастеровых, так и обучения детей в школах дьячкам. Поскольку Генеральным регламентом предписывалось все дела в учреждениях вести коллегиально, большинство решений Татищев выносил вместе с членом начальства И. Блиером, но, безусловно, иници-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 58.

² См.: Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 140, 169; Ф. 24. Оп. 1. Д. 52. Л. 453.

атором их был он сам. В июне 1721 г. во время посещения Алапаевского завода был вынесен приговор: «Алапаевских заводов и приписанных слободах церковничьих, подьяческих, детей боярских и мастеров детей их велите обучать читать и писать дьячком церковным, которым за труд на заводе давать по наказу, а в слободах впредь определено будет. Ежели же оныя дьячки или отцы детей своих обучать не похотят, то оные взяты будут на Уктусские заводы для обучения, а преслушники наказаны будут»¹.

Во время поездки на Алапаевский завод Татищев лично послал указ в Мурзинскую слободу о высылке детей подьяческих, церковничьих, писчиков, детей боярских от 5 до 15 лет на смотр на Алапаевский завод². Видимо, он сам просматривал росписи детей Алапаевского завода, Арамашевской, Мурзинской, Уткинской, Невьянской слобод.

Татищев не преминул обратить внимание светских властей на попытки духовенства уклониться от отдачи своих детей для обучения. В июне 1721 г., под впечатлением от поездки Татищев пожаловался сибирскому губернатору Алексею Черкасскому: невянский поп, узнав о сборе детей церковничьих и подьяческих для обучения грамоте и арифметике, сына пономаря, уже назначенного в солдаты, но за малолетством оставленного, который едва часослов читал, женил на своей дочери и поставил в дьяконы без известия прихожан. Так же поступил и поп на Алапаевском заводе, 16-летнего сына женил и в дьяконы поставил, «где дьякона не бывало и за малостию прихода быть не у чего». Не имея прав вмешиваться в решения епархиальных властей о поставлении в дьяконы, Татищев попытался во-влечь в противодействие таким решениям губернские власти: «И хотя сие архиере[й]ское посвящение как по правам духовным, так и по Уложению опровергается, однако ж я ничего в этом делать не имею, но прошу вашего на то указа, что об оных повелите»³.

В январе 1722 г., уезжая по делам в Москву, Татищев предписал в наказе комиссару Т. Бурцеву собрать знающих грамоту детей

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 91.

² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 256 об.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 231—231 об.

с Алапаевского завода в Уктусскую арифметическую школу: «которые робята подьяческие, дворянские и церковничьи писать умеют, тех взять суда для обучения арифметику, однако ж из одного дому по два не брать»; назначить им сиротское жалованье, «понеже родителем их прокормить за дальностию не способно»¹.

К сожалению, ведомости об успехах учащихся первых заводских школ составлялись редко, сохранились не полностью, лишь в единичных случаях в них указаны должности отцов, не отмечен возраст учащихся, поэтому мы не имеем точных данных о числе церковничьих детей в заводских школах. Неизвестно также, сколько их обучалось в словесной школе Алапаевского завода и в приписных слободах, в частности в Невьянской. В Уктусской словесной школе в марте 1722 г. учился лишь единственный сын попа — Василий Бирюков, который был одним из лучших по успехам: вместе с двумя детьми мастеровых читал псалтирь, в то время как 23 ученика читали часослов, а двое — азбуку². В мае 1723 г. среди 36 учащихся Уктусской словесной школы числилось уже пятеро детей духовного сословия (около 14 %): в письме — «церковничьи дети» Иван Широков, Семен Кобелев, Василий Селиванов; «поповской сын» Василий Бирюков; «в часословах» — поповский сын Егор Кобелев³. Благодаря подаче прошения о назначении жалованья (май 1723) мы узнаем, что четверо церковничьих детей были взяты в школу в марте 1723 г. — И. Широков из Колчеданского острога, находившегося в 120 верстах от Уктусского завода; трое — из Багарякской слободы за 133 версты⁴. Показательно, что они уже начали учиться чтению на дому. В декабре 1723 г. И. Широков — в арифметической школе, среди 16 других просителей о денежном жалованье⁵. В ведомости словесной школы за март 1724 г. из церковничьих числился лишь Бирюков, а С. и Е. Кобелевы показаны в бегах⁶.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 177 об.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 86 об.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 3—3 об.

⁴ Там же. Д. 22. Л. 643.

⁵ Там же. Д. 26. Л. 71.

⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 181 об.

Нам известна лишь одна ведомость Уктусской арифметической школы за апрель 1722 г., но должности отцов учеников в ней не указаны¹. Можно лишь утверждать, что в арифметическую школу был взят сын дьячка, учителя Уктусской словесной школы, Ларион Грамотчиков, числившийся вторым по успехам: он учил «тройное правило в обратительных». Сын пономаря Бруснятского села Арамильского дистрикта Кондратий Грамотчиков ни в одном из известных нам списков не упоминался, но, судя по справке 1731 г., был взят в Уктусскую словесную школу в 1721 г., в январе 1723 о его успехах в науке давал сведения по запросу начальства учитель арифметической школы. В заводских штатах 1726 г. упоминаются фамилии еще двух бывших учеников как «церковничьих детей» — Семена Попова и Леонтия Кузовникова, в документе 1731 г. — поповский сын Иван Кулемин².

С 1723 г., после передачи Каменского завода из ведения сибирского губернатора заводским властям, детей церковнослужителей стали забирать и из слобод, приписанных к этому заводу. Видимо, передача Каменского завода и послужила поводом для проведения нового сбора грамотных детей с территории всех трех заводов и приписных к ним слобод в Уктусскую арифметическую школу. 8 февраля 1723 г. был прислан указ из Тобольска о передаче завода горному ведомству³, а уже 19 февраля В. И. Геннин предписал сержанту Украинцеву ехать на Уктусский и другие заводы «и со оных заводов и из слобод выслать всех подьяческих и церковничьих детей в Уктусские заводы, которые выше 12 лет и грамоте умеющие»⁴. Не прошло и 10 дней, как с Каменского завода были взяты учиться арифметике на Уктус двое детей отставного дьячка местной церкви Якова Попова. Об этом мы узнаем из его прошения: перебравшись с Каменского завода вслед за детьми, он в начале 1724 г. просил определить его учителем в Уктусскую словесную школу⁵. Сбор был широким:

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 12—12 об.

² См.: Там же. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 4; Д. 10. Л. 98; Оп. 1. Д. 220. Л. 390.

³ См.: Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 19 об.

⁴ Там же. Д. 47. Л. 202 об.

⁵ См.: Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 97.

в мае 1723 г. 13 учеников, взятых с Алапаевского и Каменского заводов и близлежащих слобод, просили о назначении им казенного жалованья¹. К сожалению, должности отцов при этом указаны не были, но церковничьи дети среди них были. Из Бруснянского погоста Арамилской слободы был взят Иван Бирюков (возможно, брат Василия, числившегося в словесной школе сыном попа). Примечательно, что Иван уже учил действия с дробями. На принадлежность Трифона Попова к церковничьим детям указывает заводская табель 1726 г.² Среди учеников арифметической школы, также просителей жалованья, — Семен Попов, Леонтий Кузовников, Иван Кулемин.

В октябре 1723г. Татищев, допущенный в связи с оправданием его следствием к полному управлению заводскими делами, составил новый наказ заводскому комиссару Ф. Неклюдову. В ведении последнего находилось уже четыре казенных завода: наряду с Уктусским и Алапаевским также Каменский и строящийся Екатеринбургский. Согласно наказу, на всех четырех казенных заводах должны были действовать словесные школы, в Екатеринбурге — арифметическая. Состав учащихся сохранялся прежним: «На всех заводах собрать детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех завоцких жителей, и оных обучать читать, писать, арифметики, геометрии и чертежей...»³. Заметим, детей церковнослужителей Татищев поставил первыми в перечне будущих учащихся.

В 1724 г. во исполнение этого наказа комиссар Ф. Неклюдов разослал на Уктусский, Алапаевский и Каменский заводы указы о проведении переписи детей на заводах и в дистриктах, т. е. приписных к ним слободах, дети церковнослужителей продолжали фигурировать среди подлежащих обучению. С Уктусского завода был взят в словесную школу один из церковничьих детей — сын дьячка Грамотчикова, бывшего учителя, Ульян⁴.

Однако, как свидетельствует изучение описей входящих и исходящих дел Сибирского обер-бергамта, духовные власти Сибирской

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 643.

² См.: Там же. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 4; Д. 10. Л. 98; Оп. 1. Д. 220. Л. 390.

³ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 87.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 516; Д. 6. Л. 686 об.

епархии начали войну с горным ведомством за церковничьих детей. В одной из описей 1724 г. числится «Промемория из архиерейского приказа о учени[и] церковничьих детей во архиерейских школах». В 1725 г. зарегистрирована промемория из того же приказа об обучении в Тобольской школе церковничьих детей¹.

В июле 1724 г. в Сибирский обер-бергамт поступила промемория из Тобольского архиерейского приказа с жалобой на действия местных заводских властей². В ней сообщалось, что митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию жаловались священник Троицкой церкви Катайского острога Н. Осипов с причетниками и дьячек Ильинской церкви А. Иванов: присылаются-де от командиров Каменского завода драгуны с памятью (без подписи) и забирают их в заводскую контору писать всякие дела помесечно под караулом, с неумеющих писать скорописью берут «за письмо подьячим» по 8 гривен на месяц, «и тем чинят немалое разорение, а в церковном служении остановку».

Просители жаловались: «детей де их малолетных и к школьному учению негодных берут в школы, не объявляя им в том архиерейских послушных указов», а по каким указам то делается, неизвестно. Митрополит навел справки. Указом Синода митрополиту (декабрь 1723) сообщалось, что по именному указу поповских и причетнических детей, не положенных в подушный оклад, предписывалось «неволею взять в школы». Синод во исполнение этого указа приговорил: церковничьих детей от 7 до 18 лет переписать во всех епархиях архиереям и определить в школы. Четыре таких указа было прислано митрополиту в 1723 г. с приложением букварей и грамматик. Таким образом, высший орган управления церковью приступил к практическому претворению в жизнь законодательных норм об обучении молодого поколения как надежды будущего священства. Перепись детей в епархии была проведена, в Тобольскую архиерейскую школу поступило «значительное число» детей, троих из них послали в Новгородскую школу для обучения грамматики, чтобы потом они обучали детей в Тобольске. Архиерейский приказ разослал и подтверждающие указы на места о сборе оставшихся церковничьих детей в тобольскую школу.

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148. Л. 396 об., 447.

² См.: Там же. Д. 47. Л. 200—201.

В связи с этим митрополит приказал следующее: запросить Сибирский обер-бергamt, имеются ли там Е.и.в. указы об обучении церковничьих детей в тамошних школах, использовании причетников для письма и взимании с них 8-гривенного сбора; если такие указы есть, то прислать с них копии, а если нет, то таких обид причту церковному он чинить отныне не позволит, деньги требует возвратить, «и от обидящих по изследствию оборонить».

Только в сентябре 1724 г. члены Сибирского обер-бергамта заслушали эту промеморию, потребовали ответа у управляющего Каменской заводской конторы И. Аврамова, почему он так поступал? Аврамов сослался на ордер начальника заводов В. И. Геннина, предписавшего требовать работников в земской конторе, а не в заводской, а для записи работников брать «из дьячковых» одного человека, как было в 1723 г., а о тех, что силой брались или платили 8 гривен, известий нет и от дьячков челобитий не было. Сообщалось, что перепись детей на Каменском заводе и в дистрикте была проведена в соответствии с инструкцией заводскому комиссару Ф. Неклюдову: переписывали всех детей от 7 до 15 лет, кроме крестьян и бобылей в марте 1724 г., но разбора переписи еще не было из-за отсутствия книг для обучения¹.

В обер-бергамте были сделаны выписки из распоряжений горного ведомства, касавшихся обучения церковничьих детей, начиная с указа Берг-коллегии 1721 г. Цитировались именные указы от 29 апреля 1722 г. и 11 января 1724 г. начальнику заводов де Геннину, разрешавшие ему требовать людей к строению и управлению заводов от сибирского губернатора. Уктусскому попу А. Савину предписывалось сделать выписки из указов Синода об обучении детей духовенства. В конечном счете в архиерейский приказ вынуждены были отписать, что указа о том, чтобы брать в школы малолетних детей церковнослужителей, а также о 8 гривнах за письмо подьячим в обер-бергамте нет.

Заводские власти с середины 1725 г.² перестали требовать церковничьих детей в две единственные школы, оставшиеся при Екатеринбургском заводе, — словесную и арифметическую. Но они продолжали противиться самовольной отлучке детей духовенства от

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Л. 207 об. — 208.

² В статье редактором неверно исправлено: с 1724 г.

школ и от дел. В описях входящих и исходящих документов Сибирского обер-бергамта за 1724 г. зафиксированы указы гренадеру о сыске ученика Уктусской арифметической школы Семена Попова и канониру — «о запечатывании двора и пожитков в Багорядской слободе у попа Федора»; поручная о попе, чтоб искать ему сына Семена; «промемория в Тобольск к архиерею о присылке и о непоставлении во дьяконы этого школьника»¹.

В ноябре 1725 г. сбежал уже определенный из Уктусской школы к делам писчик В. Бирюков. Обер-бергамт тотчас же постановил: о сыске и поимке публиковать указы в подчиненные команды, а от губернских властей и архиерейского приказа требовать не определять его к делам и не поставлять в священники, ибо, «хотя и действительно попа сын, но токмо обучался при завоцкой школе и получал из завоцкой суммы жалования и быть потребен при горных делах. И впредь, дабы беглых из завоцкой школы по тому ж не производить ни в какой чин от губернии, дабы от того в правлении горных дел какой остановки не учинилось»².

Семен Кобелев из словесной школы Уктусского завода был переведен в арифметическую, а в 1724 г. определен в доменные ученики на Екатеринбургский завод. В 1730 г. его обожгло чугуном, месяца три он лечился в госпитале. Проработав с месяц снова при домне, понял, что такая работа «не в мочь» после увечья, и бежал в Тобольск. В обер-бергамте определили: «отбыть хочет тем от государева дела», просили митрополита, как явится Кобелев, заковать его и слать в Екатеринбург. Но митрополит поставил сына попа в дьяконы в родную Багарякскую слободу³.

В связи с этим случаем Сибирский обер-бергамт в 1731 г. сделал запрос на заводы, имеются ли дети церковнослужителей у дел, когда и по какому указу они направлены, кем трудятся. Согласно наведенным справкам на четырехзаводах числилось всего пять таких детей. Сын дьячка Алексей Муромцев был прислан на Верх-Исетский завод в 1726 г. уже молотовым мастером (такой фамилии в известных нам школьных ведомостях не встречалось). На Алапаевском заводе

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148. Л. 322 об., 316, 363, 322 об., 316.

² Там же. Оп. 12. Д. 193. Л. 128 об.

³ См.: Там же. Оп. 1. Д. 220. Л. 367—370.

в подканцеляристах трудился сын дьячка из г. Чердыни Андрей Попов, ранее он был подьячим Каменского завода, в 1726 г. был прислан на Алапаевский завод к приходу и расходу денежной казны. Иван Кулемин, сын попа, с 1726 по 1731 г. работал шмельцером при Полевском заводе, хотя в 1723 г. параллельно с обучением геометрии в школе учился также плотинному делу; шмельцером трудился на Полевском заводе и Ф. Розмахнин, учившийся в Кунгурской арифметической¹.

На деле же круг выходцев из духовного сословия, выпускников горнозаводских школ, работавших в заводском ведомстве, был гораздо шире. Только в Табели работников и мастеровых уральских казенных заводов 1726 г. названо по меньшей мере 5 детей церковнослужителей, бывших учащихся уктусских школ, а также 8 учеников школы города Кунгура.

Из кунгурских школьников Петр Веселков, переведенный в Екатеринбург в 1725 г., трудился писчиком в Екатеринбургской заводской конторе. О. Хлопин и Л. Попов — писчиками в конторе Егояхинского завода; А. Пестерев и И. Батрунов трудились шмельцерами, Е. Казаков — гармахером (на очистке меди при гармахерском горне); А. Свиныин — гончарным учеником в лаборатории Пермского обер-бергамта, Г. Черепанов — там же пробирным учеником. Из них Пестерев сделал карьеру при заводах — вышел в горные офицеры.

Выпускники Уктусской арифметической школы Т. Попов, молодой подьячий, за неимением людей в 1726 г. был назначен исполнять обязанности среднего подьячего в конторе Екатеринбургского завода; С. Попов и Л. Кузовников при этом заводе числились учениками плавильного дела.

В феврале 1723 г. по распоряжению Татищева ученик арифметической школы Уктуса Ларион Грамотчиков был определен в ученики к делу мехов (приспособлений для подачи дутья в горны) и параллельно продолжал учиться в школе, летом окончательно перешел в ученики к мастерам Кайзерам, в мае 1725 г. он произведен в меховые подмастерья, по табели 1726 г. числился уже мастером².

¹ См. об этом: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 220.Л. 387, 388, 390.

² Там же. Д. 23 а. Л. 635; Д. 64. Л. 37 об. — 38; Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 27 об.

Сын пономаря Бруснятского села Арамильского дистрикта Кондратий Грамотчиков ни в одном из известных нам списков не упоминался, но, судя по справке 1731 г., был взят в Уктусскую словесную школу в 1721 г., в январе 1723 г. был определен в ученики к пробирному делу на Екатеринбургский завод и числился там в 1731 г.¹

Василий Бирюков долго использовался как писчик при фабриках Екатеринбургского завода без жалованья, в ноябре 1725 он бежал. Только в январе 1727 г. В. Бирюков был официально распределен в контору Алапаевского завода, в 1730 г. числился копиистом горного повытья Сибирского обер-бергамта. Иван Широков в 1728 г. трудился подьячим в его счетном повытье, в 1732 г. был переведен в подканцеляристы².

Эти далеко не полные данные позволяют сделать вывод, что часть детей духовенства, привлеченных в горнозаводские школы Урала в 1721—1725 гг., покинула свое сословие и осталась служить при заводах. Горнозаводские власти и духовное ведомство вели между собой борьбу за детей церковнослужителей между собой. С 1724 г. их приток в горнозаводские школы прекратился. В 1726 г. в сводных ведомостях екатеринбургских школ числилось всего четверо церковничьих детей, в 1727 — двое; в последующем они снова начали активно привлекаться лишь в 1735—1738 гг., в период второго руководства В. Н. Татищева заводами Урала, но тогда духовное ведомство сумело отстоять их от распределения к заводским делам и вернуло в лоно церкви.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 220. Л. 389.

² См.: Там же. Оп. 12. Д. 163. Л. 128 об.; Д. 195. Л. 29; Д. 201, Л. 157 об.; Д. 196. Л. 62; Д. 205. Л. 355 об.

РОЛЬ В. Н. ТАТИЩЕВА В РАСПРОСТРАНЕНИИ ДЕТСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НА КАЗЕННЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА В 20-е и 30-е гг. XVIII в.*

На горнозаводском Урале в первой половине XVIII в. сложилась уникальная ситуация, превратившая его в передовой в отношении школьного обучения регион Российской империи. Этому способствовали два фактора: 1) здесь оформился крупнейший в Европе центр металлургической промышленности, 2) руководил казенными заводами края в 1720—1722 и 1734—1739 гг. выдающийся государственный деятель В. Н. Татищев, в открытии школ и распространении грамотности видевший важнейшее средство, содействующее развитию экономики и культуры. Именно на Урале Татищев наиболее широко успел претворить свои идеи в жизнь, сформировал сравнительно разветвленную сеть школ, провозгласил обязательность обучения в них детей определенных сословий, обеспечение их бесплатными учебниками, казенным жалованьем, строгое наблюдение со стороны властей за сбором детей в школы.

Горнозаводские школы сыграли выдающуюся роль в распространении грамотности не только среди детей мастеровых и заводских работников, но и разночинцев, проживавших при заводах и в приписных к ним слободах, а также детей солдат, основной контингент которых сосредотачивался в Екатеринбурге. С 1735 г. обучение в школах было объявлено обязательным и для детей горной администрации, в первую очередь дворян, обучавшихся ранее на дому. Школы горного ведомства в результате настояний Татищева и вопреки действовавшему законодательству, предписывавшему обучать детей духовного сословия в школах архиерейских, сыграли важную роль

* Ранее в сокращенном виде опубликовано в кн.: Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18—19 нояб. 2015 г.). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. С. 82—89.

и в обучении этих детей грамоте на всей территории заводского ведомства.

Согласно наказу Татищева заводскому комиссару Т. Бурцеву (февраль 1721 г.) словесные школы в том же году начали действовать при Уктусском и Алапаевском заводах, находившихся в ведении Канцелярии горных дел. В них стали обучаться дети мастеровых, по указу Татищева из приписных к заводам слобод высылались на смотр дети подьячих, церковнослужителей, детей боярских от 5 до 15 лет. Известен ряд распоряжений Татищева об открытии школ для детей крестьян в приписных к заводам слободах и, как нам удалось установить, в 2-х или 3-х они действовали. Эти школы для детей крестьян в начале 1720-х гг. на Урале — единственные известные в России на первую половину XVIII в.

В сентябре 1721 г. Татищев ввел подачу ведомостей о школьниках в Горное начальство по третям года, но составлялись они нерегулярно. Наличие 6 ведомостей от Уктусской школы позволяет утверждать, что за 4 года ее деятельности по меньшей мере 94 подростка обучились грамоте. На Алапаевском заводе в 1723 г. постигали грамоту 35 детей. Согласно наказу Татищева комиссару Ф. Неклюдову, составленному в октябре 1723 г., словесные школы должны были действовать при всех четырех казенных заводах, в т. ч. при Каменском, перешедшем под контроль горных властей от Сибирской губернии в феврале 1723 г., и строящемся Екатеринбургском. В мае 1725 г. все ученики с периферии были сосредоточены в Екатеринбургской словесной школе, остававшейся на протяжении 10 лет, до 1735 г., единственной при казенных заводах, в нее время от времени собирали учеников и с других заводов.

В марте 1734 г. Татищев второй раз был назначен начальником заводов Урала и Сибири. К этому времени на Урале действовало уже 12 казенных предприятий: к 4, действовавшему в начале 20-х гг., прибавились еще 8: Егояхинский (1723), Пыскорский (1723), Лялинский (1723), Полевской (1724), Синячихинский (1724), Верхне-Уктусский или цесаревны Елизаветы (1725), Верх-Исетский (1726), Сысертский или императрицы Анны (1732). При Татищеве начали строиться и были пущены в строй еще 7: Северский (1735), Юговской (1735), Висимский (1736), Сусанский (1737), в 1739 — Туринский, Кушвинский, Сылвенский.

8 октября 1734 г. Татищев принял управление заводами от де Геннина, а уже 22 октября решено было провести перепись детей школьного возраста — дворян, разночинцев, однодворцев, духовенства, подьячих, мастеровых от 6 лет и старше, проживавших при всех заводах и в слободах. Это решение предопределило широкий состав учащих будущих школ. Благодаря настояниям Татищева переписи детей повторялись через год-другой, и все дети, за исключением крестьян и ссыльнопоселенцев, подлежали обязательному обучению. В результате этого грамотность детей на казенных заводах стала приближаться к стопроцентной — лишь больные дети в школы не принимались.

4 января 1735 г. по инициативе Татищева уральское начальство предписало: «О школах послать на все заводы указ, чтоб немедленно потребные к тому покои выстроили и прежде хотя б словесному, взяв дьячков или кто способен к научению явится, и собрав детей, читать и писать обучили, а затем арифметики и геометрии обучать определенным ныне шихтмейстерам или надзирателям работ».

8 февраля 1735 г. в Екатеринбургскую словесную приказывалось собрать детей с 7 лет с этого завода, Верх-Исетского, обоих Уктусских, находившихся на расстоянии соответственно 3, 7 и 11 верст; со всех заводов и дистриктов «детей поповых и церковничьих ... выслать сюда, невзирая ни на какие их отговорки, хотя и показывать будут, что оные назначены в архиерейские школы, и как собраны будут, по тому ж обучать»; на всех заводах «учинить о зборе в школы против выше писанного ж каждому управителю в своем ведомстве». Татищев видел в детях духовенства потенциальных учащихся латинской школы, открытой в ноябре 1735 г. в Екатеринбурге, пока же хотел ускорить их обучение грамоте: под боком у начальства учителя могли быстрее привить им навыки чтения и письма.

В Екатеринбургскую словесную школу уже в марте 1735 г. были зачислены 35 человек, в т. ч. 9 детей церковнослужителей с Алапаевского завода и прилегающих слобод, в мае взяты еще четверо, но все 13 отправлены в школу Алапаевского завода, открывшуюся в июне 1735 г. В сентябре 1735 г. была составлена «ропись» детей и юношей, подлежащих обучению в Екатеринбургской школе. В ней числилось 217 детей «канцелярских жителей», «канонирския», «солдатские», «мастерские», подмастерские», кузнецов, каменщиков и т. д. Были учтены дети от 6 лет до 15. Но в «рописи» оказались

учтенными и 18 солдатских юношей — от 16 до 20 лет и выше, 17 «возрастных» детей мастеровых, сторожей, отставных от дел. Подростков 14-15 лет набралось 18 человек. На третий день после подачи «росписи» начальство предписало «разобрать» детей, которые явятся не годны в школу, представить в Канцелярию.

В последней трети 1735 г. в Екатеринбургской словесной школе стало обучаться 209 учеников, в первой трети 1736 г. — 239. В связи с переводом детей в школы, открывавшиеся при ближних заводах (Уктусском, Верх-Исетском) снижением возраста принимаемых (всех «великовозрастных» зачислили в школу в 1735—1736 гг.) число учащихся в Екатеринбурге стало снижаться: в 1737 г. от 193 до 179, в 1738 г. — от 136 до 133, в 1739 г. — от 114 до 105. Летом 1740 г. в связи с очередным большим приемом училось 120 человек. Всего за 7 лет в ней обучилось грамоте более 370 детей.

В 1735 г. было открыто еще 9 словесных школ: при Егошихинском заводе (март), Лялинском и в городе Кунгуре (апрель) Алапаевском (июнь), Пыскорском и Каменском (август), Уктусском (октябрь), Сысертском (ноябрь), Полевском (декабрь). В сентябре 1736 г. заработала школа при Верх-Исетском заводе. По штатному расписанию 1737 г. намечалось открытие школ при Синячихинском и новых Северском, Юговском, Висимском; строящихся Сусанском, Сылвенском, Туринском, Кушвинском. Появились лишь Кушвинская (1739) и Северская (1741 г.).

Но с заводов, где школ не было, дети забирались в близлежащие учебные заведения: с Синячихинского и Сусанского — на Алапаевский завод, с Висимского — на Пыскорский, с Юговского — на Егошихинский, с Северского — на Полевской (с 1735 до 1741 г., до появления собственной школы при Северском заводе, и с 1742 — после ее закрытия).

С 1735 власти стали пристально следить за пополнением школ, в некоторые из них зачисляли детей и из близлежащих слобод. Покажем это на примере Каменской словесной школы, открывшейся в августе 1735 г. Среди первых ее учеников 15 были с завода, 2 — из деревень Бродовской и Богатенковой, 1 — из Багарянской слободы, 18 — из Катайской, 5 — из Колчеданской и Калиновской. Они числились в ведомостях разночинцами.

Екатеринбургская земская контора сразу же направила в Каменскую школу детей церковнослужителей из слобод соседних дистриктов: из Красноярской и Пышминской Камышловского дистрикта, из слобод Крутихинского дистрикта, поскольку они находились ближе к Каменскому заводу, чем к Екатеринбургскому. Уже осенью число учащихся увеличилось до 61. В сентябре 1736 г. пришло 10 новичков. В январе, мае, сентябре 1737 г. приняли 36 учеников, среди них по-прежнему большинство составляли разночинцы (24), детей духовенства было 7, детей мастеровых — 4, сын подьячего — 1. В августе 1738 г. при заводе провели перепись детей с целью учета годных для обучения, в сентябре уральское начальство приказало: шестерых детей мастеровых определить в школу, девятерым «за малолетством до указных лет быть при отцах, а когда приспеют в указные лета, тогда их взять в школу». Это были дети доменных работников 2-х, 3-х и 4-х лет, четверо годовалых детей фурмовых работников, двое детей плотников 1 года и 4-х лет. Т. е. в 1738 г. все дети мастеровых на заводе от 7 до 15 лет были охвачены школьным обучением. Всего, по нашим подсчетам, в Каменской словесной школе с 1735 по 1742 г. обучился 151 человек.

На Пыскорском заводе, основанном в 1723 г., школа открылась в августе 1735 г., был принят 21 ученик, сюда направляли детей с Висимского завода, расположенного в 96 верстах — из-за малого числа детей (2-3 человека) школу там решили не открывать. За 7 с половиной лет деятельности школы, до конца 1742 г., было осуществлено 9 приемов детей (не считая поступления одиночек), обучено грамоте 63 человека. По социальному составу — это в основном дети заводских и горных работников (52), имелись дети подьячих (4), заводских сторожей (4), конюха (1), попов (2).

На Сысертском заводе, основанном в 1732 г., школа открылась 1 ноября 1735 г. для 33 учеников. В 1737 г. набрано еще 20 учеников 5—9 лет. В июле 1740 г. проведен третий большой набор (16 человек). Всего в школе по октябрь 1742 г. обучилось грамоте 76 детей.

На Полевском заводе 1 декабря 1735 г. было принято 53 ученика от 6 до 15 лет, в т. ч. 10 детей 6-7 лет и 9 подростков 14-15 лет. Среди них братья двух пономарей, сын попа, плотника, конюха, сторожа, остальные — дети мастеровых и работных людей. Число учеников постоянно пополнялось. Всего за 1735—1742 гг. в ней обучились грамоте 128 человек. На Алапаевском заводе с декабря 1735 г.

по 1741 г., по нашим подсчетам, обучалось 137 человек, более 100 детей — на Егошихинском заводе.

Самой маленькой школой была Кушвинская. Этот завод начал строиться с 1735 г., сразу же после открытия горы Благодать с богатым содержанием железной руды. На Кушву стали направляться рабочие люди с других заводов с семьями. 31 декабря 1737 г. уральское начальство потребовало от Кушвинской заводской конторы прислать роспись о детях заводских и горных служителях, годных в школу. Оказалось, что при строящемся Кушвинском заводе таких всего четверо — дети горного мастера 16 и 9 лет, горного ученика 9 лет и горного работника 6 лет; на близлежащем Туринском заводе (в 10 км) — пятеро, ранее они учились в Уктусской школе, а после перевода отцов с Елизаветинского завода на Туринский, «живут втуне». В феврале 1738 г. заводская контора запросила начальство, не отправить ли детей этих работников учиться в Екатеринбург. Начальство решило по другому: собрать их всех на Кушве (кроме 16-летнего) и обучать тамошнему попу. Но поп туда еще не был определен. Только в марте 1739, за полгода до пуска завода в строй, обучать детей начал ссыльный. В мае же месяце на Кушву пришло известие, что новые завода близ горы Благодать стали собственностью главы Генерал-берг-директориума К. фон Шемберга. Школа по инерции продолжала действовать, в октябре 1741 г. приняли 5 новичков 10-13 лет, в январе 1742 г. — 15-летнего сына шмельцера. В 1742 г. начался процесс возвращения заводов в казну, в мае 1743 г. в школе осталось всего 7 учеников, которых родители обучали за свой кошт.

Особое внимание с 1735 г. стало обращаться Татищевым на привлечение в горнозаводские школы детей духовенства, не взятых в семинарии Вятки и Tobольска. Наибольшее их количество сосредотачивалось в школе, открытой в городе Кунгуре в апреле 1736 г. и находившейся в ведении Пермской земской конторы, в которую собрали детей со всего уезда: 21 — попов, дьяконов, дьячков, пономарей; 12 подьяческих, 2 комиссарских.

Даже без учета 5 школ, по которым подсчеты учеников еще не сделаны (Уктусская, Верх-Исетская, Лялинская, Северская, Кунгура), можно говорить об обучении грамоте на горнозаводском Урале благодаря инициативе Татищева в 1721—1723, 1735—1742 гг. более 1 200 детей.

В 1742 г. из-за хронического перерасхода штатных сумм на школы уральское начальство сократило их сеть, оставив лишь в Екатеринбурге, Алапаевске, Полевском, Егошихе, стало набирать в школы сирот, детей солдат, отставных от работ, всех прочих — принимать без жалованья, по желанию родителей.

Согласно же переписи детей, проведенной по инициативе Татищева в 1735 г., на 14 частных заводах Урала числилось только по одному, двум грамотным среди детей надзирателей, приказчиков, подьячих. Лишь на Черноисточинском заводе знали грамоту 5 из 29 детей, на Невьянском — 33 из 158, где, по-видимому, обучали детей на дому раскольники. Только в 1765 г. открылась первая школа при Нижнетагильском заводе Демидова, в 1793 г. — училище в селе Ильинском баронов Строгановых.

**В. Н. ТАТИЩЕВ
И ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ
АРИФМЕТИЧЕСКИХ ШКОЛ
НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ
В 1720-е — 30-е гг.***

Известно, что по указу Петра I в России с 1714 г. начали открываться цифирные школы для обучения детей арифметике и геометрии. В связи с запрещением приема в них детей дворян (с 1716 г.), духовенства (с конца 1722 г.), организацией для них сословных школ, освобождением от обязательного обучения детей посадских возникли проблемы с набором в цифирные школы детей, умеющих читать и писать¹. В 1720 г. в Уфу, в 1722 г. в Вятку и Соль Камскую для преподавания в них были направлены выпускники Морской академии, но из-за проблем с набором учащихся в середине 20-х гг. действовала лишь одна цифирная школа в Уфе. Между тем благодаря В. Н. Татищеву, возглавлявшему заводы Урала в 1720—1722 и 1734—1739 гг., была сформирована сравнительно широкая сеть арифметических школ при казенных заводах, сыгравших большую роль в подготовке квалифицированных кадров для предприятий.

В 1720 г. на Урале действовало 3 завода, принадлежавших казне, Уктусский, Алапаевский и Каменский, причем последний до 1723 г. находился в ведении властей Сибирской губернии. Если словесные школы в 1721 г. В. Н. Татищев открыл по своей инициативе, то ариф-

* См.: Астраханские Петровские чтения. Материалы I Всероссийской научной конференции, приуроченной к 330-летию со дня рождения В. Н. Татищева / Отв. ред. и сост. Е. Г. Тимофеева, И. В. Торопицын, А. О. Тюрин. Астрахань, 2016. (в печати).

¹ См.: Сафронова А. М., Кравченко О. С. Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2015. № 1 (136). С. 112—126.

метические — с санкции Берг-коллегии, которую просил в доношении от 13 сентября 1720 г. о разрешении обучить до 30 дворянских детей Сибирской губернии, не высланных в столичные школы, а если их будет недостаточно, то и подьяческих горным делам. Определение коллегии об обучении детей подьяческих и церковнослужителей цифири, геометрии и горным делам последовало 29 ноября 1720 г. Дворянскими детьми Берг-коллегия распорядиться не решилась, а церковничьих включила по собственному почину — Духовный регламент, положивший начало созданию сословных школ для детей духовенства, был издан позднее, в январе 1721 г. Указ Берг-коллегии пришел на Урал только в мае 1721 г. На его основе в мае же 1721 г. В. Н. Татищев открыл арифметическую школу при Уктусском заводе, а в сентябре — и в городе Кунгуре¹.

В Уктусскую были собраны подростки, обучившиеся грамоте на дому с Уктусского, Алапаевского заводов и приписных к ним слобод, вскоре ее пополнили и выпускники словесных школ этих заводов. С 1723 г., после перехода Каменского завода под контроль уральского горного начальства, грамотная молодежь стала забираться и с этого завода и прилегающих к нему слобод. В Кунгуре и уезде в ходе переписи годных к обучению арифметике детей было зарегистрировано 34, но 14 из них пришлось отпустить по домам из-за незнания грамоты, четверо прибыло «своею охотою». В школу зачислили 11 детей церковничьих, посадских, подьяческих в возрасте 10—12 лет, прошедших обучение чтению, письму и началам арифметики на дому; пятерых наиболее продвинутых в письме взяли в школу для окончания обучения письму. Дети подьячих и посадских людей находились в ведении вятского воеводы, но благодаря указу Берг-коллегии их удалось привлечь к обучению в школе горного ведомства.

Татищев просил сибирского губернатора А. М. Черкасского прислать для работы в арифметических школах двух-трех выпускников из Тобольска — там действовала одна из крупнейших в России цифирных школ, — но получил отказ². Пришлось поручить ведение за-

¹ См.: Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2014. С. 96—97.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 117—117 об.

нятий в них выпускникам московской Артиллерийской школы, прибывшим на Урал вместе с Татищевым — шихтмейстерам Степану Братцеву на Уктусе и Дмитрию Одинцову в Кунгуре. Преподавание в школе они сочетали с исполнением своих основных обязанностей в припасной конторе и на руднике, не получая какой-либо дополнительной оплаты. Только в 1723 г., по прибытию из Москвы новой партии артиллерийских школьников, в Уктусскую арифметическую был назначен первый «освобожденный» учитель, солдатский сын Петр Рыбников.

На примере Уктусской школы, в отношении которой сохранилось больше документов, мы видим активное распределение ее учащихся к делам. Уже в феврале 1723 г. 12 из них, приступивших к геометрии, были направлены в качестве учеников к специалистам — по два «в меховую», «к доменному», «к фурмовому», «к плотинному» и 1 — к лекарю. Замечательно указание Татищева: «оним до обеда быть в школе, а после обеда, доколе геометрию окончат, у своих ремесел». Трое школьников были направлены в Горную канцелярию «для письма». В 1723 г. еще двое учеников было взято к гармахерскому делу, двое — «для научения проб», один — в заводскую контору «к письму»¹, т. е. уже на втором году деятельности школы к делам было направлено 17 учащихся, почти весь состав арифметической школы. В 1724 г. было распределено еще 5 человек — к шпикарной работе, медному делу, к гармахерским делам, к письму, а один отправлен с Татищевым в Москву².

В октябре 1723 г. Татищев составил Наказ заводскому комиссару Ф. Неклюдову, под контроль которого передавались уже 4 завода, включая строящийся Екатеринбургский. Согласно главе 11-й, посвященной школам³, предполагалось Уктусскую арифметическую школу перевести в Екатеринбург, так как для параллельного обучения арифметике в двух близлежащих центрах не было еще достаточного числа знающих грамоту детей. В Екатеринбургскую арифметическую должны были переводить учеников, закончивших словесные школы со всех четырех заводах. По мере подготовки грамотных

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 148. Л. 284; РГАДА. Ф. 248. Д. 1527. Л. 47 об.

² ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 62 об., Л. 69 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 413 об. — 414; Оп. 2. Д. 147. Л. 38.

³ См.: Татищев В. Н. Записки. Письма 1717—1750 гг. М.: Наука. С. 87—89.

предполагалось открыть арифметические школы при каждом заводе, но и тогда центральный характер Екатеринбургской не утрачивался: только здесь должны были продолжать обучение геометрии, черчению и рисованию выпускники других заводских школ — эти предметы были необходимы для составления чертежей, планов заводов, рудников, дорог, населенных мест.

Чтобы ускорить подготовку специалистов высокой квалификации, в которых так нуждались заводы Урала, Татищев задумал превратить Екатеринбургскую арифметическую школу в учебное заведение, сочетавшее основы общего обучения с производственным трудом. «Когда которые возрастные обучатся геометрии, — говорилось в наказе, — оных немедленно определять в работы, к каким делам кто охоту возымеет и место есть». Поскольку обучение геометрии предполагалось проводить только в Екатеринбургской школе, можно говорить, что и профессиональную подготовку планировалось ввести лишь в этой школе, причем для небольшой группы учащихся, закончивших обучение геометрии, а не приступивших к ней, как это было сделано в феврале 1723 г. в Уктусской арифметической.

Наказом закреплялся принцип соединения этой профессиональной подготовки с дальнейшим изучением школьных дисциплин: «И у тех работ быть им после обеда, а до обеда ходить в школу, доколе окончат науки». Поскольку после геометрии ученики приступали к черчению, а затем рисованию, обучение ремеслам должно было сочетаться с изучением этих специальных предметов.

В наказе Татищев впервые сформулировал положения о развитии сознательного подхода к обучению ремеслам, о взаимосвязи школьной и производственной «науки»: «велеть ученикам, когда которой к работе придет, не токмо присматриваться, но и руками по возможности применяться к искусству ремесла, в чем оное состоит, внятно уведомляться и рассуждать, из чего лучше или хуже может быть, которое мастера ремесел должны им открывать. А учителю показать принадлежащая к тому чертежи начертить, старая смиривать и счерчивать и вновь, что потребно, прибавливать или убавливать».

Обращает на себя внимание призыв Татищева учитывать склонности и физические возможности детей при выборе ремесел: «определять в работы, к каким делам кто охоту возымеет и место есть», распределять «возрастных», «малолетних» же «до удобности к ра-

боте» учить чертить и «знаменовать». Это, безусловно, являлось положительным моментом и, с одной стороны, облегчало овладение сложными профессиями, с другой, предотвращало огромную физическую перегрузку малолетних школьников.

Татищевым предусматривались меры заинтересованности учеников в профессиональном обучении: приступившим к нему должны были платить вознаграждение «до сущей работы» по 60 коп. на месяц, или 7 руб. 20 коп. в год. «Ежели где у ремесла опростаетца место подмастерское или работничье, оных учеников» предписывалось «производить прежде других и оных оклад давать им, дабы чрез то к науке лутчею охоту возымели».

Эти положения наказа явились первой в истории России программой соединения общего образования с профессиональным обучением на школьной скамье. В ходе ее изложения Татищев впервые сформулировал четыре важнейших принципа профессионального обучения, используемых и поныне: введение практических занятий на определенной стадии общеобразовательной подготовки, установление по возможности тесных взаимосвязей между школьными и практическими занятиями, учет склонностей и физических возможностей детей при определении к ремеслам, использование таких методов заинтересованности в обучении, как введение оплаты ученического труда, преимущественного распределения учащихся на вакантные места.

Обучение в школах объявлялось обязательным для «детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводских жителей», «вольнопришедших» предписывалось принимать «всякого чина людей» — потребность в грамотных была большая, многие заводские специальности были немыслимы без умения писать, требовали знания арифметики, мастерским высокой квалификации были нужны основы геометрии, черчения.

После отъезда Татищева с Урала, в марте 1724 г., арифметическая школа с Уктуса была переведена в Екатеринбург, летом 1725 г. по приказу Берг-коллегии в нее отправили и учащихся Кунгурской, в которой числилось 13 учеников. С 1725 по 1735 г. при уральских заводах действовала лишь одна арифметическая школа в Екатеринбурге, в которой после смерти Рыбникова вели занятия Михаил Кутузов (1725—1727) и Никита Каркадинов (1729—1735), выпускники Морской академии, последний в 1725—1726 гг. прошел стажировку

на заводах Швеции. В 1726—1729 гг. в качестве учителя трудился и выпускник школы Феокист Балакин¹.

Татищев, вернувшись в Екатеринбург в качестве начальника заводов Урала и Сибири 1 октября 1734 г., уже 21 октября вместе с членами Канцелярии Главного заводов правления принимает решение «о переписи годных в научение детей»; 3 января 1735 г. — об открытии словесных и арифметических школ по всем казенным заводам, 19 мая 1735 г. — о начале обучения грамоте по заводам с июня месяца, обучении арифметике в школах за недостатком специальных учителей надзирателям работ на заводах².

На основе ведомостей об успехах учащихся нам удалось датировать открытие арифметических школ при заводах по мере появления там обученных грамоте детей: Каменской (1736, ноябрь), Алапаевской (1737, январь); в 1738 г. — Сысертской (июль), Полевской и Лялинской (октябрь); Верх-Исетской (февраль 1741 г.). От Уктусской арифметической первая ведомость 1741 г. отсутствует, поэтому месяц ее открытия установить не удалось. В Пермском крае в январе 1736 г. приступили к арифметике первые ученики на Егошихинском заводе (сюда забирались дети с ближайшего Юговского завода), в июне 1738 г. — на Пыскорском заводе, куда зачислялись дети с Висимского завода. В Алапаевской обучались дети с Синячихинского завода и Сусанского, в Полевской — с Северского. Таким образом, благодаря инициативе Татищева на горнозаводском Урале в 10 арифметических школах стали обучаться дети, проживавшие на 15 казенных заводах и рудниках при них, приписных к заводам слободах.

Самой крупной являлась Екатеринбургская арифметическая школа — число учащихся в ней колебалось: в 1725 — 42, 1734 — 33, в начале 1737 г. — 57, в конце 1739 г. — 79, 1740 — 102, 1741 — 55, 1756 — 110 человек, в основном 15-20 лет, большинство составляли дети мастеровых, значительный удельный вес имели дети солдат екатеринбургских рот, подьячих, заводской администрации. В Алапаевской арифметической в мае 1737 г. начали обучаться сразу 22 ученика, к концу года — 43, со 2/3 1738 г. — 52, в 1740 — 43. В Каменской — с ноября 1736 г. — 8 человек, в 1737—1739 гг. — 16,

¹ См.: Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724 — 1734): К 275-летию основания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 48—54.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 112; Д. 216. Л. 2, 16—18; Д. 220. Л. 141—142.

в 1741 г. — 24. Примерно одинаковыми с Каменской по числу учащихся были Егошихинская, Полевская, Сысертская, Пыскорская. В Егошихинской в 1736 г. 2 человека приступили к арифметике, в 1737 обучалось 5, 1738 — 12, в 1741 — 25 человек. В Полевской с лета 1738 г. — 5 человек, в конце 1738 — первой трети 1739 г. — 22. В Сысертской в 1738 г. — 14—17 человек, в 1741 г. — 20. Наиболее стабильным составом отличалась Пыскорская школа: в 1738 г. приступили к арифметике 18 человек, по прошествии каждого года число их колебалось в пределах 13, 19, 18 человек. В школах, открытых близ Екатеринбурга, в Уктусской в 1741—1742 гг. обучалось от 15 до 22 учеников, в то время как на Верх-Исетском заводе в эти же годы — всего 5.

Подбор учителей для обучения математики вызывал большие сложности, поскольку при заводах не было людей, знающих эту науку и не занятых на производстве или в многочисленных конторах. Лучшие преподаватели назначались в Екатеринбургскую школу — наряду с Никитой Каркадиновым в 1735 г. в ней преподавал Михаил Кутузов, с ноября 1735 г. — свои лучшие выпускники Федор Санников (до августа 1741 г.), Афанасий Кичигин (до августа 1744 г.). Благодаря им обучение математике осуществлялось быстрыми темпами, после арифметики школьники приступали к геометрии, тригонометрии. Но при этом учителя постоянно отрывались от занятий для описания мест, отведенных под новые заводы, лесов, месторождений руд, составления чертежей заводов, рудников, карт отдельных районов и других квалифицированных работ. Отметим, что с 1734 г. по инициативе академика И. Г. Гмелина, одного из руководителей академического отряда 2-й Камчатской экспедиции, в Екатеринбурге, одном из первых населенных пунктов России, стали вестись постоянные наблюдения за температурой воздуха, атмосферным давлением, направлением ветров¹. На протяжении многих лет это входило в обязанность учителей арифметической школы.

В периферийные школы назначались учителя, параллельно выполнявшие другую основную должность, за которую и получали оплату, а их преподавательская деятельность дополнительно не оплачивалась. Так, в Каменскую арифметическую был назначен

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 498. Л. 1.

ученик Екатеринбургской 17-летний Василий Горшков, определенный на место ученика лесного надзирателя. На Егошихинском заводе обучение арифметике началось после назначения учителем в январе 1736 г. Никиты Каргина, ранее трудившегося на рудниках пермского края в должности шихтмейстера. Одновременно с обучением грамоте и арифметике он должен был заниматься пробирным делом. В феврале 1737 г. Каргин был переведен надзирателем работ на Юговской завод, а обучение арифметике и геометрии поручено надзирателям Егошихинского завода. С 1740 г. должность учителя арифметики исполнял маркшейдерский ученик Иван Бортников, в июле-августе 1741 г. его замещал унтер-шихтмейстер Алексей Порецкий. В Алапаевскую арифметическую учителем был назначен Иван Грамотчиков, бывший меховой мастер, по состоянию здоровья переведенный на должность лесного надзирателя.

На Полевском заводе обучал арифметике надзиратель припасов, с последней трети 1740 г. стали посылать екатеринбургских школьников с переменной «помесячно»; с осени 1741 г. начал вести занятия 15-летний ученик Полевской школы Иван Медведев, с 1742 г. — на пару с 17-летним однокашником Иваном Бунковым. На Верх-Исетский завод и Уктусский, расположенные близ Екатеринбурга, попеременно направлялись ученики Екатеринбургской арифметической. На Сысертский завод для обучения грамоте и арифметике был назначен бывший писчик Уктусского завода, наказанный кнутом в 1728 г. за напрасное сказывание «государева дела» и побег с заводов, поселенный «во крестьянство» при Уктусском заводе Герасим Попов. На Пыскоре арифметике продолжал обучать детей тот же учитель, что и в словесной — Михаил Хамкин, предшествующая должность которого остается неизвестной. В Лялинской школе поначалу обучал арифметике надзиратель, в 1741—1742 гг. — некий Парамон Портнягин, также одновременно с обучением детей грамоте¹.

Поручение обучения надзирателям, учителям, параллельно отправляющим заводские должности, использование в качестве обучающихся сменяющих друг друга школьников, безусловно, замедляло усвоение основ арифметики. К тому же на периферии изучающие арифметику подростки с хорошим почерком нередко использовались для письма в заводских конторах, Пермском горном начальстве, для

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 205. Л. 526—526 об.; Д. 692. Л. 323—324, 327; Д. 693. Л. 204; Д. 907. Л. 194; Д. 577а. Л. 252—252 об. и др.

помощи целовальникам в ведении записей. Но, тем не менее, благодаря открытию арифметических школ при заводах несколько сотен подростков в той или иной мере усвоили азы математики. В Екатеринбургской школе лучшие ученики постигали геометрию, на других заводах доходили до дробей, «тройного правила», «тверждения» арифметики.

В основном из арифметических, а не из словесных школ ученики распределялись к делам. В 1725—1734 гг. учащиеся Екатеринбургской арифметической направлялись на места копиистов, продвигавшихся затем в подканцеляристы, канцеляристы, благодаря чему была решена проблема организации заводского делопроизводства. Учащиеся направлялись учениками к мастерам-иностранцам для овладения их специальностью, обучались новым видам ремесел, вводимых на заводах: изготовлению медной посуды, котлов, камнерезному искусству, монетному делу. Определялись учениками к врачам.

И после появления арифметических школ при других заводах из учащихся Екатеринбургской арифметической продолжали комплектовать должности учеников доменного, фурмового, плавильного, пробирного дела, новых для Урала специальностей — маркшейдера, механика, геодезиста, бухгалтера. В 1735 г. двое школьников были направлены в Академию наук обучаться инструментальному делу¹.

Характерно, что с конца 1730-х годов школа стала поставлять выпускников для пополнения низшего командного состава заводов — в лесные и куренные надзиратели, унтер-шихтмейстеры. География распределения екатеринбургских школьников была широкой, они направлялись на все заводы Урала, в том числе строящиеся и не имевшие своих школ — Сылвенский, Туринские и др.

В 1730—40-е годы практиковалась посылка уральских школьников и в подчиненные начальства — Казанское, Красноярское, Нерчинское на места копиистов, подканцеляристов, геодезистов, лекарских учеников, пробирщиков², таким образом можно говорить, что арифметические школы горнозаводского Урала внесли определенный вклад и в формирование квалифицированных кадров заводов Сибири.

¹ См.: Сафронова А. М. Подготовка учеников инструментального дела для заводов Урала в Академии наук в 1735—1739 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы V регион. науч. конф., декабрь 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 77—80.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 76—80; Д. 1035. Л. 68; Оп. 12. Д. 369. Л. 127.

**РОЛЬ В. Н. ТАТИЩЕВА
В ОТКРЫТИИ ПЕРВЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ
ШКОЛ НА УРАЛЕ И ФОРМИРОВАНИИ
КАДРОВ ИХ УЧИТЕЛЕЙ
(1734 — 1739 гг.) ***

Имя Татищева как инициатора открытия немецкой и латинской школ на Урале не раз упоминалось в нашей литературе, приводились данные, позволяющие говорить о его значительной роли в этом процессе¹, но специально этот вопрос не рассматривался, поэтому мы и поставили задачу — раскрыть роль В. Н. Татищева в открытии первых иноязычных школ и решении непростой задачи комплектования их кадрами учителей.

Получив назначение на должность начальника казенных заводов Урала и Сибири в марте 1734 г., Татищев принял участие в составлении инструкции, регламентировавшей его деятельность на этом посту и подписанной самой императрицей Анной Иоанновной. В этот документ, получивший силу закона, Татищев ввел специальный пункт, касающийся мер заинтересованности молодых дворян, выпускников столичных школ, направленных на Урал, в горной службе, закреплении их на новом месте жительства. «Понеже посылаемое отсюда в научение молодое шляхетство для отдаления домов и родственников не охотно оному (горному делу — А. С.) обучаются,

* Ранее опубликовано в кн.: История образования и культуры Урала: Межвуз. сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. С. 3—16.

¹ Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944; Бударин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск. 1950; Пензин Э. А. Первые иноязычные школы Екатеринбурга // Народное образование на Урале в XVIII — нач. XX в. Свердловск. 1990; Сафронова А. М. Первые иноязычные школы на Урале в 18 в.: поиск учителей // Немцы в Сибири: История и современность: Материалы международной научно-практич. конф. В двух частях. Омск, 1995. Ч. 2.

а которые и обучились, приискивают, как бы отлучиться», предписывалось выделить им поместья на Урале взамен оставленных в центральных губерниях с «некоторою прибавкою, дабы им вечно во услугах при тех заводах остаться и своих детей в то употреблять». Но чтобы «впредь...в научение туда не посылать, а довольствоваться тамошними обывателями», приказывалось устроить на Урале «хорошую школу и брать в оную тамо дворянских, подьяческих и не служащих церковников детей...»¹.

Идея организации «хорошей школы» преследовала определенную цель — открыть в Екатеринбурге новое учебное заведение, призванное готовить собственные кадры для развивавшейся промышленности. Не случаен отсюда и социальный состав учащихся — дети основных категорий населения среди них не назывались, зато на первом месте стояли дети дворян, ранее в горнозаводских школах не обучавшиеся.

Татищев прибыл в Екатеринбург 1 октября 1734 г. На 8-й день по приезду, 9 октября, он составил первое доношение в Кабинет министров, в этот же день дополнил его, и второй пункт этого доношения целиком посвятил своим планам организации школ: «А ныне я велел по-прежнему при всех заводах и в Кунгуре школы возобновить и сверх того у Соли Камской такую ж учредить». В этом документе он впервые сообщил о намерении открыть в Екатеринбурге дополнительно к словесной и арифметической школу немецкую и так обосновал необходимость этого: «А понеже о всяких полезных искусствах и ремеслах на русском языке книг не находится и к скорому оных получению надежда слабая, на немецком языке и особливо о касающихся к пользе заводов книг новых в немалую государствам пользу всегда довольно издается, а переводить всегда великой труд или паче неудобность, к тому ж и немцов здесь мастеровых людей немало, которые и для того здесь долго быть не желают, что детей их обучать некому, за полезное весьма мною, чтоб здесь языка немецкого неколико управительских и других детей обучать»².

В этом же доношении Татищев просил кабинет-министров прислать на Урал учителей и учебные книги для новой школы: «Токмо

¹ ПСЗ-1. СПб. 1830. Т. 9. № 6559.

² РГАДА.Ф. 248. Оп.17. Д.1133. Л.27.

учителей здесь сыскать невозможно, и ежели ваше сиятельство за полезное то принять изволите, то прошу, чтоб от Академии наук прислан был способной учитель и неколико потребных к научению книг, за которое деньги от заводов из штрафных и определенных на училища заплатить им мы можем».

Судя по записям в дневальной книге личной канцелярии Татищева, после празднования Нового года он развил активную деятельность по претворению своих планов в жизнь. 2 января 1735 г. Татищев составил инструкцию гитенмейстеру Улиху, которого решил отправить в Саксонию для найма специалистов горного дела, и поставил перед ним задачу нанять «три учителя в школы латинского и немецкого языка, из них один чтоб обретающимся здесь протестантом за пастора мог служить, другой чтоб в мафематике и знаменовании мог обучать, третьей — начинания языков оных. Всем в год до 450 рублей»¹. На полях документа было приписано: «О сих Академия наук может наставлением и рекомендацією лучший способ подать», тем самым Татищев как бы приглашал академию поучаствовать в важном деле регламентации обязанностей учителей по обучению и воспитанию школьников.

Примечательно последнее указание Улиху: «Наипаче же искать таких, побоемски или польски говорить умеют». Ясно, что Татищев в лице учителей хотел заполучить на Урал людей, знавших чешский и польский языки, что было связано с его научными интересами — предстоящими переводами трудов европейских историков, например, В. Гаека, М. Кромера, труды которых имелись в библиотеке Татищева. Переводы нужны были Татищеву для написания «Истории Российской» — первого научного труда по истории России, над которым он продолжал работать в Екатеринбурге.

В этот же день Татищев составил доношение самой императрице, не преминув сообщить ей о своих планах по расширению сети школ: «но дабы и впредь здесь в способных людях недостатка не было, определили здесь для обучения арифметики и геометрии иметь при всех заводах школы, а здесь (в Екатеринбурге — А. С.) особливо латинского и неметского языка обучать, дабы чрез оное вышние мафематические и физические части показывать им удобно было»². Таким

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 27 об.

² Там же. Л. 29 об.

образом, в двух документах, составлявшихся в один день — 2 января 1735 г. — Татищев впервые заговорил о предстоящем открытии в Екатеринбурге не только немецкой, но и латинской школы, мотивировав это необходимостью более успешного освоения учениками естественных дисциплин — латинский язык оставался международным языком науки.

Второго же января Татищев представил тексты документов на рассмотрение Канцелярии Главного заводов правления, на заседании кроме него присутствовали А. Хрущов и Н. Клеопин, и коллегиальное определение было принято по всем правилам того времени. Кроме того, решено было отправить промеморию в Академию наук — «просить Академию, доколе выписаны будут из-за моря учителя, ежели найдутся в Петербурхе, то приняв, сюда прислали, определяя им жалованье, какое они за благо разсудят. И для науки здесь требовать о присылке книг, взяв требование, какие они надобны, латинской школы учителю Кондратовичу. А понеже оным цена неизвестна, и ради того послать отсюда на покупку их денег ста рублей»¹.

Судя по делопроизводственным выпискам, 15 января 1735 г. в Канцелярии Главного заводов правления был получен «приказ» от Татищева, написанный им собственноручно, о дополнении инструкции, данной гитенфервальтеру Андрею Порошину в ноябре 1734 г. в связи с посылкой его в Москву по заводским делам. Пункт 3-й дополнения гласил: «сыскать учителя немецкого языка, дав на год до ста рублей и вольную квартиру, в котором учиня договор, дав жалованья на полгода и три подводы, отправить немедленно. И ежели книги в Москве, для обучения латинского и немецкого языка потребные, недорого купить можно, то оные, по его требованию на пятьдесят человек купя, с ним отправить»². В этот же день на основе приказа Татищева было составлено поручение Порошину от имени канцелярии, подписанное сообща Татищевым, Хрущовым и Клеопиным³. Ясно, что именно Татищев поручил Порошину, находившемуся в Москве, найти еще одного учителя в немецкую школу и определить условия, на которых с ним можно было заключать контракт.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 216. Л. 5.

² Там же. Оп. 1. Д. 561. Л. 104.

³ Там же. Оп. 12. Д. 216. Л. 115.

Знаменательно, что он доверил будущему учителю и подбор литературы для обеих иноязычных школ. Татищев сделал это, не дожидаясь ответа из столицы на свое доношение от 2 января — он спешил.

Таким образом, в поисках учителей для иноязычных школ Татищев апеллировал одновременно к верховной власти в лице Анны Иоанновны и Кабинета министров, к Академии Наук и к заводским специалистам Улиху и Порошину. Поиски учителей должны были вестись одновременно в Петербурге, Москве и Саксонии, причем основная надежда возлагалась на заграничных учителей, другие рассматривались Татищевым как временные. Обращение лично к императрице и кабинет-министрам в случае одобрения сулило быстрое решение проблемы поиска, как учителей, так и книг, и Татищев не преминул этим воспользоваться.

Но налицо определенное противоречие — с нанятыми в России учителями тоже должны были подписываться контракты на определенный срок, до истечения которого они не подлежали увольнению. На что рассчитывал Татищев в случае успеха поисков на каждом из этих направлений? Возможно, думал расширить в будущем немецкую школу, выделив в ней класс для детей иностранцев, но, вероятнее всего, на наш взгляд, Татищев хотел открыть такую же школу немецкого языка в Соли Камской.

Как же осуществлялись поиски учителей? Первое доношение Татищева от 9 октября 1734 г. заслушивалось в Кабинете министров 14 декабря, план открытия школ получил полную поддержку: «О учреждении для обучения арифметики и геометрии в Кунгуре и по всем заводам и у Соли Камской быть по определению вашему, а для обучения заводских, управительских и других детей немецкому языку учитель и потребные к тому книги от Академии наук отправлены к вам будут»¹. 16 декабря последовал указ Кабинета министров Академии наук о подыскании «способного искуснаго учителя» и представлении его по освидетельствовании кабинет-министрам. Через неделю, 23 декабря, президент Академии наук И. А. Корф сообщил кабинету об учителе академической гимназии, умеющем говорить по-русски, Бернгарде Вильгельме Штермере, как единственном известном ему кандидате на должность учителя для екатеринбургской школы.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.

Штермер обратился с запросом к члену Кабинета министров графу А. И. Остерману: действует ли уже немецкая школа в Екатеринбурге или ее еще предстоит учредить; будут ли у него помощники; от кого зависит школа; как решится вопрос с жалованьем, квартирой, дровами; будут ли даны дополнительные суммы на проезд, на какой срок планируется заключить с ним контракт¹? Сам круг вопросов свидетельствует о желании кандидата получить как можно больше информации, чтобы с выгодой для себя использовать ее при оформлении будущего контракта. Вскоре секретарь Академии представил Штермера Остерману в его доме, по-видимому, тот получил благосклонный прием — ему поручили «как до сей школы, так и до собственных...нужд касающееся, предложение учинить»².

Получив покровительство столь влиятельной персоны, Штермер сделал такие предложения «Высокому кабинету»: заключить с ним контракт на 4 или 5 лет, определить жалованье 400 руб. в год, дать «близ школы довольные покои и потребные к тому дрова и свечи, не зачитывая того в настоящее жалование», на проезд выдать 100 руб., жалованье на год вперед, подвод, «для охранения несколько человек салдат или...с надежным случаем отправить». Со своей стороны он обязывался трудиться по 5 часов в день, с оговоркой, что «во всех немецких школах и училищах учителя в сутки не более четырех часов учат», и просил, «чтоб прочее время, также праздничные и после полуденные часы в среду и в субботу по обыкновению всех европейских училищ...свободны были»³.

Кондиции Штермера свидетельствуют, что он являлся активной стороной и определял условия контракта с наибольшей выгодой для себя, Кабинет же министров вел себя пассивно, принимал предложения Штермера без каких-либо возражений. Прежде всего, бросается в глаза высокий размер требуемого жалованья. Ранее в академической гимназии Штермер получал 200 руб., 300 руб. имел ректор немецкого класса этой гимназии, который обязывался к тому же пе-

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 12. Л. 65—66.

² Там же. Л. 65.

³ Там же.

реводить дела, копировать книги, которые печатались в академической типографии¹. То есть Штермер полагал на Урале увеличить свой заработок вдвое и иметь в 1,5 раза больше своего непосредственного начальника.

Кабинет министров через Сенат переслал кондиции Штермера Татищеву в Екатеринбург с тем, чтобы он высказал свое мнение. В дневальной книге канцелярии Татищева 27 февраля 1735 г. имеется черновая запись его «мнения», из которого явствует, что он предусматривал использовать в качестве помощника Штермеру переводчика Канцелярии Главного заводов правления Якоба Розе, «которой берет по 200 рублей, а дел и переводу редко случается, да он же просил, чтоб отца его из Москвы принять, которой прежде был при Адмиралтейской школе учителем немецкого языка, а просил по 120 рублей, о котором от нас в Москву писано, чтоб приняв, отправить, токмо еще ответствения не получено»². Из этой записи следует, что переводчик Я. Розе, узнав о найме учителей для немецкой школы, успел списаться с отцом, получить его согласие работать со 120-рублевым жалованьем. Вследствие этого задание А. Порошину было конкретизировано — речь шла уже о конкретном кандидате, за которого хлопотал сын. По-видимому, Антон Розе был пожилым человеком (он — бывший учитель), но Татищева устраивало, что он имел опыт преподавания в одном из крупнейших учебных заведений России — Московской школе навигацких наук, где обучал юношей вместе с Леонтием Магницким, автором знаменитой «Арифметики». Благодаря сыну-переводчику Розе не являлся человеком «с улицы», наверняка, Якоб обстоятельно охарактеризовал отца.

Порошин успел выполнить поручение Татищева в Москве раньше, чем закончились переговоры со Штермером в Петербурге, 14 апреля он рапортовал в Екатеринбург, что учителя сыскал, заключил с ним контракт, но пришлось несколько изменить условия: хотя Татищев писал в инструкции о трех подводах, Розе меньше чем на 4 не соглашался, «объявляя, что ему з женою и з детьми не поднятца». Порошин «не хотел за таким малым делом с ним не согла-

¹ См.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб. 1886. Т. 2. С. 641—642.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. Л. 104.

ситца, написал в контракте, чтоб дать ему...до Екатеринбурха 4 подводы и на оные прогонные деньги по указу»¹. К доношению прилагался подлинный контракт, заключенный между Порошиным и Розе 1 апреля 1735 г. в Москве. Антон Якоб Розе, выходец из Бранденбурга, обязался служить «в Екатеринбурхе или где указом повелено будет» в течение года с жалованьем 100 руб., с выдачей его на полгода вперед и второй половины — по прибытии в Екатеринбург. На проезд полагались 4 подводы с деньгами «на прогоны», бесплатная квартира для жилья.

Ясно, что Татищев дал Порошину четкие указания по заключению контракта, сам сформулировал его пункты: размер жалованья по сравнению с просимым Розе был уменьшен на 20 руб., число же подвод оставлено таким, как требовал учитель. Неслучайно и сравнительно большое внимание, уделявшееся в тексте контракта добропорядочному исполнению обязанностей учителем и его поведению — это также исходило от Татищева: «сколько определено будет учеников, обучать немецкому языку не скрытно со всею ревностною охотою и прилежанием и добрым порядком, чтоб оныя конечно обучены были тому языку, как правописанию и чтению и разговорам, так и протчему, как надлежит; в том быть искусным, дабы от его труда произошла добрая польза. В ту свою бытность обещается оной Розе себя содержать порядочно, так, как пристойно и надлежит честному учителю и добросовесному человеку, и приставленным над ним начальником во всяком надлежащем послушании по силе прав и указов определяемых». Так был нанят первый учитель немецкого языка.

Доношение Порошина с текстом контракта Татищев получил 3 мая 1735 г.², хотя в делах заводской канцелярии они зарегистрированы только 2 июня. Судя по следующему доношению Порошина от 23 апреля, Розе накануне или в этот же день был отправлен, на прогоны от Москвы до Екатеринбурга на 1580 верст ему было выдано 40 руб. 84 коп.³

Со Штермером же Татищев попал в сложную ситуацию. Поскольку сами кабинет-министры ни словом не возражали против выдвинутых им кондиций, и тем самым как бы поощряли его большие

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. Л. 223—224.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 100 об.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. Л. 241.

запросы, Татищев вынужден был согласиться с высоким жалованьем этого кандидата в учителя: «хотя оной Штермер 400 рублей в год просит за плату, весьма немалую, однако ж для новости учреждения той школы, в котором ему труд довольной быть может, так и для без сомнения чаемой от него пользы, разсуждаем за умеренно»¹. Но против бесплатных дров и свечей Татищев категорически возражал: «оное хотя б за малое почитаться могло, токмо по искусству явилось оное неприлично или паче наносило сумнительства. Того ради всем управителем и прочим, кто прежде дрова и свечи получали, отрешено, и всяк своими довольствуется, для которого и ему из контракта, мним, исключить». Не согласился он и с выплатой запрошенных сумм на проезд — вместо 100 руб. предложил дать двухмесячное жалованье (чуть более 66 руб.) и также на обратный путь. Против остальных пунктов он не возражал. В подлинник доношения Татищева вошло лишь упоминание о переводчике Розе, могущем помогать Штермеру. О том, что в Москве Порошин должен нанять его отца, Татищев умолчал, видимо, не желая раньше времени афишировать эти действия или, опасаясь неудачи в Москве, хотел подстраховаться и предложил: «если сыщется в Санкт-Петербурге за объявленную цену, то принять потребно, доколе Улих из Заксонии вывезет».

Только в начале мая доношение из Екатеринбурга пришло в столицу. Штермер не преминул возразить Татищеву, и подал свое «ответствие» в Кабинет министров: попросил выдать жалованье на год вперед, прибавить на проезд до суммы трехмесячного жалованья, т. е. фактически настаивал на прежних 100 руб. или отправке за казенный счет. Ухватившись за предложение Татищева о помощнике, Штермер вызвался сам найти «нужного человека» за 200 руб. в год². 24 мая 1735 г. Кабинет министров предписал Сенату отправить Штермера на Урал, заключив с ним контракт. Содержание контракта выясняется из указа Сената, данного 25 июня Коммерц-коллегии об отправке Штермера. Контракт был заключен в Сенате 13 июня и в окончательном виде выглядел так³.

Штермер принимался сроком на 5 лет с годовым жалованьем 400 руб., которое должно было выдаваться в начале каждой трети

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. Л. 70.

² Там же. Л. 72—73.

³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1 Д. 1051. Л. 94—96.

года. Ему полагалась казенная квартира «поблизости от школы», учить детей предписывалось не 5 часов, как он просил, а 3 до полудня и 3 после, по средам и субботам лишь до обеда, с оговоркой— «других дел не налагать, а если для школьных дел посылать, то давать подводы с прогоны из казны без излишества». На первый год жалованье выдавалось «вперед» в Петербурге, и еще 100 руб. на проезд с подорожной на 6 подвод (за прогоны Штермер должен был платить из этой суммы), так же и на обратный путь. В случае нежелания продлить контракт Штермер обязывался объявить об этом за полгода до его окончания. Впервые появлялся такой пункт: «для вящего к прилежному тех людей учению тамошней школы именоваться ему ректором немецкого языка».

Таким образом, в окончательном варианте учитывалось одно замечание Татищева — об исключении пункта о бесплатных дровах и свечах. Подвод выдавалось 6, ранее Штермер об их количестве благоразумно умалчивал. Безусловно, по инициативе Штермера ему присваивалось звание ректора — по примеру гимназии Академии наук, где имелась такая должность, сопряженная с выполнением определенных обязанностей. Штермер же никакими дополнительными обязательствами при этом не связывался, почему и можно назвать это званием. Конечно, являясь ректором, Штермер получал преимущество перед другими учителями как старший. Обращает на себя внимание и обязательство выдачи ему жалованья в начале каждой трети года, в то время как все служащие и работники заводов получали оплату лишь по исполнении работы, по истечении трети года. Введенное для Штермера по его просьбе исключение из правил сыграло роковую роль впоследствии, когда он перестал добросовестно выполнять собственные обязательства.

Конечно, лишь по инициативе Штермера могло появиться в указе Сената такое предписание Коммерц-коллегии: «ведомости и примечании[я] немецкие с переводом на русском языке с [1]728-му по [1]735 год по одному экземпляру из Академии[и] наук отдать ему, Штермеру, и впредь такая же ведомости и примечании[я] и школьные книги, какие при той академии[и] изданы будут, на означенные заводы для тамошней школы потребны ль, о том требовать...Татищеву из Академии»¹. Отметим, что этот пункт не был выполнен.

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1051. Л. 95 об.

Из указа Сената следует, что Штермер представил Академии наук в качестве своего помощника в чтении и письме по-немецки выходца из Пруссии, писаря Иоганна Христофора Гейнша. Сенат заключил с ним контракт на 5 лет на следующих условиях: жалованье 200 руб. в год со дня подписания контракта с выдачей по третям года, казенная квартира «поблизости к школе», сверх жалованья на проезд 50 руб., 2 подводы без прогонов, также и на обратный путь¹. Таким образом, помощник Гейнш получал вдвое меньше Штермера, но если учесть, что ранее он был всего лишь писарем, условия контракта и для него были сверх выгодными. По-видимому, и при определении условий этого контракта Штермер сыграл активную роль. Заметим, Гейнш получил оклад вдвое выше, чем опытный в преподавании Розе.

Учитель в латинскую школу был нанят также в Петербурге через Академию наук и Кабинет министров, промемория об этом была отправлена в Санкт-Петербург с Улихом 17 января и была подана им в Академию 28 марта². Но подходящего кандидата у Академии не было. Лишь 30 июня президент И. А. Корф приказал подать доклад Кабинету министров³: «А ныне в Академии наук явился иноземец, латинского языка учитель, прусской нации, города Мартбурха, Лаврентий Сехтинг», пожелавший быть в Сибири учителем и одновременно служить за пастора. 4 июля этот доклад с приложением примерного контракта, заключенного Академией с Сехтингом, был представлен кабинету, второй экземпляр контракта отправлен Татищеву на Урал⁴.

Сехтинг обещал «данных ему детей ...без всякой оговорки с прилежанием в показанные часы обучать и протестантом за пастора служить» с жалованьем 300 руб. в год с выдачей по третям. Ему в отличие от Штермера полагалась не только бесплатная квартира, но дрова и свечи, по-видимому, как пастору. Для проезда выдавалась половина жалованья вперед, «подорожные деньги». В случае нежелания служить далее по контракту Сехтингу полагалось объявить об этом

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1051. Л. 95 об.

² Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 2. С. 575—577.

³ Там же. С. 760—761.

⁴ Там же. С. 764—765.

«наперед через год». Обращает на себя внимание тот факт, что контракт был заключен без указания определенного срока. То ли это была оплошность Академии, на которую никто не обратил внимания, то ли сделано специально, т. к. Сехтинг не хотел связывать себя определенным сроком, боясь не выдержать его, и ему пошли навстречу — трудно сказать. В начале июля последовала резолюция Кабинета министров о принятии Сехтинга, заключении с ним контракта на этих условиях и отправке его на Урал¹. По прошествии трех с лишним месяцев, 24 октября 1735 г., Сехтинг прибыл в Екатеринбург².

Находясь в связи с назначением начальником Оренбургской экспедиции в Самаре (с лета 1737 г.), Татищев продолжал заботиться об укомплектовании немецкой школы учителями. В ноябре 1737 г. он получил письмо из Москвы от немца, студента Иоганна Герварта, желавшего обучать в Екатеринбурге детей математике, в т. ч. геометрии, музыке, танцам и сообщавшего, что он «искусен» и во французском и латинском языках. Герварт обещал о своем «искусстве» предъявить аттестаты с прежних служб, спрашивал, какие предметы ему могут поручить, сколько часов их вести.

Татищев из Самары сделал представление московской конторе Генерал-берг-директориума: «А понеже в Екатеринске для обучения в арифметике, геометрии, математике и фортификации в учителе состоит крайняя нужда, того ради представляю, чтоб благоволила онаго Герварта, ежели он в помянутых науках искусен явится, приняв, заключить с ним контракт года на три» с жалованьем по 180 руб. в год, казенной квартирой, двумя подводами с прогонами на проезд в Екатеринбург и обратно до Москвы. Были определены и часы работы: зимою — 6, летом — 8 часов в день, в среду и субботу — до обеда³. Генерал-берг-директориум на доношение конторы предписал взять у Герварта аттестаты и узнать, доволен ли указанным жалованьем. Герварт запросил 300 руб. в год — и 7 марта 1738 г. Генерал-берг-директориум ему отказал⁴.

¹ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб. 1886. Т. 2. Л. 765—766.

² РГАДА, Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 233 об.

³ ГАСО.Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 423.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1082. Л. 3—3 об.

Судя по дневальной книге канцелярии Татищева, 6 апреля 1738 г. в Самаре ему подал прошение немец Андрей Миссет «о определении его в Екатерининскую академию учителем немецкого языка и арифметики»¹. (В указе на Урал Татищев называет другую дату—18 апреля, возможно, это дата рассмотрения прошения). 24 числа сам Татищев заключил с Миссетом контракт на условиях более выгодных для уральской администрации по сравнению с предыдущими договорами. Срок службы был установлен в 3 года, новый учитель обязался служить «учителем немецкого и арифметики со всею верно-стию и прилежн-ностию» за 60 руб. в год, с казенной квартирой, жалование должно было выдаваться по третям года, на проезд от Самары до Екатеринбурга выдавалась половина, не считая казенных денег на две подводы, при этом об обратном бесплатном пути речи не велось². Ясно, что размер жалования Миссета в 6,6 раза уступал окладу Штермера, в 3,3 раза — окладу Гейнша, в 2 раза — окладу Розе. В данном случае Татищев как бы брал реванш за первых дорогостоящих учителей, от которых на деле не было такой же весомой отдачи. В своем указе уральской канцелярии 25 апреля 1737 г. Татищев предписал определить Миссета по прибытию в Екатеринбург «под смотрение ректора и арифметике обучать ему по-немецки»³.

Самостоятельность действий Татищева в этом случае была связана, на наш взгляд, с тем, что Миссет нанимался на место скоропостижно скончавшегося в июне 1737 г. учителя А. Розе, в декабре того же года умер и И. Гейнш, Миссет стал самой удачной находкой Татищева — оказался человеком знающим, ответственным, отдавался делу обучения школьников всей душой. Уже в 1738 г. ему пришлось замещать ректора Штермера из-за постоянного пьянства и обучать не только своих, но и его учеников, за самую низкую по сравнению с другими иностранцами плату.

В феврале 1739 г. Герварт подал второе прошение в контору Генерал-Берг-директориума в Москве о приеме его учителем в немецкую школу Екатеринбурга на прежних условиях — с жалованием 180 руб. в год. Из текста прошения ясно, что инициатором его подачи выступил сам Татищев: «в чем и ныне по прибытии в Москву оной

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1527. Л. 506 об.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 149.

³ Там же. Оп. 12. Д. 41. Л. 341.

тайной советник меня призывал и объявил мне, чтоб для обучения только немецкого языка и помогать в арифметике и в геометре»¹. Действия Татищева были дальновидны — летом 1740 г. кончился контракт Штермера, из-за постоянного пьянства его не хотели больше видеть в Екатеринбурге, Миссет оставался один, Герварт стал бы достойной заменой Штермеру.

Герварт соглашался работать на прежних условиях Татищева в течение трех лет с жалованьем по 180 руб. в год, казенной квартирой, просил выдать деньги «на две пары» (подвод ?) до Екатеринбурга и обратно и жалованье на год вперед, «понеже надлежит мне здесь в Москве купить разных немецких книг и инструментов немалое число, також и чтоб мне здесь купить платья и всякую домовую нужду исправить, понеже я погорел без остатку, к тому ж на заводах купить там дорого». Покладистость Герварта, его согласие работать за 180 руб. и объяснялись в первую очередь трудным материальным положением, в которое он попал. Но Генерал-берг-директориум, которому была переслана просьба, 23 марта 1739 г. предписал: «отказать, понеже при тех сибирских заводах для обучения в школах детей учителя имеютца»². В данном случае мотив отказа не выдерживает критики — учителей как раз не было. Отказывали, по сути, не Герварту, а Татищеву, против которого была начата кампания, он устранялся от управления заводами Урала и Сибири, и удовлетворять его просьбы о новых назначениях власти не желали.

Подведем итоги. Таким образом, именно благодаря В. Н. Татищеву в Екатеринбурге в ноябре 1735 г. началось преподавание иностранных языков, были открыты первые на Урале иноязычные школы. На протяжении всех лет пребывания на посту начальника заводов — 1734—1739 гг. — Татищев предпринимал активные шаги по комплектованию школ кадрами учителей, действуя через императрицу, Кабинет министров, Академию наук, давая поручения по их найму заводским специалистам, принимал личное участие в переговорах, определял условия найма. И его усилия дали хорошие результаты.

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1082. Л. 2 об.

² Там же. Л. 5.

ДОКУМЕНТЫ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ В ПЕРВЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ ШКОЛАХ ЕКАТЕРИНБУРГА (1735—1750 гг.) *

Огромный вклад Татищева в развитие просвещения в нашей стране. С его именем связана и разработка первой программы развития школьного дела в Екатеринбурге в Наказе заводскому комиссару Ф. Неклюдову в октябре 1723 г., еще до пуска завода в строй. Учебные заведения появились в Екатеринбурге почти одновременно с основанием самого поселения: уже в марте 1724 г. начала действовать арифметическая школа, в июне 1725 — словесная. Нам известен лишь один подобный пример в истории — открытие «разноязычной» школы в Санкт-Петербурге. Вернувшись на Урал в качестве начальника заводов в октябре 1734 г., Татищев не мог не воспользоваться возможностью претворить свои идеи «умопросвещения» в жизнь. В Екатеринбурге в ноябре 1735 г. Татищев открывает дополнительно к словесной и арифметической школам первые на Урале школы обучения немецкому, латинскому языкам, знаменованию (рисованию). С именем Татищева связано и начало преподавания истории в государственных школах Урала — для учащихся немецкой и латинской школ. Сам факт преподавания истории в них лишь констатировался в литературе, но осмысливается нами впервые благодаря тематике настоящей конференции.

Единственным изданием для изучения истории России в те годы на родном языке оставался «Синописис» И. Гизеля, изданный в Киеве в 1674 г., с дополнением в Москве в 1678. Опиравшийся в основном на польские источники, «Синописис» сбивчиво излагал события рус-

* Ранее опубликовано в кн.: Современный педагог-историк: актуальные проблемы профессиональной подготовки и профессиональной деятельности. Ежегодник XIX всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2015. Часть I. С. 7—19.

ской истории. Наряду с достоверными фактами содержал много баснословных — о Мосохе, внуке Ноя, прародителе руссов; об Александре Македонском, давшем якобы особую грамоту славянам на вольность и землю. По распоряжению Петра I были переведены на русский язык первые книги по всемирной истории, излагавшие события с точки зрения католической и протестантской. Труд кардинала Цезаря Барония (1538—1607) «Церковные Анналы» в 12 томах был издан в Риме в 1588—1607 гг. В 1603 г. Петр Скарга напечатал в Кракове на польском языке извлечение из «Анналов». В Москве книга вышла в 1719 г. как «Деяния церковная и гражданская» (более 1 370 листов). Начинались «Деяния» с года рождения Христа, события излагались погодно. Каждый век составлял отдельную книгу, в конце которой приводились списки кесарей и пап, церковных учителей и писателей, и даже еретиков и «писателей поганских». В 1724 г. в Петербурге был издан «Феатрон или позор исторический» — перевод с латинского книги Вильгельма Стратемана, первый раз опубликованной в 1656 г. в Йене. Стратеман поделил историю на 10 периодов («исходов»), каждый по 400 лет. Изложение исторических событий начинал со времен Ноя. Последний 10-й «исход» заканчивался реформой Мартина Лютера¹.

История изучалась в отдельных учебных заведениях России. В Славяно-греко-латинской академии ее основы проходили в курсе риторики, учитель делал обзор лучших античных авторов и советовал самостоятельно изучать Демосфена, Цицерона, Плиния, Тита Ливия, Тацита, Светония и других авторов². В реестре служащих Академии наук за декабрь 1737 г. упоминается ректор латинской гимназии Фишер, учивший «поэзии, политической истории и географии»; проректор Мерлинг, который учит «стилю, толкует... латинских авторов..., обучает истории и географии»; конректор Геллерт учит истории, географии и логике; учитель Миллер наряду с латинским «показывает... начальныя регулы в истории и географии»³. Поскольку

¹ Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга (опыт исторической реконструкции)... С. 187—188.

² Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711—1741. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 122—123.

³ Материалы для истории имп. Академии наук: в 10 томах. СПб., 1886. Т. 2. С. 578—580.

учащиеся продвигались в науках с различной скоростью и поступали в учебные заведения в эти годы в различные сроки, обучение истории проходило в основном индивидуально по книгам, розданным ученикам. История числилась и программе Кадетского корпуса, первого привилегированного учебного заведения для детей дворян, согласно его уставу 1731 г.¹

Татищев прибыл в Екатеринбург 1 октября 1734 г., уже 9 числа в доношении Кабинету министров он сообщил о намерении открыть немецкую школу и попросил прислать от Академии наук учителя и книги². 2 января 1735 г. в доношении Анне Иоанновне Татищев написал об открытии наряду с немецкой и латинской школы³. Текст этого доношения выявлен нами в делах личной канцелярии Татищева. Следом зафиксировано предписание Татищева уральскому начальству: просить Академию наук нанять учителей в Петербурге и прислать на Урал; «также...о присылке книг по требованию латинской школы учителя Кондратовича».

Судя по промемории уральского начальства в Академию наук⁴, именно Кондратович запросил первые исторические книги для изучения риторики: сочинения Тита Ливия, автора 142 книг «Истории Рима от основания города», из которых сохранилось 35, и книгу Барония на латинском. Заказ был отправлен в Петербург с гитенмейстером И. Г. Улихом, работавшим на уральских заводах по контракту. Тем временем в Петербурге был найден первый учитель немецкой школы. Президент Академии наук И. А. Корф в декабре 1734 г. рекомендовал Кабинету министров преподавателя гимназии немца Бернгарда Штермера⁵. В ходе переговоров о заключении контракта Штермер подал заявку на приобретение литературы для

¹ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 8. № 5811.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.

³ Там же. Оп. 22. Д. 1528. Л. 29 об.

⁴ Материалы для истории имп. Академии наук. С. 575—577.

⁵ См.: Сафронова А. М. Роль В. Н. Татищева в открытии первых иноязычных школ на Урале и формировании кадров их учителей (1734—1739) // История образования и культуры Урала. Межвуз. сб. науч. трудов: УГПУ. Екатеринбург, 1998. С. 7.

школьников, в числе которых числились 10 книг Фрейэровых «Введение в историю»¹.

Сравнительно быстро Книжная палата подобрала часть пособий, о чем сообщалось в промемории Корфа от 10 мая 1735 г. уральской Канцелярии². В приложенном реестре значилось 187 учебных пособий, для изучения истории — 10 книг академика Г. З. Байера «Auszug der älteren Staats-Geschichte» — «Извлечение из старинной государственной истории», написанное для юного Петра II. Книга объемом 440 страниц вышла тиражом 530 экземпляров на немецком (СПб., 1728). Ни Тита Ливия, ни Барония на латинском в Книжной палате не нашлось.

Татищев поручил приобретение книг для иноязычных школ и отправленному в феврале 1735 г. в Москву и Петербург гитенфервальтеру А. Порошину. Список книг, приобретенных им, в делах уральской Канцелярии выявить не удалось. Но их состав реконструирован нами на основе росписи книг немецкой школы 1745 г.³ В нем фигурировало 299 книг. Это как раз 298 книг, переданных в немецкую школу при ее открытии, к которым позже была присоединена «Арифметика» Л. Магницкого. Поскольку названия книг, выданных Улиху, нам известны, исключив их из росписи 1745 г., можно утверждать, что Порошин купил 111 книг, в т. ч. 10 книг по истории: «Корнелиус Непус» — 3 экземпляра, «Курциус Руфус» — 2, «Юстинус Экспликакус» — 2, «Эсис, краткое введение к шветской истории» — 2, «книга историческая о войнах и воинах» — 1. Нам удалось атрибутировать эти книги.

Сочинение римского историка Корнелия Непота (I в. до н. э.) — это «Cornelius Nepos de vita excellentium Imperatorum... Augsburg, 1733» — биографии знаменитых полководцев и политических деятелей Древней Греции и Рима, биография в лицах. «Курциус Руфус» — это Квинта Курция Руфа (I в.) «De rebus Alexandri Magni unacum Supplementis», изданная в Амстердаме в 1702 г., — одно из наиболее полных жизнеописаний Александра Македонского, дошедших до наших времен.

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. Л. 248—250.

³ Там же. Д. 2321. Л. 205—206.

Два экземпляра «Юстинус Экспликатус» — это извлечение, сделанное римским историком III в. Марком Юстином из не дошедшего до нас труда Трога Помпея под заглавием «*Historiae Philippicae*», в 44 книгах. Всемирная история, изложенная сжато и интересно, без тщательной хронологической последовательности событий; сочинение, ценившееся в Средние века, широко использовавшееся в школах Западной Европы и России в XVIII в. По одному экземпляру этих книг сохранилось в фондах Свердловского областного краеведческого музея¹.

«Под «Книгой гисторической о войнах и воинах» подразумевалось «Краткое описание о войнах из книг цезареивых» — перевод книги Анри де Роана 1643 г. издания, вышедший в Москве в 1711 г. В книге имелось семь разделов, представлявших собой извлечение из «Комментариев о Галльской войне» Юлия Цезаря.

Порошин приобрел также два экземпляра учебного пособия на немецком языке ректора гимназии в Штутгарте аббата Эциха (1645—1705) — «*Essich J. G. Kurtze Einleitung Zur Allgemeinen Weltlichen Historie. Stuttgart, 1721*». Это «Краткое введение во всеобщую мировую историю», 2-е издание. Один экземпляр его налицо в фондах СОКМ². В электронном каталоге библиотеки города Вольфенбюттеля числятся издания 1728 и 1736 гг., т. е. учебник использовался в школах Германии длительное время.

В распоряжении учеников школ оказалась периодика, являвшаяся не только прекрасным пособием для изучения языка, но и источником разнообразных сведений, в том числе и по истории. Учитель гимназии Академии наук Б. Штермер, заключая в Сенате контракт о службе в Екатеринбурге в качестве учителя и ректора, выговорил отправку с ним комплекта газеты «Санктпетербургские ведомости» и «Примечаний» к ним с 1728 по 1735 г. Это предписание было исполнено, о чем мы нашли запись в протоколах Канцелярии Академии

¹ Каталог книг В. Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея / сост. А. М. Сафронова, В. Н. Оносова; общ. ред. и вступ. ст. А. М. Сафроновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Раздел II. № 63, 65, 96.

² Там же. Раздел II. № 71.

наук за 22 сентября 1735 г.: «О посылке в Штатс-кантору промемории о требовании за отданные... учителю Штирмеру с 728 году по сей год немецкия и руския Примечания и Ведомости денег 31 рубль»¹.

«Санктпетербургские ведомости» («St. Petersburgische Zeitung») — вторая после петровских «Ведомостей» газета в России, издававшаяся Академией наук с 1727 г. на немецком, с 1728 г. параллельно в переводе на русский язык. Источником зарубежных известий служили немецкие, французские, голландские газеты, российские новости сообщались собственными корреспондентами. Многие номера имели «суплементы» — «прибавления», в которых печатались тексты законов, сообщения о важнейших событиях. Газета выходила дважды в неделю, состояла из 8 полос, номер стоил 4 коп., годовой комплект из 104-х номеров — 4 руб.²

С 1728 г. «Ведомости» стали сопровождаться бесплатными «Примечаниями» на русском, с 1729 г. и на немецком языках. Они занимали 8 страниц и примыкали к номеру газеты. Читатель получал одновременно газету и журнал и, как отмечает А. В. Западов, это было единственное в своем роде «явление, позже не наблюдавшееся в русской журналистике»³. «Примечания» являлись не просто первым русским журналом, но и первым журналом на русском языке Академии наук, первым научно-популярным и литературным изданием, имевшим тираж 250 экземпляров⁴. В мае 1736 г. издание журнала по неизвестным причинам было приостановлено и возобновилось лишь через полтора года, а в 1742 г. пресеклось.

Судя по содержанию комплекта журналов, полученных Штермером, в них можно было прочесть статьи: о египетской мумии, вывезенной в Лондон, которой, по мнению академиков не менее 3 тыс. лет; об истории мореплавания, о найденных в Гренландии следах жилищ человека, «О китайской истории», «О Мальте», «О самоедах», «О королевстве Персидском...», «Известие о городе Данциге», «...о сыскании Америки и о перехождении в оную некоторых европейцев» и др.

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 430. Л. 881.

² Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М., 1952. С. 56—63.

³ Западов А. В. Русская журналистика 30-х — 60-х годов XVIII в. М., 1957. С. 9.

⁴ Берков П. Н. Первый научно-популярный журнал Академии наук // Вестник Академии наук. 1945. № 5—6. С. 215—218.

Открытие обеих иноязычных школ состоялось 8 ноября 1735 г. Этому событию придавалось столь большое значение, что занятия посетили сами члены уральского начальства во главе с Татищевым¹. Все 298 книг, приобретенных в Академии наук в 1735 г., периодика, на протяжении нескольких десятилетий составляли книжное собрание этих школ, хранились в специально изготовленных шкафах под замком, в то время как в других горнозаводских школах — в ящиках.

Второй учитель латинской школы, Лаврентий Сехтинг, нанятый Академией наук, уже в первый месяц работы заполучил карты для своих подопечных, детей иностранцев: 18 ноября 1735 г. в Канцелярии заслушивалось доношение Юдина, отвечавшего за деятельность школ от имени уральской администрации, «о покупке ... ко обучению данных пастору детей 8 печатных ланд-карт у купецкого человека Ивана Харчевникова» — Италии, Галлии, Швеции, Испании, Венгрии, Великобритании, Вестфалии, Греции, каждая ценою по 25 коп. Решили: карты купить, выдать на это деньги из школьных сумм². Примечателен сам факт наличия у екатеринбургского купца подобных карт и положительная реакция начальства на их приобретение. Карты Сехтинг мог использовать как для изучения истории, так и географии.

В ноябре—декабре 1735 г. в Екатеринбург прибыла партия книг, заказанных Татищевым на 100 руб., поднесенных ему жителями Кунгура. Среди них — по одной книге Барония и Стратемана на русском языке, переданных на хранение в Канцелярию Главного заводов правления, откуда они могли выдаваться в школы по требованию учителей, как и книги из Екатеринбургской библиотеки Горного ведомства, формировавшейся с 1734 г. по инициативе Татищева. В 1737 г. в эту главную библиотеку поступил ряд исторических книг из Академии наук: сочинения Гомера, Цицерона, Плиния, Плутарха, Геродота, а для учащихся — пособие Т. Франка «Краткое описание четырех монархий» на немецком языке, начиная с Древнего Востока, кончая Грецией и Римом, изданное в Нюрнберге в 1727 и сохранившееся в СОКМ³.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 244.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. С. 140.

³ Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга... С. 546, 534—535; Каталог... Раздел II. № 72.

Большая партия книг была отправлена в Екатеринбург Татищевым, возглавившем Оренбургскую экспедицию с лета 1737 г., после смерти ее начальника И. Кирилова. Книги были выписаны из Академии наук Кириловым для будущих школ Оренбурга, который экспедиция должна была основать. В связи с требованиями Кондратовича и Штермера закупить дополнительную литературу, Татищев решил отправить в Екатеринбург книги, лежавшие пока без применения в Самаре. В феврале 1738 г. они поступили в библиотеку Горного ведомства Сехтингу, ведавшему ею по совместительству, и выдавались в школы по требованию учителей. В самарской партии были и книги исторические. «Елиева Цезарева комментарии о французской войне» (Галле, 1718, 2 экз.; Лейпциг, 1722, 6 экз.) — это знаменитые записки Цезаря (I в. до н. э.) о галльской и гражданской войнах, написанные им в лагерях и походах в простом, сжатом и в то же время выразительном стиле, в третьем лице, чтобы создать иллюзию большей объективности, а на деле преследующие цель оправдать свои действия, приукрасить успехи, сгладить неудачи. Раскрывая ход галльской войны, Цезарь хотел показать, как много он сделал за 8 лет своего проконсульства, как многого добился.

К трем экземплярам книги Корнелия Непота «О выдающихся полководцах», приобретенных Порошиным в 1735 г., добавилось еще 5 и «Лексикон Корнелова Непотова», помогающий школьникам осваивать жизнеописания великих личностей. Увеличилось и число книг Квинта Курция Руфа «О деяниях Александра Великого»: к 2-м имеющимся поступило еще 10 (Лейпциг, 1722). Пришла поэма Марка Аннея Лукана (39—65) «Фарсалия, или Поэма о гражданской войне», в которой повествуется о четырехлетней гражданской войне между Цезарем и Помпеем, закончившейся установлением единоличной диктатуры Цезаря (Амстердам, 1714; 2 экз.).

Поступили еще 4 экземпляра «JustinusExplicatus» (Берлин, 1731 и 1735) и труд римского историка IV в. Евтропия, в котором он описывал историю Рима с его основания и до 364 г. (Гамбург, 1729); в этом издании события излагались простым языком, что свидетельствовало о его предназначении школьникам. Поступило и 8 экземпляров современного учебника истории Х. Целлария «Historia Universalis» (Йена, 1720), широко распространенного в школах Западной Европы

первой половины XVIII в. Это был издательский конвюлют, состоящий из трех книг: истории Античной, Средних веков, Новой истории XVI — начала XVIII вв.

Ряд исторических книг представлял собой серьезные издания — «Экстракт о праве провинциальной» (Прага, 1710), «Описание послов» барона А. Мейерберга — о поездке посольства в Москву к Алексею Михайловичу (1661); «Введение в европейскую историю» С. Пуфендорфа с сокращенной историей Швеции (Утрехт, 1702); «Всеобщая история» Г. Людовици (1670—1724) в четырех томах (Лейпциг, 1728—1729); «Королевская шпанская супружеская зала», ч. 2—3 (Франкфурт; Лейпциг, 1710). Имелись и три разрозненные части (6, 9 и 10) труда И. Гюбнера «Kurtze Fragen aus der Politischen Historia»¹.

В следующем, 1739 г., 47 пособий поступило в Екатеринбургскую библиотеку в связи с возвращением домой четырех уральцев, обучавшихся в академической гимназии². Книги выдавались им в пользование из Книжной палаты и оплачивались за счет заводов. Среди них два экземпляра книги Г. Кураса «Введение в генеральную историю» на немецком. Один из них сохранился в СОКМ³. В книге кратко представлены «примечательнейшие события с начала мира до нашего времени в вопросах и ответах наряду с приложением турецкой истории, а также полной генеалогией курфюрстов Бранденбургских и происходящих от тех королей Пруссии». Это было 4-е издание (Берлин, 1735). Курас скончался в 1747 г., т. е. был современником последних освещаемых им событий. Пособием для изучения не только географии, но и истории могли стать 3 экземпляра «российских атласов», изданных Академией наук в 1737 г. (27 листов карт, 22×27 см).

Сына члена уральской Канцелярии Г. Клеопина очень интересовали «Краткие вопросы из политической истории» Гюбнера и «Супплименты» (добавления) к «историческим, генеалогическим и географическим вопросам». Книги Иоганна Гюбнера (1668—1731),

¹ Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга... С. 308—327.

² Там же. С. 330—343.

³ Каталог... Раздел II. № 64.

известного немецкого педагога и писателя, издавались большими тиражами, расходились по всей Европе, переводились на многие языки. В СОКМ хранится 6 из 10 томов «Вопросов», Лейпциг, 1727—1734¹. Заметим, сейчас это очень редкое издание, даже в библиотеках Германии сохранились в основном разрозненные тома разных лет издания.

Знакомство с трудом Гюбнера позволяет утверждать, что он являлся ценным многотомным пособием по изучению всеобщей истории. В первом томе излагалась история готов, Ассирии, Рима, Турции. Во втором давалась древняя, средневековая и новая история Испании, Португалии, Франции, Англии, Шотландии, Ирландии, Нидерландов. Третий том посвящался Дании, Норвегии, Швеции. В четвертом освещалась история Богемии, Моравии, Силезии, Трансильвании, Венгрии, Молдавии и Валахии. Здесь же излагалась и история России. В «Книге о Москве» («Buch von Moskau») повествование начиналось с древности, особо выделялся период «Москва под татарами», кратко характеризовалось правление великих московских князей и царей, начиная с Ивана Грозного и кончая Петром II. Имелось и приложение — «von den cosacken» (о казаках).

Четыре тома (с 5 по 8-й) посвящались Германии, здесь подробно характеризовались ее княжества, города. В 9-м томе имелось 3 раздела: об Азии, Африке и Америке. Затрагивалась история таких стран африканского континента, как Египет, Ливия, Карфаген, Мавритания, Марокко, Алжир, Тунис, Абиссиния. В книге об Америке речь шла о Мексике, Перу, испанской Америке, «Европейских штатах Америки» — будущих США. 10-й том содержал указатель к предшествующим томам.

Пять томов «Суплиментов» дополняли сведения о странах, в том числе и о России, за отдельные годы XVIII в. по 1730-й включительно². Сведения о конкретной стране можно было легко найти по географическому указателю к каждому тому.

Самое богатое пополнение исторической литературой Екатеринбургской библиотеки произошло, когда Татищев передал в июне

¹ Каталог... Раздел II. № 83—88.

² Там же. № 91—93.

1737 г. перед отъездом в Самару свою личную библиотеку. Состав этой литературы охарактеризован нами в двух статьях¹.

О том, как шло изучение истории на практике, мы имеем очень скудные и в основном косвенные сведения. Поскольку ученики принимались в школы в разные сроки и двигались в овладении науками с разной скоростью, познание истории заключалось, как правило, в индивидуальном изучении выданных учителем книг, но это редко отражалось в ведомостях иноязычных школ. В ведомостях латинской школы 1738 г. упоминалось, что сын учителя немецкой школы Асаф Розе переводит Корнелия Непота, дошел «уже до Эпаминонда» (деяний знаменитого военного полководца Греции); «читает «Франкенс гистории о четверых монархов»². Об Андрее Веснине, учившемся латыни у Кондратовича, сыне попа Уткинской слободы, в декабре 1740 г. наводились справки в связи с прошением отца отпустить его из школы для помощи в церковной службе. Судя по ним, Веснин, начавший учиться в феврале 1736 г., к осени 1738 г. «из латинского на русский из Корнелия Непота некоторое число выучил...»³.

На форзаце книги Эциха по всеобщей истории, сохранившейся в СОКМ, имеется запись ученика немецкой школы: «Феодор Пахоуков, дана со Емельяном Угловым вместе списывать 1739 году году мая 15 числа»⁴. Перечисленные выше документы и запись на книге позволяют судить о методике изучения истории: ученики продвигались в ее постижении индивидуально путем чтения книги либо перевода ее текста, совместного списывания с товарищем наиболее важной информации и, видимо, заучивания ее. Как известно, классно-урочная система обучения была введена в России с появлением народных училищ при Екатерине II.

Как нам удалось установить, в 1740 г. Сехтинг, назначенный к смотрению над иноязычными школами, в доношении уральскому

¹ Сафронова А. М. Книги по всеобщей истории в Екатеринбургской библиотеке Татищева // Диалог со временем. М.: Красанд, 2011. № 35. С. 270—288; Сафронова А. М. Книги по истории России в библиотеке В. Н. Татищева в Екатеринбурге в 1730-е гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 3. С. 38—65.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. С. 369.

³ Там же. Д. 907. С. 121, 128.

⁴ Каталог... Раздел II. № 71.

начальству предложил работать со всем классом, как это практиковалось в Германии. По понедельникам и вторникам в конце дня «истинную историю» по-немецки ученикам рассказывать, а потом «вопросами спрашивать». По пятницам читать в «Ведомостях» по-немецки известия об одном из городов, пояснять термины, «сказывать, где град лежит», «вкратце примечание объявить», повторить сказанное «через вопросы», и так постепенно прочесть все «Ведомости». В субботу заниматься географией, толковать глобус, карты и т. п.¹ И хотя это предложение осталось без реакции начальства, нам важно, что история наряду с географией упоминались им в числе школьных предметов.

Особый интерес представляет доношение Сехтинга как заведующего библиотекой Горного ведомства, поданное в 1740 г. в Канцелярию, о книгах, взятых читателями и не возвращенных, несмотря на его напоминания². Среди последних — К. Кондратович, трижды бравший книги в дополнение к имевшимся в школе³. В августе 1738 г. он взял Гомера на латинском, поступившего из Академии наук в 1737 г. (Базель, 1573). На основе этой книги ученики могли постигать историю Троянской войны. Много книг (50 за один раз) взял Кондратович в ноябре 1739 г. Среди них 5 книг Цицерона; 4 книги Цезаря, в т. ч. его «*Commentarii de bello gallico*» и «*Commentarii de bello civili*». Впервые в руки учеников попала «Фарсалия, или О гражданской войне между Цезарем и Помпеем» Лукана (Амстердам, 1714) «Трагедии» Сенеки (Амстердам, 1713), комедии Теренция (Лейпциг, 1713, 3 экз.), эпиграммы Марциала (Амстердам, 1670) и другие сочинения классиков римской литературы на латинском.

Для изучения истории Кондратович взял два экземпляра Х. Целлария «*Historia Universalis*», включающих историю Античности, Средневековья и Нового времени; два экземпляра «Юстинус экспликатус» М. Юстина (Берлин, 1731) дополнительно к двум уже имев-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 183—183 об., 185—185 об.

² Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга... С. 477—483.

³ Там же. С. 492—496.

шимся в школе; книгу австрийского дипломата барона А. Мейерберга, посланного в Россию с целью посредничества между Московским государством и Речью Посполитой в 1661 г.

Активным читателем Екатеринбургской библиотеки был и ректор немецкой школы Бернгард Штермер. Он брал книги как для занятий со школьниками, так и для самообразования¹. Среди них числилась книга «Dappers Beschreibung von America, 3 Bücher. 1623». Вполне вероятно, что учителя школ могли сами рассказывать ученикам о каких-то выдающихся личностях и событиях на основе имевшейся в собраниях школ и библиотеке Екатеринбурга исторической литературы.

В целом можно сказать, что круг исторической литературы, которым располагали иноязычные школы Екатеринбурга вкупе с собранием библиотеки Горного ведомства, был вполне достаточен для знакомства учеников с историей, особенно с античной историей Греции и Рима. Учащиеся, собранные с разных казенных заводов и приписных к ним слобод, из уральской глубинки, могли знакомиться с книгами знаменитых авторов, труды которых еще не были переведены на русский язык. Безусловно, это была заслуга Татищева, благодаря которому эти книги появились на Урале, и учителей школ, Кондратовича и Штермера, заказывавших интересные издания для своих учеников.

¹ Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга... С. 496—499.

В. Н. ТАТИЩЕВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВОЙ ШКОЛЫ РИСОВАНИЯ НА УРАЛЕ*

С именем В. Н. Татищева, начальника казенных заводов Урала и Сибири, связано открытие в Екатеринбурге в 1735 г. первой на Урале школы знаменования, действовавшей более полувека. После издания Устава народных училищ 1786 г. эта школа слилась со словесной, арифметической и немецкой в единую горную школу Екатеринбурга. О школе знаменования имеются лишь отдельные упоминания в литературе¹, поэтому цель данной статьи — показать роль В. Н. Татищева в организации деятельности этой школы и раскрыть основные вехи ее истории.

Хотя в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев отнес знаменование и живопись не к полезным, а к щегольским наукам наряду с поэзией, музыкой, танцами, вольтежированием, он все-таки подчеркнул особое значение этого предмета: «Знаменование же во всех ремеслах есть нужно»².

Термин «знаменовать» в словаре В. И. Даля разъясняется как «налагать знак, метить, помечать, обозначать...», слово «знамя» — это знаменье, печать, клеймо, подпись или рукоприкладство, также чертеж, изображение, рисунок³. В XVIII в. под знаменованием понимали рисование карандашом, пером, тушью, красками.

* Ранее опубликовано в кн.: Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VI Всерос. науч. конф. 7 апреля 2004 г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 265—280.

¹ См.: Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала. в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 49.; 100 лет горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948. С. 23; Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII в. и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга — Свердловска (26—29 мая 1948 г.). Свердловск, 1950. С. 60, 67.

² Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 92.

³ Даль В. И. Толковый словарь. М., 1956. Т. 1. С. 687—688.

При составлении первого штатного расписания уральских заводов 1723 г. Татищев предусматривал в Екатеринбургской арифметической школе должности учителей арифметики и геометрии с годовым жалованьем 24 руб., чертежей (36 руб.) и знаменования с окладом 48 руб., заметим, в два раза выше, чем у учителя математики¹. Берг-коллегия при рассмотрении штатов в феврале 1724 г. решила возложить преподавание знаменования и чертежей на одного учителя с жалованьем 48 руб., «требовать оного от Артиллерии», т. е. из Московской артиллерийской школы². Но через несколько дней, рассматривая повторную просьбу уральского начальства о присылке учителя знаменования, члены Берг-коллегии изменили свое решение: «в учителя велеть брать из тамошних», отправленных на уральские заводы из Артиллерийской школы, «а нарочных из Санкт-Петербурга туда посылать есть не без убытка, понеже станут требовать великаго жалованья»³. Поскольку московские школьники были крайне заняты в управлении заводами, рудниками, такая политика Берг-коллегии затормозила подготовку людей, знающих знаменование, на долгие годы. В какой-то мере эти навыки прививались наиболее способным учащимся Екатеринбургской арифметической школы, обучавшимся чертежному искусству: их учили тушевать, раскрашивать планы заводов, рудников.

Через два месяца по возвращении на Урал в качестве начальника заводов, в декабре 1734 г., Татищев снова начал хлопотать о найме учителя знаменования в Петербурге. На заседании Канцелярии Главного заводов правления Татищев с А. Хрущовым и И. Рудаковским 12 декабря 1734 г., «разсуждая о содержании здешних школ, что в тех школах ученики обучаютца словесному и арифметики, и иные отчасти и копированию чертежей, токмо в знаменовании тех школьников обучать некому, согласно определили: в Правительствующий Сенат послать доношение, чтоб для оной науки повелено было прислать из учеников Академии[и] наук в знаменовании искусного одного человека»⁴.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1527. Л. 54.

² Там же. Л. 67 об.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 95 об.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 215. Л. 715.

Поскольку Татищев при новом назначении получил право обращаться по всем важным вопросам непосредственно в Кабинет министров и к Анне Иоанновне, 2 января 1735 г. он лично просил о присылке учителя знаменования и архитектора кабинет-министров: «Також весьма нам нужно иметь здесь для научения детей знаменования, а для надзирания в каменных строениях архитектора, каковы из обученных при Академии, мною, способны найдутся. А понеже нам архитектор не столько для украшения, сколько для укрепления нужен, то прошу, чтоб повелено было прислать такого, которой бы уже практику имел»¹. На Урале ежегодно вводились в строй новые заводы, плотины, строились крепости, активно обустроивался и Екатеринбург, ставший столицей горного края, здесь возводилось много общественных зданий, шло бурное частное строительство, поэтому просьба о присылке архитектора была вполне уместной.

В тот же день Татищев составил инструкцию посылавшемуся в Саксонию на поиск мастеров гитенмейстеру Улиху, служащему уральских заводов. Кроме мастеров Улих должен был нанять трех учителей для открывавшихся школ латинского и немецкого языка, один из которых «чтоб в мафематике и знаменовании мог обучать»², т. е. Татищев предполагал обучать рисованию и учащихся немецкой школы, куда собирался привлечь в первую очередь детей горных офицеров, управителей заводов и мастеров.

Ясно, что в подготовке будущих специалистов рисование должно было, по мысли Татищева, занять достойное место, не случайно он включил этот предмет и в программу обучения четырех уральцев, которых Улиху поручалось определить в гимназию Академии наук³.

Но и на этот раз столичные власти внесли коррективы в планы Татищева. Кабинет-министры, видимо, рассудили, что достаточно будет одного человека, который мог бы исправлять должность архитектора и одновременно обучать детей. Об этом свидетельствует текст двух документов. Именным указом от 25 апреля 1735 г. Тати-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 63.

² Там же. Оп. 22. Д. 1528. Л. 27 об.

³ Там же. Л. 28 об.

щеву сообщалось, что Академии наук повелено представить архитектора для учения детей знаменованию и укрепления строения¹. В самом этом повелении, отправленном из Кабинета в Академию 29 апреля, приказывалось представить архитектора для посылки на заводы «к обучению тамошних обывателей детей». Не возражая прямо Татищеву, не оговаривая мотивов, кабинет-министры придали своему решению вполне положительное звучание.

Но Академия наук располагала единственным архитектором, нужным ей самой, и до осени 1735 г. никаких шагов в поиске архитектора, видимо, не предпринимала. Между тем Улих, несколько месяцев ожидавший в столице решения верховной власти об отправке его за границу, нашел трех нужных заводам специалистов. Получив об этом известие, Татищев 21 сентября 1735 г. написал кабинет-министрам: Улих «сыскал иноземцов ремесляных, которые суда ехать охоту имеют, а имянно, архитекта, часового мастера и знаменования учить, в которых нам немалая нужда...». Татищев сообщил, что отправил уже доношение в Сенат о принятии этих специалистов, кабинет-министров же просил, «чтоб в Сенат повелели о том напаять». Татищев не надеялся на скорую реакцию этого высшего органа, в этом же письме, ходатайствуя о присылке управителей на заводы, отмечал: «Я было не хотел утруждать вас, о людях хотел представить в Сенат, но, видя, что днесь чрез 7 месяцев и более на посланные доношения никакого определения не получал, оставил»².

Президент Академии наук И. А. Корф 6 октября 1735 г. доложил кабинет-министрам о явке в Академию иноземца инженера Шварца, требующего службы, который «может и архитектурную должность отправить», он и был представлен кабинету³. Через 10 дней Христоф Шварц подал прошение о принятии его на уральские заводы, подписавшись как «гамбурец» — житель Гамбурга. Через полмесяца, 1 ноября, представил и собственноручные чертежи как свидетельство познаний в инженерной науке⁴.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 258 об.

² Там же. Ф. 271. Оп. 1. Д. 12. Л. 318—319.

³ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 801—802.

⁴ Там же. С. 809, 813.

Вероятно, Улих подыскивал иного кандидата на должность архитектора, но не представлял его в Сенат, ожидая предварительной санкции Татищева. Получив ее и узнав о Шварце, Улих 3 ноября сообщил в академическую канцелярию: «а знаменования учителя Дункеля я здесь приискал, который в Сибирь ехать охоту имеет». Улих просил Академию наук освидетельствовать как архитектора, так и учителя, чтобы он мог о них представить в Сенат, как ему приказывал Татищев¹.

Академия признала Шварца годным в архитекторы. Дункель представил образцы своего рисовального искусства в «разных фигурах». Для более объективной оценки его способностей Академия привлекла живописца Кадетского корпуса Ведекена. И в отношении Дункеля академическое начальство приняло положительное решение². Но ни архитектор, ни учитель на Урал так и не были отправлены, хотя 29 октября 1735 г. кабинет-министры на вторичную просьбу Татищева ответили положительно: «По требованию вашему архитекта велено приискать а Академии, а как приискан будет, то оной к вам пришлется»³. Причины, по которым отправка уже найденных специалистов не состоялась, нам не известны.

Проблему с учителем знаменования пришлось решать на месте. Поскольку из столицы уже прибыли учителя немецкого и латинского языков, готовилось открытие иноязычных школ, ставших первыми школами повышенного типа на Урале, Татищев решил открыть одновременно и школу знаменования. Ранее такой предмет ни в одной школе Урал не преподавался, в Екатеринбурге же сразу открывалась школа. 3 ноября Татищев и члены канцелярии заслушивали итоги переписи детей школьного возраста на горнозаводском Урале и наборе в Екатеринбурге 152-х детей для обучения, назначили учителей, обучение знаменованию поручили Мирону Аврамову⁴.

Примечательно, что и после этого назначения, Татищев продолжал настаивать на присылке учителя из Петербурга вместе с архи-

¹ Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 816.

² Там же. С. 820—821.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 165.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. Л. 12.

тектором: в феврале 1736 г. Татищев с Хрущовым обосновывая невозможность сокращения должностей в новых заводских штатах 1735 г., как предлагал Кабинет министров, просили прислать еще ряд специалистов, в т. ч. отмечали: «в школу весьма нужны учитель знаменования один, механики и архитектуры один или два...»¹.

Как видим, Татищев не отказался от идеи заполучить учителя из столицы, более того, аппетиты его выросли, он хотел иметь специальных учителей механики и архитектуры, т. е. намеревался ввести преподавание архитектуры в одной из школ Екатеринбурга, вероятно, в знаменованной. По сути, Татищев подхватил идею верховной власти об архитекторе как учителе. Параллельное использование архитектора по прямому назначению — для «укрепления» строения, — в принципе, не исключалось. Знание же основ архитектуры будущим заводским специалистам, безусловно, пригодилось бы. К тому же для преподавания архитектуры в Екатеринбурге имелась достаточная учебная база: в личной библиотеке Татищева, привезенной им в Екатеринбург, было немало новейших западноевропейских изданий по архитектуре и строительству крепостей на немецком языке. Заметим, основы архитектуры были включены Уставом народных училищ 1786 г. в программу обучения детей в главных народных училищах, открываемых Екатериной II в губернских центрах России. Для горнозаводского Урала, где в 30-е гг. XVIII в. велось широкое строительство, знания архитектуры были как нельзя кстати. Но Кабинет министров словно перестал замечать просьбы Татищева, и ни архитектора, ни учителя знаменования из столицы так и не прислали.

В проекте новых заводских штатов (июнь 1737 г.) Татищев увеличил число учителей в знаменованной школе до двух: один должен был учить знаменованию с жалованьем 36 руб., другой — живописи с жалованьем 60 руб. в год. В немецкой школе предполагался свой учитель знаменования и чертежей с жалованьем 120 руб., при нем помощник (жалованье 24 руб.)². Это штатное расписание свидетельствует, что Татищев по-прежнему стремился расширить преподавание знаменования и живописи, хотел выделить их в качестве самостоятельных предметов. Судя по сравнительно низким размерам жалованья учителей знаменования и живописи, помощника учителя

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 229. Л. 13.

² Там же. Оп. 1. Д. 631. Л. 188—189.

в немецкой школе, он предполагал назначить на эти должности кого-то из имеющихся в Екатеринбурге специалистов.

Обратим внимание, Татищев ввел знаменование в качестве предмета и для учащихся немецкой школы, причем эти занятия, как и по математике, должны были идти на немецком языке. Хотя с отправкой Улиха в Саксонию и найме там учителя знаменования и математики ничего не вышло (верховные власти на это не пошли), Татищев не отказался от намерений ввести этот предмет в немецкой школе и не терял надежды заполучить учителя из столицы. Но этим широким планам не суждено было претвориться в жизнь — хотя штаты 1737 г. и стали действующими, причем на протяжении десятков лет, эти учительские должности продолжали оставаться не занятыми, так как из-за большого числа учащихся, получавших казенное жалованье, перерасход штатных средств на школы стал хроническим, и в 1742 г. пришлось резко сократить как сеть школ, так и число учащихся в них.

В Екатеринбурге с 1735 г. знаменование и основы живописи преподавал на протяжении 15 с лишним лет Мирон Аврамов — до своей смерти в 1753 г. (в 1745—1747 гг. школа временно закрывалась). В справочнике А. В. Козлова о нем дается краткая информация: «Мирон Васильевич Аврамов (1682—1753). Один из первых уральских графиков, живописец. Он обучался живописи и шпалерному делу в Петербурге. Затем исследовал месторождения минеральных красок на Урале (1726), работал живописцем на заводах Демидова (1730—1733), преподавал черчение, рисование и живопись в екатеринбургских школах (1735—1753). В 1753 г. обследовал месторождение краски темной мумии возле Сысерти»¹. В. Н. Будрин отмечал, что Миронов — тобольский беспоместный дворянин, с 1719 г. служил в солдатах, в момент назначения учителем ему было 37 лет².

Об Аврамове нам удалось выявить ряд новых документов, уточняющих этапы его деятельности до назначения учителем. В протоколах Берг-коллегии за декабрь 1721 г. о нем имеется такое решение: «живописцу Аврамову за ево искусство в живописном мастерстве, которое в Берг-коллегии объявлено, и дабы он к тому наипаки прилагал прилежание и наилутче, к прежнему ево окладу прибавить по

¹ Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII — начала XX века. Свердловск, 1981. С. 6—7.

² Будрин В. Н. Указ. соч. С. 60.

рублю ж на месяц...и в Штатс-контор-коллегию в общем именном списке...как о протчих Берг-коллегии служителях будет посылатца, объявить имянно». Деньги выдавать на счет Кабинета, «понеже шпалерное дело содержится на кабинетных деньгах»¹. Видимо, Аврамов состоял на службе в Берг-коллегии и в конце 1721 г. состоялось решение об обучении его шпалерному искусству для потребностей Кабинета Петра I, либо об участии в этих работах. Аврамов был юным, в возрасте 23 лет. На Урале в 1726 г. он побывал временно: начальник заводов Геннин отмечал в указе 1728 г.: «в прошлом 726 году в бытность твою в Екатеринбургедоношением ты меня просил, чтоб тебя к сысканию всяких красок на оные заводы определить»².

Указ Геннина об этом назначении был дан Аврамову 8 апреля 1728 г. в столице: «И того ради по получении сего е.и.в. указу ехать тебе отсель в Сибирь на Екатеринбургские заводы и искать со всякою ревностию и радением всякие разные краски, которые ты в доношение ко мне объявил, да и сверх того какие сыскать можешь...». Найденные краски Аврамов должен был объявлять в Сибирский обер-бергамт для отправки в Берг-коллегию³. Аврамов подтвердил в одной из сказок: «прибыл сюда в Екатеринбург в 1728 году для прииску красок»⁴. На заводах Акинфия Демидова Аврамов работал в 1730—1733 гг., вероятно, писал иконы, может быть некоторые из них дошли и до нашего времени как безымянные. Плохого живописца Демидовы вряд ли бы стали держать.

Когда по инициативе Геннина начала строиться каменная церковь Святой Анны в Екатеринбурге, в октябре 1733 г. в обер-бергамте он вынес единоличное решение: заблаговременно «писать надлежащие в ней быть образы и иконостас», пока «маляры» и резчики, затребованные у митрополита Тобольского и Сибирского Антония, не прибыли в Екатеринбург, вызванному с демидовских заводов Аврамову готовить холст на «образы», прикреплять его к рамам, грунтовать. Для этого подобрать «особливую квартиру», топить ее, дать свечи. Холст сшивать находящимся под караулом женкам или

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 90. Л. 580 об.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 569. Л. 641.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 639 об.

«присыльным» за указную плату. Для помощи в изготовлении грунтовых красок дать из школьников одного человека. Аврамову платить по 4 руб. в месяц, школьнику — по 2 коп. на день, ставить деньги на церковный счет в 2 тыс. руб.¹ Таким образом, Аврамов во второй раз был нанят Генниным в связи со строительством новой церкви. Примечательно, что «образы» и иконостас должны были делаться «по учиненному от него, герала-лейти[н]анта абрису» (рисунку).

В ноябре 1733 г. был отправлен в контору Коммерц-коллегии в Москву заказ на краски и на двух, «знающих силу в тех красках людей». Но краски так и не прислали, поэтому в марте 1734 г. был отправлен нарочный в Москву к приказчику Демидова и к фабриканту Томилину с просьбой о красках, но ни золота, ни серебра достать так и не удалось. Из-за этого работы по написанию икон в Екатеринбурге с июля 1734 г. приостановились и вновь начались лишь через полтора года в декабре 1735.

Об этом становится известно из протокола заседания Канцелярии от 19 декабря 1735 г. в связи с прошением Аврамова о выплате ему жалованья по окладу, какой был определен «во время письма образов в здешнюю церковь»². Видимо, с возобновлением этих работ Аврамов и подал такое прошение. По справке оказалось, что он «был на воле» с июля 1734 г. до 3 ноября 1735 г., до назначения учителем знаменованной школы, т. е. из-за отсутствия красок перестал получать жалованье из казны. К тому же в апреле 1735 г. Татищев приказал строительство церкви прекратить, «для малости оной разобрать» и построить новое здание. В связи с этим Аврамов сдал оставшиеся у него краски и «образы», уже «отделанные» были приняты в церковь, неотделанные — в заводскую контору³.

Ясно, что и в XVIII в. художник считался человеком вольной профессии: перестал работать, хотя и не по своей вине, не стало и жалованья. «Простой» у Аврамова длился 15 месяцев. Члены канцелярии Татищев, Н. Клеопин и И. Юдин решили: жалованье ему за те месяцы, что не был у церкви, не давать, «ибо он тогда может работал

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 569. Л. 637—638 об.

² Там же. Оп. 12. Д. 227. Л. 208.

³ Там же. Д. 219. Л. 155.

постороннее, для того, что был свободен». На учительской должности ему положили те же 48 руб. в год, с 1736 г. — 60 руб., как планировалось новыми штатами¹.

Став учителем, Аврамов продолжал использоваться и как живописец для заводских нужд, писал иконы. Как уже отмечалось, через месяц с начала занятий в школе он просил выдать ему разных красок для письма «образов»². В июле 1736 г. требовал краски умбры 3 фунта и «пристойного числа» конопляного масла для покраски дверей и окон в новом загородном доме Татищева, выстроенном на том самом месте, где сейчас стоит церковь Вознесения³. Видимо, рядовым малярам эту работу решили не доверять. Аврамов писал иконы и для строящейся на Сысертском заводе церкви во имя святых Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. В январе 1736 г. начальство поручило ему «на царские двери зделать рамы ... а к рамам двери написать на полотне», «местных икон» отделать две, Рождества Богородицы, Сретения Христова, да написать Симеона Богоприимца, и Анну Пророчицу; «для скорости в письме» Аврамову определили в помощь «вольного иконника»⁴. Через год, в январе 1737 г. учителю поручили для этой церкви «иконы и протчее, кроме образов в иконостасе, написать» (для иконостаса уже «довольно» имелось икон). Под «прочим» подразумевались, видимо, «царские южные и северные двери», о росписи которых речь шла в этом же документе⁵.

Получив 3 ноября 1735 г. назначение учителем, 22 ноября Аврамов затребовал «припасы» для обучения школьников, которые ему были выданы из канцелярии⁶, с 24 ноября начались занятия: это число указано в ведомостях школьников как время «вступления в науку». Аврамову дали из арифметической школы 4-х учеников: сыновей молотовых мастеров Ивана Борисова и Андрея Оберехтина,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 219. Л. 155.

² Там же. Д. 227. Л. 248.

³ Там же. Д. 234. Л. 123—124.

⁴ Там же. Д. 228. Л. 165—166.

⁵ Там же. Д. 240. Л. 241.

⁶ Там же. Д. 226. Л. 167.

сына молотового подмастерья Ивана Юдина и солдата Семена Звонарева¹. Ученики были уже зрелыми юношами 18 и 20 лет. По-видимому, их отобрали как наиболее способных к рисованию и живописи.

Следующее пополнение школы произошло через год, в сентябре 1736 г. снова направили четверых, но уже из словесной школы: сына мастера Ивана Денисова, детей молотовых подмастерьев Кирилла Шагова и Тита Михалева (12-летних), капральского сына Гаврилу Панаева (15 лет). В мае 1739 г. поступило еще семеро из арифметической школы (трое детей мастеров, кузнеца, капрала, солдата 12—14 лет: Агап Палкин, Павел Барышников, Иван Мокроносов, Петр Коптелов, Степан Лопаницын, Егор Сунгуров².

По «Учреждению» Татищева 1736 г. (его новой школьной инструкции) учащиеся школы знаменования в определенные часы должны были заниматься в арифметической школе, обучаться токарному, столярному, паяльному, гранильному мастерству, пробирному делу, а ученики арифметической, немецкой, латинской школ — дважды в неделю на 2 часа ходить к Аврамову, учиться рисованию. Но это предписание Татищева не выполнялось. Только в результате особого настояния Татищева перед отъездом в Самару (июнь 1737), жалобы Юдина в канцелярию, на то, что ученики немецкой школы «в тех науках не обучаются» (март 1738 г.), члены канцелярии постановили: составить расписание занятий и раздать учителям, чтобы они знали, когда и в какие часы им нужно заниматься с учениками, приходящими из других школ³. В начале мая 1738 г. Аврамов сообщал в канцелярию, что ученики из латинской, немецкой и арифметической школ, приходящие в знаменованную, «бумаги ...при себе не имеют, а требуют от оной школы», а лишней бумаги нет⁴. Судя по аттестатам учеников знаменованной школы, они в конце 30-х гг. XVIII в. посещали в определенные часы арифметическую школу и параллельно рисованию усваивали математику. Но, видимо, эта практика распространялась не на всех учащихся.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 625. Л. 192.

² Там же. Д. 857. Л. 120.

³ Там же. Д. 760. Л. 117.

⁴ Там же. Л. 118.

Умения учеников видны из их «удостоинств» и аттестатов, дававшихся учителем в связи с подачей ими прошений об увеличении жалованья или определении к делам. Так, об Иване Денисове в 1742 г. Аврамов показал, что он «набело» «книги рисовальные» «прорисовал» все три части, а также «волдеевы фигуры». «Из иных книг рисовал и тушеввал царские персоны и разные фигуры из евангельских притчей, к тому ж рисовал монстров и другие разные фигуры в Главную канцелярию и в аптеку здешнюю, о чем и в Канцелярии[и] не без известно есть, под которыми он, Денисов, и подписывался. Оной же Денисов обучает арифметики пята[ю] статью и в письме своем исправен и во всей помянутой науке против своей братьи учеников искуснее и в том деле силу знает лутчее»¹. Возможно, известный художник, уроженец Екатеринбурга, А. К. Денисов-Уральский (1863—1926) — потомок этого ученика, чьи авторские работы украшали стены наиболее важных учреждений Екатеринбурга? О Кирилле Шагове учитель отмечал, что и он «волдеевы фигуры», «цветы» и «другие фигуры» рисовал в аптеку (1742 г.)².

Петр Коптелов писал о себе в 1749 г.: обучился «знаменовать и тушевать, и грунтовать, и подмалевать и на подмалевку краски составлять и позолотить, ныне состою в тверженииитрегонометрии, копирование чертежей и тушевать обучаюсь, сочинению планов, профилей и прешпектов, а в живописном обучаю[сь] отживке»³.

Ученики знаменованной школы использовались в случае срочных работ в помощь чертежным для копирования планов заводов и рудников. В 1741 г., например, в школу выдавались бруски чернил и карандаши для «сочинения машинных и прочих чертежей»⁴.

Основным учебным пособием в школе являлась книга И. Д. Прейслера (1666—1737), главы Нюрнбергской академии живописи, изданная в переводе на русский язык (с параллельным текстом на немецком) академической типографией в 1734 г., — «Основатель-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 55.

² Там же.

³ Там же. Д. 1248. Л. 440—441.

⁴ Там же. Д. 907. Л. 441.

ные правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству»¹. Она состояла из трех небольших по объему частей (от 10 до 20 страниц), каждая имела по 18 иллюстраций. Это было первое руководство по изобразительному искусству, изданное на русском языке, которое должно было привить ученикам навыки рисования с натуры. Не случайно Академия наук ходатайствовала перед Сенатом о распространении этого издания в школах России в качестве учебного пособия². Книга переиздавалась в 1734 г., 1781 и 1795 гг.³ и, как отмечают специалисты, играла «...огромную роль в художественном образовании на протяжении всего XVIII в.»⁴.

В Государственном архиве Свердловской области нами выявлен уникальный документ, поданный в Канцелярию Главного правления заводов библиотекарем Лаврентием Сехтингом в мае 1740 г., — рапорт о книгах, взятых из Екатеринбургской библиотеки и не возвращенных, несмотря на его напоминания⁵. Сехтинг просил канцелярию, «чтоб повелено было объявленные книги собрать и возвратить по прежнему в библиотеку, ибо у иных неоднократно просил, но оные их не присылают».

Рапорт Сехтинга дает нам представление о круге литературы, использовавшейся в знаменованной школе. Учитель Мирон Аврамов оказался среди наиболее активных пользователей казенной библиотеки. В знаменованную школу «для обучения» Аврамов взял в апреле 1737 г. 11 томов книг⁶. Среди них были специальные труды по живописи и архитектуре, числившиеся в каталоге библиотеки Татищева, оставленной им в июне 1737 г. в Екатеринбурге, перед отъездом к новому месту назначения — в Самару, главой Оренбургской экспедиции. Эти книги уже хранились в помещении казенной библиотеки, но отметим, являлись личной собственностью Татищева.

¹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800). М., 1964. Т. 2. С. 469.

² См.: Луннов С. П. Книга в России в послепетровское время (1725—1740). Л., 1976. С. 81.

³ Сводный каталог русской книги... Т. 2. С. 469—470.

⁴ Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Л., 1985. С. 14.

⁵ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 222—226 об.

⁶ См.: Там же. Л. 223.

Среди книг — двухтомная «Кирхнерава Живопись» (видимо, это «Kunstpforte» (Врата в искусство) в двух частях, зарегистрированная в каталоге библиотеки Татищева под № 510; «Декерова. Архитектура цивилис» («Deikers Furstlicher Baumeister oder architectura Civilis, pars I. Augsp., 1711», № 329), «Перспектива хитрости наук» Шиблера («Schüblers persctivische Zeichen Kunst, pars 1, 1719, pars 2, 1720. Nürnb[erg]»), «Аугсбургская золотая резьба» (Augsburgische Gold Arbeit), № 332 и 334. Труд Кларация «Arspictoria» («Искусство рисования») согласно каталогу книг Татищева являлся составной частью сборника, в который входили еще две книги: «Kromsemers Reisu[nd] Zeichnungs Buch», «Weigels schönste Blihmén» (№ 362—363) — «Кромсемера. Книга чертежей и рисунков», «Вайгеля. Красивейшие цветы». Были также взяты книги, имевшие богатые иллюстрации, по ним, видимо, совершенствовал свое мастерство сам учитель, они показывались учащимся, копировались ими. Это «Описание коронации» Анны Ивановны (Москва, 1730) с 14 гравюрами, среди которых портрет императрицы, изображение короны, державы и скипетра; виды Успенского собора, в котором проходила коронация, и Соборной площади, заполненной народом; изображение фейерверка, устроенного в честь этого события, и др. Учитель взял и одну из 7 книг Ф. Х. Кевенгиллера (1584—1650) — «Анналы Фердинанда», о жизни курфюрста Бранденбурга Фердинанда (1578—1637), лейпцигское издание 1720-х гг. на немецком языке, также имевшие замечательные гравюры исторической тематики, в частности изображения крепостей, битв, виды городов.

Наряду с этими западноевропейскими изданиями были взяты и 3 «тома» книги И. Д. Прейслера. Три части книги не были, видимо, переплетены, поэтому и числились за учителем как три тома¹.

Все эти книги, за исключением Прейслера, имевшегося и в казенной библиотеке, принадлежали Татищеву, они были взяты Аврамовым в апреле 1737 г., т. е. до отъезда Татищева с Урала. Поэтому можно с уверенностью говорить, что Татищев, владелец книг, разрешал Сехтингу выдавать свои книги учителям, позволял использовать

¹ См.: Сафронова А. М. Использование книг В. Н. Татищева и казенной библиотеки Екатеринбурга в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2001. С. 296—337.

иностранные издания для преподавания в школе, несмотря на высокую цену, заплаченную за них.

Из текста росписи следует, что учитель Аврамов обращался к Татищеву за нужной книгой и непосредственно, получал ее из его рук. «1737 году взято живописцем Аврамовым у его превосходительства 1) Ниренбергскую немецкая личная Библия в 2 листа», — записал Сехтинг¹. Это единственное указание на передачу книги самим Татищевым: видимо, Библия находилась у него на дому, он сам просматривал ее.

Возможно, иллюстрированная Библия помогала Аврамову не только в обучении живописному делу своих питомцев, но и в росписи церквей, в частности, на Сысертском заводе. Примечательно, что в июле 1738 г. Аврамов взял второй том этой Библии, изданной в Нюрнберге в 1720 г., уже у Сехтинга². Но этих 15 книг учителю было не достаточно, и в апреле 1739 г. он взял «Боклереву Фантальную хитрость», в декабре на него была записана «Краусова Хисторицкая в лицах Библия»³.

Хотя эта книга Боклера не числится в каталоге библиотеки Татищева, она могла принадлежать только ему, т.к. списки поступлений книг в казенную библиотеку в эти годы нам известны, каталог же неполон. В первой партии литературы, переданной Татищевым в пользу заводов по приезду на Урал за плату, имелась другая книга этого же автора, известного немецкого архитектора и инженера Георга Боклера (1644—1698) — «Механика верная»⁴. Вероятно, сочинение Боклера об устройстве фонтанов имело красочные иллюстрации, которые могли перерисовывать ученики. Вторая книга, облюбованная учителем, — иллюстрированная Библия — прибыла в Екатеринбург в составе партии книг из Самары, она дополнила двухтомную Библию Татищева.

Таким образом, на руках учителя знаменованной школы числилось по меньшей мере 15 томов, а учитывая 3 переплетенные вместе

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223.

² См.: Там же. Л. 223 об.

³ См.: Там же. Л. 224, 226.

⁴ См.: Сафронова А. М. Екатеринбургская казенная библиотека горного ведомства: Первое приобретение книг В. Н. Татищевым в 1734 г. // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 275.

книги, 17 изданий. Поскольку в школе в эти годы имелось не более 10 учеников, можно говорить о хорошей обеспеченности их литературой, как учебной, так и иллюстративной. К тому же следует учитывать, что в школе уже были книги Прейслера, приобретенные Улихом в книжной палате Академии наук в 1735—1736 гг.: вся первая партия книг была отдана в школы без регистрации их в составе казенной библиотеки (как таковой ее еще не существовало). На требование вернуть книги в библиотеку, учитель Аврамов объявил в августе 1740 г. что «онные книги у него все налице при школе и ко обучению детей ему впредь надобны»¹.

На 1750 г. для обучения знаменованию было затребовано 3 книги «краткого руководства к рисовальному художеству Прейслерова» и «французские фигуры». Члены канцелярии решили, что пособия Прейслера следует заказать в Берг-коллегию, а «фигуры к рисовальному делу неспособны». Аврамову предписывалось «из архитектурных и прочих книг, которых при библиотеке довольно находится, выбрав способные, срисовать довольно число аккуратно и по регулом рисовального художества, и те ученикам для навывания предложить»².

Для обучения нужны были карандаши, кисти, краски. С конца 1735 г. списки на припасы, необходимые школам в следующем году, подавались члену канцелярии Юдину, он оформлял сводные требования. В декабре 1735 г. «к живописному делу» было затребовано 28 названий красок, кисти хорьковые большие, средние и малые 200, три барсучьи кожи; по 5 фунтов: щетин свиных, охры турецкой темной, скипидару, к рисованию карандашей красных и черных; хвостов хорьковых «пятков», александрийской бумаги 3 дести, картузной — 6 (десть — 24 листа)³. Татищев вместе с А. Хрущовым приказали: краски, «каких нет здесь», карандаши, хорьковые хвосты купить на Ирбитской ярмарке, бумагу — в Москве⁴. На 1737 г. учитель затребовал до 30 цветов красок, в том числе две «венецианской», умбру

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 232.

² Там же. Оп. 12. Д. 396. Л. 190.

³ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 20 об. — 21.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 228. Л. 108.

немецкую и турецкую, но члены канцелярии уменьшили число красок наполовину, как и большинство других припасов. Решено было купить щетинок свиных 10 фунтов, шелку китайского на вязание кистей 5 золотников, мыла 10 фунтов, золота червонного 3 «книги», в 20 «книгах» серебра было отказано. Утиных крыльев решено было купить 30 штук, как и просил учитель, гусиных же 30 вместо 50 и лебяжьих 10 вместо 20¹.

На 1745 г. запрашивалось бумаги «на рисовку и тушевку» 12 де-стей (№ 1), «александрійской на тушевку» — 12, «картузной серой на подкладки ученикам 8 листов», «мелу белого для рисовки» 5 фунтов, 40 хорьковых хвостов, клею на кисти 1 фунт, «барсуков на кисти и на фленцыи 2», ниток на кисти 1 фунт, дюжина толстых карандашей и т. д. Отдано было и 6 скамей в починку².

Иногда Аврамов заказывал припасы дополнительно: в октябре 1737 г. просил выдать 70 свечей «для остережения книг» и прочих, «имеющихся при школе припасов и картин»; плиту, изготовленную на гранильной фабрике, отполировать и передать школе для растирания красок³. Летом 1749 г. были заказаны на Ирбитскую ярмарку карандаши, чернила, хвосты хорьковые и беличьи для изготовления кистей, но до сентября их не купили, из-за этого в обучении произошла остановка. Поэтому решено было купить у купца в Екатеринбургe, хотя и дороже, половину карандашей, чернил 30 брусков, часть хвостов; заказать хвосты и на ярмарку, а 24 карандаша и 2 коробки чернил — в Берг-коллегию⁴.

Знаменованная школа, несмотря на небольшое число учащихся, получила свое помещение: на зиму 1736 г. дрова в нее выдавались особо, с октября месяца⁵. В 1737 г. начальство о дровах школам «забыло», 20 октября Миронов сообщал канцелярии: «время хладное, и [из-за] нетопи оной школы печи ученикам обучаться и знаменить

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 13—14.

² Там же. Д. 1035. Л. 31—32.

³ Там же. Оп. 1. Д. 691. Л. 223.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 392. Л. 228—229.

⁵ Там же. Д. 236. Л. 255.

невозможно»¹. Только 31 октября последовало решение о выдаче дров всем школам.

В июне 1745 г. в условиях нехватки людей начальство назначило Миронова лесным надзирателем на Сысертский завод², работа школы пресеклась. Но в октябре 1746 г. президент Берг-коллегии А. Томилов во время пребывания на Урале приказал возобновить занятия в знаменованной школе, а на Сысертский завод послать другого человека³.

После скоропостижной смерти Аврамова (он заболел во время обследования месторождения красок в Сысерти в мае 1753) обучать школьников поручено было его лучшим ученикам Ивану Морозову и Егору Южакову «с переменою». С июня 1754 г. занятия стал вести Южаков, назначенный официально подмастерьем с жалованьем 18 руб. в год⁴. В декабре 1757 г. жалованье ему было повышено до 24 руб., т. к. будучи подмастерьем, продолжал совершенствовать свое мастерство. Знание арифметики, геометрии, умение рисовать планы и делать чертежи, рисовать и тушевать на бумаге, Южаков дополнил навыками грунтовать на дереве и холсте, «подтушевать, помалевать, вызолотить и отживить из масла (хотя не так, чтоб против чистой живописной работы умеет)...»⁵. В 1762 г. Южаков был послан в Петербург для сопровождения каравана с мраморными изделиями и, как специалист высокого класса, оставлен на время в Берг-коллегии. Президент Берг-коллегии И. А. Шлаттер, автор «Обстоятельного наставления рудному делу», поручил ему роспись красками «по изданным им.. чертежам плавильным и прочим горным печам и другим вещам моделям по содержанию каждого качества...». Эту работу не мог выполнить живописец Академии наук, Южаков же раскрашивал модели на пробу «не хуже академического живописца»⁶.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 223.

² Там же. Оп. 12. Д. 349. Л. 111.

³ Там же. Д. 50. Л. 505.

⁴ Там же. Д. 449. Л. 12.

⁵ Там же. Д. 491. Л. 62—65.

⁶ Козлов А. Г. Указ. соч. С. 175—176.

Выпускники школы знаменования использовались в качестве помощников геодезистов при проведении ими картографических работ (Звонарев и Оберехтин, 1737 г.); Оберехтин в марте 1737 г. был послан с В. Шишковым для этого в Казанское начальство, Звонарев в 1739 определен в ученики геодезии¹. Борисова в 1739 г. направили к камнерезным делам к мастеру Рейнеру, Шагова — в 1744; Михалева в 1745 г. — к доменному уставщику².

Палкина и Коптелова начальство отказалось определить к мастерствам по их просьбе в 1746 г., приказало «доучиваться наукам»; в 1747 г. отказало распределить в кузницу и к слесарному делу. В 1748 г. Сунгуров и Коптелов просили определить их учениками резчика на Екатеринбургский монетный двор, куда требовались два человека с навыками рисования, но начальство решило направить туда менее способных Палкина и Пазникова. В 1750 г. Палкин и Денисов были определены в ученики инструментального дела, параллельно должны были совершенствовать свои познания в геометрии, тригонометрии, знаменовании, для чего по часу ежедневно обучаться этим предметам в школе³. Коптелова зачислили в маркшейдерские ученики, а в 1750 г. произвели в ундер-шихтмейстеры Екатеринбургского завода⁴.

Воспитанник Аврамова Егор Сунгуров в 1749 г. был представлен надзирателем школ Ф. Санниковым на должность подмастерья знаменования и «малевания» в помощь учителю. В школе было уже более 20 учащихся, к тому же для обучения рисованию должны были приходить все ученики арифметической школы, приступившие к геометрии. Но поскольку Берг-коллегия молчала на представление уральского начальства о назначении новых учителей, Сунгурову поручили «смотрение иметь... над каменною мраморною фабрикою и притом самому тому каменному делу и вождению машин практикою обучаться». В 1751 г. он официально был назначен смотрителем первой камнерезной фабрики Екатеринбурга⁵.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 509.

² Там же. Д. 1035. Л. 65—67; Д. 1076. Л. 296.

³ Там же. Оп. 12. Д. 351. Л. 280—281; Д. 374. Л. 347—348; Д. 405. Л. 105—107.

⁴ Там же. Д. 402. Л. 130.

⁵ Там же. Д. 389. Л. 108—110; Д. 411. Л. 35.

Деятельность школы рисования сыграла большую роль в подготовке специалистов для горных заводов: маркшейдеров, геодезистов, чертежников, ее выпускники направлялись и к новому для Урала мастерству — камнерезному делу. За короткий срок школа воспитала собственных рисовальщиков и живописцев, способных обучать молодежь. Навыки знаменования уральских школьников по достоинству были оценены и в столице.

Не случайно в 1749 г. в Петергоф на шлифовальную мельницу для обучения «как машины удержать и ими действовать» были взяты 6 учащихся екатеринбургских школ и «совершенно обучены» «содержанию машин и действию», шлифованию и полированию агатов и прочих камней. В 1757 г. Кабинет императрицы Елизаветы Петровны затребовал в столицу к камнерезному делу уже 20 учащихся екатеринбургских школ, знающих геометрию, от 15 до 20 лет. Среди отправленных были и ученики, которые «знаменования, рисовать и тушевать исправно» умеют (Д. Левзин, С. Вонявин), «знаменования совершенно рисовать умеют» (Л. Морозов, Ф. Иванов, Н. Кайгородов)¹.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 963.

ПЕРВАЯ ШКОЛА ПЕНИЯ НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ И ЕЕ КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ (1735—1740-е)*

Горнозаводские школы Урала с первого года их деятельности стали центрами приобщения учащихся к музыкальной певческой культуре, и инициатором этого начинания, как и многих других, стал начальник заводов В. Н. Татищев. До 1735 г. главной формой обучения детей хоровому пению являлось их участие в церковных службах под руководством церковнослужителей. В наказах заводским комиссарам 1721 и 1723 гг. Татищев предписывал, чтобы учащиеся школ по воскресным дням и праздникам во время утренней, дневной и вечерней служб читали по очереди церковные книги и обучались пению «согласно», т. е. хором. Если учесть что 52 воскресных дня в году дополнялись тогда 37 праздничными, пение должно было стать постоянной практикой в ученической среде.

В 1721—1723 гг. этот порядок распространялся на школы, действовавшие при Уктусском и Алапаевском заводах, в слободах, с 1724—1725 гг. на единственные, действовавшие при Екатеринбургском заводе школы — словесную и арифметическую.

Во второй период руководства казенными заводами Урала и Сибири по инициативе Татищева словесные школы были открыты при Уктусском, Верх-Исетском, Каменском, Алапаевском, Сысертском, Полевском, Лялинском, Егошихинском, Пыскорском, Кушвинском, Северском заводах, в городе Кунгуре. По мере обучения письму при ряде заводов стали открываться и арифметические школы. В Екатеринбурге к школам словесной и арифметической с 1735 г. добавились немецкая, латинская, знаменованная (рисования).

* Ранее опубликовано в кн: Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 51—68.

Годом ранее появления Учреждения (см. ниже), в ноябре 1735 г., опять-таки по инициативе Татищева в Екатеринбурге появилась первая на горнозаводском Урале школа пения, в которой должны были обучаться наиболее способные к этому учащиеся. О ней не упоминалось в штатных расписаниях заводов 1735, 1737 гг., но учитель пения числился в словесной школе наряду с учителями чтения и письма. Заводскими штатами 1737 г. предусматривалось даже два учителя пения, но из-за выявившегося перерасхода годовых школьных сумм второй так и не был назначен. При этом размер жалованья учителю пения был установлен больше, чем учителю чтения и письма: 18 руб. в год против 12 руб.¹ Тем самым подчеркивалась особая ценность предмета пения и умения его вести. Примечательно, что все учителя пения были из ссыльнопоселенцев, как и большинство учителей чтения и письма.

Школа пения начала действовать осенью 1735 г., 3 ноября в присутствии Татищева состоялось важное решение Канцелярии Главного заводов правления о назначении учителей в екатеринбургские школы. В словесную взамен одного учителя грамоты было назначено сразу четверо: двое для обучения чтению, учитель письма и особый учитель пения. Ссылный «черкашенин» Федор Корноушенков, до этого на протяжении года обучавший детей чтению и письму, занял первую и единственную на горнозаводском Урале первой половины XVIII в. должность учителя пения.

В декабре 1735 г. Татищев составил специальную инструкцию главному межевщику Игнатию Юдину, который от имени Канцелярии Главного заводов правления контролировал деятельность школ. В ней расписывался порядок посещения екатеринбургскими школьниками церковных служб для чтения книг и обучения пению, обязанности учителей по приводу, размещению учеников, контролю за их поведением².

В ноябре 1736 г. Татищев составил инструкцию — Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать. Этой инструкцией вводился новый порядок: помимо коллективных посещений церкви в праздничные дни, когда часть подростков участвовала

¹ См. об этом: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 651. Л. 2 об.

² См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 250—255 об.

в церковном хоре, предписывалось «каждодневно посылать... в церковь по очереди по 2 или по 3 ученика читать книги и на крылесе петь». Видимо, эта норма Учреждения должна была распространяться на учащихся всех словесных школ, действовавших при казенных заводах Урала. Особая оговорка делалась в отношении церковнослужительских детей, которые, как и дети мастеровых, солдат, подьячих, подлежали обязательному обучению в школах горного ведомства: их предписывалось «учить пению по нотам, дабы в церкви искусными певцы быть могли»¹.

Согласно расписанию занятий, составленному лично Татищевым и приложенному к Учреждению, все дети, освоившие в словесной школе чтение и письмо букв, по субботам должны были начинать учиться петь в течение двух часов (с 10 до 12)². Хотя это расписание в связи с введением занятий ремеслами для учеников других школ претворялось в жизнь с большим трудом³, в отношении же учеников словесной школы оно не представляло сложностей, тем более субботным днем, когда учения в школе не было, а все подростки, как и их родители, обязывались присутствовать на церковной службе.

По-видимому, этот порядок вошел в повседневную практику. Во всяком случае, в связи с временной нехваткой церковнослужителей уральское начальство стало рассматривать школьников как подспорье в проведении церковных служб. Так, через несколько дней после отъезда Татищева в Самару, в июле 1737 г., старший член Канцелярии Главного заводов правления А. Хрущов, усмотрев, что при церкви в Екатеринбурге дьячка и пономаря нет, предписал избрать их прихожанам, а до определения их обязал приходить к церковной службе «из учителей, определенных к обучению словесного, петь и писать, к чему брать им с собою из школьников для чтения, пения и протчей церковной услуги человек по пяти и к тому приходить им между собою с переменою...»⁴.

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма 1717—1750 гг. М., 1990. С. 240.

² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 742.

³ См.: Сафронова А. М. Формы профессиональной подготовки учащихся горнозаводских школ Урала в первой половине XVIII в. // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма : сб науч. тр. Свердловск, 1989. С. 71—86.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 246. Л. 54—55.

Все без исключения учителя пения (как и подавляющее большинство учителей чтения и письма) рекрутировались из ссыльных. Первый, Корноушенков, был прислан в Екатеринбург с партией ссыльных из Сибирской губернской канцелярии без указания вины¹. Более года он проработал учителем пения. В январе 1737 г. Игнатий Юдин, член Канцелярии, отвечавший за деятельность школ, поставил вопрос о его увольнении по той причине, что Корноушенков оказался «по нотам пения недостаточен». Юдину же и поручили подобрать нового учителя². Выразил желание обучать пению бывший дьякон Семен Иванов. Он недолго проработал в школе: в феврале сменил Корноушенкова, а в мае умер³.

Третий учитель, Феофилакт Митенев, оказался самой достойной кандидатурой и успешно проработал в школе с июня 1737 г. по сентябрь 1744 г., т. е. более семи лет. Он был сослан на вечное жительство в Сибирь за утрату из московской военной канцелярии, где был у прихода-расхода денежной казны, 1862 рубля; деньги удалось вернуть, но Митенев, битый кнутом, на этом завершил свою карьеру канцеляриста. Он бывший монах, вполне образованный по тем временам человек. Прибыл в ссылку в Екатеринбург в сентябре 1736 г. из Казанской губернской канцелярии вместе с Семеном Ивановым, своим предшественником в учительской должности. В прошении о зачислении учителем чтения, письма и пения в одну из горнозаводских школ в январе 1737 г. указал: «ныне скитаюся ни у какого дела»⁴. В тот самый день, когда Иванова назначили учителем пения, Митеневу предложили подождать известия, есть ли дети, годные по возрасту в школу на вновь строящихся заводах⁵.

Кандидатура Митенева на должность учителя была предложена Юдиным начальству очень оперативно — 19 мая 1737 г., в тот же день, когда скончался Иванов: «А к тому пению искусство имеет из ссыльных же Феофилакт Митенев, которой ныне обретается на время у письма при строении пильной мельницы на речке Кунгурке».

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 692. Л. 48.

² См.: Там же. Л. 39—40.

³ См.: Там же. Оп. 12. Д. 241. Л. 77; Оп. 1. Д. 692. Л. 50.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 692. Л. 45.

⁵ См.: Там же. Оп. 12. Д. 241. Л. 77.

Митенева вызвали в Екатеринбург, и 10 июня он приступил к исполнению новых для него обязанностей учителя¹.

Именно Митенев внес наибольший вклад в обучение детей пению, в развитие музыкальной культуры в Екатеринбурге. Как будет показано ниже, при нем увеличилось число учащихся в школе, он проявил большую активность в пополнении числа учебных пособий, по собственной инициативе занялся перепиской нотных книг, собственноручно переписав более 15 из них. Осенью 1744 г. из центра пришел указ об отпуске Митенева в Военную коллегию, 25 сентября он сдал свои дела учителю грамоты, тоже ссыльному, Семену Иванову².

На освободившееся место сразу же никто не был определен. Только в феврале 1745 г. машинный подмастерье Сусоров, назначенный к надзору школ, подал доношение об этом уральскому начальству, и 25 числа последовало распоряжение: «доучить» детей пению Никите Афонасьеву³. О личности этого человека имеется справка в другом деле, составленная в 1735 г. в связи с просьбой Уктусской конторы открыть школу при заводе и определить Афонасьева учителем грамоты. Афонасьев — ссыльный, бывший иеромонах, в Новгородской епархии при Бежецком монастыре был инквизитором (судьей). Сослан «за многие... продерзостные поступки и за пьянство, и за блудодеяние с некакими женками»⁴. Более 7 лет, с 1735 по 1742 г., вплоть до закрытия школы, Афонасьев учительствовал на Уктусском заводе, после освобождения от должности пожелал остаться в Екатеринбурге. Неясно, «доучивал» ли он детей пению, никаких документов об этом в деле не имеется, в том числе и об определении жалованья.

В августе 1745 г., в связи с поиском второго учителя грамоты для Екатеринбургской словесной школы, в уральской Канцелярии констатировалось, что учителя пения в ней так и нет. Среди четверых грамотных ссыльных, не определенных к делам, был представлен и Афонасьев. Он согласился учить чтению половину учеников,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 497, 508.

² См.: Там же. Д. 1035. Л. 214—217.

³ См.: Там же. Д. 1128. Л. 120—121.

⁴ Там же. Д. 577а, Л. 159—160.

а если обучать еще и письму всех учащихся (поскольку другой учитель сам писал плохо), то с повышением оплаты с 18 до 24 руб. и с условием: разрешить доучить в школе 25 вольных детей, обучавшихся у него на дому¹.

Только в феврале 1746 г. вопрос о назначении Афонасьева был решен. Видимо, тот согласился с условиями начальства: с марта за 18 руб. учить чтению половину учеников, письму — всех «приспевших», еще и доучить пению бывших подопечных Митенева, «ибо он в том искусство имеет». Афонасьеву разрешили в помещении школы заниматься и со своими домашними учениками, только не по казенным книгам, а по их собственным². Вряд ли при такой нагрузке учитель мог должное внимание уделять пению, скорее всего — учить всему понемногу и вряд ли успешно. В октябре 1748 г. Афонасьев скончался³. Назначенный на его место бывший копиист Андрей Семенов, находившийся в отставке «за старостию и болезнями», обучал только чтению и письму в течение 10 месяцев, после его смерти — с сентября 1749 г. — престарелый отставной копиист Иван Ащерин⁴.

Таким образом, после ухода Митенева в 1744 г. школа пения фактически перестала существовать, занятия Афонасьева пением параллельно с обучением грамоте нескольких десятков детей вряд ли были длительными. Специальный учитель пения не назначался: в 1742 г. в связи с хронической нехваткой выделенных штатами школьных сумм пришлось сократить даже сеть словесных школ и категории детей, содержавшихся на жалованье. Берг-коллегия на представления Канцелярии Главного заводов правления о нехватке штатных сумм, сделанные в 1742 и 1745 гг., не отвечала.

Только в октябре 1746 г. прибывший в Екатеринбург президент Берг-коллегии В. Томилов на поданный ему «экстракт» о школах внес ряд важных предложений: например, счел нужным учить детей пению и музыке, иметь для этого особого учителя с жалованьем 18 руб. в год⁵. В декабре 1746 г. Канцелярия постановила: «о музыке,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 92—95.

² См.: Там же. Л. 97—98.

³ См.: Там же. Л. 33.

⁴ См.: Там же. Оп. 12. Д. 384. Л. 130—132; Д. 392. Л. 50—51.

⁵ См.: Там же. Д. 50. Л. 504—505.

како обучать, требовать наставления», но объемный запрос, касавшийся всей организации школьной жизни, был подготовлен для отправки в Берг-коллегию только в декабре 1747 г.¹, последняя на него не отреагировала, как и на повторный запрос 1748 г. Только во второй половине XVIII в. возобновила действие «певчая школа»: в 1757 г. упоминается ее учитель Варокин.

Документы содержат очень скудные сведения об учащихся школы пения 1730—1740-х гг. Официального набора в нее не проводилось. Ученики приходили из других школ — словесной, арифметической, латинской. Учитель сам отбирал детей, отличавшихся музыкальным слухом и голосом; возможно, и отцы, любители пения, просили взять их сыновей на обучение. Начальство никак не вмешивалось в этот процесс, поэтому никаких документов на этот счет в делах Канцелярии, делах отвечавшего за деятельность школ Юдина не откладывалось. Внутренняя же документация школ не сохранилась.

Ведомостей об успехах своих учащихся по третям года учителя пения в Канцелярию не подавали. Поскольку приходящие к обучению пению подростки официально числились за другими школами, в третних рапортах этих школ упоминалось о продвижении некоторых учеников в певческом искусстве. Но сведения эти были далеко не полными и касались, вероятно, наиболее способных подростков, большее время проводивших у учителя пения. Так, в ведомости о детях духовенства, обучавшихся в школах горного ведомства, составленной в декабре 1739 г. для Генерал-берг-директориума, в словесной школе были показаны в пении 6 человек из 8, а в латинской из 32 — ни одного².

Отдельные упоминания об обучении пению встречаются в документах о «разборе» учащихся в 1742 г. В словесной школе из 14 учащихся, не подлежавших обучению с жалованьем, названы дети копииста Пахотинские Сергей и Иван, 9 лет, первый «пел троеголосную обедню», второй — «греческие двенадцатые праздники». Об ученике арифметической школы сыне лесного надзирателя Андрее Пивоварове, 14 лет, значилось: «в певчей школе»³.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 371. Л. 336.

² См.: Там же. Оп. 1. Д. 820. Л. 786—789.

³ Там же. Д. 2321. Л. 109 об., 108.

Сам учитель пения Митенев дважды приводил сведения о числе своих подопечных: во-первых, в связи с нуждой в новых пособиях сообщал в доношении Юдину о наличии у него 34 учеников (июль 1737 г.); во-вторых, в связи с изъятием певчих книг в пользу Кунгурской школы упомянул в сказке, что у него учится 56 подростков (декабрь 1738)¹.

Обучение пению было невозможно без специальной литературы. Постепенно при школе было сформировано богатое книжное собрание. Вскоре после назначения Корноушенкова (ноябрь 1735) была введена практика сбора заявок у учителей на приобретение учебных пособий на следующий календарный год. Заявки подавались члену Канцелярии Юдину, который составлял сводную ведомость о припасах для всех школ, рассматривавшуюся на заседании Канцелярии. В словесную школу на 1736 г. Корноушенков затребовал «к пению книг нотных: ермологов числом десять, октаев нотных на восемь голосов числом десять, триодей нотных числом пять, обиходов или трезвонов числом четыре, киевских ермологов нотных числом пять», всего 34 пособия².

Чтобы лучше представить содержание этих книг, те знания, которые они могли дать учащимся, воспользуемся сведениями, имеющимися в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Ирмологий содержит молитвы, которые поют при богослужении: ирмосы, песнопения литургий, тропари воскресные, об усопших, песнопения утрени, особые стихи на праздники Господние и Богородичные, песни Св. Писания и др. Ирмологий нотный содержит лишь ирмосы и припевы 9-й песни канонов, причем с нотами для пения по особой, усвоенной церковью с древних времен нотной системе³. Таких книг заказывалось 15, в том числе 5 нотных.

Октоих нотный (от греч. *óκτω* — восемь и *ήχος* — голос, «осьмигласник») — церковно-богослужебная нотная книга, в которой песнопения построены на восьми гласах. По их числу книга разделяется на восемь частей. Первую часть составляют мелодии для песнопений первого гласа, вторую — для песнопений второго гласа, и т. д.

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 185; Д. 820. Л. 18.

² Там же. Д. 624. Л. 18.

³ См.: Ирмологий // Энцикл. слов. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1894. Кн. 25. С. 342.

Все мелодии песнопений написаны знаменным и киевским распевом¹. Таких пособий требовалось 10 экземпляров.

Знаменный распев — наиболее старинное пение православной церкви, записанное особыми безлинейными знаками, славянскими и греческими буквами в разных положениях, называемых знаменами, отчего и распев, записанный такими знаками, называется знаменным. Знаменное пение называется еще и *столповым*, потому что на славянском языке знак называется столпом. Первые сохранившиеся записи знаменного распева относятся к XII в. Это пение основано на осмогласии, т. е. на восьми гласах, или музыкальных ладах, заимствованных из греческой церкви. Под словом «осмогласие» не следует подразумевать хор, положенный на восемь голосов, оно обозначает пение церковных мелодий, написанных сообразно требованиям церковных ладов или гласов. На них основаны все песнопения, называемые ангелоподобным пением. Безлинейные ноты знаменного распева бывают черными (тушевыми) и красными (киноварными). Черные знаки, или крюки, изображают звуки неизменные, красные — переменные. Мелодии знаменного распева переведены на линейные ноты².

Киевский распев, имеющий в основе все восемь гласов, появился позже знаменного, он стал известен во второй половине XVII в. и встречается в нотных рукописях безлинейных и линейных, а также в печатных нотолинейных книгах. Мелодия киевского распева разнообразна и легко поддается гармонизации³.

Триодь объединяет две богослужебные книги, в которых содержатся каноны не полные, а состоящие чаще из трех песен. Триодь постная содержит песнопения для дней приготовительных к Великому посту, самого Великого поста и Страстной недели, выражающие чувство покаяния. Это песнопения Андрея Критского, Козьмы Маюмского, Иоанна Дамаскина, Иосифа и Феодора Студитов и других авторов. Триодь цветная — это молитвословия от первого дня Пасхи до недели Всех Святых. Начало ее применения в богослужении совпадает с началом весны, временем цветов. Это песнопения,

¹ См.: Октоих // Там же. СПб., 1897. Кн. 42. С. 850.

² См.: Знаменный распев // Там же. СПб., 1894. Кн. 24. С. 617; Глас // Там же. СПб., 1893. С. 826.

³ См.: Киевский распев // Там же. СПб., 1895. Кн. 29. С. 261.

посвященные трем важнейшим событиям — воскресению Христа, его вознесению и сошествию Святого Духа на апостолов. Песнопения цветной триоди, как и постной, — произведения многих неизвестных писателей, а имена известных относятся к V — XIV вв. Знаменитейшие из песнопений принадлежат Иоанну Дамаскину (Златоусту)¹. Для екатеринбургских школьников заказывалось 5 экземпляров триодей.

Обиход церковный — книга, в которой церковные песнопения, постоянно употребляющиеся при богослужении, положены на ноты церковных напевов для руководства на клиросе — месте в православном храме, где помещаются во время богослужения чтецы, певчие, а также лица священного сана, если они не принимают участия в богослужении, а лишь помогают в чтении и пении, например дьяконы. В Обиходе нотного пения содержатся главные песнопения вечерни, утрени, литургий Златоуста, Василия Великого, тропари, величания, припевы и пр. Кроме обыкновенного Обихода, есть сокращенный («учебный»), он назначается для обучения церковному пению в духовных училищах, хотя употребляется и в церкви. В нем имеется азбука нотного пения². Обиходов заказывалось 4 экземпляра.

Сам состав и количество затребованных певчих книг подтверждают серьезность намерений в отношении обучения пению школьников. Уральское начальство в лице В. Н. Татищева и А. Хрущева, рассматривая 10 января 1736 г. заявки учителей, согласились с заказанным Корноушенковым составом певчих книг и их количеством³. Комплект из 34 книг предписывалось купить на Ирбитской ярмарке вместе с часословами и псалтырями для словесных школ⁴. Они вошли в роспись припасов, отправленную для исполнения в Екатеринбургскую казначейскую контору⁵.

¹ См.: Триодь // Энцикл. слов. / Ф.А. Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1901. Кн. 66. С. 860.

² См.: Обиход церковный // Энцикл. слов. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Кн. 42. С. 508.

³ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 18 об. — 19 об.

⁴ См.: Там же. Л. 24—24 об.; Оп. 12. Д. 228. Л. 108.

⁵ См.: Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 25—26.

Примечательно, что в январе того же 1736 г. в Канцелярию поступило доношение из Сысертской заводской конторы с просьбой приобрести церковную утварь и книги для строящейся при заводе церкви¹. Список заказанных книг был довольно широк: «евангелие... вместо октоихов — шестоднев, Апостол, служебник, устав церковной, псалтирей со следованием да малую, часослов, треодей посную и цветную, mineю праздничную, ермолог, требник малой, mineю общую». Уральское начальство и эти книги распорядилось приобрести на Ирбитской ярмарке².

В марте 1737 г. в реестре недокупленных на ярмарке припасов, поданном в Канцелярию из сысертского заказа, упоминались «Устав церковной», «Евангелие толковое», «октоих на 8 голосов», «mineи месячные во весь год»³, т. е. часть книг для церкви Сысертского завода найти удалось. Для Екатеринбургской же певчей школы не было куплено ни одной (по экземпляру триоди и ирмология, заказывавшихся и в школы, передали церкви). Ясно, что круг певчих книг на Ирбитской ярмарке был весьма ограниченным как по названиям, так и по численности.

Несмотря на первый невыполненный заказ, при формировании заказа учебных книг на следующий (1737-й) год в ноябре 1736 г. Корноушенков затребовал 16 новых пособий: по 4 экземпляра октоихов, праздников, триодей (все на 4 голоса); по 2 экземпляра ирмосов «киевских» и «столповых»⁴. Хотя в отношении этих книг отвечающий за деятельность школ И. Юдин пометил: «Купить», в реестр припасов, подлежащих закупке, начальство включило только октоихи и праздники — 8 книг.

«Праздники греческие» — это нотная книга, содержащая песнопения на двенадесятые Господские и Богородичные праздники, расположенные в том порядке, в каком праздники следуют в году, начи-

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 288. Л. 33—34.

² Там же. Д. 288. Л. 34.

³ Там же. Оп. 1. Д. 693. Л. 75—76.

⁴ Там же. Л. 16.

ная с сентября. Песнопения принадлежат в основном большому знаменному распеву, а также малому. Поскольку в печати книга появилась только в 1772 г.¹, она должна была приобретаться в рукописи.

Уральская Канцелярия в ноябре 1736 г. отправила в московскую контору Коммерц-коллегии промеморию о приобретении припасов с приложением их реестра². Из невыполненного заказа учебной литературы на 1736 г. в новый заказ включили и 34 певческие книги. Вошли в него и книги, которые не были куплены на Ирбитской ярмарке для церкви Сысертского завода: устав церковный, евангелие толковое, минеи месячные на весь год³. Адресуя заказ певчих книг в Москву, в контору Коммерц-коллегии (а не в Петербург, где действовала сама коллегия), Татищев «с товарищи» исходили, видимо, из того, что на книжных рынках Москвы легче было найти эти книги, чем в столице.

Но выполнить заказ контора Коммерц-коллегии не могла: в это время она уже прекратила заниматься делами заводов. В столице для управления горной промышленностью России был учрежден специальный орган — Генерал-берг-директориум, в Москве появилась его контора. Указом директориума от 21 сентября 1736 г. об этом ставилась в известность уральская Канцелярия. 17 января 1737 г. в контору директориума было направлено новое требование уральского горного начальства о покупке припасов, не присланных конторой Коммерц-коллегии⁴.

Коммерц-коллегия передала новому учреждению нерешенные дела, относящиеся к заводам, и 16 января 1737 г. Генерал-берг-директориум сам приказал подчиненной конторе приобрести припасы для отправки на Урал. Но найти «певчие» книги и в Москве оказалось делом непростым. Только весной удалось выполнить часть заказа, и 28 марта промемория московской конторы об отправке книг

¹ См.: Праздники // Энцикл. слов. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1898. Кн. 48. С. 943.

² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693.Л. 36—37.

³ Там же. Л. 32—35.

⁴ Там же. Л. 64—68.

с солдатом Екатеринбургской роты Федором Ухиревым была отослана в Екатеринбург, 30 апреля она легла на стол уральской Канцелярии¹.

В списке припасов числились: «ермологов простых нотных» — 10 экземпляров, столько же «октаев на 8 голосов нотных», «обиходов или трезвонов нотных» — 4, «треодей посных нотных» — 3, «октаев четвероголосных нотных» — 4, «праздников четвероголосных» — 1 экземпляр. Далее следовал список некупленных «за скорым отправлением» припасов, среди которых — 10 книг. Не удалось разыскать на книжных рынках Москвы нужное число триодей (приобретено 3 из 5 заказанных), праздников (достали лишь 1 вместо 4), ирмологий киевского распева нотный отыскать вообще не удалось, а затребовано было 5.

Примечательно, что промемория прибыла в Екатеринбург без книг — единственный случай, когда припасы, о которых сообщалось, что они «куплены и отправлены», застряли в пути (как оказалось впоследствии, в Нижегородской губернской канцелярии). По указу московской конторы директориума губернское начальство отправило их в Екатеринбург как только установился санный путь, и только 9 января 1738 г. книги вместе с аспидными досками были доставлены солдатом Турсуковым, 20 января о них последовало распоряжение уральского начальства, и через три дня книги принял регистратор школьного поветья Канцелярии Иван Аистов².

История с закупкой «певчих» книг весьма показательна: книги, затребованные учителем осенью 1735 г., не удалось приобрести на Ирбитской ярмарке, только в ноябре 1736 г. старый и новый заказы адресовали московской конторе Коммерц-коллегии, оказавшейся упраздненной, в январе 1737 г. переадресовали его конторе Генерал-берг-директориума. Два месяца у последней ушло на поиск книг в Москве, приобрели только часть пособий, да и те затерялись в пути на две недели.

Еще до получения самих книг уральское начальство «поработало» с поступившим 30 апреля списком и, судя по пометам, решило не требовать недокупленные триоди, праздники, киевские ирмосы (10 книг из 42): напротив них выведено: «не надобно» и «нен.».

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 95—100.

² Там же. Л. 210.

Делопроизводителями Канцелярии был составлен очередной реестр припасов, затребованных из Москвы, в особой графе отмечалось, что куплено и чего не следует покупать.

Промемория в московскую контору Директориума с требованием прислать недокупленные припасы и не приобретать часть запрашивавшихся ранее ушла 11 мая 1737 г.¹ Еще до ее прибытия служащие московской конторы смогли приобрести по 3 экземпляра праздников и киевских ирмосов «нотных»². Промемория о их приобретении прибыла в Екатеринбург 16 августа 1737 г., сами же книги пришли позже. Как извещала московская контора, их вручили с прочими припасами капралу екатеринбургской роты Ивану Евтюгину, привезшему в Москву на трех больших стругах деньги для Монетной канцелярии и серебро. Московское начальство сообщало, что струги «за великостию их и за нынешним моловодиём никак отсюда спровадить невозможно»³. Только 8 декабря Евтюгин добрался с припасами до Екатеринбурга, подал доношение о их приеме. Примечательно, что и в данном случае уральское начальство не торопилось: лишь 16 января 1738 г. книги были приняты у Евтюгина тем же регистратором школьного помытия Канцелярии Аистовым⁴.

Таким образом, школа пения в январе 1738 г. получила сразу же 38 пособий для обучения певческому искусству. До прибытия литературы из Москвы учителя, по-видимому, использовали свои собственные книги, брали на время книги и из церкви Св. Екатерины, действовавшей в Екатеринбурге с 1726 г. Так, учитель пения Семен Иванов ходатайствовал о выдаче пособий из церкви в марте 1737 г., и «книги певчие шести голосов литургии казенные» уральское начальство распорядилось отдать на руки главному межевщику Юдину с предписанием: «когда случится петь в церкви, тогда брать из школы»⁵. По этому поводу был составлен специальный указ в екатеринбургскую полицию. При промемории, подписанной главой по-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 110—111.

² Там же. Л. 117.

³ Там же. Л. 112.

⁴ Там же. Л. 210.

⁵ Там же. Л. 182.

лиции Карлом Брандтом, 6 книг, содержащих литургию, были доставлены Юдину, который при письме передал их в словесную школу. На последнем — роспись учителя Семена Иванова, отвечавшего с этого дня за сохранность пособий¹.

Согласно счетной выписке из приходо-расходных книг екатеринбургской церкви за 1733—1735 гг. (составлена в связи со сменой церковного старосты), сама церковь приобрела эти книги в ноябре 1735 г. у частного лица: «куплены певчие книги шести голосов литургии капитана командора за секретаря Ивана Селиванова» за 62 коп. Это, кстати, единственная покупка книг за эти годы. В том же году зафиксирована выдача денег за переплет (вероятно, этих же книг): «к переплету книг певчих дано за работу 75 коп.»².

Вероятно, после прихода в церковь нового священника, взамен арестованного в мае 1737 г. и высланного к следствию протопопа И. Фроловского порядок передачи церковных певчих книг в школу упростился. Во всяком случае, Феофилакт Митенев через месяц после назначения учителем уже по собственной инициативе, без посредничества начальства взял книги, причем значительное число. В июле 1737 г. он сообщал главному межевщику Юдину: «Понеже имелось в школе пения книг шестиголосная обедня только одна, а ныне взял я из церкви великомученицы Екатерины у священника Иякова с росписью девять книг певчих, а имянно: обиход во весь год киевского роспеву четвероголосно, праздники греческого роспеву четвероголосные, ирмологий столповского роспеву во весь год, а по скаске Козьмы Федосеева, которой был у той церкви дьячком, что те книги государевы...»³

Но и этой литературы для хорошей подготовки певчих, по мнению учителя, было мало. Митенев заявлял: «...надлежит быть у науки книг одноголосных и четвероголосных и штиоголосных и осмиоголосных, ибо оная наука бес того состоять не может, чего ради и ныне есть не без нужды, понеже школьных учеников в пении у науки

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 183—184.

² Там же. Д. 677. Л. 378, 392.

³ Там же. Д. 693. Л. 185.

имеетца тридцать четыре человека»¹. Он просил вынести определение о взятых в церкви книгах и решить вопрос о недостающих. По прошествии месяца начальство распорядилось: «оние книги приняв, записать в приход, а ежели взнадобятца к пению в церковь, то брать из оной школы и паки возвращать во оную школу»². Таким образом, постоянным пользователем взятых из церкви книг, а по сути — и фактическим обладателем стала Екатеринбургская словесная школа.

Учитель пения Митенев за недостатком пособий пытался организовать переписку нотных книг. Об этом свидетельствует его доношение, поданное на имя Юдина 15 июня 1737 г. (обратим внимание, уже на пятый день после вступления в должность). Митенев просил выдать ему «для письма нотных книг бумаги книжной доброй 3 дести, для линевания купоросу 15 золотников, для писания ноты чернил орешковых бутылку, камеди 5 золотников, киновари 5 золотников, губку в киноварницу, облетуру зделать иконнику»³.

Через три недели в Канцелярии рассматривали доношение Юдина об этом (согласно субординации, именно он обращался к начальству). Поскольку при Канцелярии этих припасов не оказалось в наличии, кроме чернил, предписывалось все необходимое купить казначейской конторе, а чернила орешковые брать «к сочинению книг», когда понадобятся, из Канцелярии⁴.

Перечень припасов, составленный учителем, показывает, что он хотел начать переписку в небольшом объеме: 3 дести бумаги — это всего 72 листа, при этом соблюсти красоту: использовать киноварь, облечь книгу в красивую обложку. В справке казначейской конторы о выдаче бумаги учителям за 5 месяцев 1738 г. находим: требуется на 1738-й г. «к пению для писания нотных книг книжной доброй одна стопа», писчей — полстопы. Выдано Митеневу с расписками — «доброй первого номеру» стопа (это 480 листов)⁵.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 185.

² Там же. Л. 186.

³ Там же. Л. 188.

⁴ См.: Там же. Л. 192.

⁵ Там же. Д. 760. Л. 120.

В декабре 1738 г. учитель представил замещавшему Юдина в надзоре за школами механику Бахореву 15 «написанных» книг: 4 октоиха на восемь голосов, «киевский» и «греческий» обиход, «обедни шестиголосны», «канцеры троеголосные партесные», «праздники греческие» (число отдельных книг, за исключением октоиха, не указывалось)¹.

Таков был итог полуторалетней самоотверженной деятельности Митенева, дополнительной к его каждодневному труду по обучению школьников. К переписке книг его никто не принуждал, не оплачивал этот дополнительный труд. Он занимался перепиской книг по собственной инициативе, движимый единственным желанием — хорошо выполнять порученную ему обязанность, обучить своих подопечных всем тонкостям церковного пения.

Обратим внимание на термины *греческий обиход, праздники греческие*. Их употребление означает, что в Екатеринбурге имелись линейные нотные книги, написанные современным греческим распевом, введенным в России юго-западными певцами, особенно благодаря иеродьякону Мелетию, приглашенному в 1655 г. Алексеем Михайловичем для обучения русских этому пению. Ревностным приверженцем греческого распева, проникнутого замечательной мелодичностью, и его активным распространителем был и патриарх Никон.

Отметим, Митенев переписал и светские партесные 3-голосные концерты, которые исполнялись, как правило, по торжественным случаям, будь то исторические события или тезоименитство монархов, рождение наследников. Партесное пение — это многоголосное хоровое пение, разделенное на голоса, или партии. Оно пришло в Россию с Запада в XVII в., его любителем был Петр I, сам исполнявший на клиросе басовую партию.

Неугомонный Митенев не хотел останавливаться на этом, готов был продолжить роль переписчика книг. Он сообщал: «к тому ж потребно еще писать нотных книг, на что и бумага есть», и хотя указом Канцелярии казначейской конторе полагалось дать краски камеди и чернил китайских, но «по се время не дают», просил записать книги в приход и решить вопрос с краской и чернилами.

Митенев подал доношение надзирателю школ в декабре 1738 г., помета же механика Бахорева, замещавшего отсутствовавшего

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л. 1077.

Юдина (о красках — *представить*, о книгах — *записать*), появилась лишь 26 марта 1739 г., по прошествии четырех месяцев! В отпуске доношения в Канцелярию Бахорев вычеркнул два слова о Митеневе, что он «непрестанно просит» о выдаче припасов, но указал, что из-за отсутствия нужных книг происходит остановка в учении¹. Это еще один яркий пример замедленной реакции со стороны школьного начальства, резолюции же членов Канцелярии на доношение Бахорева в деле нет.

Как ясно из документов, приобретенные казной певческие книги из школьного помытья Канцелярии передавались в школу и подлежали учету как материальная ценность вместе со школьными документами. Отвечал за их сохранность учитель пения, который передавал их с описью при увольнении новому учителю. Подлежали учету как собственность школы и книги, взятые из церкви, переписанные Митневым, купленные взамен утерянных. Об этом свидетельствуют распоряжения начальства: «приняв, записать в приход», «записать в приход»². Постоянным же местом их хранения являлась словесная школа.

Осенью 1737 г. именно учитель пения Митенев доносил «словесно» надзирателю школ, что надо в школу к окнам изготовить 16 затворов и к ним 32 петли, под кровлю «по концам» забрать досками или горбылем, «дабы оттого наносу в школу течи не было». Для хранения книг «к пению» просил сделать ящик с петлями и два висячих замка³. Ясно, что книги пения хранились в словесной школе отдельно от азбук, часословов и псалтырей, за которые отвечали учителя, обучавшие грамоте.

Благодаря сказке Митенева, данной в декабре 1738 г. в Канцелярии в связи с требованием начальства поделить книги с Кунгурской словесной школой, становится ясна последовательность обучения пению. Сначала дети овладевали октоихом (это были самые ходовые книги), потом приступали к изучению праздников, ирмосов и других: «Книг в учении октаев одноголосных 15, четвероголосных 4, к тому же за неимением октаев многие по своим учатся. Праздников

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л. 1078.

² Там же. Д. 691. Л. 186; Д. 762. Л. 1079.

³ Там же. Д. 691. Л. 224—225.

четвероголосных 6, из них учатся ныне по двум, ирмосов одноголосных 11, из них учатца ныне по двум. И те праздники и ирмосы, которые не в учении, к учению надобны по выходе из изучения октаев, и потому излишних в школе пения как октаев, так и праздников и ирмосов не имеетца»¹.

Примечательна оговорка Митенева о том, что «многие» дети за недостатком казенных октоихов учатся по своим книгам, т. е. в семьях жителей Екатеринбурга имелаась певческая литература, дети не случайно становились продолжателями семейных традиций, а под руководством учителя могли продвигаться и дальше отцов в овладении культурой пения.

Из доношения Митенева мы получаем интереснейшую информацию о любителях церковного пения, имевшихся в Екатеринбурге, располагавших собственными книгами, и временных пользователях школьного собрания. В 1737 г. какие-то книги «в Преображенъев день брали для пения копеист Яков Протодьяконов с товарищи и потеряли, вместо которой... взято в школу купленных ими у подканцеляриста Рожина 4 книги праздники и греческого распева»². Возможно, утраченными и являлись именно праздники, переданные в 1737 г. в школу из церкви, они и были возмещены за счет покупки у частного владельца. Имелся и другой случай пользования школьными книгами и их утраты. В сдаточной описи школьных припасов 1744 г. констатировалось: «да вместо потерянаго Яковом Барановым тенороваго голоса взято с него в школу праздники четыре голоса греческаго распеву»³.

Опись школьных припасов, составленная в связи с уходом Митенева из школы в сентябре 1744 г., дает полное представление о количестве и составе книжного собрания школы пения⁴. К этому времени оно включало по меньшей мере 90 книг, как печатных, так и рукописных. 57 книг были приобретены казной (в описи: «взятых из Канцелярии»): октоихов одноголосных «учебных» — 10, четырехголосных — 3, «а книгами» — 12, греческого распева — 4; праздников

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 820. Л. 18.

² Там же. Л. 1077.

³ Там же. Д. 1035. Л. 216.

⁴ См.: Там же. Л. 216—217.

четырёхголосных греческого распева — 3, «а книгами» — 12; ирмосов одноголосных 9, «малых» — 1; «ермологи, киевской обиход» — 2; «трезвонный книга» — 1, «обиход русского распева, тут же и азбука книга» — 1; «ирмосы праздника книга» — 1; триодей постных — 3; «обиход здор всякой» — 1.

Книг, взятых из церкви, имелось 18: обиход киевский четырёхголосный — 4; праздники греческие четырёхголосные — 4; ирмосы — 1; обеден шестиголосных — 6; три тетради обеден.

«Учителя Феофилакта Митенева написанных им» — 14 книг: обиход киевский — 1; октоих — 4; концерты трехголосные — 3; обедня шестиголосная — 6 книг. Кроме того, вместо потерянного Барановым «тенороваго голоса», как мы уже отмечали, были взяты с него в школу праздники четырёхголосные греческого распева.

Пять книг (ирмосы и праздники четырёхголосные) были изъяты начальством в декабре 1738 г. из собрания школы в пользу учащихся Кунгурской словесной школы, которых начал обучать пению учитель грамоты. С их учетом состав учебных книг в Екатеринбурге составил бы 95.

Среди школьных припасов числились также две «кожи на переплет книг», «лоскутья» от переплета, «остаток кожи красный», из чего следует, что рукописные книги, написанные учителем, переплетались и имели кожаные обложки. Наличие в списке припасов 9 дестей бумаги (216 листов) позволяет говорить о продолжении процесса переписки книг учителем и в 1744 г.

Аттестат, данный учителем Митеневым в 1744 г. в связи с увольнением из школы лучшим своим ученикам, подъяческим детям Ивану Вторых и Сергею Пахотинскому, подтверждает данные сказки учителя 1738 г. о методике обучения пению путем постепенного выучивания отдельных книг: «... выучили октай, праздники, ирмосы, обиход киевской, одноголосное и четвероголосное [пение] и обедни четвероголосные и ш[ес]тиголосные и во учении школьного обхождения достойны и сами за учителя править, токмо еще не в силе человека, а во оной науке остротою превосходны и сим аттестатом уверяю»¹.

Состав певческой литературы, которой располагала Екатеринбургская школа, убеждает в том, что в учебной практике широко использовалось многоголосное хоровое пение, разделенное на голоса,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 213.

или партии, представленное почти полным годовым кругом музыкальных церковных композиций. Школьники владели разными певческими стилями в рамках этого круга. Сам репертуар богослужбной нотной литературы, используемой в школьном обучении, предполагал высокий уровень исполнительского мастерства. Учащиеся пели сложные многоголосные произведения от 3 до 8 голосов. Это значит, они владели традиционным партесным 4-голосием и 3-голосием с дублировками, т. е. имели представление о гармоническом складе хоровой музыки, владели искусством ансамблевого пения.

Это навыки, свойственные западноевропейской традиции обучения. Можно предположить, что любители музыки в Екатеринбурге были в курсе новейших теоретических трактатов о музыке, в которых излагались основы такого учения (Н. Дилецкий «Идея грамматики мусикийской»; И. Коренев «Ключ разумения...»). Помимо служебной литературы в репертуаре учащихся, судя по описи книг 1744 г., были и светские 3-голосные концерты, исполнявшиеся, как уже отмечалось, по торжественным случаям.

Судя по аттестату учеников, они не только овладевали исполнительскими навыками, но должны были досконально знать весь годовой ход служб, т. е. знали наизусть основные книги традиционной службы и их стилевые разновидности: октаи, праздники, ирмосы, обиход, в т. ч. и киевский, обедню. Диапазон певческих памятников, задействованных в обучении в Екатеринбурге, был очень широк — от древнерусской традиции знаменного пения до новейших сочинений композиторов первой половины XVIII в. Ориентация преимущественно на певческую культуру была призвана воспитать вкус к чисто мелодическим типам музыки, что согласуется с традиционным пониманием русской музыки как распевного искусства.

Хотя в 1740-е гг. деятельность школы на время пресеклась, думается, что навыки пения, полученные ее учащимися, не утратились: в Екатеринбурге сформировалась и действовала большая группа любителей многоголосного пения, и молодежь стала ее достойным пополнением. Начинание Татищева по обучению школьников пению, выписывание специальной литературы из Москвы, ее копирование путем переписки способствовали не только развитию певческой культуры в Екатеринбурге, но и ее подъему на более высокий уровень мастерства.

В. Н. ТАТИЩЕВ И ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА В ГОРНО-ЗАВОДСКИХ ШКОЛАХ УРАЛА В 30-е гг. XVIII в.*

Во второй период руководства заводами В.Н. Татищев проводил активную политику привлечения детей духовенства, проживавшего на территории горно-заводского ведомства, в школы, открытые им при казенных заводах. Эта политика шла вразрез действовавшему законодательству, предписывавшему обучать детей священников и церковнослужителей в школах духовного ведомства, которые действовали в центрах епархий при архиерейских домах. С территории Пермского края дети духовного сословия должны были учиться в Вятской школе, с остальной территории — в Тобольской. В литературе имеются лишь отрывочные упоминания об обучении детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 30-х гг. XVIII в. Один из первых исследователей Н. В. Нечаев считал, что в латинской школе обучались дети иностранцев и высшего духовенства, в 1736 г. — всего 3 человека. Этот вывод он сделал на основе ведомости об учениках одного класса, не зная о существовании более многочисленных низших классов. Упомянул Н. В. Нечаев и об отправке 37 детей духовенства из Екатеринбургской латинской школы в Вятскую и Тобольскую в 1741 г. (правильно — в 1740 г.)¹. В. И. Будрин, сообщая об увольнении детей церковников из латинской школы в 1740 г., добавлял: «Неизвестно, было ли это вызвано соображениями экономии средств или исключительно настояниями духовенства»². Учитывая неизученность вопроса и уникальность действий Татищева

* Ранее опубликовано в кн.: Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 71—99.

¹ См. об этом: *Нечаев Н. В.* Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 59, 73.

² *Будрин В. И.* Горнозаводские школы Урала в XVIII в. и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга—Свердловска (26—29 мая 1948 г.) Свердловск, 1950. С. 69.

по привлечению детей духовного сословия в школы горного ведомства, рассмотрим суть этой политики, практические действия этого видного деятеля просвещения, попытаемся ответить на вопрос о причинах этих действий и дать им оценку.

Перед отправкой в Екатеринбург в марте 1734 г. Татищев получил именную инструкцию, регламентирующую его действия в качестве начальника заводов. Не удовлетворившись проектом наказа, составленным президентом Мануфактур-коллегии Шафировым, Татищев, пользуясь расположением к нему Анны Иоанновны, сам принял участие в составлении инструкции, получившей силу закона. Как начальник заводов, Татищев наделялся «полной мочью», получал большие права по расширению сети казенных заводов и контролю за частными, должен был разработать ряд законопроектов. В текст инструкции Татищев ввел пункт, обязывающий его открыть на Урале «хорошую» школу для обучения детей — дворянских, подьяческих, неслужащих церковников — с целью подготовки собственных командных кадров для управления промышленностью взамен посылаемых выпускников столичных школ, которые «приискивают, как бы отлучиться», неохотно обучаются горным делам¹. В инструкции речь шла только о детях неслужащих церковников, «праздных элементах», которых государство во время первой ревизии записывало в сословие крестьян, зачисляло в подушный оклад. На детей служащего духовенства юрисдикция Татищева распространяться не могла, поэтому о них в инструкции и не упоминалось.

По прибытии в Екатеринбург Татищев в первом же доношении в Кабинет министров 9 октября 1734 г. сообщил о своем решении открыть школы при всех казенных заводах, в Кунгуре и Соли-Камской, начать обучать детей немецкому языку. Не прошло и двух недель, как на заседании Канцелярии Главного правления заводов во главе с Татищевым 21 октября 1734 г. был определен состав будущих учащихся: приказывалось «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских и однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских при заводах и в слободах от шести лет и выше переписать имянно и кто может от родителей иметь пропитание»².

¹ ПСЗ. 1-е собр. СПб., 1830. Т. 9. № 659. С. 290—296; 294.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 112об.

Поскольку оговорка о переписи детей лишь не служащих церковнослужителей отсутствовала, ясно, что Татищев с самого начала решил привлечь в школы, намеченные к открытию по всем казенным заводам Урала, детей и служащего духовенства. Почему он пошел на это?

К этому времени Татищев в основном завершил работу над своим «программным» сочинением — «Разговором двух приятелей о пользе науки и училищах», — в котором убедительно, глубоко, ярко обосновал тезис о просвещении как двигателе прогресса. Он отмечал, что духовенства и церковнослужителей «должность в том состоит, чтоб неведущих закону Божию поучали и на путь спасения наставляли», но «з горестию видим, что у нас столько мало ученых, что едва междо 1000-ю один сыщется ль, чтоб Закон Божий и гражданский сам знал и подлому народу оное внятным поучением внушить и растолковать мог...»¹.

В «Истории Российской» Татищев неоднократно размышлял о роли духовенства в развитии просвещения. Он противопоставлял деятельность церкви и монастырей Древней Руси и позднейшего периода. По мнению Татищева, активная, позитивная роль духовенства в распространении образования утратилась с наступлением татаро-монгольского ига: «У нас науки до нашествия татар довольно умножились, но по нашествии Батыева совсем угасли, а монастыри от учения отстали»². Татищев считал, что в России, как и в Византии, «монахи, получа многие доходы, в праздности жить начали»³. В вариантах к главе 6-й, посвященной киевскому князю Владимиру, Татищев рассуждал о том, какими доходами должна располагать церковь и на что их тратить. Он поддерживал политику Петра I по контролю за расходованием церковных средств: «...смотреть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требует; главная того потребность содержание больниц, богаделен и училищ, а не на роскошность, пьянство и блуд или великолепие духовных», как Петр I в указе 1724 г. изъяснил⁴. Вероятно, это место Татищеву пришлось подвергнуть со-

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 86.

² Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. М.; Л. 1962. С. 241—242.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 236.

кращению в результате критики духовенства в 1739 г., и оно сохранилось лишь в вариантах «Истории». Татищев справедливо противопоставлял просветительную политику Петра I и его ближайших наследников: «...после его смерти... по епархиям, кроме Новгородской и Белогородской, не токмо школ вновь устроили, но некоторые и начатые оставлены и разорены, а вместо того архиереи конские и денежные заводы созидать прилежали, чрез что пять лет по смерти его величества весьма преуспевало»¹.

На пути из Москвы в сентябре 1734 г. Татищев обследовал заводы Пермского края, знакомился с положением дел, побывал в Кунгуре. Не мог он не узнать и о том, что дети духовного сословия слабо привлекаются духовными властями Вятки в школу, прозябают по домам при отцах, как и в начале 20-х гг. XVIII в., когда ему пришлось вести настоящую войну с местным духовенством, отлынивающим от посылки своих чад в Вятскую архиерейскую школу и увиливающих от отдачи их в Кунгурскую школу горного ведомства. Тогда война Татищевым была проиграна.

Поскольку во второй период руководства заводами Татищев получил большие полномочия (по справедливому замечанию Н. И. Павленко, они были шире прав самой Берг-коллегии²), видимо, сразу же по прибытии на Урал Татищев утвердился в решении привлечь в открываемые школы всех детей духовенства, не взятых учиться в учебные заведения Вятки и Тобольска. Вероятно, Татищев рассуждал так: коль духовное ведомство не стремится обучить всю свою молодежь, это должны сделать светские власти — горнозаводское ведомство, заинтересованное, чтобы священники и церковнослужители на территории, подведомственной заводам, были образованными людьми.

Согласно Генеральному регламенту, все решения в Канцелярии Главного правления заводов принимались коллегиально, наиболее важные — с участием Татищева, он был их инициатором. Некоторые инициативные решения Татищева фиксировались сначала в дневаль-

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 105.

² Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 154.

ной книге его личной канцелярии как начальника заводов, затем принимались коллегиально и записывались в книгу протоколов Канцелярии.

4 января 1735 г. Татищев и второй член Канцелярии А. Хрущов на заседании определили: «О школах послать на все заводы указы, чтоб немедленно потребные к тому покои построили и прежде, хотя б словесному, взяв дьячков или кто способен к научению явится и собрав детей, читать и писать обучали, а затем арифметики и геометрии обучать определенным ныне шихтмейстерам или надзирателем работ»¹. Согласно этому решению, дети духовенства должны были обучаться в словесных школах при заводах по месту жительства или вблизи от дома, если дети проживали в приписных к заводам слободах. Это предписание повторялось и в указах Канцелярии, посланных на места.

Но уже через месяц Татищев изменил свое мнение: 1 февраля 1735 г. в его дневальной книге сделана следующая запись: приказал «о школьниках... мнение... отдать в Канцелярию Главного правления заводов. Детей поповых и церковничьих, которые написаны в архиерейских школах, тех бы конечно суда выслать и чтоб они не отговаривались тем, чтоб им не быть ни здесь, ни там»². 8 февраля это решение Татищева приняло форму определения Канцелярии: «Здесь же и других заводов и дистриктов детей поповых и церковничьих, которые хотя написаны и в архиерейскую школу, всех собрав, выслать сюда, не взирая ни на какие их отговорки, хотя и показывать будут, что оные назначены в архиерейские школы. И как собраны будут, потому ж обучать»³.

В этот день было принято и предложение Татищева об определении казенного жалованья детям, чьи отцы получали до 25 руб. в год, а иногородним — всем, независимо от размера окладов отцов⁴. Но детям духовенства и церковнослужителей жалованья не полагалось, все они, даже взятые из дальних мест, должны были питаться и

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 216. Л. 17—18.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 37 об.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 64.

⁴ Там же. Л. 65.

одеваться за счет отцов. Главная причина такого решения заключалась, видимо, в том, что школьников, обучавшихся на своем коште, разрешалось определять в услуги по воле родителей, а берущих казенное жалованье — по рассуждению членов Канцелярии. Детьми духовенства заводские власти распоряжаться не могли, они должны были идти по стопам отцов и служить при церквях.

Таким образом, в феврале 1735 г. по инициативе Татищева детей духовно- и церковнослужителей потребовали высылать со всех заводов и приписных к ним слобод для обучения грамоте в Екатеринбург. При этом дети заранее обрекались на обучение в сложных условиях: вдали от домов, в ожидании присылки еды, одежды, обуви от отцов, которые далеко не всегда могли помочь детям из-за дальности расстояния и собственной бедности.

Управители заводов во исполнение этого решения начали присылать детей духовного сословия для обучения грамоте в Екатеринбург. В марте 1735 г. Алапаевская заводская контора прислала 17 человек. Четверых великовозрастных отправили назад, больного сына попа Д. Яковлева потребовали прислать, когда выздоровеет, а не оказавшегося дома поповского сына П. Конева — сыскать. Яковлева отослали в словесную школу Екатеринбурга 30 апреля, а Конева велели искать на Невьянском заводе шихтмейстеру Булгакову, но он и в июне не был найден¹. Таким образом, весной 1735 г. в Екатеринбургской словесной школе начали обучаться грамоте 14 детей с Алапаевского завода и приписных к нему слобод. Попытка попа Камышловского дистрикта выволить сына и племянника из Екатеринбургской школы в ближнюю Алапаевскую успеха не имела — член Канцелярии Н. Клеопин запретил это, ссылаясь на будущее обучение детей духовенства в латинской школе².

Некоторую несуразность ситуации — открытия школ на местах и вызова всех без исключения детей церковнослужителей для обучения чтению и письму в Екатеринбург — увидел сам Татищев, когда 19 мая 1735 г. в Канцелярию явились дети Кунгурского уезда, высланные Пермской земской конторой. Картина, видимо, была неприглядная. Долгий путь вымотал детей, надо было решать вопрос с их размещением. По наведенным справкам оказалось, что 4 января

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп.12. Д. 218. Л. 272; Д. 219. Л. 174; Д. 221. Л. 10.

² См.: Там же. Д. 220. Л. 116.

1735 г. уральское начальство решило открыть школы в Кунгуре, на Егошихинском и Пыскорском заводах. Школу в Кунгуре приказывалось устроить и содержать земскому судье, Егошихинская и Пыскорская должны были находиться под контролем Пермского горного начальства.

На этот раз Татищев высказал личное мнение, зафиксированное в протоколах Канцелярии: «из других заводов и з дальных дистриктов сюда высылать не надлежало, ибо ис того, как тем детям в дальных проездах, так и казне в напрасной даче им пропитания мог бы быть напрасной убыток и наипаче, что дети малые, отдаляся родителей и свойственников, без призрения болею повредиться, нежели научиться могут...». Знаменательно, что Татищев единолично определил: 1) «оных кунгурских и других дальных дистриктов детей отпустить и велеть им явиться в школах, которые кому ближе; 2) на все заводы послать указы, чтоб по прежним определениям конечно школы устроить и детей учить читать и писать в июне месяце начали, а которые дети отсюда на другие заводы отпустятся, о тех послать туда росписи, чтоб оные не разбежались...»¹.

Особое внимание Татищев уделил мерам по успокоению церковнослужителей. Чтобы, «не опасаясь отлучения детей их от церковного служения, в школы отдавали», предписал объявить в указах определение Канцелярии от 8 февраля 1735 г.: кто казенное жалование во время обучения брать не будет, «тех по обучении определять в услуги по воле их родителей, где они себе за лутчее почитать будут...»². Указ Канцелярии об этом был отправлен в Екатеринбургскую контору судных и земских дел 21 мая, контора же только 20 июня приняла решение о рассылке на казенные заводы, в Кунгур и в дистрикты старостам с сотниками указов, «чтоб чинили по ним неотменно»³.

Глава Пермской земской конторы, действовавшей в Кунгуре, капитан Л. Житков в июне 1735 г. запрашивал в Екатеринбургской конторе судных и земских дел, что делать с детьми, возвращенными из

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 243.

² Там же. Л. 243об.

³ Там же. Оп. 12. Д. 220. Л. 141—142; Оп. 1. Д. 624. Л. 244.

Екатеринбургской словесной школы и живущими праздно в Кунгуре, и отправлять ли в Екатеринбург четырех церковничьих детей, прибывших с Пыскорского завода, или вернуть их на Пыскор, поскольку словесная школа там уже действует¹. Уральское начальство молчало, решения на этот запрос последовало только в октябре 1735 г.: церковничьих детей предписывалось отправлять в Екатеринбург.

Это решение, противоположное майскому, было связано с приближающимся открытием латинской школы, куда Татищев хотел собрать церковничьих детей, обучившихся грамоте, со всей территории горнозаводского ведомства, с частных заводов и из города Кунгура. Через три месяца после прибытия в Екатеринбург Татищев задумал открыть латинскую школу. 2 января 1735 г. в дневальной книге личной канцелярии записано продиктованное Татищевым доношение Анне Иоанновне, в котором впервые встречается упоминание о латинской школе: «...дабы и впредь здесь в способных людех недостатка не было, определили здесь для обучения арифметики и геометрии иметь при всех заводах школы, а здесь особливо латинского и немецкого языка обучать, дабы чрез оное вышние математические и физические части показывать им удобно было»². В этот же день Татищев предписал: просить Академию наук прислать учителей немецкого и латинского языков, книги для латинской школы, список которых должен был составить К. Кондратович, прибывший с Татищевым на Урал как переводчик книг для «Истории Российской»³.

Хотя причины открытия латинской школы Татищев в первый раз обосновывал интересами подготовки специалистов горнозаводского дела, на деле в этой школе стали обучаться несколько детей иностранцев, а основной костяк учащихся составили дети уральского духовенства.

О важности знания латинского языка духовенством Татищев так писал в «Разговоре»: «Например, кто хочет сына своего в духовенство привести, то необходимо нужно ему: 1) еврейской, на котором

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 247—247об.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 29 об.

³ См.: Там же. Л. 30об.

Ветхий Закон писан; 2) греческой, для того что на оном Новый Завет, Соборы первые вселенские и поместные и всех восточной церкви, а многих и западных учителей книги писаны; 3) латинский язык, на котором наиболее нужных священнику книг, яко риторические, метафизические, моральные и феологические находятся»¹. Татищев подчеркивал положительную роль Петра в распространении латинского языка в России, отметив, что Петр сделал это «по примеру других государств».

На заседании Канцелярии 3 ноября 1735 г. слушали присланные из Вятской и Соли-Камской провинциальных канцелярий доношения с переписями подьяческих и церковнических детей. В Вятском уезде таких оказалось 555, в Соли-Камской — 22, и «в здешнем ведомстве», т. е. на территории заводского ведомства, — 861, в словесной же и арифметической школах Екатеринбурга обучалось из них только 93 человека, отобрано к обучению в Екатеринбурге было 152. На каких заводах были открыты школы и сколько детей обучалось в них, никаких сведений у Канцелярии не было².

Татищев предписал: «...школьников, кои склад познали и писать начали», прислать со всех заводов в Екатеринбург; детей управляющих заводами, надзирателей, подьячих, мастеров, «кои понадежнее», определить в немецкую школу, поповских и церковничьих детей — в латинскую школу. О прочих, сколько в обучении из написанных, кто и почему не обучается, прислать списки³. Таким образом, снова предполагалось всех детей духовенства, едва научившихся читать и только приступивших к обучению письму, прислать в Екатеринбург.

Через несколько дней должно было состояться открытие немецкой и латинской школ, в которых предполагалось обучать по 50 учащихся, набрано же было гораздо меньше (7 ноября, в первый день занятий, в немецкой сидело за столами 28 человек, в латинской — только 6)⁴. Видимо, в связи с небольшим числом учеников, набран-

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 101.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 226. Л. 11—13.

³ Там же. Д. 692. Л. 129.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 243 об. — 244.

ных в иноязычные школы, которым Татищев придавал особое значение, и решено было привлечь в них учащихся периферийных школ, едва начавших обучаться письму на русском языке.

Наряду с открытием школ на заводах, сбором в них детей духовенства, а также с высылкой начинающих учиться письму детей церковнослужителей в латинскую школу в Екатеринбург, горнозаводские власти провели в отношении этого сословия еще одно большое мероприятие — перепись детей с целью положения их в подушный оклад. Судя по дневальной книге канцелярии Татищева, это мероприятие предложил провести глава Пермской земской конторы, расположенной в Кунгуре, капитан Л. Житков: он донес Татищеву, «что в Кунгуре многие попов дети и внучата давно от церквей отлучились и в поголовной оклад не положены, чтоб оных переписать во всем уезде и городе». 27 ноября 1735 г. Татищев представил об этом в Канцелярию¹. Ставя всегда во главу своих действий государственную пользу, Татищев решил провести перепись на всей территории заводского ведомства — казна могла получить дополнительные налоги. 16 декабря 1735 г. на докладные пункты, кого класть в подушный оклад по переписи, в Канцелярии приказали: детей неслужащих церковнослужителей, не положенных в оклад, «положить», но действительно служащих, в оклад включенных, не выключать².

Особое внимание обращалось на Кунгурский уезд, где предполагалось найти значительное число потенциальных учащихся. Пермская земская контора оперативно переписала церковнослужительских детей в уезде, 4 января 1736 г. итоги переписи были высланы в Екатеринбург, 23 января заслушивались в Канцелярии, но Хрущов и Юдин в отсутствие Татищева решения принимать не стали, ограничившись резолюцией: о церковничьих детях, выписав, предложить³.

«Перепись имеющимся в Кунгурском уезде церковничьим детям, не служащим при церквях и не определенным к делам и кои подушных денег не платят» включала фамилии 68 детей и молодых людей, принадлежавших к духовному сословию, в возрасте от 6 до 40 лет.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 251.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 227. Л. 153; Оп. 1. Д. 624. Л. 289 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 58, 83.

Они проживали в семи селах и острожках, приписных к заводам, ведомства Пермской земской конторы и одиннадцати селах и острогах, находившихся в ведении Кунгурской воеводской канцелярии¹. Детей от 7 до 15 лет набралось, по нашим подсчетам, 30 человек, 6-летних — 8 человек.

Еще до окончания переписи, 5 декабря 1735 г., Пермской земской конторе предписали прислать сведения, касающиеся открытия Кунгурской школы: сколько детей записано в школу, сколько собрано, найден ли учитель и за какую плату. 7 января 1736 г. Татищев дал указ капитану Л. Житкову: обретающихся в его команде церковничьих детей от 7 до 15 лет выслать в Екатеринбург «в самой скорости», а от 5 до 7 лет, проживающих «в городе и близ города верст до 10», обучать в Кунгурской школе².

Обратим внимание, Татищев опять потребовал выслать в Екатеринбург всех детей с 7 до 15 лет, т. е. предполагалось, что они будут учиться азам грамоты вдали от дома — в Екатеринбурге. Школу в Кунгуре он решил наполнить только за счет малолетних детей от 5 до 7 лет. Никогда ни ранее, ни позже, Татищев не требовал забирать в школы детей в таком малом возрасте, тем более что речь шла о том, чтобы забрать их из семей, пусть даже на расстояние не больше 10 верст. Невольно возникает чувство, что он мстил духовенству уезда, брал реванш за проигранное в 20-е годы сражение с духовной властью по обучению детей духовенства в Кунгурской школе заводского ведомства.

На следующий день, 8 января 1736 г., члены уральской канцелярии В. Н. Татищев, А. Хрущов, Н. Клеопин и И. Юдин заслушали справку о выполнении своего решения от 3 ноября 1735 г. (о сборе детей с заводов, которые «склад познали», в немецкую и латинскую школу и присылке списков о детях, сколько их обучается и где). Выяснилось, что «ниоткуда таковых учеников для обучения и поныне не прислано», поэтому члены правления предписали: «послать на все казенные и партикулярные заводы к управителем и шихтмейстером в подтверждение указы, в которых написать, а имянно: на казенные, чтоб выше писанных управительских, надзирательских, по-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 83—86.

² Там же. Л. 151об.

дьяческих, детей поповских и причетнических детей, с партикулярных же по силе прежнего декабря 29 дня 735 года определения токмо поповских, дьяконских и других причта церковного детей же для обучения выслали сюда немедленно и конечно не позже, как в сем генваре месяце». За ослушание управителям казенных заводов и шихтмейстерам частных заводов грозили штрафом — вычетом денег из их жалованья за три месяца¹. Это решение начальства в виде указа Канцелярии 10 января было разослано на места.

Обратим внимание, упоминалось решение Канцелярии от 29 декабря 1735 г. Оно было принято в связи с просьбой заводчиков и приказчиков частных заводов бергмейстера Каргина «с товарищи» не высылать в Екатеринбург детей приказчиков, подьяческих и мастеровых по два человека с завода для обучения в екатеринбургских школах, поскольку на частных заводах, согласно наказу Татищева шихтмейстеру, должны были открываться свои школы для обучения словесному и арифметике. Татищев «с товарищи» согласились удовлетворить просьбу владельцев заводов, но особо оговаривалось: «кроме церковничьих детей», о которых в доношении заводчиков и приказчиков не упоминалось. Их предписывалось «по силе прежде посланных указов выслать всех сюда немедленно» и «для обучения отдать в латинскую школу»². Таким образом, в декабре 1735 — январе 1736 г. уральское горное начальство распространило нормы об обязательности обучения детей духовного сословия в горно-заводских школах и на территорию, подведомственную частным заводам. Высылать детей должны были шихтмейстеры, представители государственной власти, назначенные Татищевым в 1735 г. для контроля за частными предприятиями.

В январе 1736 г. начали поступать рапорты с мест о наличии детей духовного сословия, научившихся читать. Из них следовало, что на Сылвенском заводе таковых не было, на Уктусском имелось пятеро малолетних, еще не годных к обучению, в школе обучалось трое — дети умершего дьякона Арамилской слободы и попа Горного Щита, только приступившие к чтению. На Лялинском заводе в школе сын дьячка Василий Попов обучался письму, на казенной подводе вместе с двумя подьяческими детьми его отправили в Екатеринбург.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 228. Л. 25.

² Там же. Д. 227. Л. 301—302.

На Чусовских казенных пристанях детей церковнослужителей оказалось трое: сын попа Я. Климантова Андрей, сын церковного дьячка Н. Кадилова Ефим, обученные чтению и письму, и 7-летний Иван, которого отец хотел обучить своим коштом вместе с тремя детьми мастеровых, но власти приказали высылать всех. Они прибыли 9 февраля¹. В середине января Алапаевская заводская контора выслала в Екатеринбург учившихся в местной школе 13 детей попов, дьякона, дьячков. Двое из них были с самого завода, остальные из Невьянской, Арамашевской, Мурзинской, Белослудской слобод².

Параллельно Канцелярии Главного правления заводов сбор церковных детей из слобод активно вела и Екатеринбургская контора судебных и земских дел. Контора рассылала указы в слободы к старостам с сотниками. Из Белоярской слободы 30 января прибыло двое сирот — дети попа и пономаря. Через неделю их освидетельствовали, и оказалось, что они обучены чтению «в твердость», а писать не учились. Поскольку им 19 и 20 лет, Хрущов и Клеопин разрешили не брать их в школу как возрастных, «отпустить в дом, дав им для известия, что отпущены от школы, отпуски»³. Ясно, что провозглашенную обязательность обучения детей духовенства старались соблюдать, поэтому и выдавали свидетельства об освобождении конкретных лиц от школьной повинности. Поп же села Клевакинского Ф. Прокопьев объявил, что его сын уже взят для обучения в архиерейскую школу г. Тобольска в марте 1735 г.⁴

Из Камышевской слободы прибыло 10 человек. Полицмейстер Екатеринбурга поручик А. Зубов представил о прибывших в Канцелярию. Только на пятый день последовала резолюция: годных определить в науки, а негодных отпустить по домам. Камышевские власти явно перестарались, выслав великовозрастных детей (19, 20 лет, двоих даже 22-летних) и совсем крохотных (трехгодовалого и двух 5-летних детей). Для обучения могли подойти лишь трое — 7, 9 и

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 12, 70об., 72, 104.

² Там же. Л. 75—77.

³ Там же. Л. 111—112.

⁴ Там же. Л. 87—87об.

14 лет¹. Двое детей дьячков, присланных из села Щелкунского и Бобровского Екатеринбургского дистрикта, оказались больными: один, 16-летний, «глазами слеп», другой, 8-летний, не мог говорить, видимо, был немым², но, обратим внимание, на смотр все-таки таких детей высылали. Пермское горное начальство 23 января 1736 г. рапортовало, что на Егошихинском заводе церковничьих детей школьного возраста нет, а на Пыскорский, Юговской и Висимский заводы из начальства отправлены указы³.

Пермская земская контора 31 января сообщала, что из ее команды посылается пятеро церковничьих детей из сел и острожков Кунгурского уезда. Характерно, что это были племянник дьячка (12 лет), сироты, сыновья умерших дьякона (12 лет), попа (11 лет), его же внучек (10 лет), дьячка (7 лет). Только 10 февраля они прибыли в Екатеринбург, а 13 февраля вышел приказ об определении их в школу⁴, т. е. полмесяца ушло на переезд и устройство детей только от Кунгура до Екатеринбурга, а ведь они предварительно собирались еще и из сел в Кунгур. Можно только догадываться, что пришлось пережить малым детям, оторванным от дома: страх и тревогу в преддверии новой жизни с чужими людьми, дальнюю дорогу в морозные дни, недостаток пищи.

Прошло чуть больше двух недель учебы этих детей в Екатеринбурге, как в марте в Канцелярию было подано доношение сына попа, бывшего пономаря села Комарова, приписанного к Егошихинскому заводу, Корнилы Кротова⁵. Он жаловался, что в феврале 1736 г. его сын и брат определены в Екатеринбургскую школу, за месяц еще азбуки не выучили, а за дальним расстоянием «поить и кормить мне их за скудостью своею невозможно». Кротов просил отпустить их учиться в Кунгурскую школу «или в домех на строчное время с подпискою моею», обещал обучить их чтению и письму своим коштом и поставить потом в Екатеринбург для дальнейшего обучения.

¹ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 117.

² Там же. Л. 129.

³ Там же. Л. 122.

⁴ Там же. Л. 109—110.

⁵ Там же. Л. 148об.

Пока наводили справки по делу, прошло 12 дней, которые Кротову пришлось провести в Екатеринбурге. Рассматривали просьбу Хрущов, Клеопин и Юдин. Они постановили: Кротовых обучать в Екатеринбурге по силе указа Татищева от 7 января 1736 г. У Кротова взять подписку, если он их на своем пропитании содержать не пожелает, то им будет даваться жалованье от казны, и за это дети должны остаться в заводской службе, а к нему или к другим делам по их желанию отпущены не будут. Это была, по сути, политика выкручивания рук, но желание исключить зависимость от заводских властей пересиливало все материальные лишения, и Кротов пообещал содержать детей в Екатеринбурге на своем коште¹.

Через полгода Кротов вновь попытался изменить место обучения своего младшего брата, сироты 11 лет, и 10-летнего сына. В доношении 15 сентября он сообщал: другого его сына, 7-летнего Филиппа, взяли учиться в Кунгурскую школу, а дети, учившиеся в Екатеринбурге «за не призрением и за неимением свойственных и родственников претерпевают великую нужду, и за недостатком пищи когда временно и питаются подаванием мирским, а я, низжайший, за дальним разстоянием от Кунгура и за своим недостатком от великого здесь в проезде пропитания и частыми сюда волокитами пришел в последнюю скудость». На шестой день последовало решение: отпустить обоих в Кунгур по определению Татищева от 19 мая 1735 г. (чтоб из дальних мест не забирать учиться грамоте в Екатеринбург), явиться в Кунгурскую школу «на поверстной срок», взять подписку, что будут обучаться «по надлежащему». Кротов обещал объявить детей в Пермской земской конторе 29 сентября «без всякого отлагательства»². Получалось, что по меньшей мере неделю он должен был добираться до Кунгура. На этом примере видно, что члены Канцелярии, решая судьбу детей, руководствовались прямо противоположными по смыслу распоряжениями Татищева.

Неудивительно, что некоторые ученики бежали из екатеринбургских школ. 22 мая 1736 г. в Лялинскую заводскую контору явились Федор Кузнецов и Василий Попов, взятые из Лялинской словесной учиться в немецкую и латинскую школы, и показали: отпущены были на Алапаевский завод к родственникам на срок с 25 апреля

¹ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 151об. — 152.

² Там же. Л. 591—591 об., 593—593об.

до 10 мая, а оттуда «за неимением у себя денег и за недачею на пропитание им жалованья ушли: Кузнецов к братьям, Попов к отцу своим для взятых себе на пропитание денег». Лялинская контора решила отправить их с рассыльным 31 мая в Екатеринбург. Но рассыльный 15 июня объявил одного Кузнецова, о Попове заявил, что накануне отъезда хотел забрать его в контору ночевать, но родители заявили, что «он уехал наперед», по пути настичь его не удалось. Обращает на себя внимание большой срок между датой составления доношения и его подачей в Канцелярию. Ясно, что добирался рассыльный с учеником с Ляли в Екатеринбург две недели, столько же времени тратили, видимо, и родные для свидания с детьми и подвоза им продуктов. Уральское начальство велело Лялинской конторе Попова сыскать и скованного прислать в Екатеринбург. Только 13 августа 1736 г. брат Попова, ученик Екатеринбургской словесной школы, объявил его в Канцелярии. За побег того приказали наказывать розгами и отдать по-прежнему в латинскую школу¹.

Из семьи Поповых в Лялинскую словесную школу в мае 1735 г. были взяты трое детей — Василий, Савва и Алексей. В 1736 г. их перевели в Екатеринбург в латинскую школу, Алексея — в словесную. Алексею удалось в начале 1737 г. уволиться домой к престарелому отцу: власти уважили его просьбу, отпустили для прокормления родителей, а скорее на том основании, что ему 21 год, а учит еще псалтырь и в «науке школьной не надежен ... за таким многолетием»².

Открытие словесной школы в Кунгуре затягивалось. Хотя распоряжение об этом было сделано властями еще в январе 1735 г., только через год (в январе 1736 г.) глава Пермской земской конторы Житков сообщил властям, что пожелал быть учителем посадский Степан Кудрявцев из Соли-Камской, а учителя арифметики надо прислать из Екатеринбурга, хотя бы из школьников. В списке церковничьих детей, определенных в школу, числилось всего 9 человек — из сел Комарово, Тазовское, Ильинское. Это дети попов (5, 11, 13, 15, 16 и 17 лет), внук умершего попа (9 лет), сыновья пономаря (15 лет) и

¹ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 328—328 об.; Оп. 12. Д. 235. Л. 104.

² Там же. Оп. 1. Д. 692. Л. 139—144.

дьячка (17 лет)¹. Чем объяснялся отбор именно этих детей, в доношении не оговаривалось.

В марте 1736 г. уральское горное начальство констатировало, что в Пермском крае, «как слышно, что школы есть, токмо на каком основании, неизвестно». Поэтому решено было послать туда ректора школ, учителя немецкой школы Штермера, «ему школы осмотреть, в добром ли порядке ученики содержатся... и учителя», «непорядочное» исправить, учителям дать инструкцию². Как следует из журнала Штермера, который он вел в поездке, 31 марта он прибыл в Кунгур, «и тут, кроме учителей, еще школы и учеников не было». Штермер отдал с данного ему указа копию в Пермскую земскую контору для рассылки в дистрикт о сборе учеников, «дабы они к возвращению из Пысгора в школу собраны были»³.

Словесная школа в Кунгуре начала действовать 22 апреля 1736 г. — этим числом помечено начало вступления в науку учащихся в первой ведомости⁴. Начали учиться не 9 человек, как упоминалось в январском доношении из Кунгура, а 43. Состав учащихся Кунгурской школы имел ряд особенностей, отличавших ее от прочих горнозаводских: только в ней имелось так много детей духовенства (31 человек) и приказных людей (12); по сути, было представлено всего две сословных группы, притом более половины представителей духовного сословия (19 человек) уже вышли за пределы школьного возраста. Это были подростки и юноши 15—20 лет, большинство из них уже умело читать и начало писать; один учил часослов (16 лет), трое — псалтырь (15, 17, 18 лет). Взяли даже не начинавших учиться грамоте на дому 15-летнего сына пономаря и 20-летнего сына дьякона. Среди детей подьячих (10—19 лет) пятеро уже читали и писали, двое учили псалтырь, один его «твердил», двое учили часослов и азбуку.

В июне 1736 г. выяснилось, что 9 церковничьих детей попали в список учеников Кунгурской школы напрасно. Пермская земская контора сообщала: указом епископа Вятского и Великопермского Лаврентия они в 1735 г. уже были взяты в Вятскую архиерейскую

¹ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 58—61.

² Там же. Оп. 12. Д. 230. Л. 261.

³ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 342.

⁴ Там же. Л. 358—360об.

школу, «оттуда за своею нуждою отлучились и явились в здешней школе и записаны под смотрение иноземца ректора». За ними явился от архиерейского приказа пристав, и земская контора запрашивала уральское начальство, что делать¹. Хрущов и Клеопин распорядились: детей, записанных в Вятскую школу, отдать приставу немедленно, заметив, что и принимать их не следовало, ибо по определению Канцелярии от 8 февраля 1735 г. надо было брать в горнозаводские школы детей, «записанных» в архиерейские школы, а эти дети не только «назначенные, но действительно в архиерейской школе были»². Это решение было вынесено 19 июня, указ же для исполнения был послан в Кунгур только 5 июля.

Характерно, что среди взятых в Вятскую архиерейскую школу были дети 13—16 лет, один — 20-летний, отсюда следует, что архиерейское ведомство забирало детей в школу от случая к случаю и далеко не всех. Духовные власти в 1735 г. привлекли 9 человек, горнозаводские же в 1736 г. взяли дополнительно еще 28 (правда, четверым было по 6—7 лет, т. е. в 1735 г. они не были пригодны к учебе), кроме того, в Екатеринбург в январе 1736 г. было отправлено учиться пятеро. Эти данные — убедительное свидетельство того, насколько последовательно и напористо действовали заводские власти во главе с Татищевым в отличие от духовных. И, обратим внимание, ни в какие споры по поводу отозванных в архиерейскую школу детей горное ведомство вступать не стало, как это имело место в двадцатые годы.

Получив ведомость об успехах 33 учеников Кунгурской школы за август 1736 г., Хрущов и Клеопин в сентябре приказали: 6 учеников из приказных детей перевести в Екатеринбург в немецкую школу и 8 церковничьих — в латинскую, так как они выучились читать и писать³. Если приказных затребовали всех, то из церковничьих, судя по ведомости, взяли ровно половину, причем трудно понять, чем руководствовались при выборе: среди них дети попов, пономарей,

¹ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 336—337.

² Там же. Л. 337 об.

³ Там же. Л. 567—568.

дьячка в возрасте 12, 13, 15, 17 и 19 лет, причем 19-летних три человека¹.

Не прошло и двух недель, как из 8 учеников, присланных в латинскую школу, четверо подали доношение в Канцелярию с просьбой уволить их от обучения: дети попов Г. Попов, Ф. Ушаков, Н. Пушкин и сын дьячка Г. Яковлев из села Комаровского, приписанного к Егосихинскому заводу. В этом документе ярко обрисовано отнюдь не благодное положение детей сельского духовенства: «мы, бедные, жили при своих родителях от младых лет непрестанно в тяшковой работе и в пахоте, и от недостатку своего всегда в печали были, как бы себя и родителей своих пищею и одеждою пропроводить, и в той печали ко учению сему остроту ума своего затмением уже пресекли», им по 19—20 лет, «чего ради признаваем мы, что сей науки совершенно не достать, но токмо время свое в напрасном изнурении чаем потерять». Ученики ссылались на то, что как в Кунгурскую школу, так и в Екатеринбургскую «в проезде прогонами содержали себя своим иждивением, а казенного для содержания на нас ничего не потеряно», просили «для показанной нашей нужды и тупости ко учению ума нашего», великовозрастности, отпустить «для совершенного обучения пения и писания в Кунгурскую школу»². По свидетельству члена Канцелярии И. Юдина, к учению латинского языка «из указных лет уже ушли», за три недели школьного обучения дошли до четвертой-пятой страниц вокабул и малопонятны. Только 11 декабря 1736 г. последовало решение Хрущова: из школ отпустить и впредь в латинскую и немецкую школы детей выше 14 лет не принимать³.

В октябре 1736 г. сын дьякона Петр Хлопин, взятый учиться грамоте в Екатеринбург еще в феврале 1735 г., просил перевести его в Кунгурскую школу, объясняя: «имею [там] родительницу, и то бедную вдову, которая не токмо обо мне иметь попечение, но и о себе не может никакого промыслу и пищи снискать», в Екатеринбурге родственников или знакомых нет, поэтому «претерпеваю великую

¹ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 578—579.

² Там же. Л. 686—686об.

³ Там же. Л. 690.

нужду и питаю себе, прося милостыню»¹. На доношении расписался «кунгурец» Прохор Шавкунов, один из соучеников по кунгурской школе, взятый учиться в немецкую. Видимо, вдали от дома землячество поддерживалось. Ровно через неделю, 13 октября, последовало решение Хруцова, Клеопина, Юдина: отпустить учиться в Кунгур. Получается, что Хлопин осваивал азы грамоты (дошел до утрени в часослове) без всякой поддержки из дому, без жалованья один год и 8 месяцев.

Сын дьякона Яков Никитин вместе с двумя братьями осиротел еще в малых летах, братья жили при матери в Арамильской слободе, в 1735 г. были взяты в Уктусскую словесную школу, с 1736 г. должны были платить подушную подать. В марте 1736 г. старший брат просил Канцелярию перевести братьев из Уктусской в Екатеринбургскую школу, т. к. на этом заводе есть родственники, а на Уктусском дети живут на квартире у чужих людей. По справке оказалось, что братья Иван и Егор (10 и 7 лет), учатся в Уктусской школе с июля 1735 г., при записи в оклад их приказано было располагать в заводскую работу для уплаты подати. Хруцов и Клеопин разрешили перевести детей в Екатеринбург, только в июле 1736 г. это было сделано², т. е. более года они учились вдали от матери. И, обратим внимание, более трех месяцев ушло на принятие решения.

В дневальной книге канцелярии Татищева отмечено, что 21 февраля 1736 г. он отправился в Пермь для осмотра заводов. В Кунгуре Житков «подал в доклад пункты», требуя резолюции, «о положении в подушной оклад церковничьих детей, которые не положены, и о причислении их в села со крестьяны, понеже некоторые о том требуют»³. Вряд ли отставные церковнослужители просто так вышли с этой инициативой — горное начальство и без того записало бы их в оклад. Возможно, они хотели «подсластить горькую пилюлю»: уж если платить подушные деньги за детей, то пусть их считают крестьянами и не берут в школу? На крестьянское сословие обязанность учиться не распространялась. Татищев потребовал подать список

¹ ГАСО Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 611—611 об.

² Там же. Л. 288—288об.; 288об. — 292.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1531. Л. 79 об.; 83—83об.

церковничьим детям, «кои желают быть в окладе», с указанием лет, пообещав решить позже этот вопрос.

26 февраля Татищев прибыл на Пыскорский завод, и здесь ему подали прошение двое учеников Пыскорской словесной школы, дети попов, Иван Коняев и Дий Осокин. Они сообщали, что взяты в школу из станов, отдаленных от завода, учат часослов и азбуку «и от не дачи жалования за скудостью отцов своих ныне при обучении пропитание имеем в мире милостиною», по указу же назначены учиться в Екатеринбург. «Для скудости и сиротства» они просили назначить казенное жалованье и не забирать их из Пыскорской школы «для того, что мы еще ничему не обучены»¹. Татищев затребовал сведения, сколько учеников собрано, кто чему учится и кому определено жалованье. Из 28 человек детьми духовенства оказались только двое просителей, о жалованье умалчивалось, видимо, его никто не получал. Решение в деле отсутствует, как и в дневальной книге. Но в более позднем доношении Пыскорской заводской конторы в Канцелярию оно изложено: 29 февраля личным указом Татищев предписал конторе «церковничьих детей, хотя и убогих, выслать немедленно с салдатом, дав подводу и прогоны из казны»². Т. е. опять Татищев поступил сверхжестко в отношении церковничьих детей: учить азбуку они с успехом могли и в Пыскорской школе, в большей близости к дому. До обучения в латинской школе им было еще очень далеко.

Выполнить предписание Татищева оказалось невозможно из-за отсутствия одежды и еды у детей. В Пыскорской заводской конторе ученики сказкою показали: «ежели им жалованье не дасься, то им ехать никоим способом нельзя, понеже платья, кроме одних шабуров (по Далю, *шабур* — сермяга, зипун, всякая плохая, грубая одежда. — А. С.) ничего на себе не имеют, а ныне при обучении питаютца, збирая в свободное время, милостиною, а от отцов своих, как в платье, так и в пропитании помощи никакой не имеют, понеже отцы их живут в крайнем убожестве, а у Осокина отец от церкви отставлен и ходит по миру ж». Управляющий Пыскорской конторой Андрей Порошин, сочувствуя детям, обратился в Пермское горное начальство, подтверждая: «кроме их скаски видно, что оные пропитание имеют милостиною и боле принудить их к свободному пропитанию и езде

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 145—145об.

² Там же. Л. 255.

нельзя», и требовал указа: «на каком пропитании за малолетством и хранении оных школьников в Екатеринбург послать, ибо ... из казны жалованья им давать не велено»¹. Пермское начальство переадресовало этот вопрос Канцелярии. 26 марта Хрущов, Клеопин и Юдин решили: ребят прислать в Екатеринбург «с случаем», а до того учить их в Пыскорской школе, о жалованье учинить, как о Кротове, т. е. предложить, но с условием, что дети в этом случае по окончании школы останутся в распоряжении заводских властей².

Между тем оказия подвернулась, 16 марта Пыскорская контора сообщала Канцелярии: отправляются дети с солдатом Малыгиным через Егошиху, выдано прогонных денег на одну подводу на 506 верст 2 руб. 53 коп. и в зачет казенного жалованья по 20 коп. человеку, «дабы в пути в пропитании не претерпели вящей нужды, понеже видно, что кроме милостыни здесь пропитания не имеют», т. е. Порошин взял на себя смелость и выдал казенные деньги, ведь долгий путь пролегал и через незаселенные места. Только через две недели дети добрались до Екатеринбурга, и их определили на пропитание и житье к эконому, специально нанятому человеку, который должен был получать на руки казенное жалованье детей и кормить их³.

В условиях войны с Турцией в 1736 г. верховной власти понадобилось взять на военную службу 7 тыс. человек. В связи с этим указом, изданным 28 сентября 1736 г. от имени Кабинета министров, Сената и Синода, предписывалось провести перепись детей духовного чина, не служащих людей церковничьих и не бывших у присяги⁴. Сведения должны были присылать в Сенат Синодальный дом, архиереи, монастыри, губернаторы и воеводы. Приказывалось не записывать в военную службу лиц, взятых для обучения в епархиальные школы, посвященных в дьячки и пономари; непосвященных, но исполняющих эти должности; «священнослужительским и причетническим малолетним детям...оставаться в ведомстве...Синода, для определения в школы и произведения на место оставленных при

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 196—196об.

² Там же. Л. 197.

³ Там же. Л. 255—255об.

⁴ ПСЗ. Т. 9. № 7070. С. 943—948.

церквях». Всех таких приказывалось переписать, результаты переписи рассмотреть Сенату и Синоду совместно, «по разобрании» годных определить в школы. Власти грозили, что утаившим детей или не явившимся на смотр «учинена будет смертная казнь без пощады».

Именным указом от 7 сентября 1737 г. предписывалось окончить перепись, взять в военную службу всех от 15 до 40 лет, в церковные чины определять из малолетних и тех, кому более 40 лет. Малолетних для определения к церквам «надлежит обучать на российском языке грамоте, а потом грамматике, риторике и другим наукам, для чего во всех епархиях учредить школы как можно скорее, «чтоб от сего времени неученые люди в церковные чины определяемы не были»¹.

Эти и другие указы верховной власти 1736—1737 гг., связанные с набором в армию, послужили для Канцелярии Главного заводов правления основой для проведения «разбора» церковничьих детей на территории, ей подведомственной. В январе 1737 г. последовало решение Канцелярии: «церковничьих детей к смотру ис Перми, ис приписных к заводам сел велеть выслать сюда немедленно, и сколько в Пермском начальстве, и в каких местах церквей имеется, и что при оных церковных служительских детей, репортовать с обстоятельством». По получении этих сведений вятскому архиерею следовало отослать росписи и сообщить, «что тех церквей церковнослужительские дети пересмотрены имеют быть здесь». В подчиненных Томском, Нерчинском и Якутском начальствах предлагалось справиться, если губернские власти смотра детям духовенства проводить не будут, то такой смотр должны были взять на себя управители заводов². Ясно, что горное ведомство во главе с Татищевым не доверяло архиерейским домам Вятки и Тобольска и хотело взять всю работу по пересмотру церковнослужителей и их детей на заводской территории на себя — вятского архиерея решили лишь уведомить о переписи.

В феврале 1737 г. в Канцелярию поступила первая ведомость о церковничьих детях из конторы Чусовских пристаней, где трое числились в школе в Екатеринбурге и один — в пушкарях, его велели

¹ ПСЗ. Т. 10. № 7364. С. 257—258.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 240. Л. 263—264.

прислать к смотру¹. В феврале 1737 г. из Алапаевской конторы прибыло на смотр 20 церковничьих детей, приказано было годных к обучению от 6 до 15 лет определить в школы, «в которые кому за способнее усмотрится», прочих до указа отправить по домам². С Полевского завода прислали двух взрослых и малолетов³. Пермская земская контора в марте 1737 г. запрашивала, слать ли в Екатеринбург на повторный смотр детей, если они уже высылались к Соли-Камской. Хрущов распорядился: не высылать, т. е. доверился гражданским властям⁴. В мае Пермская земская контора прислала ведомость о количестве церквей в селах и острожках, приписных к заводам, служащих и праздно живущих представителях духовного сословия и их детях⁵. В ходе смотра детей, присланных Уктусской заводской конторой, один сын попа, А. Семенов, был зачислен в Уктусскую школу⁶.

В ходе смотра детей духовенства и церковнослужителей Екатеринбургского ведомства (без территории Пермского края) выявилось много детей, годных в школу по возрасту, в том числе обученных «словесному» и способных обучаться в латинской школе, а также назначенных ранее в школу, но не отданных. Поэтому в марте 1738 г., уже после отъезда Татищева с Урала в Самару, член Канцелярии Игнатий Юдин, отвечавший за деятельность школ, предложил собрать этих детей в школы для обучения. В росписи, поданной Юдиным, было учтено 47 человек в возрасте 6 — 14 лет, проживавших в слободах Камышловской, Новопышминской, Багаряцкой, Крутихинской, Красномыской, Красноярской, Пышминской, Тамакульской, Невьянской, Белослудской, Мурзинской, Арамашевской, в 10 селах, Катайском и Колчеданском острогах. Из них 26 были детьми и внуками попов, 9 — детьми и братьями дьячков, 6 — детьми пономарей, 5 — детьми трапезников⁷.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 241. Л. 67.

² Там же. Л. 147.

³ Там же. Л. 160—161.

⁴ Там же. Д. 242. Л. 327.

⁵ Там же. Д. 244. Л. 5.

⁶ Там же. Д. 243. Л. 218.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 760. Л. 88—90об.

20 марта 1738 г. последовало распоряжение Л. Угримова и Т. Бурцева: детей «забрать для учения немедленно в школы поблизости мест, в котор[о]й кому способность. Когда же словесному и письму обучатся, тогда из оных школ присылать сюда для обучения латинскому языку, также и прочему, до того принадлежащему»¹. Судя по пометам на росписи, тринадцать человек от 7 до 10 лет были сразу же определены к обучению в Каменской словесной школе и, согласно школьной ведомости, действительнополнили ее.

В июне 1738 г. в связи с переводом сына дьячка В. Топоркова из Каменской школы в Екатеринбург, уральское начальство предписало: всех детей духовенства, «кои уже склад познали и пишут, собрать всех сюда ж и обучать по порядку, учрежденному... Василием Никитичем Татисчевым»², т. е. перевести в латинскую школу. С июля 14 новичковполнили ряды ее учеников, из них 9 человек — из Каменской словесной, 5 из Алапаевской³. Из Кунгурской школы были назначены к переводу 6 человек, прибыло в ноябре только пятеро⁴. Учеников вызывали, основываясь на данных школьных ведомостей, которые составлялись по третям года и отсылались управителями заводов в Канцелярию. В других школах учеников, готовых к обучению в латинской школе, не оказалось⁵. В декабре 1739 г. из словесной школы в последний раз было переведено трое церковничьих детей⁶. Примечательно, что в ходе кампании 1738 г. по приему детей духовенства в горнозаводские школы, двое детей из Камышевской слободы (сын попа Кириллова и дьячка Кочнева), назначенные к обучению в латинской школе, были увезены отцами в Тобольск. Горные власти на этот раз не стали вступать в пререкания с властями духовными, а попросили митрополита Антония определить их в архиерейскую школу или выслать в Екатеринбургскую⁷.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 88—88об.

² Там же. Л. 161.

³ Там же. Д. 762. Л. 4—6.

⁴ Там же. Д. 756. Л. 51—56; Д. 760. Л. 163об.; Д. 756б. Л. 62.

⁵ Там же. Д. 760. Л. 161об.

⁶ Там же. Д. 857. Л. 109.

⁷ Там же. Д. 762. Л. 37—39.

Уральская горная администрация на подведомственной ей территории с 1735 г. стала присваивать себе некоторые функции духовной власти. Наряду с обучением детей духовенства в горнозаводских школах светские власти начали контролировать, все ли население бывает у причастия. В марте 1735 г. Татищев и Хрущов постановили: послать на все заводы указы с нарочными, чтоб священники объявили прихожанам: все, начиная с 7 лет, по указу 1722 г. должны причащаться без отговорок под опасением штрафа. После поста требовалось прислать известие, сколько человек в каждой церкви мужского и женского пола причащались, сколько и почему не были у причастия¹.

С лета 1735 г. Канцелярия главного правления заводов взяла под свой контроль круг лиц, посвящаемых в попы и дьяконы митрополитом Тобольским и Сибирским Антонием. 28 июня Татищев «с товарищи» приняли это решение с любопытным обоснованием права светского горного ведомства диктовать свою волю духовному: писать в Тобольск к митрополиту Антонию, «чтоб из здешняго ведомства не токмо имеющих от прихожан выборов, но и таких, которые хотя иметь будут, да нашего об них представления не будет, не токмо в попы, во диаконы, но ниже в дьячки и пономари посвящать не благоволил, ибо все заводы казенные и портикулярные и к ним приписные слободы поручены в главную команду нам и за первейших прихожан во всем здешнем ведомстве почитаемся мы. На заводы же и в дистрикты здешняго ведомства на все посланы указы, чтоб в церковные причетники никого сами собою не избирали и выборов не давали под жестоким по указом штрафом. Буде же кто из обученных в архиерейской или здешной школах по их усмотрению возменитца им быти достоин произведения в церковники, таковых и с выборами на них от прихожан и управителей присылать в Канцелярию Главного заводского правления, где об них, рассматривая, учинено будет по указом. Ежели ж и кто, не взяв от прихожан выбора уйдет и паче чаяния посвящен будет в церковной чин, таковых, имея, за крепким караулом присылать в Канцелярию Главного заводского правления»².

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 218. Л. 281—282.

² Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 524.

Как заводские конторы, так и священнослужители, ходатайствовавшие о выборе определенных людей, сами лица, желавшие занять причетнические или священнические места, подчинились такому решению. Церковный староста с мировыми людьми предлагали прихожанам подписаться, достоин ли человек избрания, заводская контора сообщала об этом в Канцелярию, члены которой заслушивали доношение, иногда требовали дополнительную информацию об избранном, обсуждали эту кандидатуру, зачастую не соглашались с ней и предлагали прихожанам избрать другого. Если кандидат, по мнению членов Канцелярии, подходил для исполнения должности, то отправлялась промемория в архиерейский приказ в Тобольск с просьбой, чтобы митрополит соблаговолил по правилам церковным посвятить направленного к ним в попы или дьяконы.

Таким образом, Канцелярия Главного правления заводов по инициативе Татищева с июня 1735 г. стала органом, просеивающим кандидатов в духовный причт, определяющим, достойны ли они занять соответствующие места. Уже в этом месяце Канцелярия удовлетворила желание дьячка церкви великомученицы Екатерины Красномыльской слободы Ф. Пономарева стать дьяконом и отписала в Тобольск о его посвящении¹. Члены Канцелярии подходили к рассмотрению кандидатур очень критически. В мае 1736 г. сын пономаря Пышминской слободы Камышловского дистрикта Ф. Васильев просил Канцелярию определить его в пономари, но начальство этому воспротивилось: «усмотрено, что он писать не умеет... вместо ево к прошению руку приложил другой, да и читать мало знает, в церковных же причетниках надобны быть оного знающие». При этом у Васильева надежды быть пономарем не отнимали, предлагали «обучиться прежде в совершенство чтению книг, потом же и писать», тогда и являться для определения².

В декабре 1736 г. уральское начальство отказалось удовлетворить предложение Каменской заводской конторы о посвящении в попы дьякона Багаряжской слободы Семена Кобелева. Поначалу начальство велело взять о нем выбор, прихожане подписались, чтоб быть ему попом вместо престарелого отца. По справкам, наведенным Канцелярией, оказалось, что в 1723 г. Кобелев был взят в Уктусскую

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 220. Л. 45.

² Там же. Д. 232. Л. 200.

арифметическую школу, во время отпуска из школы по болезни отец увез его в Тобольск для посвящения в дьяконы. Узнав об этом, Сибирский обер-бергамт потребовал от архиерейского приказа не посвящать беглеца, а, заковав в кандалы, выслать в Екатеринбург под караулом. Приказ это требование выполнил. Кобелев был наказан батожем и в апреле 1724 г. определен в доменные работники. В мае 1730 г. он бежал, в марте 1731 г. явился в Каменскую заводскую контору как поставленный митрополитом в дьяконы. Сибирский обер-бергамт затребовал его в Екатеринбург и снова определил к доменной работе. Духовное ведомство воспротивилось такому решению, ссылаясь на указ Петра I от 19 ноября 1721 г., по которому этих детей не только к тяжким заводским работам, но и ни к каким светским наукам отдавать не разрешалось. Архиерейский приказ выразил надежду, что не только Кобелев, но и другие челобитчики более при тех заводах удерживаться не будут, и потребовал его от работ освободить. В августе 1731 г. горнозаводские власти отпустили Кобелева на дьяконство. Выслушав эти справки, член Канцелярии Хрущов решил: «за выше писанным подозрением», что он дважды был в бегах, «и что он грамоте малоумеющей, ево, Кобелева, в попы посвящать не надлежит, и о том ему и мирянам, чтоб искали другога к тому достойного, объявить»¹.

Уральское начальство противилось назначению на места церковнослужителей недостаточно подготовленных для этого школьников. В августе 1736 г. священник Полевского завода Стефан Гаврилов сообщал в заводскую контору: дьячек умер, пономарь заболел, отнялась рука и нога, брат пономаря, 15-летний Павел Мазеин, учится в словесной школе при заводе и может отправлять пономарскую должность, в дьячки же определить некого. По мнению управляющего Полевским заводом М. Кутузова, пономарь и дьячок нужны, в праздники для чтения и пения используются прихожане, но они «незаобычайны и надлежащего к служению искусства не имеют». Кутузов просил Канцелярию определить в причетники за установленную мирскую ругу (от каждого имущего мужчины по 3 коп. в год на дьячка и пономаря) Мазеина, дьячка прислать, который мог бы и школьников обучать. Члены Канцелярии разрешили в дьячки выбрать самим, а о Мазеине прислать рапорт, давно ли в школе и что

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 773—777.

учит. Оказалось, что он в школе с декабря 1735 г., азбуке, часослову и псалтыри обучался «у сродников своих», в школе выучил букварь «з десятословия заповедей», обучается письму. Начальство приказало в пономари приискивать другого, а Мазеину доучиваться в школе¹.

В декабре 1737 г. ученик Каменской арифметической школы Семен Ряпасов пожелал быть при заводской церкви дьячком на месте престарелого отца, объявил за подписями прихожан выбор в конторе, та представила его «для свидетельства» в Канцелярию. Угримов и Бурцев на 13-й день по получении доношения конторы и прибытия ученика приговорили: «во время церковного пения и службы оного школьника Ряпасова в церковь уволить велеть, чтоб он насматривался церковному кругу, а в дьячки до указа и пока совершенно обучится, не выпускать». Начальство при этом проявило инициативу, предписало конторе, чтобы школьников, особенно церковничьих детей, не только в праздничные, но и в работные дни в церковь для чтения и прочей услуги отпускать².

Заводские власти выступали категорически против перехода детей мастеровых в духовное сословие, даже если они учились в горнозаводских школах без получения жалованья. В июле 1736 г. Пермское горное начальство потребовало указа Канцелярии об определении в пономари ученика Егошихинской арифметической школы Якова Юшкова. Канцелярия запросила, чему он обучается, сколько лет, нет ли из церковнослужительских детей подходящего к этой должности. Оказалось, что 15-летний Юшков обучился грамоте до определения в школу, на коште отца выучил часослов, псалтырь, в школе выучил букварь, заповеди с толкованием, дошел до умножения. Обучается у местного священника Кондрата церковному пению. У священника и дьячка своих детей для определения в пономари нет. Отец Юшкова, бывший шмельцер, хотел, чтобы сын стал священнослужителем. Пермское начальство в лице Андрея Татищева, племянника начальника заводов, поддержало начинание — «церковь была построена стараниями заводской команды», а в пономаре крайняя

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 520—520об.; 521—525.

² Там же. Д. 760. Л. 18—18 об.

нужда. Но Хрущов и Юдин отказали в назначении Юшкова, приказали искать другого, «кроме мастерских детей»¹.

Если в начале 20-х гг. XVIII в. детей духовенства горнозаводское начальство распределяло из школ к заводским и приказным делам, не спрашивая их желания, то в 30-е гг. они обучались в словесных и латинской школах в надежду будущего священства. Поскольку лишь единицы из них получали казенное жалованье (несколько сирот были зачислены в трактир в Екатеринбурге), детей духовенства не распределяли к делам. Исключение — направление пяти учащихся Кунгурской школы в 1739 г. к приказным делам в Пермскую провинциальную канцелярию, одного ученика из Каменской школы — «в работу»².

Известна попытка использования в интересах заводов сына попа Уткинской слободы Якова Веснина, ученика латинской школы. В 1737 г. Татищев добился у Кабинета министров санкции на посылку двух человек в Китай для обучения плавке руд и выделению золота и серебра. К отправке начали готовить сына управителя Нерчинских заводов Дамеса и ученика немецкой школы А. Кичигина. Но когда оказалось, что молодой Дамес негоден и нужен человек, знающий латынь, Татищев в октябре 1738 г. приказал выбрать ученика латинской школы, «которой лучшее начало имеет, определить в нужные к тому науки»³. Избран был Веснин, в ноябре его перевели «в пробирную» — обучаться пробирному делу, и назначили жалованье по 1 руб. в месяц⁴. В марте 1739 г. вместе с Кичигиным его отправили на Егосихинский завод, где за год он научился плавке меди: «печи плавильные вновь зделать и старые починить, и в ход пустить, и руду на роштейн и роштейн в черную медь плавить и обжигальные переметные печи зделать и в тех переметных печах роштейн ис пурштейн обжечь». В связи с обучением плавке жалованье было повышено до 18 руб. В мае 1740 г. поездка в Китай была

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 207—210.

² Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 325. Л. 4—5.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 41. Л. 638.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 756. Л. 57.

отменена (послали немца, плавильщика с Красноярских заводов), и тогда Веснина определили в маркшейдерские ученики¹.

В сентябре 1740 г. в Канцелярию подал прошение его отец, поп Уткинской слободы, которому за старостью уже трудно было выполнять свои обязанности, ездить к пастве иной раз за 150 верст, и он просил начальство определить сына для помощи и «впредь для наследия» вторым попом. Угримов и Гордеев его отпустить не решились, представили об этом в Генерал-берг-директориум. В январе 1741 г. отец вновь обратился с ходатайством, просил, чтобы Андрей занял его место: жена попа умерла, по духовным правилам он должен постричься в монастырь, дом оставить без призрения. И хотя ответ из Генерал-берг-директориума еще не пришел, на этот раз начальство решило «для крайних нужд» Веснина уволить из школы, от заводских дел и явиться в Тобольскую архиерейскую канцелярию для посвящения². Таким образом, единственная известная нам попытка использовать талантливого поповского сына в интересах заводского ведомства окончилась неудачей.

В октябре 1739 г. в Канцелярию Главного правления заводов прибыл указ Генерал-берг-директориума, положивший конец привлечению детей духовенства в горнозаводские школы Урала. Он был издан во исполнение указа Синода от 28 августа 1739 г., в который поступила жалоба митрополита Тобольского и Сибирского Антония на действия горно-заводской «команды» с требованием, чтобы священно- и церковнослужители «детей своих к его преосвященству в училище не отвозили, а забирая ... их, тамо употребляет в разные училища и работы по своим определениям». Синод потребовал от Генерал-берг-директориума «о пресечении вышепоказанных препятствий и нечинении впредь таковых непорядков», а также присылки известия, сколько детей духовного сословия «в екатеринбургских училищах и канцеляриях, и при работах, и мастерствах, и в каковых порознь науках и с коего кто года обретался и ныне обретается». Директориум, в свою очередь, указом от 4 сентября 1739 г. предписал Канцелярии «в школы из священно- и церковнослужительских

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 119—128.

² Там же. Л. 133—136.

детей впредь не принимать» и прислать в директориум ведомость, какую затребовал Синод¹.

Получив сведения о детях священно- и церковнослужителей, Синод указом от 1 апреля 1740 г. потребовал о «немедленном их из екатеринбургских школ ... увольнении» и чтобы «на коште отцов их поставлены были в Тобольск во учрежденные при доме архиерейском школы неотложно». Генерал-берг-директориум во исполнение этого указа отправил свой подтвердительный указ на Урал, предписав «в школы из священно- и церковнослужительских детей впредь не принимать»².

На наш взгляд, митрополит Тобольский и Сибирский отнюдь не случайно обратился с жалобой в Синод летом 1739 г.: в марте Татищев был устранен от управления заводами, в мае над ним началось очередное следствие. Согласно ведомости, отправленной в 1740 г. в Генерал-берг-директориум, в это время в горнозаводских школах обучалось 84 представителя духовного сословия, из них с территории Тобольской и Сибирской епархии — 57, Вятской и Великопермской — 27³. Но если воспользоваться данными сводной ведомости, составленной в 1746 г. в связи с прибытием президента Берг-коллегии Томилова на Урал, то окажется, что в 1735—1740 гг. в словесной и латинской школах Екатеринбурга обучалось 77 детей духовенства и церковнослужителей, в Верх-Исетской — 2, в Полевской — 6, Алапаевской — 6, в Каменской — 30, в Пермском горном начальстве — 9, Кунгурской школе — 29 человек⁴. Если учесть, что часть учащихся переводилась из школы в школу (из словесной в латинскую, например), то в горнозаводских школах обучалось по меньшей мере 133 представителя духовного сословия, из них 27 человек были отпущены домой «из-за великовозрастности», по болезни, для платежа подушных денег, 9 были возвращены из Кунгурской в Вятскую архиерейскую школу.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 43. Л. 502—505.

² Там же. Д. 44. Л. 273—274.

³ Там же. Оп. 1. Д. 907. Л. 84.

⁴ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 325. Л. 2—5.

Примечательно, что при увольнении детей духовного сословия из горно-заводских школ в августе 1740 г. Канцелярия Главного правления заводов обязывала их отцов поставить детей в Тобольск в архиерейский приказ к 1 ноября 1740 г. под угрозой штрафа. Уведомления об этом были разосланы на места и в Тобольскую архиерейскую канцелярию¹. Видимо, подобное решение было принято и в отношении явки детей в Вятскую архиерейскую канцелярию. Т. е. и при расставании с детьми духовенства горнозаводские власти пытались как-то регламентировать их последующую явку в архиерейские школы.

Увольнение детей духовенства из горнозаводских школ горное ведомство попыталось обернуть в свою пользу. Еще в начале 1737 г. обнаружился большой перерасход штатных сумм, выделенных на деятельность школ. Открытие школ почти при всех казенных заводах, провозглашение обязательности обучения для детей мастеровых, подьячих, солдат, духовенства, выплаты казенного жалованья учащимся, привлечение в школы учителей-иностранцев с высоким окладом, приобретение учебных пособий — все это потребовало гораздо больших средств. Перерасход штатных сумм грозил плохими последствиями. Чтобы уменьшить его, властям пришлось прекратить на ряд месяцев выплату жалованья учителям, кроме иностранцев, и ученикам, но, несмотря на это, в январе 1738 г. констатировалось, что сверх штатных сумм (1 500 руб.) было израсходовано 1 313 руб.²

Поскольку столичные власти признали обучение детей духовенства в горнозаводских школах незаконным, уральская горная администрация получила слабую надежду перевести суммы, израсходованные на их обучение, на духовное ведомство. Было подсчитано, что на жалованье учителям латинской школы, на пособия и прочее израсходовано более двух тысяч рублей. Уральские власти отправили в директориум запрос, откуда возвратить эти деньги, «ибо они

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 283. Л. 270—271.

² Там же. Оп. 1. Д. 760. Л. 22об.

до заводов не касаются»¹. Генерал-берг-директориум приказал поставить эти суммы на счет школы, потому что эта школа была учреждена по силе именной инструкции, данной Татищеву в 1734 г.²

Как же оценить начинания Татищева по привлечению детей духовного сословия в школы горного ведомства в 1735—1739 гг.? С одной стороны, это делалось вопреки действовавшему тогда законодательству, предписывавшему обучение этих детей в школах духовного ведомства. Но школы эти находились в большем удалении от их места жительства, чем заводские, — при архиерейских домах в Тобольске и Вятке. Кроме того, при всем желании они не могли вместить всех детей духовного сословия со своей территории. В Тобольске школа была открыта митрополитом Филофеем Лещинским в 1702—1703 гг. До 1727 г. в ней обучилось 33 человека: 5 выучили букварь, малый часослов, псалтырь, научились петь; 14 человек обучились «десятословию» и грамматике, 14 — одному «десятословию»; 29 учеников из 33 поступили на дьяконские и причетнические должности. Около 1728 г. в программу ввели обучение латинскому языку. В 1741 г. в славянской школе обучалось 37 детей, в латинской — 15³. В то же время в ходе переписи 1738 г. в Тобольской епархии было зарегистрировано 377 детей только служащего духовенства в возрасте от 7 до 15 лет⁴. В 1743 г. Тобольская архиерейская школа была преобразована в семинарию — среднее учебное заведение для подготовки кадров духовенства. Кстати, в Восточной Сибири первая школа для детей духовенства была открыта в 1725 г. в Иркутске в Вознесенском монастыре на 25 учеников, которых обучали русской грамоте и монгольскому языку. В 1730 г. в ней было 30 учащихся, в 1736 г. — 70. С 1737 г. эта школа стала русско-славянской, в 1740—1746 гг. — латино-русской. По просьбе архиепископа Иркутского латынь стал преподавать следовавший в ссылку на Камчатку за участие

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 84—85.

² Там же. Л. 86.

³ Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 53.

⁴ Зольникова Н. Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 116.

в оппозиции к Бирону Павел Малиновский — бывший префект славяно-латинской школы сначала в Киеве, затем в московском Ипатьевском монастыре¹.

В Вятской епархии школа для обучения детей духовенства действовала с 1723 г. В ней 35 человек изучали азбуку, часослов, букварь, псалтырь, учились писать. Назначенный в 1733 г. епископом Лаврентий Горка решил организовать славяно-латинскую школу и просил Киево-Могилянскую академию прислать учителей, потребовав от церквей и монастырей выделить средства на содержание школы, в которой предполагал обучать не только детей духовенства с 7 лет, но и детей приказных и посадских людей. Духовенство противилось введению латинского языка: «де сие учение не на пользу нам есть, паче же и противное церкви, понеже де мы латин гнушаемся, а они (учителя латинской школы) своим учением с латынами в сообщение нас хотят привести»². В конце 1734 г. Лаврентий Горка отправил рассыльных и приставов для сыска детей, укрывающихся от обучения, приказал вязать их и заковывать в колодки в случае сопротивления. К 1735 г. было собрано 400 человек от 7 до 25 лет. Учителя латинского языка Финицкий и Лищинский прибыли из Киева.

Умеющих читать и писать отправляли в латинскую школу, неграмотных — в славяно-российскую, учиться «читать в твердости и писать». Наряду со школой направляли дьяконам и причетникам города, в монастыри, к отцам для обучения грамоте, чтобы те потом представили их в латинскую школу. После смерти Лаврентия в 1737 г. учителя латинского были настолько не уверены в своем дальнейшем существовании, что решили бежать, вслед за ними разбежались и 159 учеников. Новому епископу Вениамину пришлось возвращать беглецов, предпринимая суровые меры³.

В свете этих данных действия Татищева по привлечению детей духовного сословия в горнозаводские школы Урала, безусловно, следует расценивать положительно. По его инициативе дети духовенства в гораздо большем количестве по сравнению с архиерейскими школами обучались грамоте. Заводские власти, земские властные

¹ Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири... С. 54.

² Цит. по: Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 37.

³ Там же. С. 36—37.

структуры буквально «вылизывали» подведомственную территорию, выискивали укрывающихся, контролировали выполнение своих распоряжений о зачислении детей для обучения, следили, чтобы ученики «не затерялись» при переводе их из одной школы в другую. Кампании по сбору детей для обучения на горнозаводском Урале были систематическими в отличие от кампаний духовного ведомства, проводились ежегодно и не по одному разу и дали внушительный результат.

Более результативными были усилия Татищева по привлечению детей духовенства в латинскую школу: как показано выше, систематически, по мере обучения грамоте, ученики переводились из словесных школ в латинскую. Организации последней Татищев уделял много внимания. В школу были назначены знающие учителя: немец из Марбурга Лаврентий Сехтинг, подысканный Академией наук, и Кириак Кондратович, выпускник Киево-Могилянской академии, бывший преподаватель семинарии в Переяславле-Залесском, переводчик при Феофане Прокоповиче. Судя по школьным ведомостям, аттестатам учеников и учителя Кондратовича, некоторые дети церковнослужителей в Екатеринбурге были обучены «до логики и физики, другие же обучали грамматику и читали Библию латинскую и рускую и делали ломаные латинские стихи, при чем толкована их церковная и гражданская история»¹.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. Л. 436.

ФОРМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.*

Вопрос о профессиональном обучении в горнозаводских школах Урала представляет большой научный интерес. Эти школы — первые в России учебные заведения, в которых была предпринята попытка соединить общее образование с профессиональным, чтобы ускорить подготовку квалифицированных кадров. Именно для них впервые была разработана В. Н. Татищевым программа профессионального обучения, определены его методы, сформулированы некоторые принципы, действующие и в наши дни. Благодаря подготовке в школах нескольких сотен учеников удалось в короткие сроки решить проблему подготовки кадров для промышленности, превратить Урал в главный металлургический центр страны.

Н. В. Нечаев, автор первой монографии, посвященной горнозаводским школам Урала, выдвинул тезис об использовании четырех способов профессиональной подготовки школьников: 1) введение в программы специальных предметов; 2) параллельное обучение ремеслам во время практических занятий; 3) прикрепление подростков к специалистам в качестве учеников; 4) временное использование школьников для выполнения заводских работ¹.

К сожалению, ни один из этих способов не получил достаточного освещения в литературе. Остается неясным, какой удельный вес занимал каждый из них в профессиональной подготовке будущих работников заводов, какому способу принадлежала ведущая роль и почему².

* Ранее опубликовано в кн.: Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма: Сб науч. трудов. Свердловск, 1989. С. 71—86.

¹ См.: Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 5.

² См. подробнее об этом: Сафронова А. М. Советская историография о роли горнозаводских школ Урала в формировании кадров промышленных предприятий в XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение. Свердловск, 1986. С. 51—62.

Учитывая ограниченные возможности статьи, рассмотрим лишь один из способов — подготовку учащихся к будущей деятельности по обслуживанию заводского производства путем организации практических занятий.

В литературе нет четкого указания на время введения таких занятий. Н. К. Чупиным были опубликованы выдержки из наказа заводскому комиссару Ф. Неклюдову от 15 октября 1723 г., касающиеся направления школьников в послеобеденное время к мастерам для обучения ремеслам¹. Эти же выдержки со ссылкой на Чупина были воспроизведены и Н. В. Нечаевым, при этом наказ ошибочно датирован декабрем, а не октябрем 1723 г., а авторами его названы В. Н. Татищев и В. И. Геннин², хотя Чупин убедительно доказал принадлежность наказа Татищеву, Геннин лишь официально утвердил его. Поскольку этим документом вносилось много нового в деятельность школ, вопрос об авторстве имеет принципиально важное значение.

Никак не прокомментировав положений наказа 1723 г., Нечаев сообщает: «С 30-х годов для учащихся параллельно с прохождением соответствующего школьного курса были установлены практические занятия»³. Возникает вопрос, к какой же форме подготовки относил Нечаев занятия, введенные в 1723 г.?

По мнению В. Н. Будрина, Татищев «завел в школах производственную практику», издав «Учреждение» 1736 г. Он первым процитировал этот документ, опубликовал расписание занятий, прилагавшееся к нему⁴. А. А. Буров, отождествив наказ комиссару Ф. Неклюдову 1723 г. с наказом Т. Бурцеву 1721 г., включил в последний положения об обучении школьников ремеслам, отсутствовавшие в нем, и полагал, что такое обучение было введено Татищевым с самого начала действия школ⁵.

¹ См.: Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882. Вып. 1. С. 17.

² См.: Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала... С. 42—78.

³ Там же. С. 79.

⁴ См.: 100 лет горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948. С. 20—21; Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы 2-й науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 65—66.

⁵ См.: Буров А. А. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л., 1957. С. 61.

Никто из исследователей не задавался вопросами, на какую категорию учащихся распространялись положения нормативных документов о практических занятиях, во всех ли школах они действовали, насколько полно были претворены в жизнь. И наказ 1723 г., и «Учреждение» рассматривались как исполнявшиеся неукоснительно и, по сути, производилось отождествление их предписаний с самой действительностью.

Изучение архивных документов, отложившихся в результате деятельности школ, приводит к выводу, что практические занятия по обучению школьников ремеслам начались в 1723 г., но введение их следует связывать не с наказом Неклюдову, изданным осенью 1723 г., а с другим, более ранним документом, обнаруженным нами в фонде «Уральского горного управления» ГАСО — «Росписью школьникам, кто в какую науку определен», составленной В. Н. Татищевым 8 февраля 1723 г.¹ Согласно «Росписи», 7 учащихся Уктусской арифметической школы направлялись к мастерствам: И. Грамотчиков и Л. Грамотчиков — к меховому, И. Столов — к доменному, С. Козырев и И. Мизинов — к фурмовому, И. Кулемин и П. Чернавский к плотинному делу, А. Попов — в ученики к лекарю, им назначалось жалованье по 90 и 75 коп. в месяц². Всем ученикам предписывалось быть «после обеда у своих ремесел», «а до обеда... в школе, доколе геометрию докончают» На «Росписи» имеется собственноручная резолюция В. И. Геннина: «быть посему, и о том послать указ комиссару Бурцову».

К сожалению, сохранившиеся дела не позволяют проследить организацию этих занятий. В записной книге Исетских заводов за июнь 1723 г. зарегистрированы челобитная «уктусских заводов школьников и мехового дела учеников» И. и Л. Грамотчиковых «о прибавке жалованья»; «сведение» учителя П. Рыбникова на запрос об их успехах в школе, что они «науку приняли и знают твердо»; резолюция начальства: «Определить их к меховому мастерству»³.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23а. Л. 635.

² Это распоряжение распространялось и на двух выпускников Московской артиллерийской школы, направленных к «мастерствам» вместе с уктусскими учащимися.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 27 об, 36.

Из этих записей ясно, что Грамотчиковы почти полгода проходили параллельное обучение в школе и на производстве, а летом 1723 г. окончательно перешли в разряд заводских учеников. В мае 1725 г. Л. Грамотчиков стал подмастерьем¹. В 1724 г. И. Мизинев изучал фурмовое дело, С. Козырева же в 1725 г. перевели в «молотовые подьячие». И. Столову вместо обучения доменному делу в 1724 г. пришлось вести учет работ на строительстве уктусской плотины².

В октябре 1723 г. Татищевым был разработан наказ Ф. Неклюдову, 15 октября утвержденный Генниным и врученный комиссару для исполнения³. В нем вопрос о параллельном обучении школьников ремеслам был разработан Татищевым уже на нормативном уровне, с учетом, видимо, первого опыта Уктусской школы. Наказом утверждалась более широкая сеть школ при заводах.

Наряду со школами при Уктусском и Алапаевском заводах они должны были открыться при Каменском и новом Екатеринбургском. В Екатеринбург планировалось перевести и арифметическую школу с Уктуса, так как в двух близлежащих центрах не было достаточного количества грамотных детей.

«Когда которые возрастныя обучатся геометрии, — говорилось в наказе, — оных немедленно определять в работы, к каким делам кто охоту возымеет и место есть»⁴. Поскольку обучение геометрии предполагалось проводить только в Екатеринбургской арифметической школе, даже после постепенного открытия арифметических школ при других заводах, можно говорить, что и профессиональную подготовку планировалось ввести лишь в этой школе, причем для небольшой группы учащихся, закончивших обучение геометрии, а не приступивших к ней, как это было сделано в феврале 1723 г.

В наказе закреплялся принцип соединения этой профессиональной подготовки с дальнейшим изучением школьных дисциплин:

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 37 об. — 38.

² Там же. Оп. 2. Д. 147. Л. 41; Оп. 1. Д. 76. Л. 425; Оп. 2. Д. 147. Л. 61; Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 132 об.

³ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 57. Л. 28 — 31.

⁴ Здесь и далее текст наказа цитируется по: Чупин Н. К. Сборник статей... С. 17.

«И у тех работ быть им после обеда, а до обеда ходить в школу, доколе окончат науку». Поскольку после изучения геометрии ученики приступали к учению черчения, а затем «знаменованию», обучение ремеслам должно было сочетаться с этими специальными предметами.

В наказе Татищев впервые сформулировал положения о развитии сознательного подхода к обучению ремеслам у школьников, о взаимосвязи школьной и производственной «науки»: «велеть ученикам, когда которой к работе придет, не токмо присматриваться, но и руками по возможности применяться о искусстве ремесла, в чем оное состоит, внятно уведомиться и рассуждать, из чего лучше или хуже может быть, которое мастера ремесл должны им открывать. А учителям следует показать ученикам, как принадлежащие к тому чертежи начертить, старые смиривать и счерчивать и вновь, что потребно, прибавливать или убавливать».

Обращает на себя внимание призыв Татищева учитывать склонности и физические возможности детей при выборе ремесел: «определять в работы, к каким делам кто охоту возымеет и место есть», распределять «возрастных», «малолетних» же «до удобности к работе» учить чертить и «знаменовать». Это, безусловно, являлось положительным моментом и, с одной стороны, облегчало овладение сложными профессиями, с другой — предотвращало огромную физическую перегрузку малолетних школьников.

Татищевым предусматривались меры заинтересованности учеников в профессиональном обучении: приступившим к нему должны были платить вознаграждение «до сущей работы» по 60 коп. на месяц, или 7 руб. 20 коп. в год. Это примерно половина оклада токаря, слесаря, кузнеца; несколько меньше оклада заводских учеников при плотине (10 руб.), домне, литейной (12 руб.), занятых полный рабочий день. «Ежели где у ремесла опростается место подмастерское или работничье, оных учеников» предписывалось «производить прежде других и оных оклад давать им, дабы чрез то к науке лучшую охоту возымели».

Эти положения наказа явились первой в истории России программой соединения общего образования с профессиональным обучением на школьной скамье. В ходе изложения ее Татищев впервые сформулировал четыре важнейших принципа профессионального

обучения, используемых и поныне — введение практических занятий на определенной стадии общеобразовательной подготовки, установление по возможности тесных взаимосвязей между школьными и практическими занятиями, учет склонностей и физических возможностей детей при определении к ремеслам, использование таких методов заинтересованности в обучении, как введение оплаты ученического труда, преимущественного распределения учащихся на вакантные места.

Претворялась ли эта программа в жизнь? Ведь известно, что после отъезда Татищева с Урала в ноябре 1723 г. многие его начинания не получили развития, в частности, в отношении устройства новых школ.

Прежде всего, выясним, какая же часть учащихся Екатеринбургской арифметической школы могла приступить к практическим занятиям, т. е. успела обучиться геометрии и начать изучение черчения, «знаменования» до распределения к делам, которое производилось по мере надобности заводов, независимо от окончания «наук».

В марте 1725 г., судя по рапорту учителя, из 31 ученика только 1 находился «во окончании геометрии», 8 — «в геометрии», остальные — «в арифметике»; к сентябрю 1725 г. из 42 учеников 3 были «в геометрии», 24 — «в арифметике», 15 «писали в разных конторах»; в июне 1726 г. «в тригонометрии» — 2, «в геометрии» — 9, в арифметике — 27; в декабре 1727 г. «в окончании геометрии» — 1, «в геометрии» — 3, «в арифметике» — 15¹.

Хотя штатным расписанием заводов 1733 г. была предпринята попытка упорядочить соотношение учащихся Екатеринбургской школы, находящихся «в разных науках» — при 25 изучающих арифметику полагалось иметь 15 «в геометрии», 10 — «в чертежах и рисовании ручном», — в мае и октябре 1734 г. на 28 «арифметических» приходилось 2 «геометрических» и 4 «чертежных» ученика².

Таким образом, для планируемых наказом практических занятий контингент учащихся фактически отсутствовал: в конце 1725 — начале 1726 г. это мог быть один человек, в середине 1726 г. — двое,

¹ См.: Чупин Н. К. Сборник статей... С. 18. Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала... С. 72, 85; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 10. Л. 92.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 506. Л. 93 об.; Д. 450. Л. 212 — 214.

в 1734 г. — четверо. Потребность заводов в грамотных людях опережала темпы их подготовки в школах: в 1723 г., по нашим подсчетам, к делам было распределено 17 человек, в 1724, по отрывочным данным, — 6, в 1725 г. — более 10 человек. Нередко распределяли наиболее подготовленных школьников. Так, приговором заводского начальства от 30 января 1725 г. предписывалось «взять из школы, которые во окончании геометрии, двух человек и обучать их чертежам и для смотра, чтоб заводское хоромное и прочее строение строилось по чертежу и выучить их, чтоб по чертежу все места в Екатеринбурхе знали». В ноябре 1725 г. Екатеринбургская заводская контора потребовала школьника, «которой наукою выше арифметики и геометрических чертежей обучен для отсылки к доменному делу»¹.

Те учащиеся, которые в 1720-х — первой половине 30-х гг. были «в высших науках», вместо практического обучения ремеслам постоянно использовались для помощи в составлении чертежей заводов, рудников, дорог. В июле 1729 г. в связи с составлением чертежей для отсылки в Сенат обер-бергamt разрешил берггешворену М. Кутузову и вице-маркшейдеру В. Горчакову «для вспоможения в том деле и работы брать... школьников в арифметике и геометрии обретающихся по своему рассмотрению, которые к тому угодны будут»².

Летом 1730 г. двое школьников в течение месяца пробыли с Кутузовым на Каменском заводе «для описания» запасов руды, леса, мест их расположения; осенью того же года один из учеников был откомандирован с ним на Уткинскую пристань «к размерению» будущих строений. В марте 1732 г. С. Шилов помогал измерять дорогу от Екатеринбурга до Сысерти, в апреле он же был послан «для осмотру и описи найденной в Уфимском уезде медной руды».

В 1734 г. размежеванием городов и сел в Кунгурском уезде вместе с маркшейдером А. Татищевым занимался ученик «из черчения» И. Бортников. В 1735 г. школьники помогали переводить ранее сделанные чертежи заводов и рудников «в один формат» для включения в «описание заводов» Геннина и т. д.³

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 10 — 10 об.; Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 208.

² Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 198. Л. 243.

³ Там же. Оп. 1. Д. 220. Л. 308 — 309, 313; Оп. 12. Д. 205. Л. 339 об.; Ф. 38. Оп. 1. Д. 13. Л. 28 об.; Оп. 12. Д. 214. Л. 188 — 189. Д. 222. Л. 89 — 90. Как удалось установить позднее, чертежи копировались и составлялись в одном формате для

После возвращения Татищева на Урал в середине 1730-х гг. он вновь обратился к проблеме профессиональной подготовки учащихся. Положения, сформулированные в наказе 1723 г., получили дальнейшее развитие в уставе, разработанном в ноябре 1736 г. для учителей — «Учреждении, коим порядком учителя русс ких школ имеют поступать»¹.

В нем Татищев обосновал необходимость профессионального обучения уральских школьников: «для собственной своей пользы, чтоб в чины правления происходить, и для пользы заводов, чтоб искусством надлежасчую услугу показывать и вновь пользы изобретая приносить могли...». Впервые дал перечень, каким «искусствам и ремеслам» обучать школьников. Среди «искусств» он выделял четыре: «яко 1) и главнейшее есть, руды по их внешнему виду познавать и внутреннее содержание испытывать или пробовать и уведывать; 2) подобное сему механика, то есть хитродвижность, чрез которую научиться силу машин вычитать, оные вновь сочинять и с пользою в действо приводить; 3) архитектура, или учение строений, чрез что искусство приобретет, как всякое строение покойно и способно к намеренному употреблению заложить, крепко строить и с пристойною вида красотою отделать; 4) наука знаменования и живописи, к той же архитектуре и протчим наукам и ремеслам в помощь весьма полезна, понеже она всех природных вещей сущую подобномерность в членах разуметь и паче свет и тень различать поучает. И сии все от нижнего ремесленника и до вышнего начальника каждому полезны и нужды».

Среди ремесел, необходимых всем будущим работникам заводов, «особливо ремесленникам», он выделил также четыре — «каменья резать и грани», токарное, столярное, паяльное; более детально обосновал их пользу — не знающие камнерезного мастерства, «добывая

«исторической книги», задуманной В. Н. Татищевым. См. об этом: Сафронова А. М., Цеменкова С. И. Подготовка чертежей казенных и частных заводов Урала по заданию В. Н. Татищева в 1735—1738 гг. для «исторической книги»: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 333—357.

¹ См.: Демидова Н. Ф. Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах // Ист. арх. 1950. Т. 5. С. 166 — 178.

руды, достают различные камни, которые иногда многократно дороже стоят, нежели руды 1000 пуд, но за незнанием бросают»; токарное мастерство «как собственно каждому, так наипаче при заводах нужно и полезно», столярное и паяльное — «механикам и другим многим мастерам нужны, и если б кто сам работать не хотел, чрез оное удобнее о деле или сочинении рассказать и ремесленника научить может».

Если по наказу 1723 г. профессиональное обучение должно было проводиться только в Екатеринбургской школе, то согласно «Учреждению» оно распространялось на все учебные заведения, действующие и намеченные к открытию в ближайшем будущем. Его введение ставилось лишь в зависимость от наличия способных людей: «при всех заводах, где искусные учителя или такие ремесленники есть... обучать».

Татищев пошел и на значительное расширение круга детей в школах, охваченных производственным обучением. Как ясно из приложения к «Учреждению», оно должно было распространяться не на небольшую группу подростков, приступивших к «высшим наукам» в арифметической школе, а на учащихся всех словесных, арифметических школ, Екатеринбургской знаменованной («русских школ», на которые распространялось «Учреждение»), за исключением церковнослужительских детей: «понеже церковничьим детям не столько нужно вышеобъявленные ремесла, того ради их некоторым, яко столярному, токарному, пробирному, пояльному, весьма не учить, разве сам кто к чему охоту возьмее...».

Была резко снижена и та общеобразовательная ступень, с которой приступали к изучению ремесел — сразу же после овладения чтением, наряду с продолжением обучения письму, с началом изучения цифр и пения.

Вместо простого деления учебного дня на две части — дообеденное время в школе и послеобеденное, отведенное ремеслам, как это определялось наказом 1723 г., «Учреждением» вводилось почасовое расписание занятий: «розделя время по одному часу хотя и всякой день с переменами обучать, так, чтоб некоторые приходили в ту или другую науку до полудни, а другие после полудни, дабы учителя в наставлении могли исправляться и ученики за множеством напрасно не гуляли; но чтоб всякой учитель знал, в которой день и час кто у него обучаться имеет, должен главной той школы начальник роздать

всем оным росписи, как приложенные при сем примерные табели показывают». Введение расписания занятий являлось важным новшеством не только для уральских школ — в большинстве начальных школ России первой половины XVIII в. расписание не применялось, предметы изучались один за другим, последовательно.

В публикации текста «Учреждения» Н. Демидовой приложения отсутствуют. Расписание занятий, которым Татищев сопровождал «Учреждение», было введено в научный оборот В. Н. Будриным, но никем из исследователей не использовалось. В ГАСО оно было обнаружено нами в фонде Уктусского завода как приложение к «Учреждению», высланному для Уктусской словесной школы в феврале 1737 г.¹

Согласно расписанию, учащиеся словесных школ должны были ходить на практические занятия два дня в неделю: во вторник с 10 до 12 часов обучаться токарному; с 14 до 16 — столярному; в четверг с 10 до 12 — пробирному делу, параллельно с обучением в школе письму, «письму цифр» и пению.

Учащиеся арифметических школ делились на 2 группы — изучающие арифметику и геометрию. Занятия ремеслами для них должны были проводиться ежедневно, как в утренние, так и в вечерние часы, кроме второй половины дня в среду и субботу — для «арифметических» с 8 до 10 и с 16 до 17, «геометрических» с 10 до 12 и с 14 до 16 часов. «Арифметические» дважды в неделю по 2 часа должны были знакомиться со столярным, токарным и пробирным делом, один раз — с гранильным и паяльным. «Геометрические» продолжали ходить к токарному, столярному, паяльному ремеслам (по разу в неделю на 2 часа) и дважды в неделю — к пробирному.

Для учащихся арифметических школ профессиональное обучение должно было сочетаться с изучением специальных предметов на школьной скамье — для «арифметических» учеников вводилось знаменование (дважды в неделю по 2 часа), для «геометрических» — знаменование, архитектура (по 2 часа), механика (2 раза в неделю по 2 часа).

Такая программа занятий отличалась большой продуманностью. Наблюдалась преемственность в обучении столярному, токарному,

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 48. Л. 163—163 об.

паяльному делу у «словесных», «арифметических» и «геометрических» школьников, в словесной школе — знакомство с ними, с переходом к арифметике объем занятий увеличивался вдвое, для «геометрических» — уменьшался, кроме пробирного дела. Пробирному делу как мастерству более сложному в арифметической школе уделялось вдвое больше внимания, чем в словесной.

Устанавливалась тесная взаимосвязь между практическими и школьными занятиями, они удачно дополняли друг друга, усложнялись по мере перехода к следующей ступени обучения.

Такой распорядок занятий преследовал цель — дать возможность всем ученикам обучиться ремеслам. При этом Татищев не отказался от учета склонностей самих ребят, предоставляя им в последующем свободу выбора: «А когда кто к чему большую охоту и способность явит, тогда ему к той науке более времени допустить, а в другом убавить или весьма отставить»¹.

Для ведения практических занятий предписывалось «инструменты и потребные материалы неоскудно заготовлять и в готовности иметь казенное», при этом «смотреть», чтоб школьники «что-нибудь к заводам или на продажу годное делали, чтоб употребленные припасы напрасно не пропали»². Таким образом, получение производственных навыков, необходимых школьникам в будущей профессиональной деятельности, должно было осуществляться путем участия их в производственном процессе, пусть на вспомогательных ролях, а само проведение занятий приносить двойную пользу для заводов — ускорять подготовку квалифицированных кадров, способствовать изготовлению дополнительной продукции.

Характерно, что в «Учреждении» Татищев опустил два важных вопроса, затронутых ранее в наказе 1723 г. — о возрасте обучающихся ремеслам и оплате их труда. По-видимому, он полагал, что «мастерства», вводимые «Учреждением», могут усвоить все ученики, а материальная заинтересованность в условиях привлечения к ремесленному обучению всех детей — излишняя. Но поскольку в проекте Заводского устава, инструкции И. Юдину, отвечающему за деятельность школ, Татищев на нормативном уровне закрепил свои взгляды на раннее обучение детей, предписывая брать их

¹ Ист. арх. 1950. Т. 5. С. 173.

² Там же.

в школу с 7-летнего возраста, и иногда «по состоянию ребенка» ранее, с 5—6 лет, а в этих документах, «Учреждении» предложил новые методы обучения детей, призванные сократить процесс овладения грамотой по времени, поэтому для многих учащихся словесных школ переход к овладению ремеслами мог оказаться затруднительным из-за малого возраста. Учитывая это, следует признать, что отсутствие в «Учреждении» положений о возрастной готовности детей к ремесленному обучению являлось существенным недостатком рассматриваемого документа.

Хотя в «Учреждении» не оговаривались вопросы ответственности за проведение практических занятий, ясно, что основная роль в их непосредственной организации, контроле за осуществлением возлагалась на И. Юдина, главного межевщика, которому поручался надзор за школами от имени Канцелярии, на заводах за это должны были отвечать надзиратели работ.

В конце 1736 — начале 1737 г. «Учреждение» было разослано по заводам, где действовали школы, копии его вручены учителям. Но, судя по переписке Канцелярии с конторами, надзирателем екатеринбургских школ, не все его положения полностью претворялись в жизнь. Потребовались неоднократные напоминания о высылке ведомостей об успехах учащихся, повторные предписания о необходимости параллельного обучения чтению и письму. Как же обстояло дело с выполнением положений о профессиональном обучении?

Следует отметить, что документов, содержащих прямые указания на проведение коллективных практических занятий, почти нет. 25 июня 1737 г. Татищев, получивший еще одно назначение — на пост руководителя Оренбургской экспедицией, перед отъездом в Самару оставил членам Канцелярии «наставление» о ведении дел. В 15-м пункте его, посвященном школам, отмечалось: И. Юдин «весьма слаб и болен, из которого видно, что учреждения о учении ремесла, яко пробовальному, гранильному, токарному до днесь, почитай, никто не обучаетца, а в русской школе весьма мешкаледно учат»¹. Это единственный за 30—40-е гг. XVIII в. документ, содержащий оценку состояния практических занятий в горнозаводских школах. В достоверности его сомневаться не приходится. И можно констатировать, что по прошествии 7 месяцев с момента издания

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 98.

«Учреждения» проведение коллективных занятий по обучению ремеслам налажено не было, имело место профессиональное обучение лишь отдельных подростков. Кого же Татищев имел в виду?

Первые распоряжения о параллельном обучении учащихся школ мастерствам были изданы Канцелярией еще в 1735 г., до разработки «Учреждения», в связи с вызовом из Тобольска на смотр в Екатеринбург недорослей, отцы которых уже служили при заводах, и прибытием оттуда молодых людей, выразивших собственное желание «определиться к горным делам».

6 марта 1735 г. сыновей бригадира В. Сухарева, отставного дьячка Е. Пупкова, лекаря В. Макса приказано было учить арифметике, рисованию, пробирному делу, а «смотреть над ними» учителю Екатеринбургской арифметической школы Н. Каркадинову и отвечавшему за работы с пробами доктору Я. Грифу. 19 марта аналогичное распоряжение последовало в отношении дворянина М. Аврамова, отец которого служил надзирателем припасов на Каменском заводе, 26 марта—по поводу прибытия сына подполковника А. Текутьева¹.

Уже после издания «Учреждения» в январе-феврале 1737 г. к обучению арифметике, геометрии, рисованию, пробирному делу были определены прибывшие по собственному желанию из Тобольска офицерские дети В. Суворов и А. Порецкий. Последний, по сути, был переведен из Тобольской гарнизонной школы в Екатеринбургскую арифметическую².

Маем 1737 г. датируется прошение ученика немецкой школы Петра Степанова об определении его учеником пробирного дела с полагающимся по штату жалованьем. Он сообщает, что изучил: «1) пробирное дело, кроме золотых проб, а золотым пробам не обучался для того, что золотых руд здесь при лаборатории не имеется, 2) к тому ж надлежасчем пробирному делу обучил гончарное, 3) арифметик, 4) ныне обучаюсь немецкого языка, 5) геометрии, 6) рисования»³. По свидетельству Я. Грифа, «он пробовательному и гончарному делам своею прилежностью обучался, и ныне он проб

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 61; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 218. Л. 35, 172—173.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 134—136.

³ Там же. Л. 470.

всех руд, кроме золотых, знает, и неоднократно всякия пробы и сам делывал, и к тому делу он искусство имеет». По отзывам учителей немецкой, знаменованной школ, учителя арифметики Степанов преуспел и в школьных науках, стал лучшим учеником немецкой школы. Резолюцией Канцелярии от 11 июня 1737 г. он был зачислен в штат на место пробирного ученика с жалованьем 12 руб. в год с предписанием — «наукам обучаться по-прежнему радетельно, предусекая к окончанию дальших»¹. Характерно, что и после зачисления штатным учеником пробователя он состоял в списках учащихся немецкой школы вплоть до второй трети 1738 г.

В рапорте об успехах учащихся Егосихинской словесной и арифметической школ за последнюю треть 1736 г., присланном из Пермского горного начальства в Канцелярию, имелись сведения об обучении мастерствам двух учеников: Г. Симонова — гончарному параллельно с чтением и С. Рябова — пробирному параллельно с письмом прописей и арифметикой². Можно предположить, что в 1735—1737 гг. имели место и другие случаи параллельного производственного обучения отдельных школьников, сведения о которых так и не попали в документы, или они существовали, но не сохранились.

Отсутствие четкой организации коллективных практических занятий школьников Татищев связывал с болезнью И. Юдина, который кроме школ занимался и многими заводскими делами, в частности межеванием, ежедневно участвовал в решении канцелярских дел. Поэтому Татищев и предписал в «наставлении» 25 июня 1737 г. членам Канцелярии «прилежнее самим надзирать» за школами и товарища Юдина — М. Кутузова «к смотрению того понуждать»³. 30 июня 1737 г. «наставление» Татищева слушалось в Канцелярии, было вынесено решение «о смотреии над школами... чинить по тому пункту (15-му. — А. С.)»⁴.

По-видимому, после этого были предприняты меры по приведению обучения в соответствие с нормами «Учреждения». Известно,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 473 — 474.

² Там же. Д. 625. Л. 174.

³ Там же. Д. 691. Л. 98.

⁴ Там же.

что 1 августа 1737 г. Юдиным было дано расписание занятий по часам в немецкую школу, составленное, видимо, им по примеру «русских» школ¹.

Данные о том, что во второй половине 1737 г. коллективные практические занятия были налажены, имеются в «Ведомости о состоянии школ ведомства Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских горных заводов 1737 г.», составленной 22 февраля 1738 г. для отсылки Татищеву в Оренбургскую комиссию². В ней указывалось лишь количество учеников в каждой из школ по основным наукам, без учета параллельных занятий, а в конце ведомости приводились сведения о том, какие науки изучают подростки в других школах и мастерских: «Арифметические ученики ходят к наукам по часам в геометрию, в токарную, столярную, гранильную, паяльную и знаменованную. Геометрические — в механику, к пробирному, токарному, гранильному, в знаменованную. Знаменованные — в арифметику, в геометрию, к токарному, столярному, паяльному, к гранильному, к пробирному... Немецкие — в арифметику, в геометрию, к токарному, столярному, паяльному, к гранильному, к пробирному, в знаменованную. Латинские — к пению, в арифметику, в геометрию, к токарному, столярному, гранильному, паяльному, в знаменованную, к пробирному».

Поскольку в итоговых записях о хождении «к наукам по часам» речь шла об учениках латинской, немецкой, знаменованной школ, которые действовали лишь в Екатеринбурге, в отношении «арифметических» сообщалось, что они «ходят в знаменованную», значит, во всех этих записях имелись в виду лишь екатеринбургские школьники и только к ним относятся данные о практических занятиях.

Судя по этой ведомости, в арифметической школе в 1737 г. было 47 учеников, в знаменованной — 6, в латинской — 34, в немецкой — 41. Но нельзя, видимо, это общее число (128 человек) механически приравнять к числу посещавших практические занятия. Из их рядов следует, наверное, исключить детей церковнослужителей, кото-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 116.

² См.: Из истории Урала: Сб. документов и материалов. Свердловск, 1971. С. 148—150.

рых в латинской школе, как это явствует из третних рапортов учителей, насчитывалось 23 человека¹, ведь их полагалось обучать ремеслам по желанию, а не по принуждению.

Налицо отступление от норм «Учреждения» — среди посещавших занятия нет учащихся словесной школы (а из 130 ее учеников большинство уже приступило к письму и должно было с этого времени обучаться ремеслам). Возможно, их не стали обязывать к этому из-за малолетства, физической неподготовленности. Зато ремеслам обучались ученики немецкой и латинской школ, не включенные в расписание занятий в 1736 г. Видимо, для них перечень ремесел был составлен Юдиным по примеру татищевского.

Но, как констатировал Юдин в своем доношении в Канцелярию в марте 1738 г., ученики немецкой школы «в тех науках не обучаются, и опасно, чтоб мне в том не причлось впредь в несмотрение»². По этому поводу члены Канцелярии определили: «В школы учителям из расписания, чтоб знали, кому у кого и каким наукам и в которые часы учить велено, дать росписи, оным для тех наук в указанные дни и часы приходить безотговорочно и учить неленостно. И для того их, кто какой науке обучится, свидетельствовать учителям каждогомесячно»³. Поскольку Юдин жаловался лишь на ректора немецкой школы, видимо, в других школах в марте 1738 г. расписание занятий соблюдалось и решение Канцелярии лишь подчеркивало необходимость его выполнения для всех школ.

В РГАДА нами обнаружена «Ведомость о состоянии школ... 1738 года», посланная 26 июня 1739 г. в Генерал-Берг-директориум⁴, аналогичная по содержанию ведомости за 1737 г. В делах школьного поветья Канцелярии в ГАСО имеются черновые отпуски ведомостей о состоянии школ за 1741, 1742 гг.⁵ Почти в одинаковых выражениях в них приводятся сведения о посещении практических занятий учащимися арифметической, знаменованной, немецкой, за 1738 г. —

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 694. Л. 316—325.

² Там же. Д. 760. Л. 116.

³ Там же. Л. 117.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1075. Л. 298 — 301.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. Л. 326 — 332, 399 — 404.

и латинской школ (в 1741 г. последняя была закрыта). Поскольку в этих школах в 1738 г. обучался 131 человек, в 1741 — 112, в 1742 — 110, можно предположить, что профессиональные навыки получала значительная часть учащихся. Лишь в отношении детей подьячих оговаривалось, что они «по часам» ходили к пению, и видимо, практические занятия для них были необязательны.

За последующие годы отпуска отчетных ведомостей, посылавшихся в центральные органы, в делах ГАСО не сохранились, подлинники их в фонде Берг-коллегии в РГАДА обнаружить пока не удалось, другие виды источников о коллективных практических занятиях умалчивают.

Возникает вопрос, почему же такое массовое явление, как обучение екатеринбургских школьников в заводских мастерских, на протяжении ряда лет не получило отражения ни в одном из тысяч сохранившихся документов школьного похозяйства уральской Канцелярии, ни в одном из протоколов ежедневных заседаний заводского начальства? Можно ли в связи с этим доверять данным отчетов о проведении практических занятий, не включались ли они ради рапорта о выполнении предписанного порядка?

На наш взгляд, сведения отчетов можно считать соответствующими действительности. Вряд ли отвечавший за деятельность школ И. Юдин мог решиться на составление фальсифицированных документов, а члены Канцелярии их утвердить, тем более что причины для фальсификации отсутствовали — Генерал-Берг-директориум следил лишь за присылкой ведомостей в срок, содержание их не анализировал, введения практических занятий никогда не требовал, следовательно, и выговора за их отсутствие не дал бы.

В пользу достоверности ведомостей свидетельствует и наличие расхождений в их информации о практических занятиях с положениями «расписания» — это и отсутствие обучения ремеслам в периферийных горнозаводских школах, в Екатеринбургской словесной, отказ от обучения «арифметических» школьников пробирному делу, «геометрических» — паяльному и столярному, архитектуре. Эти расхождения можно истолковать как отражение в отчетах реальных отступлений от предписанного порядка.

Умолчание же других видов источников о практических занятиях школьников объясняется, на наш взгляд, рядом причин. Прежде

всего, тем, что вопросы контроля за их проведением не были разработаны на нормативном уровне — подачи каких-либо отчетов от мастеров, И. Юдина о проведении занятий Канцелярия не требовала. Выделения дополнительных средств на закупку «припасов» для занятий, оплату труда мастеров, школьников не предусматривалось, поэтому сведения о занятиях отсутствовали и в учетной документации финансового характера. Уместно будет отметить, что о большинстве случаев временного использования школьников в заводских работах мы узнаем из их ходатайств о дополнительной оплате работ, решений Канцелярии по ним, приходно-расходных ведомостей денежной казны, ведомостей о «цене заводов».

Следует учесть и тот факт, что в протоколах Канцелярии за 1735—1750 гг. зафиксировано более 30 определений о параллельном обучении некоторых учеников екатеринбургских школ «резьбе чеканов» (1737), «ремеслам при конторе денежного дела» (1737), гранению камней (1741), маркшейдерству (1742, 1745, 1749), пробирному делу (ежегодно)¹. Но информация о прохождении этого производственного обучения в других документах встречается лишь в единичных случаях, связанных с окончательным распределением этих учеников к делам.

Судя по комплексу протоколов Канцелярии, сохранившихся полностью, вопрос о групповых практических занятиях после 1737—1738 гг. был вновь включен в повестку дня лишь в сентябре 1748 г. — заслушивалось доношение надзирателя екатеринбургских школ Ф. Санникова, поданное в апреле, «которым представляет, что находящихся в здешних школах учеников обучать по силе «Учреждения» о школах по класом руды познавать и пробовать, механике, архитектуре, камень резать и гранить, токарному, столярному и паяльному, объявляя, что оные мастерства за одно школьное жалованье содержатся быть могут, также про заводской расход и на продажу совершенно будут исправляемы»².

К сожалению, подлинное доношение Санникова утрачено, но и из протокольной записи ясно, что в 1748 г. практические занятия

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 212, 281 — 283; Д. 907. Л. 251; Д. 952. Л. 190 — 192; Д. 1076. Л. 406 — 407; Оп. 12. Д. 218. Л. 35, 172—173; Оп. 1. Д. 692. Л. 134 — 136; Д. 1128. Л. 392 — 394; Оп. 12. Д. 362. Л. 215; Д. 372. Л. 36; Д. 385. Л. 99 — 100 и др.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 380. Л. 183.

не проводились. Санников попытался восстановить их, при этом пошел дальше в разработке их организации — предложил за счет школьников удовлетворить потребности заводского производства в пробе руд, токарных, столярных, паяльных работах, изготавливать изделия и на продажу.

Подчеркнем, что лишь по прошествии 5 месяцев члены Канцелярии заслушали это представление и постановили: когда из Берг-коллегии резолюция на доношение о новом штатном расписании школ будет прислана, тогда и вопрос этот рассматривать, а «до того должно при школах во учении детей поступать по силе данного наставления... Татищева, а после того сообщенным учреждениям непременно...»¹. Поскольку «наставлением» Татищева как раз предписывалось соблюдать расписание о параллельном обучении ремеслам школьников, такое «решение» Канцелярии следует классифицировать как увертку, нежелание поддержать инициативу надзирателя школ.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о профессиональной подготовке уральских школьников путем организации практических занятий, прежде всего следует отметить, что вопрос этот был глубоко проработан Татищевым на нормативном уровне, при этом впервые были сформулированы некоторые принципы организации производственного обучения, используемые и в наши дни. Практические занятия начались в феврале 1723 г. в Уктусской арифметической школе для 7 наиболее способных в изучении математики учеников. Наказом 1723 г. такие занятия предусматривались в Екатеринбургской арифметической школе для учащихся, «приступивших к знаменованию и черчению»; «Учреждением» 1736 г. производственное обучение должно было распространиться на все словесные, арифметические школы, Екатеринбургскую знаменованную, видимо, в 1737 г. оно стало обязательным и для учащихся немецкой, латинской школ, кроме детей церковнослужителей.

В 20-е гг. XVIII в. проведение организованных занятий было лишь кратким эпизодом в жизни школ, медленно вводились они и в 30-е гг., не удалось распространить их на всю сеть учебных заведений. За 1737—1742 гг. параллельное обучение ремеслам прошли

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 380. Л. 183.

более сотни екатеринбургских школьников, что, безусловно, сыграло большую роль в подготовке их к будущей заводской деятельности. Необходимо провести дополнительный поиск документов для ответа на вопрос, когда же эта форма профессионального обучения прекратила свое существование и, исходя из этого, определить, какое приблизительно число школьников за первую половину XVIII в. успело получить производственные навыки.

В. Н. ТАТИЩЕВ И ПОДГОТОВКА МЕХАНИКОВ ДЛЯ ЗАВОДОВ УРАЛА И СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.*

В. Н. Татищев оказал столь большое влияние на развитие промышленности и культуры России, что историки еще далеки от исчерпывающей оценки значения его личности в истории. Нам хотелось бы уделить внимание одной из сфер деятельности Татищева и показать его роль в подготовке кадров механиков для российских предприятий.

Как один из образованнейших людей своего времени, ведущий специалист в области заводского строительства, Татищев прекрасно понимал значение машин для роста производительности мануфактур, а отсюда и роль механики как искусства строить машины. Будучи командированным Петром I в Швецию в 1724 г. для знакомства с ее экономикой, Татищев посетил более 70 заводов, рудников и мануфактур¹, и, судя по его письмам секретарю Кабинета Е. И. В. И. А. Черкасову, был поражен широким использованием машин на шведских предприятиях. Почти в каждом письме сообщал, какие видел «полезные машины», с кем из механиков вел переговоры о приобретении их, предлагал Кабинету, Берг-коллегии закупить машины водоотливные, для подъема руды с большой глубины, для чеканки монет, производства металлической посуды, часов, орудий, пряжи, чулок. Из-за отказа в выделении средств Татищев просил прислать в Швецию русского механика А. Нартова или другого знающего человека, который мог бы научиться делать машины, и искусных столяров и кузнецов для изготовления моделей. Не дождавшись денег и мастеров, Татищев снял чертежи наиболее важных машин².

* Ранее опубликовано с сокращениями в кн.: Урал индустриальный: Вторая регион. науч. конф. 17 декабря 1997 г. Екатеринбург, 1998. С. 40—43.

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717—1750. М., 1990. С. 129—130.

² Там же. С. 116—122, 127.

Судя по «Записке», поданной Татищевым Екатерине I о результатах поездки в Швецию (октябрь 1726), он интересовался и подготовкой в этой стране кадров для предприятий. Его внимание привлекла экономическая школа, в которой изучают математику, физику «и особливо в механике молодым людям действиями показывают. Зимой учащиеся бывают все в школах, а летом ездят по заводам, как учреждение она (отданное от меня в Кабинет е. в.) обстоятельно показывает»¹, т. е. Татищев подал даже особое представление об этой школе верховной власти.

Из 16 молодых людей, посланных из России для обучения у шведских мастеров, двое были определены Татищевым к машинному делу. Один из них — Никита Бахорев — впоследствии стал первым штатным механиком уральских заводов и первым учителем машинного дела на Урале.

Уроженец Московской губернии (отец — помещик Переяславского уезда, не имевший крестьян, лишь дворовых людей)², он с 1722 г. учился в Московской школе навигаторов у Леонтия Магницкого, автора знаменитой «Арифметики», в 1724-м по указу Петра I был переведен в столицу, в Морскую академию — первое высшее специальное учебное заведение России. В октябре 1724 г. его отобрал Татищев в числе 16 молодых людей для поездки в Швецию. В мае 1725 г. шведский король разрешил принять русских учеников, в июле они отправились из Санкт-Петербурга в Ревель, оттуда морем в Стокгольм. По договору, заключенному Татищевым с ассессором Берг-коллегии Швеции Швабом, Никита Бахорев вместе с учеником «из подлых» был определен обучаться машинному делу в Фалуне с сентября 1725 г. Все его обучение стоило 32 руб., одновременно с напарником он обучался и столярному, токарному, кузнечному мастерству за дополнительную плату (12 руб. 80 коп.), «некоторую часть механики для вычета машин обучил за свои деньги»³.

Из Швеции Бахорев в 1727 г. прибыл с аттестатом в Берг-коллегию и был определен «для апробации той науки» на Красносельский завод с прежним окладом, который получал и в Морской академии

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717—1750. М., 1990. С. 131.

² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 265. С. 262—263.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. С. 24; Оп. 12. Д. 201. Л. 46—47; Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 613.

— 27 руб. в год. За приведение в действие машин жалование было увеличено до 36 руб. В 1729 г. Бахорев был послан на Урал, в Сибирский обер-бергамт. Здесь ему поручили «для подлинного свидетельства» сделать модели водоотливных машин. С 1729 по 1732 г. Бахорев числился механическим учеником, ему было велено «присматриваться» в тех делах, чтобы быть «полным механиком», ездить на другие заводы для исправления «оных дел». Одновременно Бахорев надзирал над плотинными, меховыми, столярными и токарными мастерами. 30 ноября 1732 г. он был определен машинным подмастерьем с жалованием 60 руб. в год¹.

Начальник заводов В. И. Геннин считал необходимым быть при обер-бергамте «для дела разных машин и содержания в добром порядке пильных мельниц и протчих надлежащих заводскому и фабричных строений архитектурному механикусу» с окладом 120 руб.², в наличии же имелся по штату 1733 г. лишь машинный подмастерье Н. Бахорев.

Татищев, как никто другой понимавший значение машин для будущего российской промышленности, возглавив в марте 1734 г. казенные заводы Урала и Сибири, предпринял ряд важных шагов, чтобы расширить подготовку механиков на Урале, поднять ее на более высокий уровень.

В первой партии книг, переданных Татищевым в 1734 г. из своего собрания в пользу заводов для формируемой в Екатеринбурге библиотеки горного ведомства, восемь посвящались механике. Одна книга принадлежала перу известного немецкого архитектора и инженера Г. А. Боклера (1644—1698) — *Böckler G. A. Theatrum machinarum novum*. Nürnberg, 1703. Богато иллюстрированное собрание сочинений знаменитого немецкого механика, почетного члена ряда европейских академий Якоба Леопольда (1674—1727) «*Theatrum Machinarum*» было самым дорогим в этой партии³. Цена 7-томного собрания (18 руб. 60 коп.) в два раза превышала размер годового солдатского жалования, на эту сумму можно было приобрести в те годы 93 пуда или почти полторы тонны говядины, пуд которой стоил

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 952. С. 24; Оп. 12. Д. 201. Л. 46—47.

² Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М., 1937. С. 95.

³ См.: Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга (опыт исторической реконструкции). Екатеринбург, 2011. С. 123—125.

20 коп. Все 7 томов дошли до нашего времени, только рассредоточены по трем хранилищам: по 2 тома имеются в Свердловском областном краеведческом музее и Научной библиотеке УрФУ, 3 — в библиотеке Санкт-Петербургского горного университета.

Приняв в октябре 1734 г. заводы от Геннина, Татищев в ноябре 1734 г. назначил Никиту Бахорева машинным мастером. В штатном расписании заводов 1735 г. он числился механиком при Екатеринбургском заводе с окладом 96 руб., при Пермском горном начальстве была введена должность машинного подмастерья (48 руб. в год). При механике и подмастерье появились должности двух механических учеников с жалованьем по 12 руб. в год каждому. В примечаниях на штат Геннина, отправленный в центр, Татищев пояснял, что ранее не полагалось учеников при межевщике, механике, они же «положили», «хотя в школе всему оному обучать будут»¹, т. е. наряду со штатными учениками механики предполагалась обучать механике и лучших учеников на школьной скамье.

Не случайно Татищев в феврале 1735 г. в своем «мнении», поданном в Канцелярию Главного заводов правления, предложил ввести новые нормы жалованья учащимся горнозаводских школ в зависимости от сложности изучаемых предметов. Ученикам механики положил самое высокое, по 6 руб. в год; Канцелярия утвердила это предложение².

В своих планах по реорганизации школ, которые Татищев обдумывал в конце 1734—1735 гг., он особое внимание уделил и механике. В инструкции гитенмейстеру И. Улиху от 2 января 1735 г., посылавшемуся в Саксонию для найма мастеров, Татищев предписал нанять «механика, которой бы доброй был мафематик и мог основания механики учащимся обстоятельно и внятно показать», с жалованьем до 300 руб. в год. С Улихом было послано трое юных уральцев для определения в Лейпциге или другом городе к обучению математике, физике, рисованию, механике — А. Теряев, П. Степанов,

¹ РГАДА, Ф. 271. Оп. 1. Д. 12. Л. 487.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 65.

А. Кичигин. Четверо детей уральской администрации было отправлено в Академию наук учиться тем же наукам¹. Но поездка за границу решением Кабинета министров от 29 октября 1735 г. была отменена. Не обучали механике и в академической гимназии. По инициативе Татищева подготовка их началась в Екатеринбурге.

24 марта 1735 г. новые штаты были отправлены на рассмотрение императрице, а накануне, 23 марта, Татищев приказал Бахореву избрать четырех школьников и обучать геометрии, тригонометрии, потом механике. 26-го числа Бахорев доложил: выбрал из арифметической школы Ивана Сусорова, Степана Костромина, Якова Галкина, Леонтия Лешукова и просил выдать им по готовальне с циркулями и бумага по дести, т. е. по 24 листа, «понеже бес того в той науке никак невозможно обойтись»². 15 апреля 1735 г. уральское начальство определило: быть этим ученикам в науке при Бахореве и пятому, Ивану Баранову, предназначенному для отсылки к механику в Томское горное начальство, обучаться у Бахорева же, поскольку в Сибири место механика еще не занято и учиться не у кого. Примечательно, что жалованье механическим ученикам предписывалось выдавать школьное, т. е. по 6 руб., числить их в школе, готовальню на каждого и бумагу выдать от Канцелярии с распиской Бахореву³.

Из текста прошений этих учеников, ведомостей, выписок выясняется, что Костромин был сыном якорного мастера (17 лет), Галкин — молотового (17 лет), Лешуков — машинного (16 лет), Баранов — 18 лет, происхождение неизвестно.

Согласно первой ведомости, поданной Бахоревым начальству, до июля 1735 г. ученики «были в той же арифметической школе в тверждении арифметики» у учителя Н. Каркадинова, 4 июля 1735 г. началось их обучение геометрии у Бахорева (Баранов присоединился лишь в конце октября)⁴. Эту дату, 4 июля 1735 г., и следует считать

¹ См.: Сафронова А. М. Проект В.Н. Татищева 1735 г. об отправлении гитенмейстера И. Улиха в Саксонию и Богемию для найма специалистов, обучении детей управителей уральских заводов в Европе и Академии наук (публикация документа) // Уральский археографический альманах. 2005. Екатеринбург, 2005. С. 358, 360.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 117.

³ Там же. Л. 118—118 об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 470.

началом деятельности механической школы в Екатеринбурге. По сути, она действовала параллельно со словесной, арифметической, немецкой, латинской, знаменованной. В документах чаще всего механической школой и называлась. Вероятно, поначалу ученики занимались в помещении арифметической. В ноябре 1735 г. Бахорев попросил начальство выделить им особое помещение. Подыскать его поручили ему самому. Он предложил два: покой без окон в помещении бывшего обер-бергамта рядом с немецкой школой и «порозжее место» в доме, где ранее жил генерал Геннин, по соседству со школой рисования. В бывшем командирском доме школу и расположили¹.

Ученики Бахорева бывали с ним в поездках, где на практике закрепляли полученные знания. И. Сусоров с 4 апреля до 22 мая 1735 г. был в Тобольске «для проложения дороги», С. Костромин с 9 июля до 8 августа 1735 г. ездил «по заводам для строения толчен и промывален», Я. Галкин весной 1736 г. месяц пробыл при Бахореве на Кушвинском заводе².

В мае 1736 г. четверо юношей перешли к изучению тригонометрии и одновременно механики. С лета 1736 г. наряду с теорией механики Бахорев начал обучать их и «делу машинных моделей»³. Наиболее способным оказался Иван Сусоров. Если данные А. Г. Козлова о его рождении в 1721 г. в Верхотурье верны⁴ (среди учащихся екатеринбургских школ в начале 30-х гг. Сусоров не числился), то в 1735-м ему исполнилось только 15 лет, и он был самым младшим в группе. С января 1734 г. Сусоров числился в копиистах Екатеринбургской припасной конторы⁵, видимо, хорошо владел не только грамотой, но и арифметикой. В январе 1735 г. уральское начальство рассматривало его просьбу об определении для обучения маркшейдерскому делу или механике и постановило: отдать для обучения геометрии в школу, а когда обучится «и машинной мастер сюда будет»,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577 а. Л. 314.

² Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 470; Оп. 12. Д. 219. С. 28.

³ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 470; Д. 625. С. 189—190.

⁴ См.: Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII—начало XX века. Свердловск, 1981. С. 135.

представить¹. Т. е. он сам пожелал овладеть новыми для заводов специальностями, и не случайно, наверное, именно его выбрал Бахорев для помощи в поездке в Тобольск.

Иван Баранов, определенный к механике также из копиистов, задержался в арифметической школе до октября 1735 г. Как он сообщал в прошении начальству 23 июля 1735 г. «обучаюсь арифметику, а из оной арифметической школы берут для письма по канторам, у которой науки почти не бываю», и просил определить его на освободившееся место копииста в заводское повытье Канцелярии. Написан документ красиво, но начальство заявило, «что он в письме недоволен, а по Генеральному Регламенту в копейцы велено определять добрых и исправных писцов»². У Бахорева Баранов попал в число «непонятливых» учеников, в мае 1736 г. он жаловался, что «Баранов пьянствует и в карты играет, також и другие непорядки многие чинит, за что он был наказыван неоднократно, и унять его невозможно». В августе его перевели снова в арифметическую школу к Санникову с предписанием «обучаться сковану»³.

11 мая 1736 г. ученики обратились к начальству с просьбой о назначении жалованья, они приступают к механике: год как учатся без денег, поскольку отцы-мастера получают более 25 руб. в год, а таким школьное жалованье не полагается, только Сусоров получает 6 руб. в год, поскольку он не мастерский сын. Лишь 31 августа члены Канцелярии Главного заводов правления во главе с Татищевым приняли решение: платить жалованье ученикам механики не из школьной, а из штатной суммы, полагавшейся механическим ученикам при Екатеринбургском заводе (24 руб.), разделить его поровну, по 6 руб. в год каждому с сентября месяца⁴.

7 июня 1737 г. Сусоров и Костромин снова подают прошение лично на имя Татищева, жалуются, что 6-рублевого жалованья не хватает, «всегда бываем в неоплатных деньгах», к тому же платим подушные деньги (а это 1 руб. 14 коп. в год с души). Они просят внести их в штат, чтобы охотнее было заканчивать обучение. Бахорев

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 563; Оп. 12. Д. 216. С. 295.

² Там же. Оп. 1. Д. 577 а. Л. 196—196 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 539.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 309—311 об.

показал, что они делали модели машин, были при строении пильной мельницы и якорной фабрики, ныне делают копии с готовых чертежей, планов и ландкарт (т. е. участвуют в большой работе, начатой по инициативе Татищева, в составлении «исторической» книги чертежей всех рудников и заводов, ландкарт, приводя их к одному масштабу). Татищев и Хрущов уже 11 июня удовлетворили эту просьбу, включили имена Сусорова и Костромина в заводской штат учеников механики с жалованьем по 12 руб. в год, пообещав лучшего из них произвести в подмастерье с достойным жалованьем¹. Поскольку в ноябре 1736 г. в госпитале умер Л. Лешуков, Я. Галкин (он же Морозов) в мае 1737 г. ударился в бега, двух учеников включили в штат, начальство предписало выбрать еще двух школьников для изучения механики с жалованьем по 6 руб. «до понятия наук»².

12 ноября 1737 г. к обучению механике был отослан плотинный ученик Сергей Суслов, прибывший с Сылвенского завода, солдатский сын, бывший ученик Екатеринбургской арифметической школы, числившийся в ее списке в мае 1734 г. уже 20-летним юношей³. В октябре 1737 г. вернулся из бегов Галкин-Морозов, и был отдан под надзор отца. Через месяц он обратился с просьбой определить его в слесарные ученики с жалованьем, поскольку стал «возрастен» и к делу механики непонятен. Но начальство предписало: «доучиваться механики безотговорочно с радением, под опасением...штрафа», а за побег высечь батожем. В декабре 1737 г. Галкин-Морозов просил об увеличении 6-рублевого жалованья, из которого ему приходилось платить еще и подушные деньги. Бахорев показал, что помимо математики он изучил и часть механики, некоторые машинные модели делает своими руками, у строения больших машин на практиках еще не бывал, в науке «прилежание и понятие

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 563—568.

² Там же.

³ Там же. Д. 691. Л. 313.; Д. 506. Л. 86 об.

имеет» и прибавки жалованья достоин. Только 31 мая 1738 г. жалование ему было увеличено до 12 руб.¹ В феврале 1739 г. была удовлетворена просьба лучших учеников — Ивана Сусорова и Степана Костромина — им жалование подняли до 24 и 18 руб. соответственно².

В мае 1738 г. решено было подготовить ученика механики для отсылки в Пермское или Красноярское горное начальство, в июне был определен к Бахореву сын писчика из арифметической школы Яков Зотин 19 лет, в октябре 1740 г. к нему добавился 16-летний Степан Портнягин, из окончания геометрии³. 19 февраля 1742 г. их места заняли ученики арифметической школы Семен Черемисинов и солдатский сын Иван Ползунов с жалованьем по 6 руб. в год. Но за первую треть года в выдаче жалованья им отказали, поскольку не были показаны в штате, присланном в Казначейскую контору. По ходатайству Бахорева члены Канцелярии 15 июля 1742 г. решили: считать обоих на окладе положенного в Пермском горном начальстве машинного подмастерья, «ибо они в науку ту определены для посылки в начальство»⁴. В январе 1748 г. место Ползунова, распределенного на Колывано-Воскресенский завод, занял Яков Говорухин.

Таким образом, механическая школа стала иметь особое положение института механических учеников, которые готовились не только для уральских заводов, но и для отсылки в Сибирь — в Красноярское горное начальство, на Барнаульские заводы.

В ноябре 1736 г. член Канцелярии И. Юдин, отвечавший за деятельность школ, собрал от учителей заявки литературы на следующий 1737 год. Механик Никита Бахорев заказал «Книг механических печатных на российском языке» две. Это могла быть только «Наука статическая или механика» — первое печатное издание Морской типографии, начавшей действовать в Петербурге в 1722 г. Автор учебника — генерал-майор, президент Морской академии Г. Г. Скорняков-Писарев. Книга предназначалась для учащихся этой академии: в посвящении автор отмечал, что науке «статической во оной Академии не учатся... ибо оной науки книг на российском языке до сего не

¹ Там же. Л. 290—293, 408, 501—503.

² Там же. Оп. 12. Д. 265. Л. 246—248.

³ Там же. Оп. 1. Д. 691. Л. 507.

⁴ Там же. Д. 952. Л. 384—388.

обреталось»¹. В форме вопросов и ответов здесь излагались определения «статического или механического художества», описывались элементарные механические приборы и «устрояемые» из них машины, далее следовали семь задач («проблем»), объясняющих эти машины. Учебник был кратким, малого размера: набор текста — 12,1/12,9 × 8 см, занимал 36 страниц, сопровождался гравированными чертежами. Но, к сожалению, эти учебники высланы не были — видимо, они все уже были распроданы. Вероятно, ученики механики пользовались личным экземпляром книги, принадлежавшим Бахореву. Он не мог не располагать книгой или ее копией, по которой учился в академии. Как правило, ученики сами копировали тексты учебников и их заучивали. Например, в Екатеринбургской арифметической школе учащиеся осваивали геометрию по собственным «письменным книгам».

Наряду с обучением «делу машинных моделей» ученики механики, как доносил Бахорев в декабре 1739 г., «рисуют механические и протчие заводские чертежи», «довольно время по определению Канцелярии были при сочинении з готовых чертежей в книгу», т. е. копировали чертежи всех уральских заводов и рудников в одном масштабе для «исторической книги», составлявшейся по инициативе Татищева с 1735 г. Бахорев просил для «окончания механических книг бумаги писчей восемь дестей [192 листа], клею рыба три фунта»². Вряд ли четверо учеников копировали «Механику» Скорнякова-Писарева — слишком много бумаги было затребовано для окончания копирования. Та «Механика», наверняка, была скопирована еще в начале обучения.

Копировался, видимо, новый учебник, изданный в типографии Академии наук в 1738 г. — Крафт Г. В. «Краткое руководство к познанию простых и сложных машин, сочиненное для употребления российского юношества». Он был написан на немецком языке, но издан в переводе на русском. Текст занимал 120 страниц, имел 36 иллюстраций и чертежей. Вероятно, Бахорев приобрел этот учебник в частном порядке. Ранее, в 1737 г. Бахорев взял две книги из Екатеринбургской библиотеки горного ведомства, сформированной

¹ См.: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати, 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. № 666.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 808. Л. 1195.

В. Н. Татищевым. Об этом мы узнаем из доношения библиотекаря Л. Сехтинга, поданного в Канцелярию 19 мая 1740 г., о книгах, взятых для чтения и не возвращенных по его требованию¹. За Бахоревым числились «Те[а]трум механики генеральная» и «Театрум механики»². Это книги из первой партии, переданной Татищевым в пользу заводов в 1734 г., — «Theatrum Machinarum Generale. Leipzig, 1724» Я. Леопольда и «Theatrum machinarum novum» Г. Боклера «в поллиста». В июле 1740 г. «Бахорев объявил, что те книги у него ныне и надобны ему для обучения учеников к механической науке»³. Поскольку в последующей длительной кампании по сбору учебных книг в библиотеку речи о возвращении этих пособий не велось, можно утверждать, что по ним обучался в 1742 — начале 1748 г. и Иван Ползунов. Эта информация добавляет новые важные штрихи к биографии будущего создателя первой паровой машины на Колывано-Воскресенских заводах в 1760-е гг. Он, как и другие ученики механики, был знаком, как с российской, так и с передовой западноевропейской литературой по механике, появившейся в Екатеринбурге благодаря Татищеву.

Если И. Ползунов вошел в историю Отечества как выдающийся теплотехник и изобретатель первого в мире теплового поршневого двигателя, то Иван Сусоров в 1740 г. изготовил по собственной модели весы «к приему руд», в феврале 1742 г. стал машинным подмастерьем, в 1744—1750 гг. преподавал в екатеринбургских школах. По собственным чертежам и моделям он построил «камнерезные мельницы» с водяными машинами в Екатеринбурге и на Северском заводе, внес основной вклад в строительство Екатеринбургской гранильной фабрики, трудился управителем на разных заводах⁴. Стали специалистами и другие выпускники школы механики. Усилия Татищева не были напрасными и дали хорошие плоды.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 222—226 об.

² Там же. Л. 223 об.

³ Там же. Л. 234.

⁴ См.: Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII—начало XX века. Свердловск, 1981. С. 135—136.

ПОДГОТОВКА УЧЕНИКОВ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ДЕЛА ДЛЯ ЗАВОДОВ УРАЛА В АКАДЕМИИ НАУК В 1735—1739 гг. *

В начале 20-х гг. XVIII в. инструменты были большой редкостью на Урале. Так, в ведомости припасов Уктусского завода из инструментов числился лишь один — «циркуль железный»¹. В 1723 г. ученики первой арифметической школы на Уктусе, приступившие к геометрии, вынуждены были пользоваться личными готовальнями В. Н. Татищева и нового начальника казенных заводов В. И. де Геннина². По просьбе Геннина Берг-коллегия в июне 1723 г. распорядилась купить для уральских школ циркулей простых, «троеножных», транспортиров и шкал по 20 штук. Но даже в Санкт-Петербурге удалось найти лишь 3 набора. С трудом подыскивали мастера от Артиллерии, согласившегося сделать наборы подешевле, за 2 руб. 50 коп. с условием, что шкалы будут на транспортирах, а не особые. Через полгода семь наборов инструментов, специально изготовленных для школ, прибыли в Екатеринбург³.

В 1725 г. была открыта Академия наук, при ней появилась Инструментальная палата, ставшая основным центром изготовления чертежных, геодезических и маркшейдерских инструментов в России. Сама Академия наук нуждалась в сложных, точных приборах для своих профессоров. Поэтому в Академии были собраны лучшие мастера-инструментальщики. В Петербург прибыл опытный оптик-

* Ранее опубликовано в кн.: // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы V регион. науч. конф., декабрь 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 77—80.

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 1029.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 751. Л. 178 об. — 179.

³ Там же. Д. 640. Л. 302 об. — 303; Д. 751. Л. 183—185. См. подробнее об этом: Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724—1734). Екатеринбург, С. 74—76.

инструментальщик Иоганн-Георг Лейтман, появились русские специалисты, мастера точных приборов. Любимый «токарь» Петра I, Андрей Константинович Нартов (1693–1756) возглавил академические мастерские. Он сам прославился изобретением оригинальных станков, в том числе токарно-копировального и винторезного с механизированным суппортом и набором сменных зубчатых колес. Академик Г. Б. Бильфингер, возвратившись в Германию в 1731 г. в публичной речи отметил выдающиеся успехи русских мастеров-инструментальщиков: «Искуснейшие вещи делаются в Петербурге...трудно отыскать искусство, в котором я не мог бы назвать двух или трех отличнейших мастеров...»¹.

Именно к Академии наук и начала обращаться уральская горная администрация с просьбами об изготовлении инструментов. Они были нужны в связи с широким строительством новых заводов, закладкой рудников, прокладкой дорог, без них не могли обойтись маркшейдеры, механики, геодезисты, школьники.

Поскольку инструменты были дороги, от постоянного пользования часто повреждались, мастер для их починки в Екатеринбурге отсутствовал, Канцелярия Главного заводов правления в лице начальника заводов В. Н. Татищева, А. Хрущева и Г. Клеопина 6 февраля 1735 г. вынесла важное решение. Чтобы впредь при заводах в инструментах «оскудения не было», послать в Академию наук двух учащихся екатеринбургской школы, выбрав «из геометрической науки», и подготовить из них собственные кадры инструментальщиков².

В тот же день были избраны сын угольного мастера Терентий Кочкин и сын отставного молотового мастера Давыд Козицин. Они были взяты учиться грамоте в Екатеринбургскую словесную школу в ходе первого большого набора детей екатеринбургских жителей в 1728 г., когда по приказу начальника заводов Геннина было зачислено сразу 93 подростка³. Кочкину и Козицыну исполнилось тогда 14 лет⁴. Весной 1734 г., во время «разбора» учащихся в связи

¹ Цит. по: Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. М.; Л., 1962. С. 188.

² ГАСО. Ф. 24. Оп.12. Д. 27. Л. 25—26; Оп. 1. Д. 561. Л. 181.

³ Там же. Оп. 1. Д. 177. Л. 78—78 об.

⁴ При зачислении в школу в 1728 г. Д. Козицын, видимо, ошибочно указан 12-летним.

с введением нового заводского штата оба показаны 20-летними, причем, как и большинство других учеников, числились в подушном окладе. Кочкин показан в арифметике с 1731 г., Козицын — с начала 1733-го¹.

В столицу их отправили в феврале 1735 г. на одной подводе, в составе большого санного поезда, в котором гитенфервальтер А. Порошин отправлялся в Нижний Новгород, а затем в Москву для покупки припасов и обмена крупной партии вышедших из употребления монет². От Москвы до Санкт-Петербурга юноши следовали уже одни. Ровно через два месяца добрались они до столицы и по приказу президента Академии наук И. А. Корфа с 15 апреля были определены для обучения делу маркшейдерских и математических инструментов в Инструментальную палату Академии наук к механику Исааку Брукнеру³.

Поскольку в том же 1735 г. в академической типографии была издана книга «Описание и употребление универсальных солнечных часов, сделанных от Исаака Брукнера»⁴, ясно, что этот мастер мог научить учеников и изготовлению этих механизмов.

Сразу же были расписаны часы занятий. С утра до полудня — у Брукнера, с полудня до 5 часов — обучение в немецком классе гимназии Академии наук, с 5 до 7 часов — в академической Гравировальной палате⁵. Таким образом, наряду с изготовлением инструментов юноши должны были изучать немецкий язык, необходимый для общения с мастерами-иностранцами и для ознакомления с литературой, касающейся изготовления инструментов. В Гравировальной палате ученики могли познакомиться с изготовлением гравюр для научных изданий, карт.

Т. Кочкин и Д. Козицын были определены на квартиру к сержанту Коммерц-коллегии Ивану Сикорскому «для содержания и пропитания, и мытья платья». На этой же квартире неделей ранее

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 506. Л.86 об., 88 об.

² Там же. Д. 561. Л. 186.

³ Там же. Л. 246.

⁴ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800). М., 1966. Т. 1. № 743.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. Л. 246.

были размещены четверо уральцев, посланных учиться в гимназию Академии наук. Сержант был родственником дворянина Федора Сикорского, одного из гимназистов.

Каждый из инструментальных учеников должен был платить за постой по полтора руб. в месяц. От жалованья на покупку обуви и платья оставалось лишь 50 коп. Сам президент Академии наук И. А. Корф, сообщая через месяц на Урал о принятии учеников, писал, что «за дороговизною... харча, также и обуви, и платья содержать их, как надлежит, никак невозможно» и необходимо увеличить им жалованье по крайней мере до 3 руб., чтоб они могли пробавляться «и к наукам тщательное обучение иметь»¹. Промемория Академии была подана в уральскую Канцелярию 14 июля. Через месяц начальство решило — увеличить жалованье Кочкина и Козицына до 3 руб. В Академию это решение поступило 22 сентября, по прошествии полугода после приезда учеников². Деньги для юношей передавала в Академию наук Коммерц-коллегия, разом на год, до 15 апреля следующего года из сумм от продажи сибирского железа, меди. Эти деньги ставились на счет заводов, а Академия наук выплачивала их ученикам ежемесячно³.

Из доношения А. Нартова в Канцелярию Академии наук, поданного в августе 1736 г., выясняется, что шесть учеников инструментального дела, в том числе Козицын и Кочкин, один — токарного и один — оптического дела вместе с двумя часовыми мастерами жили уже не на квартирах, а «при работе своей, в мастерских покоях... отчего имеется в полатах нечистота, и между ними происходят ссоры...», ученики варят здесь пищу, что может привести к пожару, «також за утеснением имеющиеся инструменты привести в порядок никак невозможно»⁴. Поэтому Нартов предлагал нанять мастерам и ученикам, как и прежде, квартиру, а на выходные и праздники помещения опечатывать, назначить дневальных из учеников.

Видимо, ученики и мастера стали жить в помещении Инструментальной палаты, чтобы сэкономить жалованье на пищу, одежду,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. Л. 246—247.

² Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 785—786.

³ Там же; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 237. Л. 197.

⁴ Материалы для истории ... Т. 3. С. 159—160.

обувь. Из-за возврата к найму квартиры жалования на уплату за нее не хватало. В 1737 г. уже Генерал-берг-директориум, в чье ведение перешли заводы, по прошению Кочкина и Козицына предписал с 19 июля 1737 г. начислять им дополнительные суммы за найм жилья — по 1 руб. 35 коп.¹ Но денег на еду, одежду и обувь все равно было недостаточно. Кочкину и Козицыну снова пришлось просить об увеличении жалования. Генерал-берг-директориум счел просьбу справедливой и с 1 января 1738 г. увеличил сумму до 5 руб. в месяц, но из этих денег ученики должны были сами снимать квартиру, т. е. фактически жалование увеличивалось на 65 коп.² Так, вдали от родного дома, у чужих людей, в обстановке вечной нужды обучались уральцы новому для уральских заводов делу — изготовлению инструментов. Терентий Кочкин обучался этой науке 4 года, Давыд Козицин — 7 лет. Закончили они обучение уже зрелыми людьми в возрасте 25 и 28 лет.

Во время их пребывания в Санкт-Петербурге в Академию наук поступил ряд крупных заказов на инструменты с Урала. Изготовление их растянулось на многие годы, что подтверждало своевременность подготовки собственных кадров инструментальщиков. В августе 1735 г. Татищев «с товарищи» просили Академию сделать или «из-за моря выписать» 12 компасов плоских в медных футлярах разных размеров, 6 астролябий, 1 ватерпас, 24 готовальни «рисовальные» из 7 предметов, две готовальни из трех предметов³. В сентябре президент Академии наук И. А. Корф поручил сделать инструменты Брукнеру.

В ноябре 1736 г. уральская администрация повторно просила выслать инструменты и дополнительно к первому заказу требовала изготовить 10 готовален с двумя циркулями, карандашным пером, транспортиром для рисования; маркшейдерские инструменты — 7 плоских компасов, ватерпас с перспективами, «ктивы и колисасы»; 24 готовальни рисовальные из 7 предметов, 2 готовальни «особые» с географическими циркулями⁴. Получив повторный заказ, в январе

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1082. Л. 113.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 41. Л. 305.

³ Материалы для истории... Т. 2. С. 783—784; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. Л. 252—253.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 693. Л. 39.

1737 г. советник Академии И. Д. Шумахер приказал Брукнеру дать известие, сделаны ли инструменты, если нет, объяснить причины. О необходимости отсылки на Урал инструментов предписывалось сообщить и заведующему Инструментальной палатой Нартову¹. В январе 1737 г., уральское начальство в третий раз просило Академию наук об инструментах².

По прошествии почти двух лет с момента первого заказа, в мае 1737 г., уральская администрация обратилась за содействием к Генерал-берг-директориуму и дополнительно заказала «машину для раз-меру часовых колес».

В феврале 1738 г. А. Ф. Хрущов, сподвижник Татищева по управлению заводами, по прибытию в столицу, подал доношение в директориум с просьбой, если школьники инструментальному делу обучились, отправить их на заводы и приложил роспись материалов, составленную учениками, которые необходимы им для «художества: «делительный круг» с градусами, магнит для намагничивания стрелок в компасах, каменьев мелких для полирования инструментов, пемзы и трепелу (мелкого камня) для их чистки, рисунков компасных, наждаку, пружину для распила циркулей. Ученики сами нашли инструментального мастера англичанина Ската, который брался сделать круг и магнит за 200 руб. Но директориум предписал выписать их из Англии или Голландии, а ученикам оставаться еще при обучении до указа³. В апреле 1738 г. Кочкин подробно описал, что собой должен представлять медный круг диаметром аршин с вершком, разделенный на 360 градусов и каждый градус еще на 60 минут..., на 12 месяцев, с указанием на дни. В январе 1739 г. в директориуме объявился мастер из Академии наук Петр Веер, который обязался сделать по этому описанию уральцев «делительный круг против академического» за 4 месяца. Несколько раз делались выписки по этому вопросу. И, наконец, 18 июня 1739 г. в журнале директориума записали: «круг делать не велено, ибо по состоявшемуся новому Берг-регламенту велено все казенные заводы отдать в компанию, и для того

¹ Материалы для истории... Т. 3. С. 306—307.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1082. Л. 104.

³ Там же. Д. 1074. Л. 339—342.

оное дело отдать по повытью»¹. Думается, это решение в последующие годы сковывало действия уральских умельцев.

В феврале 1739 г. в доношении, отправленном в Генерал-берг-директориум, уральские власти констатировали: хотя Академия наук сообщала, что некоторые инструменты заготовлены, другие заготавлиются, но из них не получено ни одного. Канцелярия просила директориум выволить из Академии готовые инструменты или велеть сделать их уральским ученикам. Предлагался и такой вариант: если ученики инструментальному делу совершенно обучились, прислать их «для того» в Екатеринбург, чтобы они могли на месте выполнять заказы².

Протоколы заседаний Канцелярии Главного заводов правления фиксировали постоянные просьбы местных заводских контор, специалистов, школ о выдаче готовален, циркулей, астролябий. Заказывали инструменты Сылвенская контора (там строился завод), Сысертская, Томское и Пермское горные начальства, геодезисты, маркшейдеры. Члены Канцелярии выкручивались, как могли. Отправлявшемуся на Нерчинский завод для исправления ландкарт ученику геодезии П. Старцеву в 1736 г. приказали дать готовальню, если не найдется в Канцелярии, то из школ³. Пермскому горному начальству в 1737 г. в маркшейдерских инструментах и готовальнях отказали — в наличии не было никаких. А в 1738 г. это начальство опять просило прислать «хотя один футляр с циркулями и другими надлежащими инструментами». Приготовленное для Сысертской конторы, решили отослать в Пермь, посчитав, что там — не один завод, и инструменты нужнее⁴.

В апреле 1739 г. в третий раз Канцелярия обратилась в Генерал-берг-директориум: инструменты нужны для чертежей новых заводов и для школ, их «непрестанно требуют», а в наличии нет никаких⁵. На этот раз в столице навели справки. Академия наук сообщила, что

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1074. Л. 343—347.

² Там же. Д. 1082. Л. 103.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 239. Л. 141.

⁴ Там же. Д. 247. Л. 59—60; Оп. 1. Д. 762. Л. 248—249.

⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1082. Л. 107.

часть инструментов еще делается, а Козицын и Кочкин «против академических инструментальных учеников равное искусство имеют». Генерал-берг-директориум постановил: требовать от Академии Козицына и готовые инструменты для отправки на Урал¹. Через два месяца, в августе 1739 г., состоялась передача части маркшейдерских инструментов в директориум, а 28 августа он принял решение об отправке ученика и первой небольшой партии инструментов в Екатеринбург. Посылалась маркшейдерских плоских компасов медных 6, круглых компасов 3, 5 пар циркулей, 5 транспортиров медных, 4 «паралел»-линейки на общую сумму 197 руб. 10 коп.² Только 24 ноября Козицын в сопровождении солдата прибыл с инструментами в Екатеринбург.

Д. Козицына вернули первым, видимо, потому, что он должен был платить подушные деньги за себя и за отца, отставного мастера. Долги накопились с 1735 г. Только в 1739 г. уральское начальство спохватилось, попросило Генерал-берг-директориум взыскать недоимку и впредь взимать с него подушные деньги при выдаче жалованья. Столичные же власти решили, чтобы он платил долги в Екатеринбурге, тем более, что Канцелярия сама заикнулась о возвращении учеников, если они обучились делу инструментов.

В январе 1742 г. директориум решил отправить на Урал и Терентия Кочкина. В аттестате, выданном ему в Академии отмечалось: «был при обучении маркшейдерских и математических и протчих инструментов, и в разделении остреляеи и других, к тому принадлежащих вещей, понятность твердую имел и особливое прилежание оказал, которой... подмастерьем выше помянутой науки быть достоин с прибавлением ему жалованья». С Кочкиным было отправлено пил английских две дюжины, «струн римских 4 банта», трепела 20 фунтов, 3 английских пружины, всего на 26 руб.³

Подготовленные в Академии наук Давид Козицын и Терентий Кочкин стали инструментальщиками на уральских заводах. Козицын, не успевший перенять от Брукнера часовое мастерство, в 1742 г. был прикреплен для продолжения обучения к часовщику Василию

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1082. Л. 108.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 43. Л. 559—561.

³ Там же. Д. 46. Л. 164—165.

Свешникову, числившемуся с 1738 г. в Екатеринбурге «у вожделения часов», «чтобы он сам мог делать новые часы большие и малые».

В январе 1742 г. Генерал-Берг-директориум решил отправить и Кочкина в Екатеринбург. Из аттестата, выданного ему Академией, следовало, что он в изготовлении маркшейдерских, математических, геодезических и других инструментов «понятность твердую имел и особенное прилежание оказал» и достоин быть подмастерьем инструментальной науки. В апреле 1742 г. Кочкин выехал из столицы на Урал, на отдельной подводе за ним следовали инструменты, купленные Генерал-берг-директориумом «к его мастерству» на 26 руб. — две дюжины больших английских пил, струны римские, пружины, в т. ч. три английские часовые, и др.¹.

В октябре 1746 г. посещавший уральские заводы президент Берг-коллегии А. Томилов внес ряд предложений по их развитию. В частности, он отметил, что школам нужны циркули и другие инструменты. А инструментальный подмастерье Терентий Кочкин иногда назначается к надзиранию работ. Томилов предписал впредь его никуда не отлучать, делать ему инструменты для школ, заводского и горного дела: «мас[ш]табы, транспортиры, пропорционал-циркули, компасы, часы солнечные, астролябии и прочие, чему он изучен и кто что из горных и заводских афицеров потребует». Томилов предложил офицерам инструменты продавать, а если кто не будет покупать, выдавать с вычетом из жалованья, чтоб у всех офицеров были свои, «что до их должностей надлежит». Оставшиеся инструменты разрешалось продавать всем «охотникам», отсылать для продажи в Берг-коллегию².

В декабре 1746 г. уральское начальство распорядилось «исполнение учинить» по предложению Томилова и определить к Козицыну ученика инструментального дела, выбрав из екатеринбургских школьников³. В начале 1747 г. был определен «из геометрии» Михаил Шахмин⁴.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 46. Л. 131—131 об., 164—169 об.

² Там же. Д. 50. Л. 505 об. — 506.

³ Там же. Оп. 1. Д. 359. Л. 87.

⁴ Там же. Д. 2321. Л. 326.

В 1750 г. ученики-резчики Агап Палкин и Петр Денисов, которых начальство хотело перевести к кузнечному или слесарному делу из-за сокращения людей при Екатеринбургском монетном дворе, сами попросили перевести их в ученики к инструментальному делу и разрешить одновременно посещать школу, чтобы доучить геометрию, тригонометрию и рисование «в совершенство». Уральское начальство пошло им навстречу, ссылаясь на мнение президента Томилова о развитии инструментального дела в Екатеринбурге, и приказало отпускать их от мастерства на один час «к наукам», по овладении которыми обнадежило прибавкой жалованья¹.

Так Урал стал вторым после Академии наук центром изготовления инструментов в России. В середине XVIII в. уральской Канцелярии приходилось обращаться к Академии наук через Берг-коллегию уже по поводу изготовления приспособлений к делу инструментов. Так, в 1750 г., опять-таки дважды просили сделать стальной круг для «разделения маркшейдерских инструментов», без которого невозможно было получить требуемой точности².

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 405. Л. 105—107.

² Там же. Д. 54. Л. 224—224 об.

О НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ПРОЕКТАХ В. Н. ТАТИЩЕВА ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ГРАМОТНОСТИ И ШКОЛ В РОССИИ*

Как один из самых ярких деятелей просвещения первой половины XVIII в. В. Н. Татищев предложил целый ряд проектов по развитию учебных заведений, образования в стране. Свои предложения он формулировал на протяжении всей жизни, начиная с 1720-х гг. Часть проектов он успел претворить в жизнь, занимая ту или иную административную должность, дававшую ему право действовать самостоятельно, часть так и осталась на уровне инициатив и не получила поддержки верховной власти. В рамках небольшой статьи попытаемся свести воедино и рассмотреть основные «школьные» проекты Татищева, так и оставшиеся не претворенными в жизнь, исключая уральские¹.

В 1727 г. Татищев как специалист по металлургии, изучивший опыт работы монетных дворов Швеции, был назначен на московские монетные дворы. Чтобы поправить расстроенные Северной войной финансы и не довести обедневший народ до полного истощения, решено было уменьшить подушную подать на 1/3, а дефицит в бюджете покрыть за счет выпуска 2 млн. медных пятикопеечников. Все три монетных двора в это время находились в страшно запущенном состоянии. Приведением их в порядок занялся генерал-майор А. Я. Волков, Татищеву же поручалось проверить исправность весов, освидетельствовать начеканенные монеты, организовать перечеканку разновесных.

* Ранее опубликовано: Уральская старина: Литературно-краеведческие записки. Специальный выпуск. — Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2006. С. 70—90.

¹ Одному из неудавшихся проектов посвящена наша статья: Сафронова А. М. Проект В. Н. Татищева по открытию школ на частных заводах Урала и попытка его претворения в жизнь // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. Вып. 6. Екатеринбург, 2006. С. 97—138.

Монетные дворы нуждались в специалистах — резчиках, медальерах, вардеинах — управляющих монетным производством. Приглашаемые из-за рубежа иностранцы дорого обходились России, к тому же не всегда оказывались квалифицированными работниками, плохо обучали прикрепленных к ним русских учеников. Поэтому Татищев выступил с рядом проектов, призванных решить проблему подготовки кадров для монетных дворов. Вскоре после своего назначения в письмах, адресованных кабинет-секретарю А. В. Макарову, он предложил определить на монетные дворы шесть молодых русских дворян, знающих арифметику и геометрию, для обучения вардеинскому и пробирному искусству (т. е. управлению монетным производством и определению пробы золота и серебра), и 12 учеников из Московской школы навигаторов из низших сословий для обучения «ремеслам» — специальностям, необходимым для чеканки монет¹.

Позднее Татищев предложил иметь при вардеине по четыре ученика из дворян, которые смогут стать «достойными членами» не только Монетной канцелярии, но и Камер-коллегии и других коллегий, «понеже знание арифметики, геометрии, пробы, употребление весов, хождение монет разных государств и сочинение и содержание порядочных счетов всегда и везде полезны». Чтобы усилить заинтересованность молодых дворян в изучении наук, Татищев предложил записать их солдатами в гвардейский полк, «куда бы они ходили раз в неделю по одному в роту на ученье, доколе в канцелярии ранг достанут»².

А. И. Юхт, вводя в научный оборот сведения об этих интересных предложениях Татищева, ничего не сообщил об их судьбе. Вдумавшись в содержание последней инициативы Татищева. По сути, он предложил не что иное, как своеобразную форму организации профессиональной школы, целенаправленно готовящей кадры государственных служащих высокой квалификации, необходимые для такой специфичной и важной сферы экономики России, как монетное дело и финансы.

¹ Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 265.

² Там же.

Находясь на посту первого члена Монетной конторы и вплотную столкнувшись с нехваткой специалистов для чеканки монет, Татищев в 1730 г. пришел к мысли о необходимости открытия в России Академии ремесел. К этому времени он имел уже опыт руководителя горнозаводской промышленностью Урала, изучил организацию подготовки квалифицированных кадров и состояние образования в Швеции. Благодаря богатому личному собранию книг, среди которых были специально посвященные вопросам образования, например, трехтомник Д. Г. Кеммериха «*Neu-eröffnete Academie Der Wissenschaften...*» (Лейпциг, 1717 1721, 1727) Татищев усвоил лучший опыт деятельности академий и постановки образования в Западной Европе.

О существовании этого проекта мы узнаем от самого Татищева. Составляя первый российский энциклопедический словарь — «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской» — он включил в него статью под названием «Академия ремесел». Поскольку содержание ее представляет для нас особый интерес, приведем ее текст полностью: «В 1730 г. вечнодостойные памяти императрица Анна Иоанновна ко устройению оное соизволение свое объявить и на содержание ее по 12 000 рублей в год дать изволила, в которой быть ремеслам: 1) архитектуре, 2) живописи, 3) образосчества, 4) механики; и людей: главным Татисчева, в архитектуре Еропкина, в живописи Коравака, в скульптуре Растрелия, в механике ис професоров искуснейшаго. Но Остерман по некоей ненависти удержал, указ изготовленной к подписке уничтожил. И тако сие весьма государству полезное дело в забвении осталось»¹.

А. И. Юхт, упоминая об этой статье «Лексикона», писал: «Инициатива создания Академии художеств принадлежала, видимо, Татищеву. Он же должен был возглавить ее»². Кажется, Юхт первым связал этот факт с именем Татищева. Попытаемся порассуждать более обстоятельно по вопросу об авторстве этого проекта и времени написания этой статьи «Лексикона».

Думается, столь резкую оценку действиям А. И. Остермана, одного из самых высокопоставленных государственных деятелей 30-х гг. XVIII в., Татищев мог дать только после заката его карьеры,

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 157.

² Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева... С. 267.

произошедшего сразу же после прихода к власти в ноябре 1741 г. Елизаветы Петровны и ссылки Остермана в город Березов.

Зададимся вопросом, почему вдруг Татищев по прошествии более 10 лет после появления законопроекта поместил статью о нем на страницах «Лексикона» наряду с такими научными и учебными заведениями, как «Академия адмиралтейская», Академия наук, «Академия российская», «Кадетской корпус». На наш взгляд, сам факт включения статьи о не претворенном проекте в «Лексикон» говорит в пользу авторства Татищева. Он придавал столь большое значение этому проекту, так досадовал на противодействие Остермана, что при появлении возможности обнародовать его суть, не мог ею не воспользоваться. Если бы проект учреждения Академии ремесел не был детищем Татищева, плодом его мыслей, именно им предложен на рассмотрение Анны Иоанновны, разве стал бы он писать статью о так и не появившемся учреждении, да еще по прошествии стольких лет — конечно, нет.

Второй аргумент в пользу авторства Татищева — его предполагаемое назначение на пост руководителя Академии ремесел. Вряд ли кто-то другой мог рекомендовать его на эту должность. Думается, Татищев, всегда стремившийся к самостоятельности, сам предложил свою кандидатуру на этот пост. Академия должна была стать его детищем, здесь он мог проявить себя самым лучшим образом, с душой отдаться новому важному делу.

Третий аргумент — именно Татищев в 1733 г. продолжал настаивать на открытии в России уже двух Академий ремесел, перечислял их среди других учебных заведений в своем новом школьном проекте, речь о котором пойдет ниже.

Не случайно выбрано время подачи законопроекта — 1730-й год. Анна Иоанновна только что пришла к власти, получив поддержку русского дворянства против «верховников», сохранила права самодержицы. Судя по письмам Татищева 1730 г., он постоянно бывает при дворе, общается с Анной Иоанновной, он в милости у новой императрицы. Был обер-церемониймейстером во время ее коронации, презентовал ей рисунок головы мамонта, зуба, быка, привезенных из Якутска, толкует с ней об истории. Татищеву поручено подготовить к изданию в московской типографии Сената книгу, посвященную коронации Анны Иоанновны. Татищев пересылает в Гравировальную

палату Академии наук рисунки и чертежи, с которых должны делаться гравюры, во многом от его расторопности зависит выход книги¹. Словом, обстановка для подачи проекта — самая благоприятная, и Татищев не преминул ею воспользоваться.

Татищев определил структуру будущей академии, запланировал открыть в ней четыре отделения — архитектуры, живописи, скульптуры и механики. Наметил кандидатуры на посты глав первых трех отделений.

Отделение архитектуры должен был возглавить видный градостроитель Петр Михайлович Еропкин (1698—1740). Он учился архитектуре в Италии в 1716—1724 гг. как пенсионер Петра I. Вернувшись на родину, стремился развивать то прогрессивное, что наметилось уже в русском градостроительстве, используя при этом теорию и опыт западно-европейского зодчества. Позже, в 1737 г., Еропкин возглавил «Комиссию о Санкт-Петербургском строении», которая занялась прокладкой новых улиц и переустройством некоторых уже сложившихся районов столицы.

Еропкин — автор замечательного решения трехлучевой планировки Адмиралтейской части Петербурга, включая Невский проспект. Он получил известность не только как архитектор-практик, но и теоретик, перевел на русский язык отдельные главы трактата А. Палладио «4 книги об архитектуре», начал работу над научным трактатом «Должность архитектурной экспедиции», в котором коснулся основных вопросов русского зодчества². Татищев был дружен с Еропкиным, от него получил Полоцкую летопись, отрывок из которой поместил в «Истории» под 1217 г., и другие летописи, давал читать ему свою «Историю»³.

Отделение живописи предполагалось поручить французскому живописцу Луи Караваку, приехавшему в Россию в 1716 г. и ставшему представителем узкословной придворной линии русского искусства. Ему благоволили русские императрицы: он уже написал портреты Екатерины I, именно ему был поручен коронационный

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма 1717—1750 гг. М., 1990. С. 136—137.

² См.: Всеобщая история искусств в шести томах. Том четвертый: искусство 17—18 веков. М., 1963. С. 338—339; Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987. С. 153—154.

³ Татищев В. Н. История Российская. М., 1962. Т. 1. С. 24, 27, 125.

портрет Анны Иоанновны, гравюра с которого, а также ряд других гравюр с иллюстраций Каравака украсили книгу «Описание коронации». С Караваком Татищев постоянно общался при дворе и, видимо, заполучил его согласие. Эта кандидатура была самой подходящей на пост руководителя отделением живописи — Караваку благоволила сама императрица.

Отделение скульптуры должен был возглавить Карло Бартоломео Растрелли (1675—1744) — самый выдающийся из приглашенных Петром I иностранных ваятелей, создавший замечательный бюст первого русского императора, его конную статую, ряд скульптур в Петергофе. В 1741 г. он создаст и скульптуру самой Анны Иоанновны, занявшую достойное место в истории русской скульптуры. Отделение механики должно было быть отдано под руководство «ис профессоров искуснейшаго», фамилия профессора Академии наук в проекте не называлась. Вероятно, в этом отделении должны были обучать изготовлению машин, инструментов и различных механизмов.

Без сомнения, идея создания Академии предварительно обговаривалась с Анной Иоанновной и ее окружением, зондировалась почва на этот счет, было получено устное одобрение императрицы по всем основным вопросам. Не случайна оговорка Татищева: «Анна Иоанновна ко устройению оное соизволение свое объявить и на содержание ее по 12 000 рублей в год дать изволила». Т. е. и финансовая сторона дела решалась самым лучшим образом: 12 тыс. руб. — это почти половина суммы, отпускавшейся на содержание Академии наук (25 тыс. руб.). Как сообщает Татищев — и нет оснований не верить ему — императрица уже объявила о своем намерении открыть академию, Татищев был близок к заветной цели, но все испортил А. И. Остерман.

Последний занимал высокое положение в госаппарате и при дворе. Появившись в России в 1704 г., Остерман сделал успешную карьеру еще при Петре I, стал его постоянным советником как во внешней политике, так и во внутренних делах, получил должность вице-президента Коллегии иностранных дел. При Екатерине I стал вице-канцлером, президентом Коммерц-коллегии, членом Верховного Тайного Совета. В 1730 г., уклонившись от составления «кондиций», примкнул к партии, враждебной «верховникам», переписывался с Анной Иоанновной, давал ей советы. Вступив на престол,

Анна Иоанновна наградила Остермана графским титулом. Оставаясь главным вершителем внешней политики при ней, он стал и лучшим советником Бирона в делах внутренних¹. Не удивительно, что Остерман, захотев воспрепятствовать подписанию указа о создании Академии ремесел, сделал это — не в пример Татищеву, он был могущественен.

В 1732 г. неутомимый Татищев снова предложил открыть в России «школу ремесел» для подготовки специалистов широкого профиля, которых будут обучать арифметике, геометрии, знаменованию (рисованию), механике, химии, металлургии (установлению проб и разделению металлов), архитектуре, инженерно-саперному делу, валянию, резьбе по металлу. Учащиеся должны были изучать иностранные языки, чтобы «других языков полезные книги читать и разуметь». На базе этого «малого училища» Татищев предполагал в будущем начать преподавание «высших наук» по примеру других стран, «где славные академии, малое начало положо, выросли и государствам многие прибыли приносят». На содержание училища Татищев предлагал выделить 6 тыс. руб. в год, вдвое меньше, чем на Академию ремесел в 1730 г. Но и этот проект Татищева не получил одобрения властей. Сведения о его существовании ввел в научный оборот А. И. Юхт².

В 1733 г. Татищев пишет «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», ставший крупнейшим мировоззренческим трактатом в России первой половины XVIII в. Размышления по поводу пользы грамотности и образования, плохого состояния училищ и домашнего образования в стране, нехватки учебных книг, отсутствия хороших учителей подтолкнули Татищева к подаче своих предложений, отчасти сформулированных в «Разговоре», на суд верховной власти. Н. Попов обнаружил документ с этими предложениями в бумагах Бирона в Санкт-Петербургском Государственном архиве иностранных дел и опубликовал в качестве приложения к «Разговору» в 1887 г. под названием «Записка В. Н. Татищева (на русском и

¹ Остерман // Энциклопедический журнал / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб, 1897. Кн. 43. С. 336—337.

² Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева... С. 266.

немецком языках) об учащих и расходах на просвещение в России»¹.

Записка небольшая по объему, состоит из двух частей. В первой Татищев перечислил важнейшие учебные заведения с показанием числа учащихся в них и сумм расходов на их содержание, отпускаемых государством на каждый год. Татищев привел данные о только что открытом Кадетском корпусе, первом привилегированном среднем учебном заведении, предназначенном для обучения детей дворян (360 учащихся — 65 тыс. руб.), Академии наук (120 чел. — 25 тыс. руб.), «Адмиралтейских училищах» (имелись ввиду Московская школа навигаторов и Морская академия в Петербурге, на 500 учеников — 36 тыс. руб.), «Артиллерийских и инженерных» (400 учеников — 16 тыс. руб.), Спасской гимназии в Москве — Славяно-греко-латинской академии (420 учеников — 8 тыс. руб.). Последними назывались «Разные ремесла около 50» — 10 тыс. руб.

Трудно понять, что имел ввиду Татищев под «ремеслами» — ряд ведомственных учебных заведений числом до 50 или же 50 видов ремесел, на подготовку учеников к которым уходило 10 тыс. руб. в год, либо 50 учеников, прикрепленных к мастерам механического, искусствоведческого профиля. Хотя цифра 50 стоит в графе «число учащихся», скорее всего, имелись ввиду 50 видов ремесел, для которых готовились кадры разных профилей, в том числе и в сфере искусства. Думается, данные этой графы приблизительны, как в отношении числа ремесел, так и затрачиваемых на подготовку специалистов сумм.

Сравнение сумм, выделявшихся верховной властью на содержание Академии наук и Кадетского корпуса, вызывает большое удивление. Кадетский корпус создавался по инициативе генерала П. И. Ягужинского, а разработка плана его устройства поручалась фельдмаршалу Х. А. Миниху. Именным указом 1731 г. об учреждении Кадетского корпуса в нем предполагалось обучать 200 юношей 13—18 лет, на содержание выделить 30 тыс. руб. и деревню от 30 до

¹ Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. Публ. Н. А. Попова // ЧОИДР. 1887. Т. 1. Отд. 1. Прил. С. 161—162; Разговор о пользе наук и училищ / с пред. и указателями Н. Попова. М., 1887. С. 161—162.

50 дворов¹. Но поскольку желающих учиться оказалось больше, штатами 1732 г., разработанными Минихом и высочайше утвержденными императрицей, число учащихся увеличивалось до 360 человек, а сумма на содержание корпуса — до 63 403 руб., возросло и число дворов в приписываемой к корпусу деревни — от 80 до 100. Оклад директора корпуса, а им стал сам Миних, увеличивался с 15 до 18 тыс. руб.² Это были бессовестно большие по тем временам суммы, и, безусловно, столь широкий финансовый размах в обеспечении этого учебного заведения — результат не только его привилегированного характера, это следствие того высокого положения, которое заняла немецкая партия при российском дворе. В условиях бироновщины провести такое решение не составило труда — Анна Иоанновна этот штат высочайше утвердила. Для сравнения — Петр I ассигновал на деятельность всей Академии наук в 1724 г. 24 912 руб. — сборов с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга. Штатами 1747 г. общая сумма расходов на Академию наук составила 53 298 руб., при этом оклад президента составлял всего 3 тыс.³

Во второй части «Записки» Татищев привел свои соображения по перекройке этих сумм. Он заявил, что на эти деньги (160 тыс. руб.) можно открыть и содержать гораздо больше учебных заведений, причем профилированных: «Я же мню, с большею государству пользою и лучшим довольством обучающихся учредить и содержать возможно...». Далее Татищев перечислил новые виды учебных заведений, которые можно было бы открыть и содержать, не выходя за рамки этих сумм, сохранив в своем списке только два учреждения из действовавших — Кадетский корпус и Академию наук.

Татищев в «Разговоре» соглашался, что Кадетский корпус «есть для шляхетства лучшее», но 360 учащихся — «ни для сотой части всего шляхетства не довольно». Татищев наверняка был не согласен с огромной суммой, выделенной на содержание этого учебного заведения, но, не смея критиковать это решение, предложил все-таки увеличить число учащихся в корпусе до 500, а содержание его уменьшить до 48 тыс. руб.

¹ ПСЗ-1. Спб., 1830. Т. 8. № 5811.

² Там же. № 6050.

³ Уставы Академии наук СССР. 1724—1974. М. 1974. С. 39, 61.

Вызывает удивление предложение Татищева уменьшить сумму на содержание Академии до 7 тыс. руб. Известно, что и 25 тыс. ей не хватало, постепенно академическое хозяйство начало приходить в упадок. Сенатским указом от 2 ноября 1732 г. отмечалось, что «на нынешний год никому профессорам дачи жалованья не было». Из Академии стали уходить ученые: в 1730 г. ушли Я. Герман и Г. Б. Бюльфингер, в 1733 г. уехал Д. Бернулли¹.

Видимо, в какой-то мере за счет уменьшения сумм на Академию наук Татищев предложил открыть еще одну Академию: «Сверх того весьма нужно для исправления языка, сочинения потребных книг и для переводов сочинить особенно академию, на которую не более в год 4 000 р. потребно».

Татищев опять отстаивает свою идею об Академии ремесел, уменьшает сумму на ее содержание с 12 тыс., которые фигурировали в проекте в 1730 г., до 5 тыс., но предлагает открыть уже две академии: «Для пользы мануфактур и всяких ремесел 2 академии ремесел, обучать архитектуры, механики, живописи, ваяния, резного, инструментов», на 500 учащихся — 10 тыс. руб. Как видим, программа обучения остается прежней, детализируются лишь «технические» направления — механика, резьба по металлу, изготовление инструментов. Уже нет прежнего размаха, нет отделений во главе с известными деятелями искусств.

«Для произведения в совершенство в богословии и философии и со всеми частями» Татищев предлагает открыть «2 академии или университета» на 2 тыс. учащихся и на них выделить 12 тыс. руб., т.е. на 1 тыс. учащихся в каждой приходилось бы по 6 тыс. руб. В «Разговоре» он подвергает жесткой критике деятельность Славяно-греко-латинской академии² и, видимо, поэтому предлагает открыть академии на новом основании, но примечательно, что резко сокращает их содержание.

«Для произведения нижних и предуготовления к высоким наукам» Татищев предусматривает открытие гимназий «в разных городах, сначала довольно 4», с 6 тыс. учащихся, т.е. они должны были

¹ См.: Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 25.

² Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 108—109.

стать крупными учебными заведениями, на их содержание предусматривалось 16 тыс. руб. Нижнюю разветвленную сеть учебных заведений должны были составить «семинарии»: «Для начинания в научении при всех городех житье, сначала до 120 или 200 семинариев для мужских и женских персон» на 12 тыс. человек, т. е. по 60 или 100 учеников в каждой, на них предлагалось выделить 6 тыс. руб. Заметим, обучаться в этих школах должны были не только мальчики, но и девочки, остававшиеся до сих пор за стенами учебных заведений.

Крупную сумму, до 19 тыс. руб., Татищев положил, чтобы «училищные дома приправить, библиотеки и инструменты, и машины нужные присовокупить»; до 10 тыс. руб. — «для выписывания и проездов учителей». Видимо, Татищев составлял эту записку в спешке — в конце приписал: «Пропущено на управление и надзиранье всех» академий и училищ — 12 тыс. руб.

Идея о необходимости создания в России специального органа управления образованием была сформулирована Татищевым впервые в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах»¹. В этом произведении он дал развернутое обоснование ее, четко сформулировал главные задачи этого органа: «Сие есть главнейшее и нужнейшее в государстве, чтоб правление всех в государстве училищ такое было, которое б в состоянии находилось все вреды и препятствия ко умножению наук предуспеть, а вкрадшиеся отринуть, о сохранении общей пользы прилежать и оную колико удобно умножать».

Поскольку «науки и училища разных качеств и много о всем разсуждения всегда требует», Татищев предлагал, чтобы «особливое собрание или коллегия учреждена была», допуская организацию управления образованием на уровне, аналогичном управлению военным делом, морским, торговлей, финансами и т. п. — на уровне полноправной коллегии, центрального государственного органа.

Татищев высказал свои соображения и по поводу состава такой коллегии: «весьма потребно из главнейших российских как духовных, так мирских хотя по одной персоне, а к тому для помощи неколико посредственных определить, а наипаче таких, которые как

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 131.

в науках неколико знания и охоты имеют, чтоб в ревности и прилежности не оскудевали». Эта прогрессивная идея Татищева на 70 лет опережала время: только в 1802 г. в России появилось Министерство народного просвещения, но и оно взяло под свой контроль далеко не все учебные заведения.

Этот самый масштабный проект Татищева так же, как и предыдущие, не получил поддержки верховной власти. Поскольку он сохранился в бумагах Бирона, видимо, ему на рассмотрение был отдан Анной Иоанновной. Проект Татищева был слишком радикален, смел, хотя отчасти и не совсем продуман, в отношении, например, перекройки сумм. Даже неполное его претворение в жизнь подняло бы развитие образования в России на более высокую, качественно новую ступень, положило бы начало развитию массовой сети государственных учебных заведений в провинции, привело бы к открытию гимназий, новых высших учебных заведений, женских школ, причем под контролем единого специального органа управления. Именно этот орган, по мысли Татищева, и должен был заняться приглашением учителей, приобретением учебных пособий, руководить через особую академию подготовкой «потребных книг» и переводов лучших иностранных пособий. Не случайно Татищев выделил в проекте суммы на пособия и приглашение учителей особой строкой.

Еще один масштабный проект по развитию грамотности и школ в России Татищев изложил в произведении, не имеющем к школам прямого отношения — в «Разсуждении о ревизии поголовной и касающемся до оной». «Разсуждение» было написано Татищевым в 1747 г. в связи с проведением второй ревизии в России по именному указу от 16 декабря 1743 г. и прилагающейся к нему инструкции¹. Татищев в это время был уже отставлен от дел, находился в своем имении под Москвой, но как человек, занимавший всю жизнь активную позицию в делах, требующих защиты государственного интереса, не мог не высказать своего мнения. Поводом к написанию «Разсуждения» явились «тягости и беспорядки в настоящей ревизии», подано оно было М. И. Воронцову, вице-канцлеру.

«Разсуждение» дошло до нас не в полном виде: два отрывка включают статьи 1—87 и 117—132. Первым это произведение Татищева опубликовал Н. А. Попов в своей монографии «В. Н. Татищев

¹ ПСЗ-1. Т. 11. № 8835, 8836.

и его время»¹. В 1979 г. оно было включено в «Избранные произведения» В. Н. Татищева². Несмотря на известность этого документа, он не анализировался как ценный источник по истории развития грамотности и школы, как один из интересных проектов Татищева в ряду других, поданных им в 1720—1730-х гг.

Подход верховной власти к проведению второй ревизии во многом не удовлетворял Татищева, он высказал по этому поводу ряд критических замечаний и четко сформулировал свои предложения. Судя по содержанию «Разсуждения», Татищев глубоко вник в суть проблемы. Как историк, он был знаком с опытом проведения переписей населения в других государствах, и не удивительно, что с рассмотрения самого понятия «ревизии» и краткой истории их проведения Татищев начал свое произведение. Располагая текстами законодательных актов, касающихся второй ревизии, досконально изучив их, и сделав их основным источником рассмотрения, Татищев учел и негативный опыт проведения переписи, все еще не законченной в момент написания «Разсуждения».

Татищев встревожен длительным сроком, на который растягивалось проведение ревизии в России: второе «свидетельство», начавшееся с 1743 г., «доднесь с великою тягостию народа чрез 2 годы продолжалось и есче в год едва может ли окончаться...». Елизавета Петровна объявила в указе, что подобные «свидетельства» будут повторяться в России через каждые 15 лет, «и если оное сим порядком будет отправляться» — пишет Татищев, — «то опасно, чтоб не более вреда и разорения народа, а в доходах усчерба, нежели пользы, последовало». В Риме переписи проводились через 15 лет, но в четкие сроки: с марта по сентябрь и итоги их становились вскоре известны, в Швеции — через 7 лет и никогда не продолжались более 6 месяцев. Народ ревизиями не тяготился, а казна не терпела дополнительных расходов.

Многие критические замечания Татищева по поводу точности собранных в ходе переписи данных связаны с низкой грамотностью населения. Власти не подготовили образцов составления сказок, а «многие деревни, а паче государственные иноверцы не токмо прикащиков, но ни единого грамоте умеющего не имеют, такие сказки

¹ Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 716—778.

² Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 361—391.

подавали, что офицеры с трудом разобрать могли или весьма были к принятию негодны». Поэтому каждый генерал выдумывал свою форму, «что во исчислении будет не без смятки»¹.

На местах нет точных сведений об умерших, рожденных, сами же крестьяне через 15 лет не могут вспомнить даты этих семейных событий. Следовало бы духовенству, пишет Татищев, при церквях вести записи о браках, умерших, рожденных, «но как известно... церковники писать мало умеют и от убожества содержать таких книг не могут...».

Согласно 4-му пункту инструкции (о вольных людях) и пункту 16-му (о разночинцах и дворовых людях, имеющих отпускные грамоты), приказывалось: годных брать в службу, негодных записывать куда пожелают, а увечных, дряхлых и таких, кого никто взять не захочет, определять в богадельни.

Татищев справедливо рассудил: «такие из домов уволенные и разночинцы более люди малогодные, и принимают их токмо для детей, и оных малолетних воспитывают, обучают и за них до возраста без приобретения пользы, надеялся [надеяся] впредь оную получить, подати всякие платят; если же годных взять в службу, то негодных никто не возьмет, следственно тот оклад пропадет». А прежде чем престарелых и увечных в богадельни отдавать, «надлежит прежде рассудить, где такие богадельни построить и откуда на содержание им деньги определить», так как в городах богадельни переполнены, а по миру собирать пропитание запрещено².

Для нас представляет интерес отмеченная Татищевым практика, распространенная в России из-за отсутствия школ и хороших учителей, приглашать в семьи не годных для действительной службы разночинцев для обучения и воспитания малолетних детей. Этот обычай находит подтверждение и в многочисленных мемуарах XVIII в. Зачастую эти люди становились учителями грамоты и в этом качестве выполняли важную общественную функцию по распространению грамотности, основ знания среди самых разных слоев населения. Высказанное Татищевым мнение, что лучше ничего не менять в их положении следует признать вполне логичным.

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 365.

² Там же. С. 369.

Татищев критикует 12-й пункт инструкции, касающийся «излишних церковников», из которых годных предписывалось «взять в службу, а негодных раздать, кто куда пожелает...». Татищев считает, что по меньшей мере пять позиций требуют «разсмотрения: 1) которые церковничьи дети были или ныне находятся в училищах епархиальных или других, о тех не упомянуто, и офицеры раздают их в оклад; 2) весьма бы нужно при церквях приходских для обучения в городах гражданских, а в селех, дворовых людей и крестьянских детей, хотя писать и читать, училища учредить и учителей иметь, дабы чрез то как в домоправлении, так и в войске грамотных не оскудевало, о чем во всех христианских государствах прилежно стараются; 3) ученых церковнослужителей полезнее от службы отставить, в тех же селех или приходех в платеж написать, а которые за леностию читать и писать не научены, о таких, чтоб другие прилежали, тясчайшее определение положить...»; 4) многих «излишних» церковников против их воли «некоторые воеводы и секретари... несколько сот себе собрав, оброком обложили и в салдаты продают, а негодных другим брать позволили»; 5) «многия церковники, записав своих детей в школы, чтоб в подать не класть, но, откупаясь в семинариях, держат в домех и не обучают»¹.

Ясно, что Татищев сожалеет о нежелании верховной власти использовать образовательный потенциал оставшихся за штатом церковнослужителей и не только критикует, но одновременно и предлагает использовать их в качестве учителей приходских училищ, которые следовало бы открывать в городах и селех по примеру других христианских государств.

Хотелось бы подчеркнуть настойчивость Татищева в отстаивании необходимости обучения детей не только простых горожан, но дворовых и крестьян хотя бы грамоте, для пользы «домоправления» и войска. Отметим, идея открытия приходских училищ в городах и селех Российской империи для обучения детей чтению, письму, закону Божьему и основам счета начала претворяться в жизнь только в 1803 г., в результате реформы образования Александра I. Татищев, по сути, формулирует эту программу в 1747 г., правда, ограничивая обучение детей грамотой.

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 369—370.

Татищев предлагает заштатных церковнослужителей использовать в качестве учителей приходских училищ, поэтому не определять их к иной службе, записать в подушный оклад по месту жительства. Он сожалеет о записи отставных церковнослужителей в число крепостных представителями местной власти и бюрократии, ловко обративших недоработку государства в свою пользу, выловивших немало рыбки в мутной воде.

Татищев правомерно считает умение читать и писать святой обязанностью духовного сословия, отсюда и его предложения: наказывать церковнослужителей за презрение этой обязанности, чтобы другим неповадно было; рассмотреть вопрос о тех, кто записывает детей в семинарию, только чтобы избежать платежа подушных денег, но не учит. Беспокоит его и отсутствие прямого указания властей — не записывать в подушный оклад в ходе ревизии детей духовенства, обучающихся в школах.

Татищев подвергает критике и пункт 16-й инструкции о незаконнорожденных, предписывающий «годных брать в службу, а негодных увольнять». По его мнению, если сирот «боголюбивые, взяв, воспитывают и обучают», то по закону они должны принадлежать им, как дети — родителям. Сироты, которые в деревнях находятся, «те, как известно, более тех деревень дети». «Ежели же оных в службу отбирать или увольнять, то никто для воспитания поверженного взять не похочет, и будут туне помирать, что есть явной вред государственной и нарушение закона христианского о любви к ближнему и милосердии»¹.

Далее Татищев вносит свои предложения по поводу проведения ревизии на каждый пункт инструкции и озаглавливает их так: «На представленное о недостатках и трудностях ревизии поголовной, ежели не противно принято будет, всепокорно мое мнение представляю».

Рассмотрим лишь предложения Татищева, касающиеся грамотности и обучения детей. По 6-му пункту инструкции Татищев предложил: обязать духовенство при приходах «содержать книги порядочно, всякого села и деревни особливую тетрадь», на одной стра-

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 370.

нице записывать всех наличных мужчин и женщин, на другой отмечать новорожденных, умерших, выбывших; на особых листах указывать прибывших от ревизии до ревизии¹.

Одновременно Татищев предложил материально поддержать приходы: поскольку «многие церковники от убожества доходов возможности то исполнить не имеют ... определить по 3 копейки з души мужеска и женска пола» в год, собирать их по наличию проживающих людей в приходе на 1 января. От собранных сумм десятую часть передавать архиерею, который более ничего с прихода спрашивать не должен.

«Но чтобы приходы построением от помесчиков новых церквей не оскудевали, того ради оные в платеж десятины к ближним приходам, где число людей меньше 1000, причислить, ибо построившие в своих отчинах церкви должны своих церковников землею или ругую удовлетворить и от того десятое архиереем особно платить, чрез что можем вскоре лучших священников получить, ибо от довольного дохода свободно им детей в научение отдавать и самим не столько о работах, сколько о чтении книг и научении народа закону Божию и благонравию прилежать»².

Таким образом, Татищев предлагал за счет введения небольшого сбора с населения улучшить положение низшего духовенства, мало отличающегося в материальном положении от самих прихожан, работавшего на земле, платившего десятину со своих доходов архиерею.

На 14-й пункт инструкции Татищев заявил: об излишних церковниках рассуждать трудно, кого положить в оклад, кого нет; во всех европейских государствах, «кроме попежства», «везде все в окладе», разве что исключить монахов. Но у Татищева был ряд предложений по решению этого вопроса³.

Чтобы лучше понять их значение, коснемся политики верховной власти в отношении переписи духовенства. Согласно инструкции 1743 г., внештатное духовенство (священники и дьяконы) записи в

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 373.

² Там же. С. 374.

³ Там же. С. 376—377.

подушный оклад не подлежало, дети же их должны были платить подушную подать, как и все оставшиеся за штатом церковнослужители (причетники) с детьми. Под нажимом Синода, пытавшегося отстоять интересы духовного сословия, Сенат согласился провести общую с Синодом конференцию, на которой окончательно решить вопрос о разборе духовного сословия, но в 1745 г. ускоренными темпами начал было претворять нормы инструкции в жизнь. Решения общей конференции, состоявшейся в январе 1746 г., верховная власть не утвердила, вопрос с разбором повис в воздухе до следующей ревизии¹.

В своем «Рассуждении» в 1747 г. Татищев предлагает жестко увязывать запись в оклад с уровнем образования детей духовного сословия: «чтоб они тем обучаться в училищах не ослабели, то предписать им страх, ежели церковничьи дети при ревизии выше 15-ти лет явятся латинского языка достаточно не обучены, оных брать в службу, а негодных отдавать в тех селех или приходах во крестьянство». Эта мера, безусловно, лучше всяких предписаний, имевшихся в законодательных актах того времени и остававшихся на бумаге, могла отвадить духовенство, записавших своих детей в семинарии, откупать их от обучения и держать по домам.

Татищев не упускает возможности использовать проведение ревизии для перехода к новой, более действенной школьной политике государства в отношении сельского населения России. Он повторяет тезисы, сформулированные в ходе критики 14-го пункта инструкции, предлагает власти: «2) в селах и погостах детей читать и писать обучать и отчинников принудить чтоб, конечно, от 100 не меньше 4-х обучались, и владельцев или управителей к построению покоя при церкви и содержанию принудить; 3) за обучение церковникам определить за каждого младенца, коего читать и писать выучит по рублю, а букварь да доску, на чем писать, и десть бумаги должен дать отдающей в научение. Сим безубыточным порядком можно надеяться, что у нас не токмо писать умеющих, но и ученых везде будет достаточно».

Вдумаемся в эти слова. Татищев не только настойчиво отстаивает тезис о необходимости обучать детей крестьян, дворовых людей чте-

¹ См. подробнее об этом: *Зольникова Н. Д.* Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 42—47.

нию и письму. Он идет дальше: призывает государство обязать помещиков обучать хотя бы малую часть своих людей, предлагает ввести своеобразную «норму» обучения — до 4 % детей; «принудить» помещиков и управителей к этому, а также к строительству помещений для школ при церквях, к их содержанию. Между тем, уставом учебных заведений 1803 г. вопросы содержания училищ отдавались на усмотрение самих помещиков.

Татищев предлагает государственной власти решить и проблему оплаты труда излишних церковнослужителей, установив твердую норму за обучение одного ребенка — 1 руб. (видимо, из сборов с населения по 3 коп. с души, в начале каждого года). Заметим, школьные принадлежности, самые простые — букварь, доску и 24 листа бумаги должны были обеспечивать родители.

В пункте 65 своего «мнения» Татищев предлагает государству ввести действенные меры заинтересованности низших слоев населения в обучении грамоте детей: «народ же, а паче крестьянство, весьма обучению детей своих противятся, того ради не соизволено ль будет таких обнадеживанием к тому поохотить, чтоб детей крестьянских, которые обучатся, в рекруты не отдавать, разве которой сам себя кражею, пьянством и другим злодейством тоя милости лишит». Татищев не устает повторять уже не раз сформулированный им тезис: «Понеже обучению письму дворовых людей и крестьян весьма государству полезно и нужно, чрез что не токмо те люди ко всему способнейшими будут, но паче разколы могут наилучше искорениться, если со временем учителя из школ епархиальных способнейшие к научению будут...».

Далее Татищев предлагает ввести совсем уж необычное для России новшество: «Впредь при ревизиях объявлять имянно в скасках, сколько где обученных письму и сколько у коего прихода обучается, дабы губернаторы и Правительствующий сенат могли о том ведать и противящихся тому владельцев или управителей штрафом пристойным принудить, и оной штраф в указе объявить, дабы больший страх неразсудным учинить. Со временем же, когда много научится и охоту к тому возымеют, пременить сие обнадеживание нетрудно».

Претворение предложения Татищева в жизнь привело бы к появлению в России нового вида статистических данных — о грамотности населения. Учитывая, что сбор таких данных проводился бы в от-

ношении всего податного населения страны, составляющего абсолютное большинство, государство получило бы чрезвычайно ценные сведения, вполне сопоставимые с результатами переписей населения западноевропейских стран.

Заметим, Татищев рассматривает сбор таких сведений о народной грамотности как важное средство контроля за открытием на местах приходских школ. Сведения о грамотности должны были стать основой для карательных действий властей — губернаторов и Сената — в отношении нерадивых исполнителей воли государства. Татищев призывает обложить последних «пристойным» штрафом, сообщить об этой мере заранее, дабы приучить к нововведению местных чиновников и владельцев крестьян под угрозой последующих санкций.

Ведомственный учет учащихся первых государственных школ, появившихся в России в начале XVIII в., стал налаживаться почти одновременно с их открытием, но формуляр ведомостей был пестрым, включал разного рода показатели, порой они отличались даже в отношении одного вида школ. Указом Петра I от 31 января 1724 г. «О представлении в Сенат полугодичных ведомостей о обучающихся в школах» были заложены основы российской школьной статистики¹. Данные о школах начали поступать в Сенат, о чем свидетельствует их включение в первое историко-статистическое описание России И. К. Кириловым².

Но постоянные ссылки в преамбулах законодательных актов, указов Сената второй половины 20-х — 30-х гг. XVIII в. на отсутствие сведений о школах, требования присылки их в Сенат, позволяют усомниться в большой действенности указа 1724 г. Нуждаясь в сведениях о том или ином виде школ, Сенат прибегал к разовым ретроспективным сборам сведений об обучившихся в Московской школе навигаторов и Морской академии с момента их открытия в 1701 и 1715 гг. (1726 г.), о числе направленных в них для обучения дворян (1727 г.), о гарнизонных и других начальных школах Московской губернии (1729 г.), о числе учащихся цифирных школ с 1714 г. и их распределении к делам (1731 г.), о детях духовенства (1736 г.)³.

¹ ПСЗ-1. Т. 7. № 4447.

² Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831. Кн. 1—2.

³ См.: ПСЗ-1. Т. 7. № 4863, 5106; Т. 8. № 5450, 5788; Т. 9. № 7070.

В условиях, когда в руках государства отсутствовала регулярная школьная статистика, сбор сведений о грамотности в ходе регулярно проводимых ревизий, в отношении почти всего населения (за исключением дворян, духовенства, солдат, в ревизские сказки не попадавших), на всей территории страны, стал бы явлением исключительной важности, позволил бы регулировать действия государства в отношении обучения детей.

Даже краткое рассмотрение «школьных» проектов Татищева, так и не получивших одобрения властей, свидетельствует о его неуклонном стремлении способствовать распространению грамотности и просвещения в России, настойчивых попытках развить сеть школ, поднять уровень подготовки специалистов на более высокую ступень. Именно Татищев впервые предложил открыть центр подготовки ремесленников высокой квалификации, а его Академия ремесел — это, по сути, проект создания российской Академии художеств, призванной готовить собственные кадры художников, скульпторов, архитекторов. Татищев первым в России выдвинул идею формирования единого органа управления образованием, периодического сбора данных о грамотности населения, используя для этого переписи. Татищева не смущало отсутствие реакции верховной власти на свои предложения, он снова и снова выступал с инициативой, предлагал, пытался убедить. К сожалению, его голос не был услышан, только много лет спустя некоторые идеи Татищева получили претворение в жизнь. В 1757 г. появилась Академия художеств, в 1783 — Российская академия — центр изучения языка и словесности, в 1802 г. — Министерство народного просвещения. В 1803 г. приступили к открытию приходских училищ в провинции, в конце XX — начале XXI в. были созданы Центр ремесел, Академия ремесел.

ПРОЕКТ В. Н. ТАТИЩЕВА ПО ОТКРЫТИЮ ШКОЛ НА ЧАСТНЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА И ПОПЫТКА ЕГО ПРЕТВОРЕНИЯ В ЖИЗНЬ*

В. Н. Татищев как организатор школ при казенных заводах Урала не раз привлекал внимание исследователей, а о его попытке создать сеть школ при частных уральских предприятиях встречаются лишь отдельные упоминания в литературе, несмотря на публикацию ряда документов, относящихся к этому вопросу как в дореволюционной, так и в советской историографии.

В. Н. Берхом в 1828 г. были введены в научный оборот тексты именной инструкции В. Н. Татищеву 1734 г., предписывавшей ввести на частных заводах институт шихтмейстеров, и резолюции Кабинета министров 1735 г., запрещающей принуждать заводчиков к открытию школ¹. В 1830 г. эти документы были включены и в Полное собрание законов Российской империи². В 1831 г. был опубликован проект Заводского устава Татищева, отдельные положения которого определили размеры налога с промышленников на содержание учебных заведений³.

Автор первой монографии о Татищеве Н. А. Попов отмечал, что Татищев «заставлял обывательских детей с заводов частных промышленников учиться в школе от 6 до 12 лет», Кабинет же министров в ответ на просьбы заводчиков приказал «не принуждать к учению неволею...»⁴. Какой-либо оценки этим действиям властей

* Ранее опубликовано в кн.: Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 6. Екатеринбург, 2006. С. 97 – 138.

¹ См.: *Берх В. Н.* Жизнеописание В. Н. Татищева // Горный журнал. 1828. № 3. С. 156; № 4. С. 105—106.

² См.: ПСЗРИ. 1-е собр. СПб., 1830. Т. 9. № 6559. С. 290—296; № 6840. С. 607—608.

³ См.: Горный журнал. 1831. Кн. 26. С. 190—191; Кн. 5. С. 175—176; Кн. 7. С. 1—6; Кн. 8. С. 3.

⁴ *Попов Н. А.* Татищев и его время. М., 1861.

Попов не дал. Н. Владимирский-Буданов из-за неверного прочтения резолюции Кабинета министров на жалобу А. Демидова представил дело так, будто сам Татищев, а не Демидов просил Кабинет, чтобы детей на частных заводах не обучать в школах, так как они заняты на заводских работах, где «профессия легче может быть изучена практикою, а всякое образование, даже элементарное... вредит профессии»¹. Так Татищев был превращен в противника школьного обучения, за которое в действительности ратовал всю жизнь.

Н. В. Нечаев в монографии о горнозаводских школах Урала лишь отметил, что Татищев в Наказе шихтмейстеру требовал «создания школ при каждом частном заводе и зачисления в эти школы всех детей заводских служащих», на почве чего «между Татищевым и Демидовым возник снова конфликт», сообщил о факте подготовки к открытию школы при Невьянском заводе летом-осенью 1735 г.², но какого-либо анализа этим действиям Татищева, позиции заводчиков, верховной власти не дал. В. И. Будрин ограничился констатацией факта неудачной попытки Татищева открыть школу при Тагильском заводе Демидова³.

В 1951 г. Н. И. Павленко опубликовал четыре документа: Наказ шихтмейстеру В. Н. Татищева, прошение уральских промышленников по поводу его введения, резолюцию Канцелярии Главного правления заводов на это прошение, «Рассуждение» Коммерц-коллегии о наказе⁴. В предисловии к публикациям Павленко охарактеризовал социально-экономические взгляды Татищева как сторонника жесткой регламентации частной инициативы и активного вмешательства государства в деятельность заводчиков; раскрыл причины недовольства заводчиков шихтмейстерами⁵. В 1953 г. М. А. Горловский

¹ Владимирский-Буданов Н. Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль, 1874. С. 159—160.

² Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII в. М., 1944. С. 45—46, 38—39.

³ См.: Будрин В. И. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 56.

⁴ См.: Павленко Н. И. «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева // Ист. архив. 1951. Т. 6. С. 210—244.

⁵ См.: Там же. С. 199—209.

и Н. И. Павленко опубликовали материалы совещания уральских промышленников 1734—1736 гг., на котором в числе прочих обсуждались и положения Заводского устава о нормах налога с заводчиков на содержание школ¹. В 1990 г. Наказ шихтмейстеру был опубликован вторично в «Записках. Письмах» В. Н. Татищева².

К сожалению, эти важные документы так и остались вне поля зрения исследователей истории учебных заведений, не известны в литературе и документы, раскрывающие практические шаги по организации школ на частных предприятиях. Между тем начинания Татищева по открытию школ при частных заводах следует расценивать как один из самых крупных и важных проектов по развитию просвещения в уральском крае, да и в масштабах всей страны. Претворение его в жизнь позволило бы резко поднять уровень детской грамотности на Урале: в поселках при казенных заводах благодаря активным действиям Татищева во второй половине 30-х гг. XVIII в. она приблизилась к всеобщей.

Рассмотрим в этой связи основные положения законопроектов Татищева в отношении устройства школ при частных предприятиях, действия администрации казенного ведомства по претворению этих норм в жизнь, реакцию промышленников и верховной власти на эти действия. Прежде всего попытаемся ответить на вопрос, никогда не задавшийся исследователями: почему Татищев решился на столь неслыханные для России того времени действия — обязать владельцев частных заводов открывать при своих предприятиях школы и обучать детей?

Если в 1720—1721 гг. Татищев как начальник казенных заводов Урала не мог без санкции Берг-коллегии принимать ни одного сколько-нибудь серьезного решения, то в 1734 г. сама императрица повелела отправить его на Урал с «полной мочью».

Поначалу Анна Иоанновна приказала Шафирову, президенту Коммерц-коллегии, в ведении которой находились заводы России, определить круг обязанностей нового начальника заводов. Инструкция, составленная Шафировым, содержала 7 кратких пунктов, в ко-

¹ См.: Горловский М. А., Павленко Н. И. Материалы совещания уральских промышленников 1734—1736 гг. // Там же. 1953. Т. 9. С. 5—155.

² См.: Татищев В. Н. Записки. Письма 1717—1750 гг. М., 1990. С. 176—186.

торых говорилось лишь об определении на частные заводы надзирателей для контроля за сбором налога с промышленников; о всех предложениях к «исправлению» заводских дел предписывалось докладывать Коммерц-коллегии, что не удовлетворило Татищева¹.

Пользуясь благоприятной ситуацией, Татищев смог добиться изменения инструкции, регламентировавшей его права и обязанности. Новый вариант, состоявший уже из 22 пунктов, включал его собственные предложения и был утвержден императрицей 23 марта 1734 г.² Эта именная инструкция предоставляла Татищеву и вверенному ему горному управлению обширные права по развитию сети заводов Урала и Сибири, привлечению частного капитала к строительству предприятий, особенно в малообжитых местах; поощряла поиск новых рудных месторождений, в том числе золота, серебра, «цветных» камней (мрамора, агатов, яшм); разрешала перераспределять между заводами приписные деревни, использовать вольнонаемный труд пришлых крестьян, в случае нужды требовать денег и людей от Казанской и Сибирской губерний; пересмотреть заводские штаты, представленные к апробации прежним начальником В. И. Генниным, усовершенствовать «канцелярский» порядок; составить карты всех уездов Урала и Сибири, снабдить их обстоятельным географическим описанием. По всем вопросам, касавшимся заводского производства, ему разрешалось сноситься непосредственно с Кабинетом министров.

Особое внимание уделялось мерам закрепления за казенными заводами края специалистов-управленцев: по предложению В. И. Геннина им разрешалось без санкции верховной власти присваивать младшие офицерские ранги, включая поручика, определять жалованье «против полевых полков». Пункт 17-й гласил: «Понеже посылаемое отсюда (из столиц. — А. С.) в научение молодое шляхетство, для отдаления домов и родственников, неохотно оному обучаются, а которые и обучились, проискивают как бы отлучиться», Татищеву поручалось дать этим дворянам поместья в Перми близ владений Строгановых «с некоторою прибавкою» вместо имевшихся у них в Центральной России, чтобы они вместе с детьми закрепились при за-

¹ См.: ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 104. Л. 73—74.

² ПСЗРИ. Т. 9. № 6559. С. 290—296.

водах. «Но дабы впредь отсюда в научение туда не посылать, а довольствоваться тамошними обывателями: того ради устроить вам хорошую школу и брать в оную тамо дворянских, подъяческих и неслужащих церковников детей, и оных прилежанием тому обучать». Именно это положение инструкции, появившееся стараниями Татищева, позволило ему начать широкое преобразование школьного обучения при казенных заводах Урала, поднять его на новую, более высокую ступень, сопоставимую в чем-то с уровнем столичных учебных заведений.

Невиданно широкие полномочия получал Татищев и по контролю за частными заводами Урала. Не случайно они излагались в трех самых обширных пунктах именной инструкции — 18, 19 и 20-м. Пункт 18 начинался такой формулировкой: «Над всеми партикулярными горными заводами баронов Строгановых, дворян Демидовых и прочих иметь вам смотрение, чтоб они те заводы по надлежущему строили и размножали, медь и железо делали как наилучше возможно, а негодного б железа и не чистой меди в продажу и отпуски не употребляли, и без клейма заводского ничего не продавали...».

Татищеву поручалось следить за оплатой труда мастеров на частных заводах, чтобы заводчики не переманивали друг от друга работников, не принимали беглых, не утесняли один другого на пристанях. Он должен был иметь обстоятельные известия об объеме выплавленной меди и чугуна, с которых платилась десятина, количестве проданного при заводах и отпущенного на сторону металла, подавать эти известия верховной власти. К каждому частному заводу Татищев должен был определить шихтмейстеров и дать им инструкцию, применяясь к опыту саксонских и шведских заводов.

Новому начальнику казенных заводов поручалось помогать промышленникам в размножении промыслов «советом и делом», быть арбитром в их спорах и распрях. Взаимоотношения между промышленниками и вотчинниками, между самими промышленниками, лишь намеченные Берг-привилегией 1719 г., Татищев должен был регламентировать в особом уставе, обсудить его с владельцами заводов и их приказчиками. Кроме того, ему поручалось изменить порядок взимания налога с промышленников. По Берг-привилегии они должны были платить государству $\frac{1}{10}$ часть получаемой прибыли, но из-за невозможности определить размеры прибыли Берг-коллегия

постановила брать по 1 коп. с пуда выплавленного чугуна. При этом не учитывалось, что заводовладельцы бесплатно пользуются землями и угодьями, принадлежащими помещику или государству.

Как справедливо отмечал Н. И. Павленко, В. Н. Татищев «был сторонником жесткой регламентации частной инициативы промышленников и требовал активного вмешательства абсолютистского государства в их деятельность»¹. Эти взгляды Татищева, как видим из текста именной инструкции 1734 г., поначалу получили полную поддержку верховной власти, заинтересованной в пополнении казны налогами, мерах борьбы с утаиванием истинных размеров производимой продукции.

По прибытии на Урал осенью 1734 г. Татищев начал активно разрабатывать два проекта законодательных актов, санкционированных императрицей: Наказ шихтмейстеру, регламентирующий права и обязанности правительственных чиновников по контролю за частными предприятиями, и Горный устав, посвященный проблемам взаимоотношений промышленников. По собственной инициативе Татищев приступил к разработке еще одного законопроекта — Заводского устава, определявшего права представителей коронной администрации казенных заводов. В Наказ шихтмейстеру и Заводской устав Татищев ввел нормы, касавшиеся устройства школ при частных предприятиях.

Являясь сторонником широкого открытия школ и распространения грамотности среди населения как средства, содействующего развитию промышленности, торговли, сельского хозяйства, важного способа религиозно-нравственного воспитания, обосновав свои взгляды на «умопросвещение» как основной двигатель прогресса в обширном философско-публицистическом трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», Татищев получил уникальную возможность на деле претворить свои идеи в жизнь. Для этого ему были даны самые широкие права, которыми ранее не располагал начальник обширного горнозаводского края, простиравшегося от Казани до Нерчинска.

Судя по распоряжениям, зафиксированным в дневальных книгах личной канцелярии Татищева, протоколах заседаний Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов с октября

¹ Павленко Н. И. «Наказ шихтмейстеру»... С. 201.

1734 г. по январь 1735 г. Татищев развернул активные действия по переписи детей школьного возраста, задумал открыть школы при всех казенных заводах, сделать обучение в них обязательным для всех детей мастеровых и заводских работников, солдат, разночинцев, в Екатеринбурге открыть первые школы повышенного типа. Действительно, почему владельцы частных предприятий, которых гораздо больше по численности, должны стоять в стороне от этих начинаний и по-прежнему оставлять детей в невежестве, почему бы и им не раскошелиться и не передать часть получаемой прибыли в пользу школ?

Выполняя важную историческую миссию, составляя законопроекты, которые должны были определить основы развития казенной и частной промышленности на многие годы вперед, стать новым шагом в развитии горного законодательства страны, Татищев не мог не отразить в них свои взгляды на важность развития школьного обучения детей при горных заводах. Татищев не мог не воспользоваться ситуацией и не попытаться утвердить свои взгляды в качестве высшей воли самого феодально-крепостнического государства. Именно так он мог обязать промышленников к открытию школ и обучению детей при своих предприятиях: противиться воле верховной власти они бы не посмели.

Разработка основ деятельности школ «попутно» с регламентацией чисто заводских проблем не являлась чем-то особенным для законодательства России XVIII в. Напротив, «попутная» регламентация деятельности учебных заведений — характерная черта школьного законодательства того времени. По нашим подсчетам, основанным на актах Полного собрания законов Российской империи, почти четверть постановлений о школах России XVIII в. была издана в виде отдельных глав, пунктов законодательных актов, затрагивавших широкий круг проблем, не имевших к школам прямого отношения: например, определявших функции государственных учреждений, должностных лиц и т. д.

Изучение комплекса документов Канцелярии Главного правления заводов и личной канцелярии Татищева позволяет утверждать, что раньше других был составлен Наказ шихтмейстеру. Н. И. Павленко датировал наказ 1735-м г., в публикации 1990 г. он датируется более определенно — не ранее 27 января 1735 г. — дня отправки его императрице для апробации.

Между тем окончание работы над наказом может быть точно датировано этим днем 27 января. В дневальной книге личной канцелярии Татищева как начальника заводов под этой датой записано: «Было собрание в доме... Татищева по полуночи в 11-м часу, г-н советник Хрущов, главный казначей Гордеев слушали шихтмейстерскую инструкцию и по оному розсуждали и по розсуждении приказали протоколисту в некоторых пунктах пополнить»¹. К сожалению, неизвестно, какие поправки были внесены в текст в ходе обсуждения. В тот же день Татищев написал в доношении Кабинету министров: «Наказ я сочинил сам, при сем посылаю»².

Наказ состоит из 10 глав, определявших круг обязанностей шихтмейстеров по контролю за частными предприятиями. Нас интересует 9-я глава, носящая название «О содержании церквей и школ». Она включает в себя введение и три развернутых пункта³.

Во введении Татищев обосновывает необходимость знания и соблюдения «законов божественного и гражданского» как основы всякого благополучия человека: «ибо во оных все то содержится, что к нашему здравью, пропитанию и продолжению живота, а по смерти к вечному блаженству принадлежит...». Но как, вопрошает Татищев, «тот может закон или волю законодавца знать, или памятовать и хранить, которой того не учится, не слышит и, об этом не ведая, не мыслит». Он подвергает резкой критике промышленников, которые не заботятся о своих людях, «коих бы сердца способными к возвращению слова Божия быть могли, разными образы того лишают, как то видно, что многие промышленники, великия заводы построя и множеством людей населя, от избытков дома каменные построили и прочее, а церкви ни в десяти верстах и далее, ниже священников и учителей содержать не хотят и тем неповинно множество людей губят. Некоторые же содержат под именем священников бродяг непотребных и ни в чем знания имущих, от которых вместо пользы сугубой вред родится».

Ясно, что Татищев видит в посещении церковных служб и школ важный элемент нравственного воспитания общества. В первом

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1527. Л. 35.

² Там же. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 63 об.

³ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 223—225.

пункте главы он излагает программу религиозно-нравственного воспитания взрослого населения и учащихся школ, за претворением в жизнь которой должен следить шихтмейстер: «прилежать тебе, чтоб при каждом заводе (ежели где в пяти верстах церкви не обретаются) церковь по возможности промышленника построена была...». Татищев оговаривается: «Ежели же за новостию коего завода или мало-стию людей собственную церковь строить промышленник способа не имеет, а вблизи церкви находится, то понуждать к хождению церкви, как ниже показано».

Таким образом, Татищев справедливо полагает, что промышленник, владеющий заводом, обязан сделать так, чтобы церковь в пределах 5 верст от предприятия обязательно действовала: край полон леса, проблем с поиском рабочих рук нет, суммы на строительство и оборудование церкви уйдут совсем незначительные.

Шихтмейстер должен был «священника требовать от архиерея, а вольных бродяг в противность указа не принимать и ни под каким видом не держать», т. е. на него возлагалась ответственность за подбор кадров священнослужителей. На территории горного ведомства Татищев взял под жесткий контроль членов Канцелярии Главного правления заводов круг лиц, посвящаемых не только в попы и дьяконы митрополитом Тобольским и Сибирским Антонием, но и назначаемых в дьячки и пономари, и обосновал право светского ведомства диктовать свою волю духовному на одном из заседаний Канцелярии летом 1735 г. тем, что «все заводы казенные и портикулярные, и к ним приписные слободы поручены в главную команду нам и за первейших прихожан во всем здешнем ведомстве почитаемся мы»¹. Неудивительно, что на территории частных заводов контроль за комплектованием причта поручался шихтмейстеру как представителю государственной власти.

Шихтмейстер должен был проследить и за обеспечением духовенства богослужебными, учительными книгами, что позволило бы повысить качество церковных служб: «К тому ж иметь книги церковные, яко служебные, тако и для чтения церковных учителей». Именно шихтмейстер должен был позаботиться, чтобы при церквях

¹ См.: Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С. 89—91.

были важнейшие печатные законы, которые бы служители доводили до народа во время служб: «для знания воли монаршей и закона гражданского уложение и все уставы и указы печатные, которые в книгах собраны или впредь выдаваться будут, и из оных нужные всенародному знанию читать в год не меньше трех раз при собрании народном в церквах и младенцам в школах».

Такая практика имела место при казенных заводах, Татищев хотел распространить ее и на частные. О материальной стороне дела умалчивалось, но, думается, все эти книги должны были приобретаться за счет заводоладельцев, а наиболее важные законы печатались и рассылались из центра, доходили и до контор заводчиков.

Шихтмейстерам полагалось следить за тем, чтобы народ на частных заводах в воскресные и праздничные дни не работал и обязательно посещал церковные службы, они снабжались росписью таких праздничных дней. Роспись была составлена Татищевым для казенных заводов, в нее вошли праздники государственные, церковные, дни тезоименитств правящей императорской фамилии. Лиц, дерзнувших в эти дни работать, шататься по улицам, торговать приказывалось штрафовать согласно российскому указу от 17 февраля 1718 г.

Расписывались размеры штрафов за работу в праздничные и воскресные дни, за нехождение в церковь, отказ от исповеди и причащения. С самих промышленников и приказчиков Татищев предписал брать за непосещение церкви «против купцов» в первый раз по 1 руб., второй — по 2 руб., третий — по 3 и т. д.; с мастеров и работников — соответственно по 5, 10, 15 коп. Из штрафных денег $\frac{1}{3}$ предписывалось отдавать тому, кто приведет, а $\frac{2}{3}$ — на школу и церковь. О раскольниках шихтмейстеры должны были прислать в горное начальство роспись, следить, чтобы они платили налог за раскол.

Пункт 3-й главы 9 целиком посвящался вопросам организации учебных заведений: обосновывались причины их открытия, место расположения («при каждом заводе»), состав учащихся («всех обывателей дети, какова б звания ни были»), возраст принимаемых (от 6 до 12 лет), программа обучения (чтение, письмо, арифметика, геометрия). Вопрос с учителями решался лишь в общих чертах — учить «церковному дьячку или сыскав особно способного человека», а если его не окажется, то самому шихтмейстеру, «колико возможно».

Прежде всего хотелось бы отметить общее значение этих кратких, лаконичных норм. По сути, они знаменовали собой начало новой государственной политики, обязывающей промышленников Урала создавать при своих заводах школы и обучать в них детей заводских жителей.

Единственный раз до этого правительство предприняло подобную попытку: в 1702 г. Никите Демидову была вручена «память», составленная думным дьяком А. Виниусом на основе «указных статей» Петра I, один из пунктов которой предписывал построить при заводе церковь, «а у церкви... деткам школы и больным — больницы»¹. Речь шла об открытии школы при Невьянском заводе — единственном тогда частном предприятии Урала, переданном Никите Демидову казной. Некоторые историки совершенно неправомерно трактовали этот нормативный документ как претворенный в жизнь, хотя ни одного факта, подтверждающего его практическое исполнение, никем никогда не приводилось. Во всяком случае, в середине 30-х гг. XVIII в. ни на одном частном предприятии Урала школ не было, а потребность в грамотных удовлетворялась благодаря обучению некоторых детей по инициативе родителей у мастеров грамоты, за плату.

В Наказе шихтмейстеру Татищев вел речь об организации школ при всех частновладельческих предприятиях. Новизна и прогрессивность этой меры станет более понятной, если учесть, что в середине 30-х гг. XVIII в. Урал являлся главным металлургическим центром страны, понятие «уральская промышленность» по существу совпадало с понятием «промышленность России». К 1735 г. по нашим подсчетам здесь действовало 16 казенных заводов и 25 частных. Для большей наглядности приведем список последних с указанием даты их основания и фамилий владельцев (табл. 1).

¹ См.: Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 129—136; Шишонко В. Пермская летопись. Пятый период. Ч. 3. Пермь, 1889. С. 35.

Т а б л и ц а 1

*Частные заводы Урала и их владельцы (по данным 1735 г.)**

№ п/п	Дата открытия	Заводы	Владельцы
1	1730	Анцубский	Вяземские, с 1735 г. — С. Иноземцев
2	1733	Билимбаевский	Строгановы
3	1718	Быньговский	А. Н. Демидов
4	1720	Верхнетагильский	»
5	1722	Выйский	»
6	1725	Давыдовский	Н. Н. Демидов
7	1728	Иргинский	П. И. Осокин
8	1733	Кирсинский	Г. М. Вяземский
9	1732	Коринский	Г. Красильников и И. Небогатов
10	1723	Лайский	А. Н. Демидов
11	1704	Мазуевский	Н. И. Огнев
12	1701	Невьянский	А. Н. Демидов
13	1725	Нижнетагильский	»
14	1734	Ревдинский	»
15	1729	Суксунский	»
16	1726	Таманский	Строгановы
17	1731	Троицкий	А. Турчанинова**
18	1729	Уткинский	А. Н. Демидов
19	1728	Черноисточинский	»
20	1732**	Шайтанский нижний	Н. Н. Демидов**
21	1727	Шайтанский	А. Н. Демидов**
22	1732	Шилвинский	Е. И. Небогатов
23	1716	Шуралинский	А. Н. Демидов
24	1732	Шурминский	А. Прозоров и В. Дряхлов
25	1733	Юговской	Г. П. Осокин

* Составлено по: Горные и металлургические заводы Урала, XVII—начало XX в.: (Указатель) / Сост. Е. Ю. Рукосуев. Екатеринбург, 1996; *Черноухов А. В.* Указатель металлургических заводов Урала // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 572—576; Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 231.

** Отмечены уточненные автором данные.

Из приведенной таблицы ясно, что более половины уральских частных заводов находилось в руках Демидовых — богатых заводо-владельцев, два принадлежали Строгановым, но никто из промышленников не спешил вкладывать капиталы в организацию школ: все они на первоначальном этапе развития частной промышленности думали лишь о получении прибыли.

Татищев, как человек, всю жизнь ратовавший за государственные интересы, решил волею верховной власти заставить заводо-владельцев изменить свои узкособственнические интересы и повернуться лицом к интересам общественным. Введение на частных заводах обязательного школьного обучения детей на уровне закона, безусловно, способствовало бы росту грамотности, подъему культурного уровня горнозаводского населения, в конечном счете положительно сказалось бы и на развитии самой частной промышленности.

Поскольку в XVIII в. овладение квалификацией, заводской специальностью требовало знания основ грамоты, счета, иногда умения делать простые геометрические построения, школьное обучение открыло бы доступ к овладению этими специальностями более широкому кругу детей, лишенных возможности получить основы грамоты на дому.

Рассмотрение Наказа шихтмейстеру в ряду других законодательных актов первой трети XVIII в. позволяет выделить такую его особенность, как наличие глубокой мотивации открытия учебных заведений — до этого развернутое обоснование имело место лишь в Духовном регламенте 1721 г., составленном Ф. Прокоповичем, и Уставе Кадетского корпуса 1731 г., краткие — в Манифесте 1730 г. об учреждении Кадетского корпуса, Регламенте Главного магистрата 1721 г. и законодательном акте 1732 г. о гарнизонных школах¹.

Если во введении к главе необходимость открытия школ обосновывалась требованиями активного воздействия на формирование мировоззрения, нравственных основ, то в самой главе развивалась мысль об определяющем значении школ для успешного развития промышленности, только намеченная Татищевым в Наказах комиссарам казенных заводов 1721, 1723 гг.: «Понеже при заводах умеющих читать и писать не только в правлении и надзирании, но и во

¹ ПСЗРИ. Т. 6. № 3718. С. 330—331; Т. 8. № 5881. С. 557; Т. 6. № 3708. С. 302; Т. 8. № 5518. С. 257; № 5811. С. 519; № 6188. С. 928.

всех ремеслах весьма нужны, наипаче же арифметика и геометрии лучшие к разсуждению способы подают и как в счислении приходов и расходов, так в сочинении чертежей весьма полезны, того ради необходимо нужно при каждом заводе иметь особливую школу...». Такая мотивировка являлась совершенно новой для законодательства России того времени.

Поскольку число частных заводов на Урале в 1735 г. равнялось 25, то и школ должно было появиться по меньшей мере 25 для обучения грамоте и столько же могло открыться для обучения математике, в случае если бы эти предметы вели разные учителя (в первой половине XVIII в. при казенных заводах словесные и арифметические школы, имевшие разных учителей, считались самостоятельными учебными заведениями).

Следует подчеркнуть, что благодаря открытию школ в каждом горно-заводском поселке обучение проводилось бы по месту жительства детей, в то время как подавляющее большинство учащихся в первой половине XVIII в. из-за редкой сети школ отрывалось от дома на десятки и сотни верст, на долгое время теряло с ним связь.

Прогрессивный характер имело и положение об обязательности школьного обучения детей всех жителей заводов, «какова б звания ни были». По-видимому, шихтмейстеры получили конкретные перечни тех слоев населения, из которых следовало набирать детей, так как в резолюции Канцелярии Главного правления заводов, вынесенной 30 мая 1735 г. на прошение промышленников, отмечалось: «в школы велено писать детей прикащиков, подьячих, надзирателей, мастеров, подмастерьев и тому подобных (т. е. заводских работников. — А. С.), яко же и посадских, а крестьян и бобылей, кои пашнею питаютца, тех не брать, разве кто сам учить сына похочет»¹. Таким образом, на детей крестьян принцип обязательности обучения не распространялся, но в школы могли приниматься все желающие, что, безусловно, являлось выражением передовых взглядов Татищева, который в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах», доказывая «вред от неучения народа», писал: «Я же рад и крестьян иметь умных и ученых»². О возложении на детей крестьян школьной

¹ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 234.

² Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 86.

повинности в условиях их фактически крепостной зависимости от заводовладельцев, конечно, не могло идти и речи.

Обращает на себя внимание установление Татищевым точной и сравнительно широкой возрастной границы приема детей в школы — от 6 до 12 лет, что преследовало, видимо, определенную цель — устранить лазейки для промышленников и охватить обучением как можно более широкий круг детей. В предшествующих нормативных документах Татищева 1721—1723 гг., касавшихся казенных заводов, речи о возрасте принимаемых вообще не велось, как, впрочем, и во многих законодательных актах начала XVIII в., что объяснялось заинтересованностью государства в широком притоке обучающихся в только что начинавшую тогда складываться сеть государственных школ.

Новшеством для законодательства являлся 6-летний возраст определяемых к обучению: в цифирные школы по указу 1714 г. и в семинарии, согласно Духовному регламенту, принимались дети с 10 лет (они уже должны были уметь писать), в архиерейские школы по указу Синода 1722 г. — с 7 лет, в Кадетский корпус — с 13 лет (указ 1731 г.); в законе 1732 г. о гарнизонных школах прямо указывалось, что дети «меньше семи лет к наукам не способны... напрасно будет им в таком сущем малолетстве труд и на них излишний расход»¹. Татищев же в данном случае выступил как сторонник раннего обучения детей. Свою точку зрения на это он обосновал в «Разговоре»: ребенок «любопытен, ибо о всем спрашивает и знать хочет, и для того к научению легких наук, о котором немного думать надобно, он лучшее время имеет... его ум власно как мягкой воск, к которому все легче прилепится, но когда застарееет, не скоро изкорениться уж может»². В Наказе шихтмейстеру он постарался провести свою точку зрения в жизнь.

Показательно введение в программу обучения на частных заводах наряду с чтением и письмом арифметики и даже геометрии. Последняя по Наказу Татищева заводскому комиссару 1723 г. должна была преподаваться лишь в одной из казенных школ — при новом

¹ ПСЗРИ. Т. 5. № 2778. С. 86; Т. 6. № 3718. С. 337; № 4021; Т. 8. № 5811. С. 519; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 325. Л. 4 об.

² Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 67.

Екатеринбургском заводе. В середине 30-х гг. XVIII в. Татищев задумал ввести обе части математики в программу обучения при всех казенных предприятиях (об этом появились нормы в Заводском уставе), подобную же программу предусмотрел и для школ частных. Думается, речь о геометрии велась с прицелом на будущее: сначала следовало обучить детей грамоте, от нее перейти к арифметике, потом уж приступить к основам геометрии. На это должно было уйти несколько лет. Безусловно, введение арифметики и геометрии в программу обучения способствовало бы широкому распространению математических знаний на горнозаводском Урале, явилось бы крупным прорывом в масштабах всей страны: мало в каких начальных учебных заведениях велись эти предметы.

Подбор учительских кадров для частных школ Татищев возложил на шихтмейстеров, которые должны были найти способного свободного человека, если же это было затруднительно, использовать для обучения грамоте церковных дьячков, а математике обучать самим, «колико возможно». Кстати, подобная практика уже имела место в 1720-х гг., первый период руководства заводами Татищева. В 1730—1740-е гг. дьячков в словесных казенных школах заменили ссыльнопоселенцы, в арифметических порой использовались шихтмейстеры.

В Наказе шихтмейстеру отсутствовали нормы об организации самого обучения, чему немалое место уделялось в документах 1721, 1723 гг. Судя по фразе — «каким образом оную школу содержать, тому правила, предписанные тебе, сообщаются», — нормы наказа дополняла специальная инструкция, регламентирующая непосредственно школьный процесс. Логично предположить, что она была составлена самим Татищевым, в таком случае мы можем поставить вопрос о вероятности существования еще одного его произведения, не известного до сих пор, посвященного собственно школьному обучению. Текст этой инструкции нам, к сожалению, обнаружить пока не удалось.

Татищев не ограничился нормами об организации школ при частных заводах, поскольку понимал, что это процесс длительный: пока подберут помещение, найдут учителя, закупят книги, соберут детей, не один год уйдет и на их обучение грамоте, основам математики. Татищеву хотелось побыстрее подготовить хотя бы узкий круг образованных людей для частных заводов. По инициативе Татищева

в том же январе 1735 г. четверо юношей, сыновей горной администрации казенных заводов, были отправлены для обучения в Санкт-Петербург в гимназию Академии наук; трое — за границу, на заводы Саксонии (последних, правда, верховная власть завернула из Петербурга на Урал).

Татищев решил, что для ускоренной подготовки нескольких юношей для частных заводов вполне подойдут школы, открывающиеся при казенных, в частности школы повышенного типа Екатеринбурга: действующая с 1724 г. арифметическая, готовящиеся к открытию немецкая и школа рисования. Для новых школ через Кабинет министров и Академию наук из центра уже были запрошены учителя, учебные пособия. В январе же 1735 г. было принято решение об открытии школ при всех казенных заводах для обучения чтению, письму, математике.

Поэтому в конце главы Татищев предписал: «...доколе оные при партикулярных заводах школы в состояние придут и на все заводы ко определению шихтмейстеры способные явятся, надлежит вам, выбрав с каждого завода по два человека, умеющих грамоте, ис прикащиков или подьяческих детей к научению способных и выслать на казенные заводы в школу, которая ближе, где их будут обучать без требования от них за ученье. На пропитание же и одежды должны им промышленники от себя надлежащее дать».

Татищев, видимо, надеялся, что арифметические школы при казенных заводах начнут действовать раньше, чем при частных. На наш взгляд, он переоценивал возможности казенного ведомства: в момент составления Наказа шихтмейстеру, в январе 1735 г., продолжали действовать лишь две школы при Екатеринбургском заводе (словесная и арифметическая), при других заводах словесные начали открываться с марта месяца, арифметические же, куда могли определить обученных грамоте подростков с частных предприятий, открывались по мере овладения грамотой набранных учиться детей. При Каменском заводе арифметическая школа появилась в ноябре 1736 г., при Алапаевском — в январе 1737 г., при других — в 1738 г. и позднее.

В заключении к инструкции Татищев предписал: «И сверх того иметь тебе при себе для обучения содержанию книг и сочинения щетов двух человек». Т. е. подготовку квалифицированных конторских слугителей на месте должен был осуществлять и сам шихтмейстер.

Придавая большое значение инструкции шихтмейстеру, Татищев просил Кабинет министров ее опубликовать. В этом случае обязательный характер норм, предписываемых заводчикам уже от имени государства, приобретал широкую известность, в том числе и среди народных масс. Ведь законодательные акты особой важности подлежали чтению в ходе церковных служб, недаром и шихтмейстерским наказом полагалось читать их «в год не меньше трех раз при собрании народном в церквях и младенцам в школах».

Какова была реакция верховной власти на нормы Наказа, сочинение которого поручалось Татищеву именной инструкцией 1734 г.? Как уже отмечалось, текст Наказа шихтмейстеру после обсуждения в уральской Канцелярии 27 января 1735 г. был отправлен при доношении императрице, получен ею 10 марта, через полтора месяца¹.

Именным указом от 25 апреля 1735 г. Татищеву объявлялось, что присланная от него инструкция будет рассмотрена в Коммерц-коллегии, потом для апробации подастся в Кабинет, после чего «публикована быть может»². В Коммерц-коллегию она поступила 14 апреля 1735 г., в мае коллегия подала о ней «рассуждение» Кабинету министров³.

По большинству положений члены коллегии выразили несогласие с Татищевым, заявив о слишком большом ущемлении прав заводчиков. Одобрив заведение церквей и школ как «весьма полезное дело», коллегия эти положения предложила изменить: «хотя не на всяком заводе, однако ж на главных заводах церкви построить и школы содержать надлежит по возможности промышленников, а не в неволю и не в таком малом расстоянии верст, как в той инструкции написано»⁴. По сути, обязательный характер предписания предлагалось отменить и решение вопроса передать на усмотрение самих промышленников.

Между тем Татищев, не дожидаясь санкции верховной власти, уже в январе 1735 г. начал претворение Наказа шихтмейстера

¹ См.: *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 176.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 281 об.

³ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 235—240.

⁴ Там же. С. 239.

в жизнь. И сразу же он столкнулся с проблемой нехватки подготовленных для исполнения этой должности людей. Еще в марте 1734 г., вслед за появлением именной инструкции, узаконившей институт шихтмейстеров, в бумагах Кабинета министров было зафиксировано распоряжение: отправить указ в Сенат, чтобы Татищева «требования выслушали и скорое решение учинили», дали людей из заслуженных и небогатых гвардии унтер-офицеров и рядовых 10 человек, «да из школ Адмиралтейской (имелась в виду Морская академия. — А. С.) и Артиллерийской 12 человек», а также из отставных¹. Требуемое число учеников Татищев получил из Морской академии и Инженерной школы, но их было явно недостаточно для назначения в шихтмейстеры, к тому же часть столичных школьников была назначена на вакантные должности при казенных заводах.

3 января 1735 г. уже из Екатеринбурга Татищев просил Анну Иоанновну: «не соизволите ли... повелеть ис Кадецкого корпуса из небогатого шляхетства для определения на партикулярные заводы в шихтмейстеры человек семь или восемь прислать сюда на завод, понеже по многим требованиям от губернаторов и воевод шляхетских детей и других чинов людей не прислано...»². Татищев понимал, что шихтмейстерами лучше назначить выходцев из дворянского сословия — их команды легче будут исполняться на заводах.

27 января 1735 г., в день окончания работы над Наказом, Татищев наряду с доношением императрице отправил письмо и кабинет-министрам, опять просил «для определения на партикулярные заводы из небогатого шляхетства обученных арифметики и геометрии человек 10 или 12, ибо мы по требованиям от губерний не токмо людей, но ведомостей получить чрез 3 месяца не могли...»³. Именным указом от 25 апреля 1735 г. Татищева уверили, что из шляхетства 10 человек обученных арифметике и геометрии из Морской академии, 7 кадетов из Кадетского корпуса, когда представлены будут, пришлются немедленно⁴. Но Адмиралтейская коллегия на предписание

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 16.

² Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 77.

³ Там же. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 63.

⁴ Там же. Л. 259.

верховой власти ответила, что в Морской академии дворян, обученных математике, нет ни одного человека, лишь четверо обучаются геометрии, двое – арифметике¹, т. е. и в столичных учебных заведениях найти знающих математику дворян было непросто.

В сентябре 1735 г., сообщая Анне Иранновне о богатствах горы Благодать, Татищев опять просил прислать майора или подполковника к земским делам, прапорщиков «письмоумеющих и не пьяниц» до 6 человек, «из казанского небогатого шляхетства человек 15 определить, которые б способны были в школе арифметики и геометрии научиться», дипломатично намекал: «а ис школ по определению в. и. в. назначенного числа с великим желанием ожидаю»².

Но кандидаты в шихтмейстеры из центра так и не были отправлены, Татищеву пришлось довольствоваться теми людьми, которые имелись при казенных заводах. Предварительное назначение шихтмейстеров прошло 25 ноября 1734 г. После составления Наказа их переназначили («по лутчему усмотрению состояния людей и заводов»): 11 февраля 1735 г. Канцелярия Главного правления заводов определила «оных шихтмейстеров имена в наказы внести и их на заводы разослать по тому реестру...»³. Вместо 25 шихтмейстеров с трудом набрали 13, некоторым поручили надзор за 2—3 частными предприятиями⁴.

Как отмечал Н. И. Павленко, вначале заводчики приняли новость о назначении шихтмейстеров благосклонно, их привлекла разрекламированная идея Наказа о возможности контроля за приказчиками, которые уже не смогли б обманывать хозяев в их отсутствие, обижать наследников после смерти владельцев, должны были вести приходно-расходные книги и т. д. Но как только промышленники познакомились с содержанием Наказа и увидели попытки его претворения в жизнь, «отношение к нововведению Татищева изменилось коренным образом»⁵.

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 12. Л. 173.

² Там же. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 145 об.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 87.

⁴ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 205—208.

⁵ Там же. С. 203.

В марте 1735 г. в Канцелярию Главного правления заводов было подано коллективное прошение за подписью трех владельцев частных заводов и восьми приказчиков¹, составители которого побоялись отрицать татищевский документ в целом и выступили лишь против введения новых форм учета прихода-расхода денежной казны и припасов, требовавших увеличения числа подъячих при частных заводах, против выплаты жалованья работным людям за дни болезни и вынужденного простоя заводов и против обязательного обучения в школах детей от 6 до 12 лет. Это уникальный документ, как отмечал Н. И. Павленко, — первое известное нам коллективное прошение промышленников и выступивших от имени своих хозяев приказчиков.

Прохшение датируется 11 марта 1735 г. Накануне, 10 марта, всем участникам совещания по обсуждению Горного устава разрешено было покинуть Екатеринбург в связи с подготовкой к отправке весенних караванов. Свободные от дел промышленники и их приказчики решили подать прошение в Канцелярию Главного правления заводов, адресовав его Анне Иоанновне. Писал прошение служитель Акинфия Демидова Степан Сергеев. Подписали его компанейщики Григорий Вяземский, Иван Небогатов, Александр Прозоров, три приказчика Акинфия Демидова (Степан и Яков Егоровы, Степан Петелин), приказчики Никиты Демидова (Терентий Мосалов), Петра Осокина (Родион Набатов), компанейщиков Семена Красильникова (Федор Неклюдов), Гаврилы Осокина (Мокей Сорокин).

Недовольство школьным обучением они объясняли тем, что дети «при партикулярных заводах во оном возрасте многия заводские работы исправляют, а имянно при добыче железных руд носят руду для обжигания на пожечи и в протчих поденных легких работах и на лошадях возят всякие припасы и в других разных услугах и у мастерств в науках бывают, а платы получают по две и по три копейки на день. И ежели их от тех работ отлучить, то принуждены будем от того ж дела давать по шести копеек на день, от чего и на зделанныя припасы цены возвышатца. А паче же за оскудением в совершенном возрасте работных людей многия заводския работы остановятца, и в. в. интерес и всенародная польза умалитца, и впредь заводов размножать ревностной охоты не будет, но и старыя содержать будет невозможно»².

¹ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 228—231.

² Там же. С. 229—230.

Таким образом, недовольство объяснялось чисто экономическими причинами — нежеланием заводчиков уменьшать размеры получаемой прибыли. В скрытой форме, на наш взгляд, это фактически резкий протест против принципа обязательности обучения детей от 6 до 12 лет на частных заводах, провозглашенного Наказом. Отсюда и коллективная просьба — «в школах обучать тех, кои кроме мастерских наук и завоцких работ имеютца свободны»¹.

Татищев, видимо, специально тянул с рассмотрением этого документа. Только 30 мая 1735 г. прошение обсуждалось на расширенном заседании Канцелярии. По всем его пунктам давалась резкая отповедь, в том числе и в отношении устройства школ. Вновь обосновывалась их польза для заводов, отрицалась выгода детского труда: «О школах, чтоб не обучать детей, представляют и просят весьма против пользы заводов, но разве для опасности, чтоб безумные и суеверные расколы не искоренились, и междо незнающими плутовство удобнее вкореняться могло». Татищев явно сам формулировал это определение, он привел пример из практики казенных заводов, когда в 1721 г. открывалась школа при Уктусском заводе, многие мастера противились, но благодаря школам «не токмо канцелярия подъячими, но многие ремесла грамоте, арифметике и геометрии умеющими удовольствованы и от того к по[н]ятности и разсуждению есть им немалой способ и могут лутче и скорее делать...». На частных же заводах, как показывают сами приказчики, «в подьячие определить за неумением грамоты некого»².

Татищев выступил резко против довода заводчиков и приказчиков об использовании детей на легких поденных работах: «Что же они написали, якобы младенцы от шести лет в работы употребляютца, оное сущая неправда, ибо таковой ничего работать не может, да хотя б его и послать да две копейки дать, то их десять против одного работника не зделают, да и то не всегда такие работы бывают, и для того надобно детям оным резвостью и безпутством время препровождать, к тому ж в школы велено писать детей прикащиков, подьячих, надзирателей, мастеров, подмастерьев и тому подобных, якоже и посадских, а крестьян и бобылей, кои пашнею питаютца, тех не брать, разве кто сам учить сына похочет. Когда же обучатся,

¹ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 230.

² Там же. С. 233-234.

а в лета к работе возможные придут выше двенадцати лет, тогда их в работы определять наука не мешает». Ясно, что Татищев предполагал уложить весь курс обучения в школах в 7 лет.

Эту резолюцию помимо Татищева подписали еще 8 членов горной администрации: прошение обсуждалось на расширенном заседании Канцелярии. Хотя Татищев преднамеренно говорит только о 6-летних детях, следует признать, что доводы его вполне логичны в отличие от доводов другой стороны. Копия этого прошения с резолюцией Канцелярии была отправлена для ведома верховной власти, но не остановила действий Татищева.

После написания Наказа шихтмейстеру Татищев приступил к разработке Заводского устава, регламентировавшего обязанности лиц коронной администрации казенных заводов. 30 мая 1735 г. он сообщил кабинет-министрам: «Устава часть некоторую я сочинил, а другое сочинять оставляю советнику Хрущову, чтоб без меня потрудились, иное возьму с собою и по досугу буду в езде делать... оное, что сделано, пришлю немедленно»¹. 26 июня восемь глав устава были отправлены на высочайшее рассмотрение и утверждение². Положения о школах были введены Татищевым в 4 главы из 8, содержались в 14 пунктах из 157, почти все они касались школ при частных предприятиях.

В 1-ю главу устава, определявшую круг обязанностей главного правителя заводов, Татищев ввел пункт 29 под названием «О школах и учении», где изложил обязанности начальника по их устройству³. В нем кратко формулировались причины организации школ («для всеяния слова Божия и умножения к пользе заводов принадлежащих наук»), декларировалась сама обязанность начальника («устроить школы, принять искусных и способных учителей, купить полезные книги и инструменты»), определялся социальный состав учащихся (дети управителей, церковнослужителей, приказных, мастеров и «всякого звания заводских жителей, кроме крестьянских»), начальный возраст обучения («от 6 лет»), программа обучения («чи-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 99.

² См.: Там же. Оп. 22. Д. 1528. Л. 130 об.

³ См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 2. С. 190—191.

танию и писанию русскому, так и арифметике и геометрии, а способнейших... немецкому и латинскому языкам, также математике и другим высшим наукам, наипаче закону Божию и гражданскому»), содержалось общее указание на определение казенного жалованья «неимущим» и преимущественное распределение обучавшихся к делам, представления в чины, «дабы на то взирая, другие охотнее о науках прилежали».

Сам факт включения этих положений в главу о должности начальника заводов свидетельствует, что устройство школ при заводах Татищев стремился закрепить в законодательстве как одну из основных обязанностей главы уральской промышленности. Правда, четкого указания, распространяются ли эти нормы на частные заводы, не дал. Недаром промышленники и их приказчики позже, при обсуждении Заводского устава, вынуждены были гадать, касаются их эти нормы или нет.

Напрямую затрагивала материальные интересы заводчиков 5-я глава Заводского устава «О должности главного казначея и его способности»: в пунктах 7—13 Татищев обосновал новый порядок взимания налогов с промышленников в пользу государства. По примеру других европейских стран вместо 1 коп. с пуда выплавленного металла владельцы «железных и медных» заводов обязывались отчислять в казну 5 пудов с каждой сотни изготовленной продукции, платить за отведенные им леса по 2 пуда, владельцу земли, на которой добывалась руда, — 1 пуд, на которой стоял завод, — 1 пуд, на содержание школы и богадельни — 1 пуд. Владельцы золотых и серебряных заводов обязывались платить десятину с прибыли в тех же пропорциях, владельцы «минеральных» заводов, выпускавших серу, селитру и т. п., фабрик проволочных, якорных, котельных и других — пошлину общим размером не в 10, а в 5 пудов¹.

Хотя Татищев не указывал прямо, на содержание каких школ должен был идти налог — государственных или открывавшихся при частных заводах, ясно, что подразумевались школы частные. В формулировке норм не раз повторялась фраза о налоге «с заводов» (во множественном числе) «на школу, богадельню». Татищев, будучи здравомыслящим человеком, не мог посягнуть на прибыль заводовладельцев в пользу казенных школ.

¹ Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 7. С. 1—6.

Эти положения законопроекта имели важное значение: по сути, Татищев таким образом пытался ввести государственное регулирование отчислений на школы при частных предприятиях. Твердая норма налога с промышленников на содержание богаделен и школ — по 1 пуду продукции со 100 пудов выплавленного металла — была призвана обеспечить эту важную социальную сферу достойным содержанием и пресечь в будущем попытки заводчиков сократить или вовсе прекратить передачу средств на обучение детей.

Обращает на себя внимание тот факт, что в законодательстве Саксонии и Богемии, на которое ссылался Татищев, налог с промышленников использовался на церкви и богадельни. Татищев же церкви заменил школами. Эта замена, видимо, не случайна и отражает стремление Татищева при всем почитании им церкви как идеологического оплота государства в первую очередь гарантировать источник средств на содержание школ. Характерна в этой связи и следующая деталь: от налога с готовой продукции владельцы заводов могли освобождался в первые три года, налог же на школы и богадельни должен был платиться с момента пуска предприятия.

В декабре 1734 — марте 1735 гг., ноябре 1735 — январе 1736 гг. в Екатеринбурге проводилось обсуждение подготовленных частей Горного и Заводского уставов на объединенных совещаниях представителей Канцелярии Главного правления заводов и промышленников (Демидовы и Строгановы направили вместо себя приказчиков). В Горном уставе, регулировавшем спорные вопросы между промышленниками, нормы, касавшиеся школ, отсутствовали. Заводской устав обсуждался в ходе второго совещания, в ноябре 1735 — январе 1736 г., и по 8 его пунктам из 14, касавшихся школ, промышленники выразили свое несогласие.

В своем общем мнении на 29-й пункт 1-й главы и 9-й пункт 6-й главы, в которых содержались общие положения об устройстве школ при заводах, адресованные начальнику заводов и главному межевщику, заводчики и их приказчики заявили: «в школы на партикулярных заводах, чтоб брать не всех мастерских и других званий людей детей, но и по препорции, по величине завода, дабы излишним рас-

ходом к тому учению маломочных заводчиков не отягатить, и оттого б у них в ремеслах и государственной прибыли уменьшения не воспоследовало»¹.

Учитывая, что в марте 1735 г. в прошении по поводу Наказа шихтмейстеру они просили разрешения обучать лишь детей, свободных от работ, в этом мнении содержался новый вариант предложений заводчиков, по-прежнему стремившихся избежать обязанности обучения всех детей: брать в школы детей «по препорции», в зависимости от величины завода.

По поводу взимания налога на содержание богаделен и школ (гл. 5, п. 9) мнения разделились, и были поданы предложения отдельно тремя группами заводчиков и их приказчиков, но в принципе они повторяли и дополняли друг друга. Группа из 8 человек (берг-мейстер Каргин, заводчик Семен Красильников, приказчики Акинфия Демидова — Яков Егоров, Степан Петелин, Григорий Осипов; Никиты Демидова — Терентий Масалов; Петра Осокина — Родион Небогатов; Гаврилы Осокина — Мокей Сорокин) высказалась решительно: «на школу и богадельни чтоб платеж отменить, для того что у промышленников по новосочиненному уставу будут иметься свои школы, а для пропитания убогих всякому на своих заводах потребно содержать богадельни ж, у которых уже и есть»².

Приказчики Строгановых Бушуев и Наумов расценили этот налог с промышленников «в немалую тягость, понеже имеет быть против горной привилегии»; заводчик Карп Вяземский, компанейщик Александр Прозоров, приказчик вдовы Турчаниновой Архип Токмаков — как «вящее заводчикам отягощение»³.

Трое последних подметили недоработку норм о налогах в пользу школ: «Богадельны и школы збором от партикулярных заводов, как в том уставе упомянуто, содержать, а где оные состоять будут, того в том уставе не изъяснено. Ежели при казенных заводах — то те содержатны быть могут прибылью от казенных, а не от партикулярных заводов, понеже в данном шихтмейстерам наказе объявлено, что на

¹ Исторический архив. 1953. Т. IX. С. 132.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 138, 139.

каждом заводе школы и богадельны промышленникам содержать велено самим. Буде ж збор такой с промышленников спрашиван быть имеет, то им будет не без тягостения, и разумеется, что с партикулярных заводов от промышленников оного спрашивать не надлежит, и тем их не отягощать¹.

Заметим, как ловко двое заводовладельцев и приказчик воспользовались упущением Татищева — отсутствием прилагательного «частные» к слову «заводы», чтобы не давать напрямую отрицательного ответа по поводу норм отчислений в пользу школ: школы при казенных заводах «могут» содержаться за счет прибыли от этих заводов, вводите эти нормы, мы не возражаем, ведь заводчики сами будут содержать школы.

Возвращаясь к мнению основной части промышленников (Демидовы в лице их приказчиков), отметим, что они сознательно извратили смысл положений законопроекта о материальном содержании школ, приписав Татищеву стремление использовать частные капиталы на содержание учебных заведений как при частных, так и при казенных предприятиях. По сути, за этой казуистикой — стремление заводовладельцев во что бы то ни стало избавиться от твердых, постоянных норм отчислений в пользу школ.

Отрицательное отношение заводовладельцев к попытке поставить частные заводы под жесткий контроль государства не могло не сказаться на судьбе Заводского устава. Члены Кабинета министров не спешили с одобрением этих законопроектов: в указе Татищеву от 29 октября 1735 г. они констатировали, что ни устав, ни наказ «здесь еще не рассматриваны». В черновом отпуске указа следом шло предписание: «а недождався на оные апробации и никакова по ним исполнения не чинить», но оно было зачеркнуто и в подлинный указ не попало»².

Изучение протоколов заседаний Канцелярии за 1735 г., подшитых в объемные книги помесечно, показало, что вопросы, касавшиеся открытия школ при частных заводах, в первой половине 1735 г. редко ставились на повестку дня. Уральское начальство было занято разработкой и обсуждением Горного и Заводского уставов, на засе-

¹ Исторический архив. 1953. Т. IX. С. 145.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 167.

даниях Канцелярии вникало в жалобы шихтмейстеров по поводу отказа приказчиков выполнять те или иные требования. Несколько раз принимались важные решения относительно организации школ при казенных заводах, до частных руки не доходили, да и шихтмейстеры в своих доношениях поднимали вопросы, касающиеся производственной сферы, строительства церквей, поиска беглых на частных заводах, уральское начальство выносило определения по этим вопросам, по поводу завершения переписи раскольников и т. п.

30 июня 1735 г. заслушивалось доношение Сергея Ярцева, шихтмейстера Шайтанского завода Никиты Демидова, «о строении церкви и о набранных в школу мастерских детях и о книгах». Было определено: «на Шайтанском заводе в школе детей обучать по силе определения, учиненного майя 2 дня сего году, церковь строить, как в наказе, данном ему, Ярцову, показано и о том к нему послать указ»¹. К сожалению, текст самого доношения нам обнаружить не удалось, но ясно, что Шайтанский завод Никиты Демидова одним из первых подготовился к открытию школы.

В дневальной книге личной канцелярии Татищева за 1735 г. есть только одна запись об устройстве школ при частных предприятиях, и касается она Невьянского завода А. Демидова. 5 сентября Татищев выехал на Кушву для осмотра мест под строительство плотины, за полночь прибыл на Невьянский завод, пробыл там два дня, расспрашивал приказчиков о заводских делах, проверял приходно-расходные книги у шихтмейстера Алексея Булгакова. 7 сентября в книге записано: «Спрашивал надзирателя Булгакова о школе: она по силе данного ему наказу построена ль, и на оное он сказал, что школа готова, токмо учебных книг нет, о которых-де писано от прикащиков в Москву в июне месяце, токмо еще не получено, прикащики сказали то же»².

Это единственный пока известный документ, свидетельствующий о личном контакте Татищева с шихтмейстерами и приказчиками по поводу открытия учебных заведений. Думается, не случаен особый интерес Татищева к Невьянскому заводу: как увидим далее, детей здесь насчитывалось чуть меньше, чем при всех других заводах А. Демидова, вместе взятых. Примечательно, что приготовления

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 221. Л. 331.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 191 об.

к открытию школы на Невьянском заводе шли полным ходом: помещение для школы к сентябрю было готово (возможно, построено новое), книги заказаны в Москву, наверняка, имелся наготове и учитель.

В ноябре — декабре 1735 г. вопрос об организации школ при частных заводах стал часто обсуждаться на заседаниях Канцелярии Главного правления. Толчком к этому послужило одно из важных определений о школах, вынесенных на заседании 3 ноября 1735 г. в присутствии Татищева. В этот день заслушивались результаты переписи детей школьного возраста, присланные из провинциальных канцелярий Вятской и Соликамской, казенных заводов Урала; были назначены учителя во все школы Екатеринбурга, в том числе немецкую и латинскую.

В связи с предстоящим открытием первых иноязычных школ, для которых требовались подростки, уже овладевшие чтением и письмом, предписывалось: «школьников, кои склад познали и писать начали, управительских, надзирательских, подьяческих и мастеров, кои понадежнее, а особливо иноземцев, определить для обучения немецкого и для того, буде таковые обученные где есть, собрать немедленно, а о прочих, сколько где в обучении из написанных и, кто и зачем не обучаютца, прислать немедленно списки». Детей духовенства и церковнослужителей, знающих грамоту, приказывалось высылать в латинскую школу Екатеринбурга¹.

Из текста этого определения от 3 ноября 1735 г. не следовало, что оно распространялось на частные предприятия, но после рассылки указов на казенные заводы в первой половине ноября указы с текстом определения стали рассылаться и шихтмейстерам частных предприятий: с 19 по 29 декабря они были направлены на все заводы Демидовых и Билимбаевский завод Строгановых².

По-видимому, Татищев решил доукомплектовать немецкую и латинскую школы за счет уже овладевших грамотой детей не только казенных, но и частных заводов. Зададимся вопросом, почему это было сделано, какими мотивами он мог руководствоваться. В том, что это решение могло исходить только от Татищева, сомневаться не приходится: никто другой не осмелился бы дать впоследствии устное

¹ ГАСО. Оп. 12. Д. 226. Л. 11—13.

² См.: Там же. Оп. 1. Д. 577а. Л. 284—284 об.

распоряжение о рассылке указов на частные заводы — вопрос был слишком принципиальным.

Думается, Татищев мог не сомневаться: грамотных детей для заполнения иноязычных школ хватит и с казенных предприятий. К занятиям в немецкой школе 6 ноября 1735 г. приступило 28 подростков, в латинской — всего 6, но результаты переписи детей убедительно свидетельствовали, что резерв детей, владеющих грамотой, в казенном ведомстве этим далеко не исчерпывался. На наш взгляд, Татищевым двигало стремление «к умопросвещению», желание обучить хотя бы несколько детей приказчиков, управителей, мастеров с каждого частного предприятия немецкому, истории, географии, математике — планы по развитию программы обучения в немецкой школе у Татищева были широкие.

Не менее важным Татищев считал и подготовку просвещенного духовенства для церквей горнозаводских поселков¹ и, наверняка, поэтому решил собрать в стенах латинской школы детей церковнослужителей с частных заводов. Заметим, не со всех, а только с принадлежавших Демидовым и Строгановым. Как неоднократно подчеркивал Татищев, на демидовских заводах проживало много раскольников и попы были раскольниками; возможно, может, поэтому Татищеву хотелось подготовить будущую достойную смену для занятия священнических мест.

Не будем забывать, что Демидовы являлись самыми опасными противниками Татищева на Урале: споры в 1721 г. с Никитой, отцом Акинфия и Никиты Никитича, закончились плачевно для Татищева: он был отстранен от управления казенными заводами, попал под следствие, поэтому, на наш взгляд, Татищев следил особенно пристально за демидовскими заводами, чтобы в первую очередь на них выполнялись предписания шихтмейстерского наказа и указов Канцелярии. Действия Татищева в 1735 г. — это определенный реванш за прошлое.

Получив указ Канцелярии о высылке знающих грамоту детей в Екатеринбург, шихтмейстеры начали выяснять у приказчиков, есть

¹ См. подробнее об этом: *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. С. 71—99.

ли таковые при заводе, срочно стали составлять списки детей школьного возраста и отправлять их при доношении в уральское горное начальство.

Быстрее всех отреагировал Алексей Булгаков, шихтмейстер Невьянского, Быньговского и Шуралинского заводов А. Демидова: 22 ноября получил указ, а 24-го уже составил доношение с приложением переписи детей школьного возраста, проживавших при этих заводах. Василий Старый, шихтмейстер Нижнетагильского и Выйского заводов А. Демидова, получил указ 24 ноября, ответил 28-го. Четыре дня понадобилось для ответа шихтмейстеру Шайтанского и Билимбаевского заводов Сергею Ярцеву (доношение от 30 ноября). Михаил Козлов, надзиравший за Шайтанским и Уткинским заводами А. Демидова, смог подготовить перепись только 9 декабря, на 16-й день по получении указа, а Василий Раздеришин с Верхнетагильского и Черноисточинского заводов — лишь через полтора месяца, 10 января 1736 г.

Сопоставление чисел получения указов и составления доношений по ним позволяет сделать вывод, что на большей части этих заводов переписи детей уже были проведены, на четырех последних заводах Козлов и Раздеришин приступили к составлению списков, только получив указ Канцелярии, поэтому так и задержались, на это они сами указывают в доношениях. К сожалению, нам не удалось обнаружить ведомостей детей Ревдинского завода А. Демидова, а на Иргинском и Юговском заводах Осокиных они и не составлялись.

Эти доношения шихтмейстеров с приложением списков детей школьного возраста являются для нас ценными источниками, позволяющими судить о числе детей при частных заводах, их возрасте, социальной принадлежности и, главное, удельном весе грамотных среди них. Данные о грамотности в большинстве доношений поданы в увязке с возрастом, должностью отцов, конкретно указано, на какой стадии овладения грамотой находится подросток: учил часослов, псалтырь, окончил их, начал учиться писать или полностью овладел чтением и письмом. Хотя переписывались дети от 6 до 12 лет включительно, подростки, владеющие грамотой, учитывались и в более старшем возрасте — 15, 17, даже 18 лет.

Эта информация уникальна, единственна в своем роде: нам неизвестны случаи проведения подобных переписей детей на частновладельческих заводах или других частных владениях на какой-либо

территории России в первой половине XVIII в. И появлению на свет этой информации мы обязаны исключительно В. Н. Татищеву. Результаты обработки данных, содержащихся в ведомостях, для большей наглядности представим в виде двух таблиц, выделив сведения о возрасте и социальной принадлежности детей (табл. 2—3).

В таблицах 2—3 жирным шрифтом в знаменателе выделены данные о детях, освоивших чтение и письмо или находящихся в процессе их усвоения. Завершением обучения чтению в то время считалось освоение псалтыри (неполная грамотность). Условно к числу грамотных мы отнесли детей, еще учивших часослов и псалтырь, в расчете на то, что они завершат этот процесс, за исключением одного 11-летнего подростка с Шуралинского завода, только начавшего учиться читать.

Результаты переписи детей школьного возраста дают безрадостную картину: дети на частных заводах в отсутствие школ не обучались чтению и письму ни на дому, ни у мастеров грамоты, за плату. Лишь единицы использовали этот путь. Исключением являлся Невьянский завод А. Демидова, где детей было в несколько раз больше, чем при других заводах, и удельный вес грамотных был относительно высоким — 16,2 %, и его же Черноисточинский завод (17,2 %). Если на Черноисточинском заводе грамотными являлись 5 детей из 29 в возрасте 7—12 лет, то на Невьянском — 23 из 142, а всего 33 из 158 учтенных переписью детей.

Поскольку официально школы при Невьянском заводе не было, и это подтверждает разговор Татищева с шихтмейстером Булгаковым, значит, скорее всего, при этом заводе действовала какая-то частная школа, где в роли мастера грамоты подвизался отставной местный житель, возможно — раскольник. Вполне возможно также, что в этой роли выступали несколько человек, и поэтому Невьянский завод стал своеобразным культурным гнездом среди других частных уральских заводов. Следует признать, что такого явления не наблюдалось и ни на одном казенном заводе Урала в 1735 г. — до открытия при них по инициативе Татищева словесных школ.

Т а б л и ц а 2

*Численность неграмотных и грамотных детей на частных заводах Урала по возрастным группам (1735 г.)**

Завод	Возраст детей, лет													Уд. вес грамотных в возрасте 7–12 лет, %
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	18	Возраст не указан	
Билимбаевский													5/2	
Быньговский		5	16	6	6	1	–	1					1	0
Верхнетагильский	10	6	8	6	6	1	2	1		1				0
Выйский + Нижнетагильский	13	7	7	10	9	2	6							0
Иргинский	Нет данных													
Невьянский	3	20/1	44/4	23/5	15/2	5/2	12/9	1/1	4	1/3	1		1/1	16,2
Ревдинский	Нет данных													
Уткинский	5	2	4	5	1	1		1				1		0
Черноисточинский	7	4	3/2	4	8	3	2/3							17,2
Шайтанский (А. Демидова)	1	6	3	1	3	4	–							0
Шайтанский (Н. Демидова)													2	
Шуралинский		2	3	1	1	1 начал учиться	2							0
Юговской	Нет данных													

* Табл. 2—3 составлены по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 6—16 об., 53–57 об., 64—66 об.; Д. 577а. Л. 299–299 об., 311—311 об.; Оп. 12. Д. 227. Л. 81.

Т а б л и ц а 3

*Численность неграмотных и грамотных детей на частных заводах Урала
в зависимости от социального положения отцов (1735 г.)*

Завод	Социальное положение									Всего детей	
	Надзиратели	Приказчики	Подьячие	Писчики	Мастера	Подмастерья	Заводские работники	Заводские ученики	Разночинцы (сторожа, дровосеки и др.)		Сироты (пронесение неизвестно)
Билимбаевский		1	1		3				2		7
Быньговский		1			20	8	7				36
Верхнетагильский		1			20	9	5	2	1	3	41
Выйский и Нижнетагильский		1	1		13	10	15	5	11		56
Иргинский	Нет данных										
Невьянский	1	3/5		3	43/11	11/3	39/8	12/1	6/1	11	158
Ревдинский	Нет данных										
Уткинский		1/1	1/1		13	1	1	1			20
Черноисточинский		1/1			11/1	5/3	13		1		36
Шайтанский (А. Демидова)					13	4		1			18
Шайтанский (Н. Демидова)					1		1				2
Шуралинский		1			3	2	4				10
Юговской	Нет данных										

Учитывая исключительность сравнительно высокого уровня детской грамотности на Невьянском заводе, процитируем составленный Булгаковым список детей в части, касающейся грамотных¹.

*Список имянной Невьянского дворянина Акинфия Демидова завода
прикащикым, надзирательским, подъяческим и мастерским детям
кто имяны, писать выучились и кто грамоте учатца,
о том показано ниже сего*

...

	лета
<...> прикащика Стефана Густомесова дети: Гаврило писать выучился	14
Яков писать выучился	11
Андреян часослов учит	9
бывшаго прикащика Ивана Акимова сын Терентей писать выучился <...>	12
бывшаго прикащика Карпа Иванова сын Иван писать выучился <...>	12
пищика Степана Сергеева сын Иван писать выучился	15
бывшаго пищика Тимофея Иванова сын Кирик писать выучился	15
пищика Василия Федорова Соколова сын Иван псалтирь выучил	12
надзирателя Дмитрия Михайлова Кузнецова сын Иван псалтырь выучил <...>	13
салдата Степана Яковлева Вяткина сын Иван писать выучился <...>	11

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 6—8.

Грамоте ученые и учатца:

молотового мастера Антона Анкудинова сына Тагунова сын Спиридон писать выучился	14
кучеосыпщика Антона Петрова сына Бородинских дети Михей писать выучился	15
Алексей писать выучился	14
плотника Ивана Алексева сына Поляка сын Роман писать выучил[с]а	9
рудокопного мастера Мирона Андреева сына Молодова сын Малафей писать выучился	14
молотового мастера Марка Семенова сына Сохи сын Семен писать выучился	—
молотового мастера Тимофея Алексева сына Поляка сын Меркул писать выучился	8
кузнеца Макара Иванова сын Осип писать выучился	16
пушечных и фантальных труб мастера Петра Григорьева сына Кайгородова сын Егор писать выучился	12
молотового мастера Агапа Андреева сын Петр псалтырь выучился	12
кучелома Анисима Андреева сына Обрамовских пасынок Иван псалтырь выучил	10
молотового мастера Пантелея Васильева сын Тимофей псалтырь выучил	12
смольного мастера Федора Пантелеева сын Дей псалтырь выучил	12
молотового подмастерья Ивана Никифорова сына Кадошникова сын Афанасей псалтырь выучил	9

дощатого мастера Нефёда Емельянова сына Шибак кова сын Григорей псалтырь учит	12
молотового мастера Михаила Семенова Полимо- нова сын Алексей псалтырь учит	12
кучеосыпщика Матфея Иванова сына Боброва сын Алексей псалтирь учит	9
кучелома Козьмы Савина сына Лежнева сын Ан- дреян псалтырь учит	8
кучелома Ивана Федорова сына Сапожникова сын Иван псалтырь учит	10
молотового подмастерья Овдея Елфимова сын Ан- дрей псалтырь учит	8
молотового подмастерья Ивана Мокеева сына По- ляка сын Борис часослов учит	8
дощатого ученика Григорья Яковлева сына Нечкина сын Григорей часовник выучил	9
молотового мастера Мокея Фефилова сын Демид часовник учит	7

Ясно, что на Невьянском заводе среди грамотных была сравнительно большая группа детей, полностью овладевших чтением и письмом, — 17 человек из 33. Они были выходцами из разных социальных слоев: четверо — дети приказчиков (11, 12 и 14 лет), двое — дети писчиков (15 лет), шестеро — дети мастеров (8, 12 и 14 лет), двое — дети кучеосыпщика (14 и 15 лет), кузнеца (16 лет), солдата (11 лет), плотника (9 лет).

Шестеро детей уже обучились чтению (выучили псалтырь): сын кучелома (10 лет), трое сыновей мастеров и писчика (12 лет), надзирателя (13 лет). Среди учивших псалтырь — дети 8, 9, 10, 12 лет. Учили часослов сын мастера, 7 лет, подмастерья, 8 лет и приказчика, 9 лет, 8-летний сын дощатого ученика уже выучил часослов. Данные о возрасте свидетельствуют, что отцы, желавшие дать навыки грамоты детям, отдавали их учиться сравнительно рано, и некоторые способные ребята уже в 7—9 лет умели читать.

Шихтмейстер Сергей Ярцев 30 ноября 1735 г. сообщал в Канцелярию, что при Билимбаевском заводе Строгановых и Шайтанском заводе Никиты Демидова «в школу из прикащичьих, подъяческих и мастерских детей и из сирот назначено 10 человек ... из которых несколько прикащиковы и подъяческие словесному и учатся, а другие за неимением книг и поныне еще не учивались...». Ярцев не выделил фамилии детей, уже приступивших к изучению грамоты, не показал, какие книги они читали, поэтому мы лишены возможности судить о конкретной стадии их обучения, не указан а также возраст будущих школьников.

При Билимбаевском заводе Строгановых в школу было записано 7 человек: «прикащика Кирила Наумова сын Дмитрий, подъячего Андреяна Мельникова сын Лев, домового Артамона Медведева сын Михайло, молотового мастера Епифана Воронова сын Прокопей, доменного мастера Козьмы Девяткова сын Данило, бывшего церковного сторожа сын Роман, молотового мастера Ивана Рычагова сын Дмитрий». Поскольку грамоте, согласно доношению Ярцева, начали учиться на дому лишь дети приказчика и подъячего, значит, это могли быть только первые двое из списка. Отметим, что Строгановы и в конце ноября, через 10 месяцев после издания Наказа шихтмейстеру, еще не приступали к закупке книг для будущей школы.

При Шайтанском заводе Никиты Демидова в школу были записаны двое: сын молотового мастера Никита Токарев и сын плотника Григорий Устинов¹. Неясно, кто стал бы их учить, ведь ради двух человек учителя держать незачем. В казенном ведомстве этот вопрос решался просто: детей отправляли в школу ближайшего завода. В отношении частных заводов такой вариант вряд ли был возможен: Билимбаевский завод принадлежал Строгановым, ближайший к нему Шайтанский — Н. Демидову.

Шихтмейстер Шайтанского и Уткинского заводов Акинфея Демидова Михаил Козлов 9 декабря 1735 г. передал в доношении Канцелярии, что приказчик Трифон Никитин заявил: «При Шайтанском господина моего заводе управительских, надзирательских, подъяческих и мастеров детей не имеетца, а хотя у мастеров и обывателей и есть, да не учены... того ради, что способного человека их учить читать и писать не имеетца, також и за неимением книг». Приказчик

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 311.

Уткинской заводской конторы Василий Тихонов доложил шихтмейстеру, что бывший приказчик Леонтий Злобин и его дети взяты к строению казенного Полевского завода, а у подъячего Егора Сисина «ни одного сына умеющего в грамоте не имеетца», и больше детей приказчиков, подъяческих и мастеров детей никого нет¹.

Козлов приложил к доношению список детей от 6 до 12 лет, подлежащих обучению грамоте при этих заводах, составленный им на основе переписи 1732 г., проведенной полковником Толбузиным. При Шайтанском заводе из 18 детей школьного возраста грамотой не владел никто, при Уткинском из 38 детей умели читать и писать двое: сын бывшего приказчика Леонтия Злобина Андрей, 18 лет, и пасынок подъячего Егора Сысина Федор, 13 лет, в то время как его родной сын, 7 лет, еще не приступал к обучению².

Шихтмейстер Козлов, вероятно, со слов приказчика, так косноречиво сформулировал причины неграмотности детей при Уткинском заводе: «До двенатцати лет, которые во опись при оном заводе показаны, в грамоте не обучались за тем, ибо которых мастерския дети и те мастера проча детей своих обучать своим мастерствам... чтоб при заводах мастерство вовсе не умалилося, но паче того, множилось для государственной всенародной славы, от которых немалой государственной плод в зделанном железе происходит, а беспомошныя и рад[ы] бы детей своих в грамоте обучать, да за скудостию своею обучать им нечем...»³.

Выходило, что обучение отцовскому мастерству напрочь исключало обучение грамоте — мотив, широко использовавшийся заводчиками и их приказчиками, заметим, полностью противоречивший мотивировке Татищева: настоящее овладение мастерством невозможно без знания грамоты и основ математики. Констатация отсутствия возможности обучать детей грамоте за плату у малоимущих родителей — еще одно убедительное свидетельство правильности позиции Татищева, стремившегося заставить владельцев заводов передать часть получаемой прибыли в пользу школ.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 64 об.

² Там же. Л. 65 об.

³ Там же. Л. 67.

Шихтмейстер Нижнетагильского и Выйского заводов А. Демидова Василий Старый в конце ноября 1735 г. сообщал в Канцелярию, что грамотных для отправки в екатеринбургские школы из управительских, надзирательских, подъяческих, иноземцев нет, только при Выйском заводе у приказчика Ивана Медовщикова есть сын, который еще не начал писать. «А что ж протчие зачем не обучаются, ибо в построении школьной квартиры и в покупке книг не имеется, о чем здешних заводов у прикащиков неоднократно требовано, точию ничего не исполнено¹».

Выслушав это доношение, члены Канцелярии А. Хрущов, Н. Клеопин и И. Юдин 10 декабря 1735 г. предписали: «о заведении школ по силе прежде посланных указов еще подтвердить указами на все портекулярные заводы»². Подтвердительные указы об открытии школ в декабре месяце были отправлены на заводы А. Демидова — Нижнетагильский, Верхнетагильский, Выйский, Черноисточинский, Шайтанский, Уткинский, Ревдинский, Невьянский, Шуралинский, Быньговский; на Шайтанский завод Н. Демидова, Билимбаевский завод баронов Строгановых³.

Шихтмейстеру Никите Кривцову, назначенному на Иргинский и Юговской завод Осокиных, Канцелярия не присылала указов, касающихся обучения детей. Как следует из его доношения от 27 января 1736 г.⁴, он не получил ноябрьского указа Канцелярии о высылке знающих грамоту детей в латинскую и немецкую школы. Его фамилии действительно нет среди лиц, кому адресовался указ.

Получив второй указ Канцелярии через Пермское горное начальство, в тот же день (27 января) Кривцов информировал ее, что «при Иргинском заводе церкви, попов и прочих причетников церковных нет». Поскольку Наказом шихтмейстеру предписывалось выслать двух детей из приказчиковых или подъяческих для обучения на казенные заводы, Кривцов требовал этого, но «они (владелец и приказчик Иргинского завода? — А. С.) показывают, что у них при заводе служителей и заобычайных в понятии наук нет... я во исполнении

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 299.

² Там же. Л. 299 об.

³ Там же. Л. 302—304.

⁴ Там же. Д. 624. Л. 102—103.

об оном знания никакого не имею». С Юговского завода Гаврилы Осокина шихтмейстеру сообщили: грамотных детей церковнослужителей нет. «Тот и завод в смотрение мне поручен недавно, за которою недавностию и ведомостей от того заводу, которые нам надлежит по указом взять, не подано».

В доношении Н. Кривцова сообщается интересный факт: еще три месяца назад, в октябре 1735 г., он обращался в Канцелярию с просьбой подтвердить заводчику Петру Осокину «о набрании в школу обывательских детей при Иргинском заводе по силе данного мне наказа», но «и поныне о том указу сюда не прислано».

Информация этого доношения многозначительна. Можно говорить о том, что Татищев в отношении открытия школ стремился нажать прежде всего на Акинфия и Никиту Демидовых, Строгановых: именно на их заводы рассылались предписания, касающиеся обучения детей.

Попытки уральской администрации во главе с Татищевым вызвать с частных заводов детей, знающих грамоту, для обучения в немецкой и латинской школе вызвали активное сопротивление со стороны промышленников. В делах ГАСО нам удалось выявить второе коллективное прошение владельцев частных заводов и их приказчиков, не известное в литературе¹. Если первое прошение затрагивало несколько вопросов, то второе, поданное 20 декабря 1735 г., целиком посвящалось школьной политике казенного ведомства. Учитывая уникальный характер этого документа, мы приводим его текст полностью в приложении к статье.

Из этого прошения следует, что заводовладельцы не хотели выполнять требование уральского горного ведомства и отправлять в обязательном порядке детей, обученных грамоте, в немецкую и латинскую школы Екатеринбурга. Доводы их были вполне логичны и понятны: если высылать всех обученных со всех казенных и частных заводов, то потребуются значительные казенные средства на содержание и обучение в школах вдали от дома. Если отцам предписать содержать посланных на своем коште, «то многия есть такая, что едва и сами с нуждою пропитание имеют».

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 62—63.

Справедливым следует признать и такой довод, что подростки в возрасте от 12 лет и старше нужны самим заводовладельцам: «таковые при заводах показанные к заводским делам, к письменному делу отдаются и помалу год от году в заводское производство вникают».

Поэтому заводчики и от их имени приказчики просили администрацию казенных заводов детей, обученных грамоте, в екатеринбургские школы для продолжения обучения в обязательном порядке не направлять, только желающих, и при частных заводах обучать в школах лишь желающих. Таков главный смысл прошения. Предлагался уже третий по счету вариант обучения грамоте: «обучать словесному и писать каждому, кто где похочет».

Напомним, что в первом коллективном прошении в марте 1735 г. заводчики просили разрешения обучать лишь детей, свободных от заводских работ; по ходу обсуждения Заводского устава предложили брать в школы детей «по препорции», в зависимости от величины завода. Обучать грамоте «кто где захочет» — это, по сути, желание сохранить старый способ обучения на дому, у мастеров грамоты, за плату. Это значит, что в заводскую школу можно принять лишь часть детей, сославшись на желание родителей учить их на дому, а то и вовсе заявить, что желающих учиться никого нет.

Очень умную позицию заняли заводчики и приказчики в отношении детей, уже обученных грамоте. Согласно Наказу их следовало учить арифметике, так зачем же слать в Екатеринбург? Пусть учат шихтмейстеры, но только желающих, только тех, «кто пожелает своею охотою неметскому или латинскому языкам, или другим каким наукам» обучаться, только «таковых повелено б было принимать в оные екатеринбургские школы».

В основном Татищев «с товарищи» с доводами просителей согласился и 29 декабря 1735 г. вынесли такое решение: «С портекулярных заводов и при них обретающихся сел в здешния казенные школы, кроме церковничьих детей, ничьих не брать, а обучать тамо при заводах словесному учителем, какие сыщутца, а арифметика и геометрии шихтмейстером по силе данных им наказов, которые же детей своих похотят учить к малеванию живописному и другим наукам, тем оных присылать суда, а здесь принимая, определять в науки по желанию их, церковничьих же по силе прежде посланных

указов выслать всех суда немедленно. И о том, куда надлежит послать указы, а как оные церковниевы дети присланы будут, то для обучения отдать в латинскую школу»¹.

Заметим, члены Канцелярии не пошли на поводу у заводчиков и не согласились обучать в школах при частных заводах лишь желающих — обязательный характер обучения сохранялся. Принцип «по желанию» распространялся лишь на обучение в Екатеринбурге, предлагались и услуги обучения рисованию: с ноября 1735 г. здесь начала действовать школа знаменования. По отношению же к церковничьим детям власти не уступили ни на шаг — по-прежнему требовали их высылки в Екатеринбург для обучения под оком начальства. И в декабре прибыли дети церковнослужителей из Невьянска для определения в школу на Екатеринбургский казенный завод².

В разгар приготовлений к открытию школ при частных заводах самый могущественный заводовладелец Урала Акинфий Демидов (напомним, владелец 12 уральских предприятий из 25) подал прошение верховной власти, решившее окончательную судьбу начинаний Татищева. 12 декабря 1735 г. Кабинет министров вынес резолюцию на это прошение. Благодаря самой форме этого законодательного акта (сначала кратко излагается суть просьбы, затем резолюция на нее, отдельно по каждому пункту), можно считать, что Демидов, по сути, повторил первое коллективное прошение, поданное владельцами заводов и их приказчиками в марте 1735 г., и подал его верховной власти от своего имени лично.

В нем кратко повторялись те же просьбы, что и в коллективной челобитной, приводились те же доводы, только суть просьбы о школах формулировалась несколько иначе — «обучать охотников, а в неволю не принуждать»³, в то время как в марте 1735 г. заводчики просили обучать в школах детей, свободных от заводских работ. А. Демидов добавил лишь один частный пункт — о возврате ему из казенного ведомства двух иноземцев-штейгеров, специалистов по плавному и рудоискательному делу, отысканных им и нанятых для личных нужд в Санкт-Петербурге.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 227. Л. 301—302.

² Там же. Л. 81; Д. 228. Л. 167; РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 191 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 227. Л. 98.

³ ПСЗРИ. Т. 9. № 6840. С. 608.

Если на мнение Коммерц-коллегии и коллективное прошение промышленников Кабинет прямо не отреагировал, то резолюцией на прошение А. Демидова, наложенной 12 декабря 1735 г., верховный орган не только удовлетворил желание Демидова и стоявших за ним промышленников в отношении отчетности, выплаты жалованья мастеровым частных заводов, устройства школ, но и пошел дальше — отменил вообще институт шихтмейстеров¹, что, по сути, влекло за собой и отмену Наказа, составленного для них: он терял всякую силу, так и не став законом. О порядке взимания в казну налогов с частных владельцев отмечалось: «определение прищлется впредь».

В отношении школ в резолюции повторялась формулировка прошения А. Демидова: «На партикулярных заводах обывательских детей учить читать и писать охотников, а в неволю не принуждать...». При этом от себя Кабинет министров добавил: «а кто из них пожелают вступать в прочия науки, таких учить при казенных заводах». Несмотря, казалось бы, на четко выраженный характер предписания, ясно, что в действительности желание подростков никакой роли играть не могло: как устройство школ, так и отправка детей в школы при казенных заводах могли иметь место лишь при желании самих промышленников.

Лишь одно положение Наказа в измененном виде было включено в резолюцию Кабинета и получило законодательную силу: предписывалось «впредь для обучения содержания книг бухгалтерским манером для лучшего порядка и пресечения излишнего письма обучать в школе, которая учреждена будет при казенных главных заводах, а промышленникам объявить, чтоб они своих людей, сколько похотят, в оную школу отдавали, в которую их принимать и обучать». Хотя содержание этого предписания и близко к соответствующему положению Наказа Татищева, но акценты смещены: обязательный характер предписания адресуется Татищеву как начальнику заводов — ему брать детей с частных заводов, промышленники же получают право направлять их в школы, «сколько похотят».

Резолюция на прошение А. Демидова пришла на Урал 14 января 1735 г. Это было тяжелым ударом для Татищева, концом всех его начинаний относительно частных заводов, устройства при них школ. Только 20 января Татищев, придя в себя, составил доношение Кабинету

¹ ПСЗРИ. Т. 9. № 6840. С. 608.

министров¹, заявив, что Демидов «неправильно в. в. доносил и на меня невинно клеветает», попытался оправдать свои действия по всем пунктам обвинения.

В отношении устройства школ при частных заводах Татищев сделал дополнительное заявление: «Но как видим, что у них учителя раскольни[ки] и книги употребляют старые, то опасно, чтоб всех и повинующихся православной церкви не отвратили, ибо его, Акинфиевых, детей грамоте обучали раскольники, и, многие, бывшие перво правоверные, ныне на их заводах превращены».

Татищев снова опровергает тезис Демидова об использовании детей 6—12 лет на заводских работах, правда уже более спокойно, без насмешек, как в резолюции на первое коллективное прошение заводчиков и приказчиков в марте 1735 г. Татищев несколько лукавит, заявляя: «Однако ж школ и церквей строить, хотя видим, что нужно, до указа на партикулярных заводах и никого неволею учиться не принуждали». Обещает, что «и впредь в то вступаться не будем».

В одном из следующих доношений в Кабинет министров (дата его оторвана, оно не известно в литературе) Татищев сообщает о своем угнетенном настроении в связи с жалобами заводчиков (тем временем поступила жалоба и от Строгановых) и реакцией на это верховной власти: рассердив Строгановых и Демидова, «в страх крайней погибели и отчаяние пришел, ничего начать, ниже представить [не] смею, розсудя то, что уже мое безумство неоднова м[еня] обмануло... к дальнейшему произведению никакой смелости не имею... указ в беду и страх привел»².

Характерно, что промышленники Урала, получив право учреждать школы по своему собственному желанию, на протяжении первой половины XVIII в. так и не открыли ни одного учебного заведения. Обучение детей при их заводах продолжало осуществляться за счет средств самого населения, на дому, и охватывало лишь небольшую часть подростков.

Таким образом, можно сказать, что постановление Кабинета министров от 12 декабря 1735 г. не повлекло за собой никаких положительных действий, способствующих развитию народного образования при частных заводах Урала. Претворение же проекта Татищева

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 220.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. 1133. Л. 288.

в жизнь позволило бы добиться сплошного обучения грамоте детей по меньшей мере при 25 частных предприятиях Урала, как это удалось Татищеву сделать при казенных. Но верховные власти решили блюсти в первую очередь интересы заводчиков в ущерб общегосударственным.

Всего несколько человек было послано промышленниками для обучения в екатеринбургские школы. Так, в 1752 г. приказчик барона Александра Строганова объявил при доношении в Канцелярию Главного правления заводов «домового человека» Козьму Черноусова для обучения в Екатеринбургской арифметической школе арифметике, геометрии, тригонометрии и маркшейдерской науке. Канцелярия определила: принять Черноусова на коште своего хозяина, ссылаясь при этом на указ Берг-коллегии от 4 сентября 1721 г. о приеме в горнозаводские школы детей не только с территории горного ведомства, но и пришедших из прочих городов и сел по их желанию. Цитировался также Регламент Академии наук и художеств 1747 г., 60-й пункт которого предписывал: «Ко всем художествам изо всех мест в государстве принимать учеников без платы на коште тех мест, откуда присылаемы будут»¹.

В 1754 г. для обучения арифметике, геометрии и другим наукам в Екатеринбург была прислана целая группа «домовых людей» из 8 человек с Билимбаевского завода барона Сергея Строганова — Иона Пономарев «с товарищи»². В 1756 г. служитель барона Николая Строганова В. Воронов прислал в екатеринбургскую школу трех детей для обучения арифметике³. Надзирателю школ Канцелярия предписывала всех их по окончании обучения представлять ей с аттестатами о пройденных науках.

Если Строгановы использовали возможность дать образование своим крепостным в школе казенного ведомства, то некоторые новые владельцы заводов, приобретя их в период массовой распродажи казной в 1759 г., наоборот, потребовали вернуть им молодых людей, взятых ранее для обучения в екатеринбургские школы. Так, в ноябре 1759 г. контора Верх-Исетского завода, купленного Р. Воронцовым,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 426. Л. 109—110.

² Там же. Д. 445. Л. 226—227.

³ Там же. Д. 468. Л. 75—77.

потребовала вернуть всех записанных в подушный оклад при Верх-Исетском заводе мастерских и прочих людей детей и школьников¹. В феврале 1760 г. владелец Алапаевского завода просил отдать ему «для всекрайней надобности» числящегося в окладе при заводе Петра Солонина², выпускника Екатеринбургской арифметической школы, назначенного в 1752 г. школьным подмастерьем и успешно обучавшего детей в Екатеринбурге геометрии, тригонометрии и чертежам³.

Характерно, что при Кушвинском казенном заводе определением Канцелярии от 24 февраля 1739 г. была открыта словесная школа для обучения детей этого завода, а также близлежащего Туринского, вошедших в строй действующих в том же 1739 г. Учителем был назначен ссыльный Василий Просолупов, из бывших дворян. Но уже в марте 1739 г. оба завода, как наиболее лакомые кусочки, удалось заполучить в свои руки главе Генерал-берг-директориума барону К. А. фон Шембергу. Учитель не посмел оставить свой пост и работал без жалованья вплоть до возврата заводов в казну в 1742 г.⁴ Шемберга школа не интересовала.

Н. А. Демидов в 1763 г. предписал Нижнетагильской заводской конторе «содержать... служительских детей при объявленной Нижнетагильской и прочих моих заводах в конторах при письменных делах безотлучно и в крепком смотре, дабы они как конторским, так и заводским делам обучились... В свободное время и праздничные дни заставлять их в конторах читать книги, дабы они и хорошему штилю признавались и находились бы не в гулянке, но всегда во обучении»⁵.

Только в 1765 г. при Нижнетагильском заводе была открыта школа для обучения детей чтению, письму, математике, сочинению

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 514. Л. 67 об.—68.

² Там же. Д. 517. Л. 46—47.

³ Там же. Д. 425. Л. 5—12.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1128. Л. 24—36.

⁵ Цит. по: Лысова О. А., Осипова Л. А. К вопросу о развитии горнотехнического образования на Урале в XVIII в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала XVIII — начала XX века. Свердловск, 1979. С. 100.

чертежей, пению¹. При этом Демидов приказал заводской конторе употребить на содержание школы деньги, собираемые с мастеровых и работных людей на содержание семинарии². В 1793/94 г. открыли училище в селе Ильинском Пермского уезда бароны Строгановы, в него они стали посылать способных к обучению детей крепостных со всего имения³.

Таким образом, только во второй половине XVIII в. стали появляться единичные учебные заведения при частных заводах Урала. Массовое открытие школ при них произошло лишь в первой половине XIX в., по прошествии почти 100 лет после отвергнутого верховной властью проекта В. Н. Татищева.

Приложение

Не позднее 20 декабря 1735 г. — Прошение заводчиков и приказчиков частных заводов Урала в Канцелярию Главного правления заводов об обучении детей при частных заводах грамоте, кто где пожелает, желающих знать арифметику учить шихтмейстерам, желающих изучать немецкий, латинский язык и другие науки отправлять в Екатеринбург

По указом е. и. в. из реченной Канцелярии ко определенным на портикулярные заводы шихтмейстером велено при оных заводах надзирательских, прикащических, подъяческих и мастерских детей, которые в грамоте выучились и склад познали, и писать начали, прислать в Екатеринбург для обучения немецкого и латинского языков, по которым е. и. в. указом упомянуты шихтмейстеры объявленных детей переписав и к посылке готовят, и ежели со всех заводов присланы будут, то соберетца денег немалая сумма, а ежели отцам их содержать на своем коште при той науке, то многия есть такие, что едва и сами с нуждою пропитание имеют. К тому ж и оных детей, которые писать умеют и возрастом около двенатцети лет и выше, таковые при заводах показанные к заводским делам к письменному делу отдаютца и помалу год от году в заводское произведение вникают и по наказом, данным

¹ Лысова О. А., Осипова Л. А. К вопросу о развитии горнотехнического образования на Урале в XVIII в. ... С. 101—102.

² Там же. С. 101.

³ См.: Калинина Т. А. Крепостная школа в вотчине Строгановых (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX в.). Пермь, 1986. С. 17.

из означенной Канцелярии объявленным шихтмейстером, по 9 пункту велено при заводах учредить школы, в которыя, собрав детей, обучать церковному дьячку или особливо сыскав способного человека, и, ежели учителя не сыщется, то и самим шихтмейстером обучать велено.

Того ради Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов с покорностию просим, дабы повелено было определенным шихтмейстером с партикулярных заводов объявленных детей в Екатеринбургскую школу высылку отменить, а повелеть обучать словесному и писать каждому кто где похочет, а которыя уже тому выучились, чтоб повелено было арихметике желающих обучать помянутым шихтмейстером по силе данных им наказов, а кто пожелает своею охотою неметскому или латинскому языкам, или другим каким наукам, и таковых повелено б было принимать в оные екатеринбургские школ, и на сие наше доношение учинить милостивое решение.

О сем доносят ниже подписавшиеся заводчики и приказчики декабря дня 1735 году.

Берг-мейстер Потап Каркин руку приложил,
к сему доношению заводчик Семен Красильников руку приложил,
заводчик Карп Вяземской руку приложил,
господ баронов приказчики Григорей Бушуев руку приложил,
господ же баронов прикащика Кирило Наумов руку приложил,
дворянина Акинфея Демидова прикащик Стефан Потехин руку приложил,
прикащик Григорей Осепов руку приложил,
к сему доношению заводчицы вдовы Анны Турчаниновой прикащик
Архип Токмаков руку приложил,
Терентий Масалов руку приложил,
заводчиков Петра Осокина прикащик Родион Небогатов,
заводчика Гаврила Осокина прикащик Мокей Сорокин.

В. Н. ТАТИЩЕВ О РОЛИ ПЕТРА I В РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ*

Татищев вошел в историю России как выдающийся администратор, автор первого научного труда по отечественной истории, как первый источниковед и археограф, один из первых географов и статистиков, выдающийся деятель просвещения — теоретик и практик. Труды Татищева о просвещении в России активно изучаются около двух столетий, но до настоящего времени никем специально не рассматривались сведения по истории школы и образования, имеющиеся в его сочинениях.

Этих сведений больше всего имеется в уникальном труде Татищева «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах», над которым он трудился в 30-х годах XVIII в. и который стал самым крупным историко-философским и одновременно историко-педагогическим трактатом в России первой половины XVIII в. Как страстный поборник просвещения, Татищев не мог не отразить вопросы, касающиеся образования и в «Лексиконе» — первом отечественном энциклопедическом словаре, работу над которым он не успел завершить при жизни. Затронуты они и в самом главном труде Татищева — «Истории Российской», положившей начало развитию отечественной истории как науки.

В «Предъизвещении» к «Истории Российской» Татищев задает вопрос: «Что же история в себе заключает?» и выделяет в ней четыре важных составных части: историю божественную, церковную, гражданскую, или политику, а также историю «наук и ученых». В этой четвертой части речь, по его мнению, должна идти «о начале и происхождении разных званий училиси, наук и ученых людей, яко же от них изданных книгах и пр., из которой польза всеобсчая происходит»¹.

* Ранее опубликовано в кн.: Династия Романовых в истории и культуре России. Материалы научно-богословской конференции: Екатеринбург, 19—21 июля 2000 г. Екатеринбург, 2002. С. 108—115.

¹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 79.

Вдумаемся в это суждение. По сути, Татищев первым в отечественной историографии сформулировал задачу изучения культуры и просвещения России в контексте ее политической истории. История гражданская («все деяния человеческие, благие и достохвальные или порочные и злые»), должна дополняться сведениями о том, какую роль в распространении образования сыграл тот или иной правитель. По сути, мы можем считать Татищева первым исследователем истории образования в нашей стране. Он специально останавливался на вопросе о роли монархов в организации школ, начиная с Великого князя Владимира и кончая императорами первой половины XVIII в. Рассматривал деятельность на этом поприще наших митрополитов и патриархов. Затрагивал вопрос об уровне их собственной образованности, привел интересные факты о распространении женской грамотности в Киевской Руси и неудивительно, что именно Татищев стал первым, кто затронул вопрос о роли Романовых в развитии просвещения в России.

В «Предъизвещении» к истории Татищев отмечал, что по прибытию в Петербург в 1739 г., приведя «Историю» «в порядок», снабдив примечаниями, «многим оную показывал, требуя к тому помосчи и разсуждения», но получил противоречивые отзывы и даже обвинения, будто «православную веру и закон ... опровергал». В связи с этим вынужден был подвергнуть свой труд своеобразной духовной цензуре, отдать его новгородскому архиепископу Амвросию, который, «держав более месяца», «ничего истинне противнаго» не нашел, но предложил сократить некоторые «рассуждения», не согласные с церковными историями, изложенными в Прологах и Четьих Минях. В частности, Татищеву пришлось сократить суждения «о монастырех и училисчах», по-видимому, критического характера¹.

Хотя Татищев довел свою «Историю» лишь до 1613 г., до окончания Смуты и основания новой царской династии и рассматривал вопросы школы и образования в контексте деяний Рюриковичей, как истинный поклонник просветительства, он не мог удержаться и от оценок действий Романовых на этом поприще. Эти оценки рассыпаны на страницах многотомной «Истории» и в основном посвящены Петру I.

¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С.85.

Общеизвестно, что Татищев являлся одним из самых ярых поклонников реформаторской деятельности Петра. В «Предъизвещении» он признается, что хотя толчок к написанию истории дал ему Яков Брюс в 1719 г., «главнейшее было желание воздать должное благодарение вечной славы и памяти достойному государю... Петру Великому...»¹. Татищев отмечал, что Петр сам «великое желание к знанию древности имел, для котораго неколико древних иностранных историй перевесть повелел и часто с охотою читал...надеюсь, что отечества древности гораздо приятнее ему быть могли, нежели египетские, греческие и римские»².

Татищев бегло охарактеризовал первые шаги Романовых в области просвещения.

«Царь Алексей Михайлович детей своих латинского языка обучал и Спасское училище возобновил, но все оное мало успевало. Царь Феодор как сам был неколико обучен, особливо в стихотворстве и пения охоту имел, новое согласие [в] пение ввел, а греческое демественное оставил, поучения всенародные в церкви сказывать повелел, для которого достаточных учителей призвал». Татищев противопоставил действия царей и патриарха Иоакима: последнему, «яко нимало ученому, весьма сие противно показалось, за что он и учителя Симиона Полоцкого, яко еретика, проклинал, а по кончине государя поучения в церквах запретил даже»³.

К деяниям Петра I на поприще просвещения Татищев не раз обращался на страницах «Истории Российской», оценивал их чрезвычайно высоко, причем исключительно в контексте противоборства Петра с церковью. Татищев противопоставлял деятельность церкви и монастырей в древней Руси и в позднейший период. В вариантах к главе 8-й, посвященной Ярославу Мудрому, высоко отзываясь о вкладе Ярослава в распространение монастырей и церквей, установление «урока» для них — «учить людей слову божию и закону», Татищев отмечал, что со времен Владимира это делалось, когда митрополит Леонтий ввел порядок, закрепленный в еще в уставе импе-

¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 87.

² Там же.

³ Там же. С. 381.

ратора Константина Великого, при котором официально было принято христианство в Риме: «чернцы на то токмо устроены, чтоб возрастных в церкви во время молитвенное, а юных во училищах письму и закону обучать», и для этого им дано достаточное содержание¹.

По мнению Татищева, активная, позитивная роль духовенства в распространении образования в России утратилась с наступлением татаро-монгольского ига: «У нас науки до нашествия татар довольно умножились, но по нашествии Батыеве совсем угасли, а монастыри от учения отстали»². Татищев считал, что в России, как и в Византии, «монахи, получа многие доходы, в праздности жить начали». Иван Грозный запретил давать новые вотчины монастырям, повелел забрать приобретенные противозаконно. И только Петр I «бессмертная славы и пользы Российския умножитель и сущий отец отечества» «о введении доброго порядка в монастырях, о умножении училищ и о употреблении на оных туне гиблемых надмерных монастырских доходов уставом духовным и указом 1724 года и другими изъяснил»³.

Татищев имел ввиду именной указ, данный Петром Синоду 31 января 1724 г. В нем толковалось понятие монашества, причины появления монастырей, критиковалась праздность монахов и определялись обязанности архимандритов по организации призрения отставных солдат, нищих, обучению сирот — мальчиков и девочек — грамоте, а мужской пол — еще и цифири, и геометрии. Отметим, кстати, что это был первый законодательный акт в России, касающийся женского образования. В указе Петра 1724 г. расписывались также основы организации духовных семинарий в Петербурге и Москве, провозглашалась подконтрольность действий духовных лиц в этой сфере со стороны «светских градоуправителей»⁴.

В главе 47 «Об иерархии», рассматривая историю управления церковью до XVII в., Татищев подробнее коснулся церковной ре-

¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 241.

² Там же. С. 241—242.

³ Там же. С. 242.

⁴ См.: ПСЗ -1. СПб., 1830. Т. 7. № 4450.

формы Петра I. Заметим, что вся эта реформа подана здесь Татищевым почти исключительно в плане пользы для распространения просвещения. Он отметил, что после смерти патриарха Адриана в 1700 г., Петр «все правление его поручил одному архиепископу, над доходами патриаршими определил другаго и повелел оные на устроение и содержание училищ употребить»¹. Учреждение Петром вслед за Синодом пяти архиепископств Татищев расценивал как правильный, полезный шаг опять же исключительно в плане распространения просвещения, как меру, способствующую контролю за деятельностью училищ и богаделен: «И как его величество ни о чем более, как к просвящению народа науками и ко искоренению суеверств прилежал, чрез которое многие неповинно в заблуждении гинут, и хотя о училищах в Духовном уставе положено, но Синоду за далеко отстоящими архиереи надзирать невозможно, намерился учинить 5 архиепископств, яко великороссиский, белоруссиский, малороссиский, болгарский и сибирский; под их смотрением 38 епископов, при них для помощи в правлении, а собственно к содержанию училищ и богоделен 48 архимандритов и на всех достаточное денежное жалование из их собственных и монастырских доходов положил»². Текст этого закона с припиской Петра — «Достальные употребить проповедникам в иноверцах, на прибавочные школы и богадельни» — Татищев видел у Ф. Прокоповича: в декабре 1724 г. царь «изволил о учреждении училищ и монастырех указом Синоду подтвердить, но кончиною его величества все оное в забвении осталось»³. Текст этого законодательного акта отсутствует в ПСЗ, поскольку же Татищев подробно передал его содержание, значит, такой указ Петра существовал, и следует выяснить судьбу этого документа.

В вариантах к главе 6-й, посвященной киевскому князю Владимиру, Татищев снова рассуждал о том, какими доходами должна располагать церковь и на что их тратить. Он поддерживал политику Петра по контролю за расходованием церковных средств: «смотреть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требует; главная того потребность содержание больниц, богаделен и училищ, а не на

¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 381.

² Там же. С. 382.

³ Там же.

роскошность, пьянство и блуд или великолепие духовных», как Петр в указе 1724 г. изъяснил.¹ Вероятно, именно это место Татищеву пришлось подвергнуть сокращению в результате критики Амвросия в 1739 г., и оно сохранилось лишь в вариантах «Истории», а в главный текст не вошло.

На страницах «Истории» Татищев вскользь, очень глухо выразил опасения в отношении дальнейшей судьбы просвещения в России: хотя и после смерти Петра на этом поприще «несколько прилежания показано, токмо тому многия препятства находятся и суще такие, ежели оные отняты и достаточно исправлено не будет, то мы никакой надежды к распространению наук иметь не можем». Нежелание более четко сформулировать свое мнение Татищев объяснил так: «Я же как не наставление, но историю пишу, так более о том упоминать и способы представлять причины не имею и оставляю мудрейшим и должность имеющим в разсуждение»².

В «Разговоре» Татищев более подробно обращается к оценке вклада Петра I в развитие просвещения. Он опровергает суждение, распространенное среди некоторых слоев дворянства, что «в древние времена... у нас языков и наук не знали, да как в Сенате (имеется в виду Боярская дума — А. С.), так в воинстве, и везде во употреблении людей мужественных, благоразсудных и прилежных гораздо более было, нежели ныне». Да, подтверждает Татищев, людей в думе, приказах, городах, воинских и гражданских чинов, было немало, «но сколько между оными достойных того звания было, то... русские гистории обстоятельнее покажут...походы казанские и действия от вельмож русских от времени царя Феодора Ивановича до воцарения Алексея Михайловича...прочитаешь и познаешь, сколько от недостатка наук и скудости в разсуждении от их порядков беды и раззорения государству учинилось». Главная же причина этого, по Татищеву, «фамильная спесь». Только Петр это искоренил, «доброй порядок в правлении и воинстве учредил». Славу себе и Отечеству Петр снискал «чрез познание состояния и порядков других государств», для чего «многое число шляхетства в разные государства

¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 236.

² Там же. Т. 1 С. 382.

для обучения посылаю, в России многие школы заведены и знатные иноземцы в службу приняты были»¹.

Подтверждая суждение воображаемого собеседника, что «имеем довольно народных училищ, в которых мы обучать можем», Татищев писал: «Воистинно мы и наши наследники за учреждение школ вечно достойны памяти его императорскому величеству Петру Великому ...достойно возблагодарить не можем»².

Татищев высоко оценивал быстроту проведения школьной реформы и ее результативность, хотя и понимал, что учрежденных школ явно недостаточно: «И хотя сии все учрежденные школы не довольны или не в состоянии все российское юношество и всему нужному научить, однако ж для первого случая и в так краткое время устроенных и плоды приносящих немалой похвалы достойны»³. Он приводит пословицы: «вдруг кривулий не исправишь», «и Рим не в один год построен» — и выражает надежду, что школы «со временем от часу могут распространиться и всем ко всему способными и довольными быть»⁴.

Татищев видит положительную роль Петра в распространении в России латинского языка, на котором написано большинство книг, нужных священникам — риторических, метафизических, по морали и филологии. Петр сделал это «по примеру других государств»⁵.

Особой заслугой Петра I Татищев считал основание Академии наук. Он признается, что поначалу не понял, зачем России нужна Академия, когда не развита еще сеть школ. Он передает нам содержание разговора с Петром в Летнем доме, состоявшегося перед отправкой Татищева в Швецию в 1724 г. Президент Академии наук Блюментрост попросил Татищева «в Швеции искать ученых людей и призывать» в профессора в учреждающуюся Академию. Татищев рассмеялся: «Ты хочешь сделать архимедову машину очень сильную, да поднимать нечево и где поставить места нет... ищет учителей,

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 101.

² Там же.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 101.

а учить некого, ибо без нижних школ Академия оная с великим расходом будет бесполезна»¹. Вдумаемся в это суждение: если даже такой просвещеннейший человек, как Татищев, сподвижник Петра, поначалу не понял действий своего кумира, посчитал их преждевременными в условиях редкой сети школ, что же говорить о других современниках и насколько же прозорлив был Петр, как далеко он умел смотреть вперед.

Татищев передает нам личное мнение Петра по поводу Академии, которое показывает всю мудрость этого человека: «Я имею жит скирды великие, токмо мельницы нет, да и... воды довольства в близости нет, а есть воды довольно в отдалении. Только канал делать мне уже не успеть для того что долготы жизни нашей ненадежна, и для того зачал перво мельницу строить, а канал велел только зачать, которое наследников моих лучше понудит к построенной мельнице воду привезти. Зачало же того я довольно учинил, что многие школы математические устроены, а для языков велел по епархиям и губерниям школы учинить, и надеюся, что плода я не увижу, но оные в том моем отечеству полезном намерении не ослабеют»². Петру оставалось жить всего несколько месяцев, и Академию наук открыли уже после его смерти, но, не успев он положить ей начало, вряд ли это было бы сделано в первой половине столетия. Пожалуй, только Екатерине такой шаг был бы под силу, недаром ее, как и Петра, называли Великой.

Татищев справедливо противопоставляет политику Петра Первого на поприще просвещения и его ближайших наследников: «Но сие желание и надежда его величества весьма обманула, ибо по его внезапном преставлении хотя люди в науках преславныя вскоре съехались и академию основали, но по епархиям, кроме Новгородской и Белгородской, не токмо школ вновь устроили, но некоторые и начатые оставлены и разорены, а вместо того архиереи конские и денежные заводы созидать прилежали, чрез что пять лет по смерти

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 101.

² Там же. С. 105.

его величества весьма преуспевало»¹. Вот где Татищев дал волю своему гневу в адрес тех духовных лиц, которые забыли свои главные обязанности.

Татищев приводит имена европейских правителей, которые «неусыпно о распространении наук прилежали»: это Генрих IV и Людовик XIV во Франции, Генрих VIII и Елизавета в Англии, Карл I в Испании, Густав и Кристина в Швеции. Петр Великий, пишет Татищев, «если не всех оных превосходит»².

В «Разговоре» Татищев особенно четко проводит тезис о том, что образование народа — залог процветания государства и его развития без бунтов. Он убежден, что как в отношении одного человека, так и всего мира со «временем по естеству возрастать и умножаться знанию нужно», то есть знания накапливаются естественным образом, сами по себе, но нужна и «прилежность» и человека, и государства. Человек из-за лени и нерадения, родительского несмотрения, может лишиться себя этого блага в жизни, но собственной «прилежностью приобрести может». «Равно сему и в общественном един народ или государство пред другим прилежанием собственным и случаями от властей учрежденных училищ более успевают»³. Поэтому Татищев и ставил Петра в пример и призывал следовать за ним как другим монархам, так и всему обществу.

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 105.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 112.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ А. М. САФРОНОВОЙ

Монографии

1. **Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв.** – Екатеринбург: ИИиА УРО РАН, 1996. Глава 3: Грамотность и эмпирические знания. – С. 158–223. (в соавторстве с *Н. А. Миненко* и *И. В. Побережниковым*).
2. **Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания.** – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 144 с.
3. **Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян** / Мин-во общего и проф. образования Свердловской области; Независимый ин-т истории материальной культуры. – Екатеринбург, 2002. – 120 с.
4. **Каталог книг В. Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея** / сост. А. М. Сафронова, В. Н. Оносова; общ. ред. и вступ. ст. А. М. Сафроновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 358 с.
5. **В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции.** – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 552 с.
6. **Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в.** – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 334 с.

Учебные пособия

7. **Источниковедение истории образования и педагогики дореволюционной России: Учеб. пособие** / под ред. Э.Д. Днепров, А. И. Салова. М.: АСОУ, 2014. – 188 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 73. (в соавторстве с *Э. Д. Днепровым*, *О. Е. Кошелевой*, *Р. Ф. Усачевой*, *Д. И. Раскиным*).

С т а т ь и

8. **К историографии школ г. Перми XVIII в.** // 250 лет Перми: материалы науч. конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1973. – С. 138–142.
9. **«Арифметика» Л.Ф. Магницкого как исторический источник** // Уральский археографический ежегодник за 1971 год. – Свердловск, 1974. – С. 22–33 (в соавторстве с Г. А. Кулагиной).
10. **Л. Ф. Магницкий и русская метрология XVII в.** // Вспом. ист. дисциплины. – Сб. 1. – Свердловск, 1974. – С. 17–23.
11. **Историографический обзор советских исследований по истории школы XVIII в.** // Вспом. ист. дисциплины. – Сб. 2. – Свердловск, 1974. – С. 37–49.
12. **К истории народных училищ Урала второй половины XVIII в.** // Вопросы истории Урала – Сб. 13. – Свердловск, 1975. – С. 26–40.
13. **Инструкция В. Н. Татищева о порядке школьного преподавания** (публикация документа) // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. – Свердловск, 1975. – С. 95–98.
14. **Документы о побегах учащихся горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в. как исторический источник** // Источниковедение истории классовой борьбы рабочих Урала: Сб науч. трудов. – Свердловск, 1981. – С.147–159.
15. **Советская историография о роли горнозаводских школ Урала в формировании кадров промышленных предприятий в XVIII в.** // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение: Сб науч. трудов. – Свердловск, 1986. – С. 51–62.
16. **Прошения о приеме в горнозаводские школы как источник по истории демократической культуры Урала первой половины XVIII в.** // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII – начало XX в.): Межвуз. сб науч. трудов / Перм. ун-т. – Пермь, 1986. – С. 3–12.

17. **Документы об организации В. Н. Татищевым школ в слободах при горных заводах Урала в 20-х гг. XVIII в.** // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма / Отв. ред. д-р ист. наук Н. Н. Покровский. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – С. 70–80.
18. **Прошения о приеме на должность учителей горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в. как исторический источник** // Археология и изучение духовной культуры: III Уральские археологические чтения: тезисы докладов. – Свердловск, 1987. – С. 30–31.
19. **Горнозаводские школы Урала XVIII в. (историография и задачи изучения)** // Историография общественной мысли дореволюционного Урала: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1988. – С. 77–86.
20. **Формы профессиональной подготовки учащихся горнозаводских школ Урала в первой половине XVIII в.** // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма: Сб. науч. трудов. – Свердловск, 1989. – С. 71–86.
21. **Казенное жалование учащихся горнозаводских школ Урала начала XVIII в.** // Народное образование на Урале в XVIII – нач. XX в.: Сб. науч. трудов. – Свердловск, 1990. – С. 30–38.
22. **Отражение условий жизни учащихся горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в. в их прошениях** // Народная культура Урала в эпоху феодализма: Сб. науч. трудов. – Свердловск: УрО РАН СССР, 1990. – С. 56–73.
23. **В. Н. Татищев. Записки. Письма 1717–1750 гг.** – М.: Наука, 1990. – 440 с. Публикация писем с комментариями. – С. 66–69, 163–164, 378, 389.
Протопопу кунгурскому Иоанну Антониеву,
Вятскому епископу Алексию,
Ф. Прокоповичу.
24. **Горная школа в России (XVIII- первой половине XIX вв.)** // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период: Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: Наука. УрО РАН, 1992. – С. 87–94 (в соавторстве с Л. А. Дашкевич).

25. **Mining school in Russia (The XVIII – the first half of XIX centuries)** // Metallurgical works and peasantry: collection of research work. – Ekaterinburg, 1992. – P. 241–248 (в соавторстве с Л.А. Дашкевич).
26. **Образование** // Уральская историческая энциклопедия: Словник. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992 (авторский коллектив).
27. **Горнозаводские школы Урала и их роль в развитии музыкальной культуры края в первой половине XVIII в.** // Российское государство XVIII — начала XX в.: Экономика, политика, культура: тезисы докладов Рос. науч. конф., посвящ. 380-летию восстановления российской государственности (1613 – 1993). Март, 1993. – Екатеринбург, 1993. – С. 65–69 (в соавторстве с М. Г. Казанцевой).
28. **Вклад выпускников горнозаводских школ Урала в культурно-экономическое развитие Сибири в XVIII в.** // Духовное возрождение России: Материалы Рос. науч. конф. 24-25 мая 1993 г. – Омск, 1993.
29. **Екатеринбург как центр образования на Урале в XVIII в.** // Екатеринбург в прошлом и настоящем: материалы науч. конф., посвящ. 270-летию города. – Екатеринбург, 1993. – С. 16–18.
30. **Горнозаводские школы** // Российская педагогическая энциклопедия: в 2-х томах. М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 1993. – Т. 1. – С. 220.
31. **Вопросы обучения детей народов России в трудах В.Н. Татищева и его практической деятельности** // Духовная культура. Проблемы и тенденции развития: материалы Всерос. науч. конф. – Сыктывкар, 1994.
32. **Екатеринбургские школы Ивана Ползунова. 1736-1742 гг.** // Ползуновские чтения: тезисы научно-практ. конф., посвящ. 265-летию И.И. Ползунова. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. – С. 58–61.
33. **Книжные собрания словесных школ горнозаводского Урала (1721– 1750 гг.)** // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции: Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: ЦНБ УрО РАН; ЛАИ УрГУ, 1994. – С. 115–149.

34. **Центральные органы управления промышленностью России как регуляторы деятельности горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в.** // Российская государственность: опыт и перспективы изучения: чтения памяти проф. Т. П. Коржихиной. 1–3 июня 1995. – М.: МГИАИ, 1995.
35. **Организация В.Н. Татищевым первых проб золото- и серебро-содержащих руд на Урале и обучение им учащихся горнозаводских школ в 30-е гг. XVIII в.** // Из истории уральского золота. К 250-летию открытия золота на Урале и основания города Березовского / Свердловский областной краеведческий музей. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. – С. 6–14.
36. **Первая школа при Луказском заводе (1738–1746 гг.)** // Сургут, Сибирь, Россия: междунар. научно-практ. конф., посвящ. 400-летию Сургута: доклады и сообщения. 22–25 марта 1994. – Екатеринбург, 1995. – С. 182–192.
37. **В. Н. Татищев и горнозаводские школы Урала в середине 30-х гг. XVIII в.** // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – Вып. 2. – С. 40–51.
38. **В. Н. Татищев как организатор первых горнозаводских школ в слободах Урала в начале 20-х гг. XVIII в.** // Летопись уральских деревень: тезисы докладов регион. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1995.
39. **Первые иноязычные школы на Урале в XVIII в.: поиск учителей** // Немцы в Сибири: материалы междунар. науч. конф.: в двух частях. – Омск, 1996. – Ч. 2. – С. 29–30.
40. **Книжное собрание Екатеринбургской арифметической школы. 1724–1750-е гг.** // Урал – территория жизни: материалы регион. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1996. – С. 96–107.
41. **Документы по истории горнозаводских школ Урала в фонде 24 «Уральское горное управление» в ГАСО** // Архивное дело на Урале: история, современность, перспективы: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию архивной специальности в Уральском гос. университете. 10–11 ноября 1995 г. – Екатеринбург, 1996. – С. 6–8.
42. **В.Н. Татищев как организатор первых государственных школ на Урале** // Первые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург: ИИиА УРО РАН; УрГУ, 1997. – С. 163–166.

43. **Учителя при уральских заводах первой половины XVIII в.: источники комплектования** // Образование на Урале и современные проблемы подготовки учителя истории. Материалы Уральских историко-педагогических чтений. – Екатеринбург: УрГПУ; Банк культурной информации, 1997. – С. 5–7.

44. **Первый план организации школ в Екатеринбурге В. Н. Татищева** // Регион-Урал. – 1998. – №10. – С. 49–51.

45. **Роль В.Н. Татищева в открытии первых иноязычных школ на Урале и формировании кадров их учителей (1734—1739)** // История образования и культуры Урала: Межвуз. сб. науч. трудов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1998. – С. 3–17.

Уральская историческая энциклопедия – 2-е изд-е, испр. и доп. – Екатеринбург: Наука; УрО РАН, 2000.

46. **Воскресные школы.** – С. 129.

47. **Гимназии.** – С. 148.

48. **Городские училища.** – С. 159.

49. **Духовные училища.** – С. 190.

50. **Епархиальные училища.** – С. 198–199.

51. **Коммерческие училища.** – С. 275.

52. **Народные училища.** – С. 358–359.

53. **Раменский Алексей Пахомович.** – С. 451.

54. **Реальные училища.** – С. 452.

55. **Семинарии.** – С. 484.

56. **Средняя общеобразовательная школа.** – С. 505–506 (в соавторстве с Т. Зиминной)

57. **Уездные училища.** – С. 541.

58. **Учебные округа** – С. 571.

59. **Учительские институты.** – С. 571.

60. **Учительские семинарии.** – С. 571.

61. **Учительские школы.** – С. 571.

62. **Цифирные (арифметические) школы.** – С. 591.

63. **В. Н. Татищев и подготовка механиков для заводов Урала и Сибири в первой половине XVIII в.** // Урал индустриальный: Вторая регион. науч. конф. 17 декабря 1997 г. – Екатеринбург, 1998. – С. 40–43.
64. **Роль В. Н. Татищева в организации первой медицинской службы на Урале в начале 20-х годов XVIII века** // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): материалы Третьей Всерос. науч. конф.: в 2-х томах. – Омск, 1998. – Т. 2. – С. 47–51.
65. **Горнозаводские школы Урала как феномен российской провинции первой половины XVIII в.** // Урал в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 24–25 февр. 1998. – Екатеринбург: УрО РАН; Урал. гуманитарный ин-т, 1998. – Ч. II. – С. 34–37.
66. **Роль В.Н. Татищева в формировании кадров учителей горнозаводских школ Урала и регламентации их деятельности в первый период руководства заводами (1721–1722 гг.)** // Вторые Уральские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: УрГПУ; Банк культурной информации, 1998. – С. 24–29.
67. **Первые газеты и журналы Академии Наук 1720–1730-х годов в Екатеринбургской горнозаводской библиотеке** // Екатеринбург — вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-практ. конф., посвящ. 275-летию города, 21–22 апреля 1998 г. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1998. – Ч. 2. – С. 19–22.
68. **В. Н. Татищев о важности изучения иностранных языков** // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: УрГПУ, Банк культурной информации, 1999. – С. 26–28.
69. **Горнозаводские школы и Академия наук: связи в 30-е годы XVIII века** // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22–23 апр. 1999 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гуманитарного ин-та, 1999. – С. 321–327.
70. **Арифметическая школа Пыскорского завода (1738–1742 гг.)** // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина. – Пермь, 1999. – С. 214–217.

71. **Екатеринбургская библиотека горного ведомства: Первое приобретение книг В. Н. Татищевым в 1734 г.** // Вторые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 28–29 апреля 1999 г. – Екатеринбург: ИИиА УРО РАН; УрГУ, 1999. – С. 274–277.
72. **Татищев Василий Никитич** // Российская педагогическая энциклопедия. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1999. – Т. 2. – С. 419–420.
73. **Феофан Прокопович (Элеазар)** // Там же. – С. 503.
74. **Первая школа Екатеринбурга** // Екатеринбургская школа: Научно-аналитическое издание. – Екатеринбург, 2000.
75. **Переводы источников для «Истории Российской В.Н. Татищева учителем Екатеринбургской латинской школы К.А. Кондратовичем (1734-1738 гг.)** // Документ. Архив. История. Современность: материалы научно-практ. конф., посвящ. 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. – Екатеринбург, 2000. – С. 60–68.
76. **Книжная палата Академии наук как источник комплектования Екатеринбургской библиотеки горного ведомства в первой половине XVIII в.** // Историческая наука на рубеже веков: статьи и материалы науч. конф., посвящ. 60-летию ист. фак-та Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2000. – С. 143–155.
77. **Книжное собрание первой немецкой школы Урала (1735–1787 гг.): пути его формирования, состав, использование** // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Материалы науч. конф. «Германия—Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» (03–09.09.1999 г. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2001. – С. 182–203.
78. **Первая попытка обеспечения казенным жильем и питанием учащихся екатеринбургских школ в 30-е гг. XVIII в.** // История социальной работы на Урале: Межвуз. сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 2001. – С. 3–20.
79. **Использование книг В.Н. Татищева и казенной библиотеки Екатеринбурга в 30-е гг. XVIII в.** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. – Вып. 1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 296–337.

80. **Дарил ли В. Н. Татищев свою библиотеку Екатеринбургу в 1737 г.?** // Человек и общество в информационном измерении. Материалы регион. науч. конф., посвящ. 10-летию деятельности научных отделов ЦНБ УрО РАН (28 фев. – 1 марта 2001 г.). – Екатеринбург, 2001. – С. 134–142.

81. **Книги В.Н. Татищева в фондах Свердловского областного краеведческого музея: Покупки за границей** // Первые Чупинские краеведческие чтения: Тез. докл. и сообщ. / ИИиА УрО РАН, Свердл. обл. науч. б-ка им. В. Г. Белинского. – Екатеринбург, 2001. – С. 97–103.

82. **Автографы В.Н. Татищева на книгах Свердловского областного краеведческого музея: общая характеристика** // Там же. – С. 104–109 (в соавторстве с В. Н. Оносовой).

83. **Книги библиотеки В.Н. Татищева в фондах Свердловского областного краеведческого музея: результаты поисков** // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 г. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2002. – С. 30–35 (в соавторстве с В. Н. Оносовой).

84. **В. Н. Татищев о роли Петра I в распространении просвещения в России** // Династия Романовых в русской истории и культуре: Материалы научно-богословской конф. Екатеринбург, 19–21 июля 2000 г. – Екатеринбург: Изд-во Академкнига, 2002. – С. 108–115.

85. **Поступления книг на иностранных языках в Екатеринбургскую библиотеку горного ведомства в 1735–1739 гг.: публикация документов** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. – Вып. 2. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 342–364.

86. **Формирование книжного собрания первой латинской школы Екатеринбурга (1735–1737 гг.)** // Библиотеки Урала XVII–XX вв. Вып. 1 / Свердл. обл. науч. б-ка им. В. Г. Белинского. – Екатеринбург, 2002. – С. 131–146.

Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2002.

87. **Высшие начальные училища.** – С. 105–106.

88. **Гимназии.** – С. 118.

89. **Горнозаводские школы.** – С. 130–131.

90. Училища Городские. – С. 617.
91. Грамотность. – С. 147–148 (в соавторстве с *А. А. Сафроновым*).
92. Екатеринбургская арифметическая школа. – С. 178.
93. Екатеринбургская духовная семинария. – С. 181.
94. Латинская школа. – С. 314.
95. Немецкая школа. – С. 390.
96. Екатеринбургская словесная школа. – С. 187.
97. Екатеринбургский учительский институт. – С. 206.
98. Екатеринбургское Алексеевское реальное училище. – С. 206–207.
99. Екатеринбургское епархиальное училище. – С. 209.
100. Екатеринбургское окружное горное училище. – С. 211–212.
101. Екатеринбургское уездное училище. – С. 213.
102. Малое народное училище. – С. 339.
103. Миссет Андрей. – С. 361.
104. Начальные народные училища (городские школы). – С. 386.
105. Начальные общеобразовательные школы. – С. 386–388.
106. Приходское училище. – С. 459–460
107. Средние специальные учебные заведения. – С. 529–530 (в соавторстве с *Л. Я. Барановой*)
108. Средняя общеобразовательная школа. – С. 530–531 (в соавторстве с *Т. И. Зиминной*)
109. Уральское горное училище. – С. 606.
110. Церковно-приходские школы. – С. 640–641.
111. Школа знаменования (рисования). – С. 662.
112. Школа псаломщиков. – С. 662–663.
113. Школы воскресные. – С. 663.
114. Школы грамоты. – С. 663.

115. Подготовка учеников инструментального дела для заводов Урала в Академии наук в 1735–1739 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы V регион. науч. конф., декабрь 2002 г. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – С. 77–80.
116. Татищев Василий Никитич // Историки Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург, 2003. – С. 358–359.
117. Книги по истории России в библиотеке В.Н. Татищева в Екатеринбурге в 1730-е гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. – Вып. 3. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 38–65.
118. Инструкция В.Н. Татищева 1721 г. о порядке школьного преподавания // Сборник Русского исторического общества. – М., 2003. – № 6. – С. 177–179.
119. В.Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 20-е гг. XVIII в.: политика властей // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 31. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. – Вып. 7. – С. 59–75.
120. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. – Вып. 4. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 71–99.
121. В. Н. Татищев как заказчик литературы для екатеринбургского духовенства и горнозаводских школ (1735 г.) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. – Вып. 4. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 100–118 (в соавторстве с С.А. Белобородовым).
122. В. Н. Татищев и нравственное воспитание молодежи на Урале в 20-е–30-е годы XVIII в. // Пятые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 22–23 апреля 2004 г. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2004. – С. 9–16.
123. В.Н. Татищев и организация первой школы рисования на Урале // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VI Всерос. науч. конф. 7 апреля 2004 г. Екатеринбург. – Екатеринбург, 2004. – Т. 1. – С. 265–280.

124. **Проект В. Н. Татищева 1735 г. об отправлении гитенмейстера И. Улиха в Саксонию и Богемию для найма специалистов, обучении детей управителей уральских заводов в Европе и Академии наук** (публикация документа) // Уральский археографический альманах. 2005. – Екатеринбург: НПП «Волот», 2005. – С. 350–363.

125. **Вклад В. Н. Татищева в формирование собраний законодательных актов Уральских заводов в 1734–1737 гг.** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. – Вып. 5. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 60–76.

126. **Школы и грамотность населения Верхотурского уезда Пермской губернии в конце XIX в.** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. – Вып. 5. – Екатеринбург, 2005. – С. 130–149. (в соавторстве с *А. А. Сафроновым*).

127. **Проект В. Н. Татищева по открытию школ на частных заводах Урала и попытка его претворения в жизнь** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 97–138.

128. **«Каталог книг В. Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург, 2005» : итоги работы** // Шестые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г. В 2-х т. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 12–28.

129. **Книги В. Н. Татищева в фондах Свердловского областного краеведческого музея:** Буклет. – Екатеринбург, 2006. – 8 с. Тираж 500 экз. (в соавторстве с *А. А. Сафроновым*).

130. **К выходу в свет «Каталога книг В. Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург, 2005»** // В. Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России: материалы Междунар. науч. конф. 5–7 окт. 2006 г. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский ун-т», 2006. – С. 113–117.

131. **О нереализованных проектах В. Н. Татищева по развитию грамотности и школ в России** // Уральская старина: Литературно-краеведческие записки. Специальный выпуск. – Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2006. – С. 70–90.

132. **Словари и справочники в библиотеке В.Н. Татищева в Екатеринбурге в 30-е гг. XVIII в.** // Запад, Восток и Россия: проблемы исторического развития и взаимодействия: Вопросы всеобщей истории. / Урал. гос. пед. ун-т. – Вып. 9. – Екатеринбург, 2007. – С. 35-46.

133. **Заказ В. Н. Татищевым естественно-научной литературы в первую библиотеку Екатеринбурга (январь 1736 г.)** // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всерос. науч. конф. 27–28 апреля 2007 г.: в 2-х т. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1. – С. 213-217.

134. **Неизвестный заказ книг В. Н. Татищевым в Академию наук из Екатеринбурга в 1736 г.** // Емельяновские чтения: Материалы Всерос. научно-практ. конф. Курган, 11–12 мая 2007 г. – Курган, 2007. – С. 241–243.

135. **Документы о формировании Татищевым первой библиотеки Екатеринбурга (1734–1739) в Государственном архиве Свердловской области** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. – Вып. 7. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 98–122.

136. **Описания путешествий в Екатеринбургской библиотеке Татищева** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. – Вып. 9. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 100–110 (в соавторстве с А. А. Сафроновым).

137. **Поступления новейших изданий Академии наук и иностранной литературы в библиотеку Екатеринбурга в 1736 г. как важный этап ее комплектования Татищевым** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. – Вып. 9. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 56–83.

138. **Екатеринбургская библиотека Татищева: реконструкция состава в свете данных новых источников** // Россия и мир: панорама исторического развития: Сб. науч. статей, посвящ. 70-летию ист. фак-та УрГУ им. А. М. Горького. – Екатеринбург: НПП «Волот», 2008. – С. 279–292.

139. **Первая школа пения на горнозаводском Урале и ее книжное собрание (1735 – 1740-е)** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. – Вып. 10. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 51–68.

140. **Передача Татищевым книг в пользу Уральских заводов в 1734 г.** // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2009. – № 1 / 2 (63) – С. 197–209.

141. **Роль Татищева в формировании собрания медицинской литературы в Екатеринбурге (1734–1738 гг.)** // Восьмые Татищевские чтения: Материалы регионал. науч. конф. Екатеринбург, 27–28 мая 2010 г. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2010. – С. 34–39.

142. **Первая библиотека Екатеринбурга XVIII в.: итоги изучения ее истории и задачи на будущее** // Пятые Чупинские краеведческие чтения: Материалы конф. Екатеринбург, 16–17 февраля 2010 г. / Свердловская обл. универсальная библиотека им. В. Г. Белинского, Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2010. – С. 126–139.

143. **Книги голландских авторов и по истории Голландии в Екатеринбургской библиотеке В. Н. Татищева** // Россия–Нидерланды: история и современность. К 15-летию Русско-Голландского клуба. Материалы междунаро. науч. конф., 14–15 апреля 2010 г. / Гос. Эрмитаж, Российско-Нидерландское научное общество (Русско-Голландский клуб) при участии Генерального консульства Нидерландов в Санкт-Петербурге и Петровского исторического общества / Под ред. Н. П. Копаневой. – СПб., 2010. – С. 142–156.

144. **В. Н. Татищев и строительство в Екатеринбурге (1723–1739 гг.)** // Вестник гражданских инженеров. – 2010. – № 4. – С. 189–193.

145. **Оренбургская коллекция иностранных книг в составе библиотеки Горного ведомства Екатеринбурга** // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2010. – № 2 (76) – С. 76–91.

146. **Юридическая литература в Екатеринбургской библиотеке В. Н. Татищева** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. – Вып. 11. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – С. 82–107.

147. **Первая школа рисования на Урале и ее учебные пособия (1735–1750-е)** // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – № 1 (87). – С. 299–310.

148. **Книги по всеобщей истории в Екатеринбургской библиотеке Татищева** // Диалог со временем. М.: Красанд. – 2011. – № 35. – С. 270–288.

149. Почему В. Н. Татищев передал свою библиотеку Екатеринбург в 1737 г. // Библиотекосведение. – М.: РГБ, 2011. – № 3. – С. 77–81.
150. Счета за книги, приобретенные в Екатеринбургскую библиотеку горного ведомства, как источник для реконструкции ее состава (1734–1739) // Вестник архивиста. – М.: РОИА, 2011. – № 4. – С. 68–78.
151. В. Н. Татищев и литература на иностранных языках в Екатеринбургской библиотеке горного ведомства (1734–1739 гг.) // Проблемы истории России. Вып. 9.: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: НППМ «Волот», 2011. – С. 360–369.
152. «Арифметика» Л. Магницкого на книжных рынках Москвы и Петербурга в 1720–30-е гг. XVIII в. // Урал. – 2011. – № 9. – С. 211–219.
153. Миф о даре В. Н. Татищевым своей библиотеки Екатеринбург в 1737 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории: Межвуз. сборник науч. тр. – Екатеринбург, 2011. – С. 107–117.
154. Книги о религии и церкви в библиотеке В. Н. Татищева в Екатеринбурге (1734–1737) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. – Вып. 12. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 57–76.
155. Проекты В. Н. Татищева по составлению языковых лексиконов // Девятые Татищевские чтения. Всерос. научно-практ. конф. Екатеринбург, 19–20 апр. 2012 г. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2012. – С. 3–7.
156. Мемуары как источник об обучении грамоте детей на дому и в частных школах России XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. История. – Томск: Изд-во ТГУ, 2012. – № 4. – С. 36–39 (в соавторстве с А. В. Емельяновой).
157. Проект В. Н. Татищева по обучению детей горнозаводской администрации Урала в гимназии Академии наук (1735–1739 гг.) // VI Емельяновские чтения. Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всерос. науч. конф. – Курган, 2012. – С. 218–220.

158. **Ведомости об учащих как источник по истории горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в.** // Документ. Архив. История. Современность: Материалы IV международ. научно-практ. конф., посвящ. 20-летию подготовки документоведов в Уральском федеральном университете. Екатеринбург, 1–4 ноября 2012 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 260–264.

159. **Первые учителя горнозаводских школ Урала (1721–1724 гг.)** // Педагогическое образование на Урале: история и современность. Сб. материалов науч.-практ. конф. (15 ноября 2012 г., УрГПУ). – Екатеринбург, 2012. – Ч. I. – С. 97–104.

160. **Словари и грамматики в Екатеринбургской библиотеке В.Н.Татищева** //Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2013. – № 1 (111). – С. 135–147.

161. **Екатеринбургская библиотека В.Н.Татищева: итоги изучения и задачи на будущее** // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб.ст.: в 2-х т. Т. II / сост.: Р.Б.Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф.Румянцева; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Науч.-пед. Школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru.- М.: РГГУ, 2013. – С. 361–383.

162. **Документы о переводе труда М. Кромера по истории Польши по заказу В. Н. Татищева в 1735 г.** // Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 22–43.

163. **Формирование первой библиотеки В. Н. Татищева (1710-е – 1737)** // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. – Вып. 13. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 49–79.

164. **В.Н.Татищев как создатель Екатеринбургской библиотеки Горного ведомства, крупнейшего уникального собрания Российской провинции** //Десятые Татищевские чтения: Всерос. научно-практ. конф. (Екатеринбург, 21 – 22 ноября 2013 года): Материалы. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. – С. 32–40.

165. **О методах реконструкции утраченных архивных документов (на примере горнозаводских школ Урала (1721– 1750 гг.))** // Материалы V Международ. научно-практ. конф., Екатеринбург, 5–6 декабря 2014 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 211–216.

166. **Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в.** // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 14. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. — С. 173–197 (в соавторстве с *О. С. Кравченко*).

167. **К истории формирования архива Уральского горного управления** // История Свердловской области в архивных документах: Материалы регионал. научно-практ. науч. конф. – Екатеринбург, 2014. – С. 153–161 (в соавторстве с *М. В. Пороновым*).

168. **Мемуары о домашних учителях в дворянских семьях России XVIII в.** // Педагогическое образование в России. – Екатеринбург, 2014. – № 5. – С. 7–12 (в соавторстве с *А. В. Емельяновой*).

169. **Размышления В. Н. Татищева об истории школы на страницах «Истории Российской»** // I-II Кулагинские чтения: Сб. материалов науч.-практ. педагогических конф. 17 апреля 2013 г., УрФУ; 17 апреля 2014 г., СОУНБ им. В. Г. Белинского. – Екатеринбург, 2014. – С. 194–197.

170. **Документы об отношении населения к обучению детей на дому и в горнозаводских школах Урала в первой половине XVIII века** // Сибирский учитель: научно-методический журнал. – 2014. – № 2. – С. 125–127.

171. **В. Н. Татищев и первые библиотеки Екатеринбурга** // Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика. Материалы 3-й Всерос. (с международным участием) науч. конф. Челябинск, 24 апреля 2014 г. – Челябинск: ФГБУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств»; ГУК «Челябинская унив. науч. б-ка», 2014. – С. 268–272.

172. **Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи)** // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2015. – № 1 (136). – С. 112–126 (в соавторстве с *О. С. Кравченко*).

173. **Документы об изучении истории в первых иноязычных школах Екатеринбурга (1735–1750 гг.)** // Современный педагог–историк: актуальные проблемы профессиональной подготовки и профессиональной деятельности. Ежегодник. XIX всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч.ст. / ФГБОУ ВПО «Урал.гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2015. – Ч. I. – С. 7–19.

174. Трансформация представлений о ценности школьного обучения у населения казенных заводов Урала в первой половине XVIII в. // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: Сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН / Отв. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург, 2015. – С. 107–112.

175. Документирование деятельности коронной администрации в Заводском уставе В. Н. Татищева 1735 г. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр./ М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. фед. ун-т. – Вып. 15. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 288–311 (в соавторстве с *М. В. Поруновым*).

176. Роль В. Н. Татищева в распространении детской грамотности на казенных заводах Урала в 20-е и 30-е гг. XVIII в. // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.). – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. – С. 82–89.

177. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20-30-е годы XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр./ М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. фед. ун-т. – Вып. 15. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 32–56.

178. Горнозаводские школы Урала первой половины XVIII в. в контексте модернизации экономики и культуры // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Междунар. науч.- практ. конф., Самара, 2015 г.: в 2 ч. – Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2015. – Ч. 1. – С. 230–236.

179. Подготовка чертежей казенных и частных заводов Урала по заданию В. Н. Татищева в 1735–1738 гг. для «исторической книги»: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. – Вып. 16. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 333–357 (в соавторстве с *С. И. Цеменковой*).

180. Описи имущества учителей екатеринбургских школ XVIII в.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. – Вып. 16. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 318–332.

181. **Проведение картографических работ под руководством В. Н. Татищева на Урале и в Сибири в 1734–1739 гг.** // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: к 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М. В. Ломоносова (1765) / отв. ред Н. П. Копанева, М. Ф. Хартанович. – СПб.: МАЭ РАН, 2016. – Вып. 2. – С. 244–270.

182. **Екатеринбургская библиотека как уникальное явление российской провинции первой половины XVIII в.** // Библиотека в контексте российской социокультурной истории: краеведческий аспект: Материалы Всерос. науч. конф. (с международным участием) (Уфа, 23–24 марта 2016 г.) – Уфа: ЦКиР НБ РБ, 2016. – С. 129–135.

183. **О перспективах изучения культурных связей Екатеринбурга и стран Западной Европы в первой половине XVIII в.** // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: Материалы Международ. науч. конф. / под ред. О. В. Воробьевой, О. Б. Леонтьевой, Ф. И. Маловичко, М. Ф. Румянцевой. – М., Аквилон, 2016. – С. 344–347.

184. **Инструкции В. Н. Татищева учителям горнозаводских школ Урала 1721–1736 гг.** // Документ. Архив. История. Современность. Материалы VI Международной научно-прак. конф. Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. – С. 298–302.

185. **Первые периодические издания Академии наук XVIII в. в Екатеринбургской библиотеке горного ведомства и немецкой школе** // Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика: материалы IV Всероссийской науч. конф. (Челябинск, 23–25 ноября 2016 г.) – Челябинск: ЧГИК, 2016. – С. 80–83.

186. Доношения Уральской администрации в высшие и центральные органы управления промышленностью о горнозаводских школах Урала (1720–1750) // Управление документацией [Электронный ресурс] : прошлое, настоящее и будущее : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 19-20 марта 2015 г. / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федер. гос. бюджетное образоват. учреждение высш. проф. образования "Рос. гос. гуманитарный ун-т", Ист.-арх. ин-т, Фак. документоведения и технотрон. архивов, Каф. документоведения, Ун-т Марии Кюри-Склодовской, Каф. архивоведения ; [отв. ред. Т. А. Быкова ; сост.: Ю. М. Кукарина, Е. А. Скрипко]. - Москва : РГГУ, 2015. - 545 с. - Режим доступа : <http://elib.lib.rsuh.ru/elib/000009821>. - Загл. с экрана. - ISBN 978-5-7281-1773-5.

187. Библиотека В. Н. Татищева в Екатеринбурге: история формирования и итоги реконструкции // Россия и западноевропейское просвещение. Сборник науч. работ / Российская национальная библиотека, Петровское историческое общество. – СПб., 2016. – С. 348–359.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Горнозаводские школы Урала как феномен Российской провинции первой половины XVIII в.	8
Документы об организации В. Н. Татищевым школ в слободах при горных заводах Урала в 20-х гг. XVIII в.	19
Обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 20-е годы XVIII века: политика властей.....	34
Роль В. Н. Татищева в распространении детской грамотности на казенных заводах Урала в 20-е и 30-е гг. XVIII в.	57
В. Н. Татищев и формирование сети арифметических школ на горнозаводском Урале в 1720-е —30-е гг.	64
Документы об изучении истории в первых иноязычных школах Екатеринбурга (1735—1750 гг.).....	87
В. Н. Татищев и организация первой школы рисования на Урале.....	100
Первая школа пения на горнозаводском Урале и ее книжное собрание (1735—1740-е)	120

В. Н. ТАТИЩЕВ И ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА В ГОРНО-ЗАВОДСКИХ ШКОЛАХ УРАЛА В 30-е гг. XVIII в.	141
ФОРМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. ..	177
В. Н. ТАТИЩЕВ И ПОДГОТОВКА МЕХАНИКОВ ДЛЯ ЗАВОДОВ УРАЛА И СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.	197
ПОДГОТОВКА УЧЕНИКОВ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ДЕЛА ДЛЯ ЗАВОДОВ УРАЛА В АКАДЕМИИ НАУК В 1735—1739 гг.	208
О НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ПРОЕКТАХ В. Н. ТАТИЩЕВА ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ГРАМОТНОСТИ И ШКОЛ В РОССИИ	218
ПРОЕКТ В. Н. ТАТИЩЕВА ПО ОТКРЫТИЮ ШКОЛ НА ЧАСТНЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА И ПОПЫТКА ЕГО ПРЕТВОРЕНИЯ В ЖИЗНЬ	239
В. Н. ТАТИЩЕВ О РОЛИ ПЕТРА I В РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ	288
Список публикаций А. М. Сафроновой.....	297

Научное издание

Сафронова Алевтина Михайловна

В. Н. Татищев как выдающийся деятель
просвещения в России первой половины XVIII в.:
к 330-летию со дня рождения

Верстка: *А. А. Сафронов*

Подписано в печать 23.12.2016 г.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага ВХИ. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 12,43 Усл. печ. л. 18,54 Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрФУ».
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.